

Psychology. Journal of the Higher School of Economics

Р ПСИХОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИКИ

В НОМЕРЕ

Киберпсихология нового
десятилетия

- «Бестелесность личности»
в виртуальной культуре
- Психология творчества
и одаренности

Том 18, №3

2021

ISSN 1813-8918 (Print)
ISSN 2541-9226 (Online)

Том 18. № 3 2021

ПСИХОЛОГИЯ

Журнал Высшей школы экономики

Учредитель

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Главный редактор

В.А. Петровский (НИУ ВШЭ)

Редакционная коллегия

Дж. Берри (Университет Куинс, Канада)
Г.М. Бреслав (Балтийская международная академия, Латвия)
Я. Вальшинер (Ольборгский университет, Дания)
Е.Л. Григоренко (МГУ им. М.В. Ломоносова и Центр ребенка Йельского университета, США)
В.А. Ключарев (НИУ ВШЭ)
Д.А. Леонтьев (НИУ ВШЭ и МГУ им. М.В. Ломоносова)
В.Е. Лепский (ИФ РАН)
М.Линч (Рочестерский университет, США)
Д.В. Люсин (НИУ ВШЭ и ИП РАН)
Е.Н. Осин (НИУ ВШЭ)
А.Н. Подольяков (НИУ ВШЭ)
Е.Б. Старовойтенко (НИУ ВШЭ)
Д.В. Ушаков (зам. глав. ред.) (ИП РАН)
М.В. Фаликман (НИУ ВШЭ)
А.В. Хархурин (НИУ ВШЭ)
В.Д. Шадриков (зам. глав. ред.) (НИУ ВШЭ)
С.А. Щебетенко (НИУ ВШЭ)
С.Р. Яголовский (зам. глав. ред.) (НИУ ВШЭ)

Экспертный совет

К.А. Абульханова-Славская (НИУ ВШЭ и ИП РАН)
Н.А. Алмаев (ИП РАН)
В.А. Барабаников (ИП РАН и МГППУ)
Т.Ю. Базаров (НИУ ВШЭ и МГУ им. М.В. Ломоносова)
А.К. Болотова (НИУ ВШЭ)
А.Н. Гусев (МГУ им. М.В. Ломоносова)
А.Л. Журавлев (ИП РАН)
А.В. Карпов (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)
П. Лучисано (Римский университет Ла Сапиенца, Италия)
А. Лэнгле (НИУ ВШЭ)
А.Б. Орлов (НИУ ВШЭ)
В.Ф. Петренко (МГУ им. М.В. Ломоносова)
В.М. Розин (ИФ РАН)
И.Н. Семенов (НИУ ВШЭ)
Е.А. Сергинко (ИП РАН)
Т.Н. Ушакова (ИП РАН)
А.М. Черноризов (МГУ им. М.В. Ломоносова)
А.Г. Шмелев (МГУ им. М.В. Ломоносова)
П. Шмидт (НИУ ВШЭ и Гиссенский университет, Германия)

ISSN 1813-8918; e-ISSN: 2541-9226

«Психология. Журнал Высшей школы экономики» издается с 2004 г. Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и поддерживается департаментом психологии НИУ ВШЭ. Миссия журнала — это

- повышение статуса психологии как фундаментальной и практико-ориентированной науки;
- формирование новых предметов и программ развития психологии как интердисциплинарной сферы исследований;
- интеграция основных достижений российской и мировой психологической мысли;
- формирование новых дискурсов и направлений исследований;
- предоставление площадки для обмена идеями, результатами исследований, а также дискуссий по основным проблемам современной психологии.

В журнале публикуются научные статьи по следующим основным темам:

- достижения и стратегии развития когнитивной, социальной и организационной психологии, психологии личности, персонологии, нейронаук;
- методология, история и теория психологии;
- методы и методики исследования в психологии;
- интердисциплинарные исследования;
- дискуссии по актуальным проблемам фундаментальных и прикладных исследований в области психологии и смежных наук.

Целевая аудитория журнала включает профессиональных психологов, работников образования, представителей органов государственного управления, бизнеса, экспертных сообществ, студентов, а также всех тех, кто интересуется проблемами и достижениями психологической науки.

Журнал выходит 1 раз в квартал и распространяется в России и за рубежом.

Выпускающий редактор Р.М. Байрамян
Редакторы О.В. Шапошникова, О.В. Петровская,
Д. Вонсбро. Корректура Н.С. Самбу
Переводы на английский К.А. Чистопольская,
Е.Н. Гаевская

Компьютерная верстка Е.А. Валуевой

Адрес редакции:
101000, г. Москва, Армянский пер. 4, корп. 2.
E-mail: psychology.hse@gmail.com
Сайт: <http://psy-journal.hse.ru/>

Перепечатка материалов только по согласованию с редакцией.

© НИУ ВШЭ, 2021 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Специальная тема выпуска: Киберпсихология нового десятилетия

А.Е. Войскунский. Вступительное слово	429
Г.У. Солдатова, А.Е. Войскунский. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики	431
И.М. Богдановская, А.Б. Углова, Н.Н. Королева. Психологические факторы доверия к популярным видеоблогерам у современной молодежи	451
Я. Амихай-Хамбургер, Ш. Эттар, Х. Гиль-Ад, М. Левитан-Гнат, Г. Раз. Личность и влияние рекламы с участием знаменитостей в Instagram (на английском языке)	468
Н.В. Богачева, В.Е. Епишин, А.В. Мильянская. Адаптация русскоязычной версии опросника мотивации игры в массовые многопользовательские ролевые онлайн-игры (ММОРПГ) Ника Йи	475

Статьи

А.Н. Исаева. «Бестелесность» личности в условиях виртуальной культуры	491
Б.Г. Ребзузев. Роль вовлеченности при возникновении ассоциации/контраста в оценках потребительской удовлетворенности	506
Г.Н. Солнцева. Ситуационный подход: типы ситуаций и психологические особенности	525
М.Г. Чеснокова. Диалектический метод и принцип восхождения от абстрактного к конкретному в теориях отечественной психологии	544
А.В. Торопова, Т.С. Князева. Изучение феномена «этно-слух»: восприятие «родной» и «чужой» музыки китайскими и российскими студентами вузов (на английском языке)	562

Обзоры и рецензии

О.А. Капцевич. Психологические эффекты визуального восприятия городской среды: систематический обзор	575
В.А. Мазилов, Ю.Н. Слепко. Способы и одаренность в психологии: современное состояние отечественных и зарубежных исследований	598
О.М. Разумникова. Нейрофизиологические механизмы решения экспериментальных творческих задач: инсайт и/или критический анализ?	623
С.Р. Яголовский, Б.П. Медведев. Психологические методы снижения функциональной фиксированности	643

Publisher
HSE University

ISSN 1813-8918; e-ISSN: 2541-9226

Editor-in-Chief

Vadim Petrovsky, HSE University, Russian Federation

Editorial board

John Berry, Queen's University, Canada

Gershons Breslavs, Baltic International Academy, Latvia

Maria Falikman, HSE University, Russian Federation

Elena Grigorenko, Lomonosov MSU, Russian Federation, and Yale Child Study Center, USA

Vasily Klucharev, HSE University, Russian Federation

Anatolii Kharkhurin, HSE University, Russian Federation

Dmitry Leontiev, HSE University and Lomonosov MSU, Russian Federation

Vladimir Lepskiy, Institute of Philosophy of RAS, Russian Federation

Martin Lynch, University of Rochester, USA

Dmitry Lyusin, HSE University and Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Evgeny Osin, HSE University, Russian Federation

Alexander Poddiakov, HSE University, Russian Federation

Sergei Shchebetenko, HSE University, Russian Federation

Vladimir Shadrikov, Deputy Editor-in-Chief, HSE University, Russian Federation

Elena Starozhutenko, HSE University, Russian Federation

Dmitry Ushakov, Deputy Editor-in-Chief, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Jaan Valsiner, Aalborg University, Denmark

Sergey Yagolkovskiy, Deputy Editor-in-Chief, HSE University, Russian Federation

Editorial council

Ksenia Abulkhanova-Slavskaja, HSE University and Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Nikolai Almav, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Vladimir Barabanschikov, Institute of Psychology of RAS and Moscow University of Psychology and Education, Russian Federation

Takhir Bazarov, HSE University and Lomonosov MSU, Russian Federation

Alla Bolotova, HSE University, Russian Federation

Alexander Chernorizov, Lomonosov MSU, Russian Federation

Alexey Gusev, Lomonosov MSU, Russian Federation

Anatoly Karpov, Demidov Yaroslavl State University, Russian Federation

Alfried Lönge, HSE University, Russian Federation

Pietro Lucisano (Sapienza University of Rome, Italia)

Alexander Orlov, HSE University, Russian Federation

Victor Petrenko, Lomonosov MSU, Russian Federation

Vadim Rozin, Institute of Philosophy of RAS, Russian Federation

Igor Semenov, HSE University, Russian Federation

Elena Sergienko, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Alexander Shmelev, Lomonosov MSU, Russian Federation

Peter Schmidt, HSE University, Russian Federation, and Giessen University, Germany

Tatiana Ushakova, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Anatoly Zhuravlev, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

«Psychology. Journal of the Higher School of Economics» was established by the National Research University «Higher School of Economics» (HSE) in 2004 and is administered by the School of Psychology of HSE.

Our mission is to promote psychology both as a fundamental and applied science within and outside Russia. We provide a platform for development of new research topics and agenda for psychological science, integrating Russian and international achievements in the field, and opening a space for psychological discussions of current issues that concern individuals and society as a whole.

Principal themes of the journal include:

- methodology, history, and theory of psychology
- new tools for psychological assessment;
- interdisciplinary studies connecting psychology with economics, sociology, cultural anthropology, and other sciences;
- new achievements and trends in various fields of psychology;
- models and methods for practice in organizations and individual work;
- bridging the gap between science and practice, psychological problems associated with innovations;
- discussions on pressing issues in fundamental and applied research within psychology and related sciences.

Primary audience of the journal includes researchers and practitioners specializing in psychology, sociology, cultural studies, education, neuroscience, and management, as well as teachers and students of higher education institutions. The journal publishes 4 issues per year. It is distributed around Russia and worldwide.

Managing editor *R.M. Bayramyan*

Copy editing *O.V. Shaposhnikova, O.V. Petrovskaya*,

N.S. Sambu, D. Wansbrough

Translation into English *K.A. Chistopolskaya*,

E.N. Gaevskaya

Page settings *E.A. Valueva*

Editorial office's address:

4 Armyanskiy pereulok, build. 2, 101000, Moscow, Russia.

E-mail: psychology.hse@gmail.com

Website: <http://psy-journal.hse.ru/>

No part of this publication may be reproduced without the prior permission of the copyright owner

© HSE University, 2021 r.

CONTENTS

Special Theme of the Issue. Cyberpsychology of the New Decade

A.E. Voiskounsky. Editorial (<i>in Russian</i>)	429
G.U. Soldatova, A.E. Voiskounsky. Socio-Cognitive Concept of Digital Socialization: A New Ecosystem and Social Evolution of the Mind (<i>in Russian</i>)	431
I.M. Bogdanovskaya, A.B. Uglova, N.N. Koroleva. Psychological Factors of Trust in Popular Video Bloggers among Modern Youth (<i>in Russian</i>)	451
Y. Amichai-Hamburger, S. Etgar, H. Gil-Ad, M. Levitan-Giat, G. Raz. Personality and the Impact of Celebrity Endorsements on Instagram	468
N.V. Bogacheva, V.E. Epishin, A.V. Milianskaya. Adaptation of the Russian Version of Nick Yee's Motivations of Play in Massively Multiplayer Online Role-playing Games (MMORPGs) Inventory (<i>in Russian</i>)	475

Articles

A.N. Isaeva. The “Disembodiment” of the Personality in the Context of Virtual Culture (<i>in Russian</i>)	491
B.G. Rebzuev. The Role of Involvement in the Occurrence of Assimilation/Contrast in Consumer Satisfaction Scores (<i>in Russian</i>)	506
G.N. Solntseva. Situational Approach: Types of Situations and Psychological Characteristics (<i>in Russian</i>)	525
M.G. Chesnokova. The Dialectical Method and the Principle of Ascent from the Abstract to the Concrete in the Theories of Russian Psychology (<i>in Russian</i>)	544
A.V. Toropova, T.S. Knyazeva. Considerations of the Phenomenon of “Ethno-Hearing”: The Perception of “Native” and “Alien” Music in Chinese and Russian University Students	562

Reviews

O.A. Kaptsevich. Psychological Effects of Urban Environment Visual Perception: A Systematic Review (<i>in Russian</i>)	575
V.A. Mazilov, Yu.N. Slepko. Abilities and Giftedness in Psychology: The Current State of Domestic and Foreign Studies (<i>in Russian</i>)	598
O.M. Razumnikova. Neurophysiological Mechanisms of Solution of Experimental Creative Problems: Insight or/and Critical Analysis? (<i>in Russian</i>)	623
S.R. Yagolkovskiy, B.P. Medvedev. Psychological Methods to Loosen Functional Fixedness (<i>in Russian</i>)	643

Специальная тема выпуска:
Киберпсихология нового десятилетия

Приглашенный редактор – А.Е. Войскунский

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

«Психология. Журнал Высшей школы экономики» в третий раз инициирует специализированный выпуск статей по психологии Интернета, или киберпсихологии. Предыдущие выпуски такой тематики появились в 2011 г. (№ 4) и в 2015 г. (№ 1). За прошедшие 10 лет, в особенности в самые последние годы, киберпсихологические спецвыпуски публиковал также целый ряд психологических журналов. Это не удивительно: цифровые технологии занимают одно из центральных мест в современной действительности. А под киберпсихологией принято понимать отрасль психологии, которая изучает методологию, теорию и практику исследования видов, способов и принципов применения людьми доступных в киберпространстве социальных сервисов Интернета. Основными видами деятельности, которыми занимаются пользователи Интернета (и потому интересными для психологов), являются познание, общение и игра. Хотя игра соотносится с развлекательной деятельностью, но объемно исследуется именно гейминг, куда меньше – процессы выбора и прослушивания музыкальных групп, просмотра видеороликов и стриминговых сериалов, других онлайн-развлечений.

Поскольку к началу текущего десятилетия пользователями Интернета являются большинство россиян, стало возможным применение самых разнообразных методических материалов и проведение массовых исследований. Количество научных публикаций в области киберпсихологии растет. Это можно объяснить целым рядом факторов, не в последнюю очередь – пандемией коронавируса, ввиду которой миллионы людей, зачастую вовсе того не желая, вынуждены учиться, работать, коммуницировать, делать покупки, вести деловые переговоры, участвовать в религиозных обрядах, играть в видеоигры и развлекаться непременно и единственno в режиме онлайн.

В киберпсихологическом спецвыпуске на этот раз – четыре статьи. Открывается он теоретической статьей Г.У. Солдатовой и А.Е. Войскунского «Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики». В статье представлено понимание процесса социализации, актуальное для современной динамичной эпохи с характерным для нее убыстренным развитием цифровых технологий и их доступностью для

людей едва ли не всех возрастов и компетенций. Цифровая социализация добавляется к традиционной социализации, формируя расширенную и «достроенную» личность, вооруженную гаджетами и постоянно подключенную к Интернету, обитающую как в обычной, так и в дополненной/виртуальной реальности. Анализ ведется с позиций культурно-исторической психологии; предлагаются обширная и актуальная платформа исследовательской деятельности.

Со статьей «Психологические факторы доверия к популярным видеоблогерам у современной молодежи» выступают психологи из Санкт-Петербургского педагогического университета имени А.И. Герцена – И.М. Богдановская, А.Б. Углова и Н.Н. Королева. Обращение к практике ведения видеоблогов набирающими популярность медиафигурами представляет собой новый для психологической науки вид тематики, тем более с такой важной для самих влогеров и для их подписчиков точки зрения, как доверие со стороны аудитории. Координация в исследовании экспериментальных, опросных и психоdiagностических методов позволила авторам установить ряд любопытных фактов относительно психологической структуры такого параметра, как доверие зрителей к видеоблогеру.

Статья «Personality and the Impact of Celebrity Endorsements on Instagram» подготовлена группой израильских психологов (Y. Amichai-Hamburger, Sh. Etgar, H. Gil-Ad, M. L. Giat, G. Raz) во главе с Я. Амихай-Хамбургером, профессором школы изучения коммуникаций и организатором исследовательского центра изучения психологии Интернета при Герцлийском междисциплинарном центре. Я. Амихай-Хамбургер – один из наиболее известных психологов Интернета, автор множества статей и книг на английском языке по тематике воздействия цифровых технологий на личность. Статья о возможном влиянии – посредством Инстаграма – «селебритис» (т.е. знаменитостей или просто известных персон) на консюмеристское (покупательское) поведение участников социальных сетей – первая публикация в нашей стране авторитетного израильского киберпсихолога.

Н.В. Богачева, В.Е. Епишин и А.В. Мильянская (Медицинский университет имени И.М. Сеченова) представили методическую статью «Адаптация русскоязычной версии опросника мотивации игры в массовые многопользовательские ролевые онлайн-игры (ММОРПГ) Ника Йи». Работа выполнена с согласия американского (из Тайваня) киберпсихолога Н. Йи, автора ряда статей и монографии, систематически опирающегося в своей аргументации на результаты опросов в режиме онлайн с участием десятков тысяч респондентов.

Московские психологи адаптировали на русском языке мотивационный опросник для «ролевиков» – геймеров, увлеченных ролевыми многопользовательскими играми. Выполнив психометрическую работу, авторы статьи обогатили набор доступных заинтересованным специалистам методических средств изучения мотивации ролевиков: опросник и ключи к нему помещены в приложении к статье. С учетом популярности во всем мире ролевых игр открывается также перспектива организации сравнительных межэтнических исследований.

СОЦИАЛЬНО-КОГНИТИВНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЦИФРОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ: НОВАЯ ЭКОСИСТЕМА И СОЦИАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ПСИХИКИ

Г.У. СОЛДАТОВА^{a,b}, А.Е. ВОЙСКУНСКИЙ^a

^a Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1

^b Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 119571, Россия, Москва, просп. Вернадского, д. 84

Резюме

В рамках трансдисциплинарного подхода и с опорой на многолетние эмпирические исследования разработана социально-когнитивная концепция цифровой социализации, отражающая процесс адаптации изменяющегося человека к возможностям и рискам динамичной социотехнологической среды. Ключевой элемент концепции цифровой социализации — гиперподключенная, технологически достроенная цифровая личность как часть личности реальной; она отражает современный этап социальной и когнитивной эволюции человеческой психики, когда развивающееся сознание фактически сращивается с внешними орудиями (гаджетами) и знаковой реальностью (Интернетом). Цифровые технологии интегрируются в нашу когнитивную и социальную систему, определяя цифровое расширение (достройку) человека. Ключевые измерения цифровой социализации — гиперподключенность к Интернету, смешанная реальность, расширенная личность и цифровая социальность. Существование в смешанной реальности и гиперподключенности к Интернету — не только базовые и определяющие характеристики цифровой социализации взрослого, и ребенка, но и главная основа изменений, которые происходят сегодня с человеком. Расширенное Я — постоянно развивающееся и совершенствующееся культурное орудие — формируется в своем социотехнологическом воплощении и меняет экосистему человека. Формирующаяся и трансформирующаяся личность расширяется и вбирает в себя в качестве значимого звена техносистему, способствующую реализации психологических механизмов экстерноризации и включающую цифровые устройства и компьютерные программы вместе со способами их применения. Новый антропологический тип цифрового человека — «человек подключенный и достроенный» — обитает во многих реальностях и взаимодействует уже и с неживыми системами (чат-ботами, бытовыми роботами и др.): требуется смена парадигм, обновление теоретико-методологических моделей. Это определяет кумулятивность теоретико-методологического подхода, главной опорой которого выступает разработанная Л.С. Выготским и его последователями культурно-историческая теория развития психики, впитавшая в себя классические и современные гуманитарные и естественно-научные концепции. Данный подход — перспективный базис для исследования особенностей цифровой реальности, способный выдержать вызовы «новой нормальности».

Ключевые слова: социализация, цифровая социализация, трансдисциплинарность, культурно-историческая психология, экстерноризация, техносистема, гиперподключенность, расширение личности, достроенное Я, смешанная реальность, новая нормальность, цифровая социальность.

Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 18-18-00365 «Цифровая социализация в культурно-исторической перспективе: внутрипоколенческий и межпоколенческий анализ».

Введение

Для истории человечества развитие постиндустриальной цивилизации сначала как информационной (Тоффлер, 2002), а в настоящее время как сетевой и переходящей в цифровую эру (Кастельс, 2016), подобно смене геологических эпох в истории Земли. Кардинальные изменения образа жизни человека произошли и продолжают происходить в контексте последствий третьей индустриальной революции, начавшейся в 1960-е гг. (Шваб, 2016). На глазах ныне живущих представителей старших поколений произошел впечатляющий технологический переход от аналогового мира к цифровому; молодежь, подростки и дети, а также родители современных детей – активные участники изменения образа жизни под влиянием цифровых трансформаций.

Их результатом стало не только появление новых устройств и технологических возможностей, но и бурное развитие различных цифровых пространств, определяющих новые формы социального взаимодействия между их участниками. Постоянные спутники современного человека – смартфон и компьютер – на первый взгляд кажутся лишь частью обычной жизни. Но уникальность цифровой эпохи в том, что у различных поколений традиционные формы социализации не только соседствуют, но все чаще дополняются, конкурируют и частично замещаются новыми формами обретения жизненного опыта – цифровой социализацией. Особенно активно это взаимодействие происходит у современных детей и подростков – передового отряда человечества по освоению цифровых технологий (Солдатова и др., 2017).

Термин «цифровая социализация» недавно введен в научный дискурс и рассматривается как опосредованный инфокоммуникационными технологиями процесс овладения и присвоения индивидом социального опыта и социальных связей, которые он приобретает в онлайн-контекстах, воспроизведение этого опыта и социальных отношений в множественной реальности окружающего мира (Солдатова, 2018). В контексте изучения подрастающего поколения этот термин все чаще употребляется наряду с «информационной социализацией» (Е.П. Белинская, Т.Д. Марцинковская, С. Ливингстон, Ш. Тёркл и др.).

Для понимания психологических особенностей взаимодействия человека с цифровыми технологиями и векторов его социального развития в современном обществе необходимо формирование рабочей концепции цифровой социализации, обеспечивающей теоретико-методологическую основу исследования динамичного процесса адаптации меняющегося человека к непрерывно меняющейся повседневности. Такая задача требует перехода из контекста моно- и междисциплинарных исследований в контекст трансдисциплинарности, что открывает возможности взаимодействия разных дисциплин при изучении сложных проблем развития человека, технологий и общества и построения концепции цифровой социализации.

Термин «трансдисциплинарность» как следующий вслед за междисциплинарным подходом этап научных исследований был представлен Жаном Пиаже еще в 1970 г. как подход, определяющий отношения внутри глобальной

системы научных знаний без строгих границ между дисциплинами. Современные исследователи отмечают, что трансдисциплинарность как «конструкт, несущий пафос подвижности, полноты и целостности знания» означает «движение сквозь дисциплины», их «созидательный полилог» предполагает прежде всего «установку на открытость», «демократичность знания и его полифонию» и в связи с этим — изменение стиля научного мышления в цифровую эпоху (Бажанов, 2015; Гусельцева, 2015; Клочко, 2012).

В XXI в. трансдисциплинарность обладает потенциалом определять облик науки в недалеком будущем и предлагать обоснованные способы решения ключевых комплексных проблем природы и общества путем взаимодействия различных научных дисциплин. В трансдисциплинарном контексте уже развиваются проекты, связанные с проблематикой генома, нейроинтерфейсом, искусственным интеллектом, проблемой сознания. Трансдисциплинарный подход позволяет подойти к анализу сложной проблемы социализации в условиях множественной реальности в разных средах (реальностях) — в физическом мире и в символном пространстве Интернета, одновременно на когнитивном и социальном уровнях, а также в контексте эволюции общества в целом.

В данной статье с опорой на психологию и на основе трансдисциплинарного подхода представлены итоги усилий в области разработки теоретической концепции цифровой социализации по влиянию цифровых трансформаций на человека и его поведение. Такая концепция необходима для понимания проблемного феноменологического поля, определяемого включенностью представителей разных поколений в процессы цифровых трансформаций; концепция позволяет соотносить «старые» (относящиеся к традиционной социализации) и новые «цифровые» понятия, феномены и смыслы. Такое соотнесение, выполненное в контексте полученных в последние годы эмпирических фактов, — это перспектива генерировать гипотезы для новых исследований в условиях роста сложности, неопределенности, непредсказуемости и стремительных изменений не только окружающего мира, но и самого человека (Асмолов, 2018; Асмолов, Асмолов, 2019).

Разработка концепции предполагает поиск ответов на следующие вопросы. Какова теоретико-методологическая основа, позволяющая в трансдисциплинарном ключе исследовать проблему взаимодействия человека с цифровыми технологиями и вопросы социальной эволюции психики в постоянно изменяющемся мире? Можно ли говорить о новой экологической системе существования человека в условиях стремительных цифровых трансформаций и роста «гиперподключенности» к Интернету? Каковы основные измерения цифровой социализации, определяющие особенности и векторы ее формирования и характеризующие человека как субъекта социализации в цифровой среде?

Цифровая социализация: методологические подходы

Понимание технологий как культурных орудий и первые заметные изменения привычных форм социального взаимодействия под влиянием цифровых

трансформаций побудили исследователей обратиться к идеям Л.С. Выготского (Войскунский, 2010; Коул, 1997; Griffin et al., 1992). Авторы данной статьи, занимаясь киберпсихологией, с годами укрепились во мнении, что методологической базой изучения социализации в цифровом мире должна оставаться культурно-историческая психология Л.С. Выготского, заложившая основу анализа познавательной деятельности человека как результата взаимодействия с объектами окружающего мира и как продукта исторического социального развития людей (Выготский, 1982). Усиливает эту методологию историко-эволюционный подход А.Г. Асмолова, позволяющий рассматривать механизмы развития психики и личности в контексте эволюции общества в эпоху роста неопределенности, волатильности и сложности трансформирующихся структур, ориентированных на непредсказуемое будущее (Асмолов, 2018; Асмолов, Асмолов, 2019).

Лучше понять процессы социализации в современном мире позволяет оптика гипотезы «новой нормальности», предложенная в период экономического кризиса 2008 г. для объяснения явлений в период перемен и трансформаций общества и связанная с разрушением старых стандартов и норм (Buheji, Sisk, 2020). В период пандемии эта гипотеза вновь вышла на первый план. Под «новой нормальностью» сегодня понимают не только экономические, но и социальные и психологические изменения в разных сферах жизни. Оптика «новой нормальности» требует смены привычного взгляда на окружающий мир, нового набора правил и идей. Дискурс «новой нормальности» направлен на переосмысление прошлого и утверждение в качестве стандарта настоящего. В этом контексте исчезает понимание «нормальности» в прежнем смысле. Важнейший тренд «новой нормальности» в VUCA-мире — это цифровые трансформации, определяющие перестройку нашей повседневности и меняющие картину мира. Применительно к процессу социализации новая нормальность означает, что ранее принятые образцы и законы успешной социализации, а также нормы психологии и педагогики развития, задававшие рамки формирования личности от рождения до смерти, перестают соответствовать духу времени (Солдатова, 2018).

Вышесказанное добавляет остроты вопросу о применении норм доцифрового детства к современному ребенку. В «новой нормальности» норма динамична и не константна. Действительно, изменившаяся социальная ситуация развития человека требует пересмотреть взгляды на процессы социализации, способствующие адаптации в технологически насыщенном, стремительно трансформирующемся обществе. Последователи У. Бронfenбреннера, автора теории экологических систем, который развивал концепцию социальной ситуации развития Л.С. Выготского (Bronfenbrenner, 1979, 2004), между развивающейся личностью и четырьмя известными системами (микро-, мезо-, экзо- и макросистемами) поставили еще одну — техносистему, состоящую из многочисленных цифровых устройств, различного рода программ, цифровых платформ и сред: она рассматривается как результат изменения экосистемы человечества в условиях цифровых трансформаций (Johnson, Puplampuri, 2008). Результаты наших исследований подтверждают, что техносистема ста-

новится важнейшей частью современной культуры, главным опосредующим звеном в сложном хронотопе существования личности в современном мире и значимой частью экосистемы формирующейся личности (Солдатова и др., 2017). В частности, исследования свидетельствуют, что техносистема, опосредуя взаимодействие ребенка с окружающим миром, снижает возможности конструирования значимыми взрослыми цифрового детства в целом и в частности зоны ближайшего развития ребенка — все эти процессы происходят сегодня по иным законам, нежели у представителей предыдущих поколений (Там же).

Рассмотрение техносферы как важной части новой системы экологии человека продолжают работы в такой быстро развивающейся области трансдисциплинарных исследований, как медиаэкология, или экология средств коммуникации (Маклюэн, 2005; Кастельс, 2016). М. Маклюэн подчеркивал, что средство передачи сообщения (артефакт) не менее существенно, чем содержательная сторона передаваемого сообщения (контент) (Маклюэн, 2007). Признавая составным элементом коммуникативной культуры всякий артефакт, посредничающий в акте передачи контента, медиаэкологи значительно развили проблематику коммуникативного опосредования, обозначив в качестве «внешних расширений» (М. Маклюэн) человека такие технологии, как письменность, книгопечатание или телевидение; в настоящее время это в первую очередь интернет-технологии. Оформляющаяся ныне «экология артефактов» вносит заметный вклад в прогресс нейрокогнитивных наук, в том числе в понимание особенностей цифровой социализации (А.Г. Асмолов, М. Коул, Л. Малафурис, М.В. Фаликман и др.).

На сегодняшний день наполнение техносистемы — это не только компьютеры и смартфоны, социальные сети, мессенджеры, облачные хранилища, электронные книги, видеоигры, электронные игрушки, программы искусственного интеллекта и др., но и способы работы с ними. При этом техносистема как совокупность технологий — это установление активного интерфейса (набора средств) индивида, *подключенного или гиперподключенного к Интернету как сложному и многофункциональному инструменту*, с окружающим миром; это также тот мост, который определяет конвергенцию двух главных существующих сегодня реальностей — онлайн и офлайн — и служит основой формирования *смешанной, или совмещённой, реальности*.

Согласно одному из ключевых положений культурно-исторической психологии, деятельность опосредствована внутренними и внешними «искусственными приспособлениями», которые «по аналогии с техникой могут быть по справедливости условно названы психологическими орудиями или инструментами» (Выготский, 1982, с. 103). В соответствии с культурно-историческим подходом эти орудия, социальные по своей сути, возникают и осваиваются в процессе социализации, помогая индивиду овладевать собственными психическими процессами и преобразовывать их. Цифровые устройства и цифровые платформы как культурные средства (орудия) «подключенного» индивида опосредуют психические функции, новые виды деятельности и социального взаимодействия, новые культурные практики (А.Г. Асмолов, А.Е. Войскунский,

В.П. Зинченко, М. Коул, Дж. Макгонигал, О.В. Рубцова, Г.У. Солдатова, О.К. Тихомиров, М.В. Фаликман, Ю. Энгестрём, С. Ливингстон, Ш. Тёркл и др.).

Важнейшая составляющая техносистемы — знаковая реальность пространства Интернета, представленная в многочисленных онлайн-средах. Л.С. Выготский отводил наиболее значимое место семиотическим орудиям — знакам и знаковым системам. В связи с этим следует говорить не просто о техносистеме, а об Интернете, понимаемом как социотехническая система взаимосвязанных элементов цифровых технологий, опирающаяся на знаковые системы. В соответствии с мемом «The medium is the message», или «средство передачи сообщения есть сообщение» (М. Маклюэн), цифровые устройства сочетают в себе орудийные и знаковые компоненты (Рубцова, 2019). Усложняющиеся семиотические системы — важнейший фактор, способствующий развитию и трансформации высших психических функций. Тем самым с психологической точки зрения применение Интернета — современный этап знакового опосредствования деятельности.

Л.С. Выготский, говоря о психологических орудиях, проводит аналогию с техникой: «Будучи включено в процесс поведения, психологическое орудие так же видоизменяет все протекание и всю структуру психических функций... как техническое орудие видоизменяет процесс естественного приспособления, определяя форму трудовых операций» (Выготский, 1982, с. 103). Психолого-генетический (в понимании Л.С. Выготского) анализ показывает, каким образом предназначенные для подчинения внешней среды орудия способствуют развитию психических аналогов и внутренних (психологических) орудий, опираясь на которые человек занимается переструктурированием техносистемы и тем самым преобразует собственную психику.

Цифровые орудия отличны от традиционных: они многофункциональны, совмещают сигнальные и контрольные функции, обладают элементами искусственного интеллекта, персонализированы, мобильны, могут быть использованы в режиме обучения и при принятии решений; будучи орудийными помощниками, они являются знаковыми инструментами.

Так, в процессе «традиционной» социализации интернализированные психологические орудия (собственно язык и правила общения, цифры для счета, схемы, диаграммы, письмо, мнемотехнические приемы и др.), формирующиеся в результате трансформации внешних социальных форм во внутренние, в итоге становятся индивидуальным свойством и способностью к новым для индивида когнитивным и социальным действиям вовне. Таким образом, сознание индивида экстернализуется — «размыкается» во внешний мир.

Экстерналистская философско-методологическая позиция привлекает внимание исследователей в связи с дискутируемым представлением о расширенном сознании, согласно которому в формировании высших психических функций и психических состояний принимает участие не только мозг человека, не только его тело, но и объекты окружающей среды (например, письменные источники или электронные гаджеты), в том числе разнообразные технологические артефакты, взаимодействие с которыми расширяет сознание за

пределы организма. Организм и объект создают спаренную систему, которая может рассматриваться как общая когнитивная система (Clark, Chalmers, 1998). Подобная позиция, однако, представляется однобокой (Иванов, 2019; Файола и др., 2016). Предложенный Л.С. Выготским культурно-исторический подход на самом деле удовлетворяет основным критериям обоснования теории расширенного сознания и представляет, по мнению Д.В. Иванова, *активный социальный экстернализм*. Это выгодно отличает данный подход как от концепции экстернализма, разработанной Э. Кларком и Д. Чалмерсом, в которой не уделяется должного внимания социальным формам развития психики, равно как и от заявленных в философской литературе вариантов социального экстернализма, поскольку они исходят при этом не более чем из пассивной роли социума в формировании когнитивных процессов (Иванов, 2019).

Культурно-историческая психология обращена к активным социальным формам развития психики. Это существенно для построения концепции цифровой социализации: с одной стороны, рассматривается активность личности как социального субъекта, с другой — онлайн-пространство выступает активной, убеждающей и влиятельной социально-технологической средой, направленной на «улучшение» («enhancement») человека, в определенном смысле — на развитие «постчеловека» и «постчеловечества» (Файола и др., 2016). Такой взгляд позволяет говорить о соединении когнитивного и социального, основой которого становится *цифровое расширение личности современного человека*, в значительной степени определяющее новые правила восприятия своего социального Я и особенности социального взаимодействия — т.е. построения *новой социальности — цифровой*. Доказательства этого мы видим в уже зафиксированных эффектах или феноменах. Например, в «эффекте Юлия Цезаря», когда технологический рост, насыщенная информационная среда, множественная и смешанная реальность, требования нового образа жизни заставляют и взрослых, и детей все чаще действовать в формате многозадачности вне зависимости от их способностей к такому формату (Солдатова и др., 2020). Или в «Гугл-эффектах», когда содержание нашей памяти ассоциируется с содержанием поисковых систем и рассматривается как достояние человека, а способность к эффективному поиску повышает самооценку: люди начинают оценивать себя выше в сравнении с теми, кто выполняет задание, не прибегая к поиску в файлах или на сайтах (Sparrow et al., 2011). Или «эффект iPhone»: при короткой беседе незнакомых ранее людей степень их взаимопонимания и доверия друг другу снижается, когда в поле их зрения демонстративно размещают смартфон (Przybylski, Weinstein, 2013).

Такого рода трансформации высших психических функций, а также *цифровую социальность* как продукт цифровой социализации следует рассматривать как часть глобального эволюционного процесса — результата социокультурной эволюции психики, происходящей в процессе адаптации человека к многоаспектной и насыщенной цифровой среде посредством поиска новых способов управления памятью, вниманием, мышлением и социальным познанием. Это психологическая основа новой экологической среды современного человека.

Все эти процессы отчетливо видны при исследовании цифрового детства. В контексте взаимодействия традиционной и цифровой социализации ребенок одновременно, во-первых, овладевает собственными когнитивными процессами с помощью психологических орудий, которые он осваивает с помощью взрослых в процессе взаимодействия, а во-вторых, создает новые способы управления своими когнитивными процессами посредством цифровых инструментов как культурных орудий, которые он нередко осваивает самостоятельно или при недостаточном посредничестве со стороны значимых взрослых (Солдатова и др., 2017).

Таким образом, рассматривая цифровую социализацию в целом как процесс адаптации изменяющегося человека к возможностям и рискам динамичной социотехнологической среды, среди основных характеристик современного человека как субъекта цифровой социализации и ее главных измерений мы выделяем гиперподключенность к Интернету как к многофункциональному орудию, активность человека как субъекта деятельности в смешанной/совмещенной реальности, социотехнологическую достройку, или расширение личности, и цифровую социальность. На их анализе мы подробнее остановимся ниже.

Цифровая социализация в условиях гиперподключенности и конвергенции онлайн- и офлайн-миров

Одна из важных особенностей современных поколений — высокая оснащенность цифровыми устройствами, подключенными к Интернету. Таким образом, главный актор современного мира — человек «подключенный», который «всегда на связи». Все чаще говорится о «гиперподключенности» (Brubaker, 2020; Otrel-Cass, 2019), которая соответствует высокому уровню пользовательской активности и максимальным показателям «экранного времени», проведенного перед экранами смартфона, компьютера или планшета (Brubaker, 2020; Otrel-Cass, 2019; Floridi, 2015). По нашим данным, показатель гиперподключенности в 2019 г. у российских подростков и взрослых достигал 8–10 часов в сутки, что соответствует половине времени бодрствования человека. Наблюдая за этим показателем с 2009 г., мы зафиксировали отчетливую тенденцию его роста (Солдатова и др., 2017). Например, за 6 лет (2013–2019) уровень гиперподключенности у подростков и их родителей вырос более чем в два раза. В 2019 г. гиперподключенным был каждый четвертый подросток 14–17 лет (Солдатова, Рассказова, 2020). Во время пандемии в 2020 г. уровень цифровой «подключенности» вырос и стал одним из важнейших факторов, определяющих образ жизни современного человека.

Достичь уровня гиперподключенности — это как «перейти Рубикон», пройти точку невозврата: человек начинает проводить в цифровом мире не просто часть своей жизни, а время, сопоставимое с его активностью в реальном мире. Возникает закономерный вопрос: сказывается ли подобный стиль жизни на формировании мозговых механизмов? Исследования в этой области ведутся. Так, опубликованы данные, согласно которым количество экранного

времени (просмотр телевизора и видео, участие в компьютерных играх, набор текстов, участие в видеочатах и в социальных сетях) — достаточно значимый фактор, возможно, определяющий анатомическое развитие головного мозга подростка (Paulus et al., 2019).

Посредством подключенности к Интернету мир превращается в совмещенную или смешанную реальность (Войскунский, 2010; Floridi, 2015; Skarbez et al., 2021). До сих пор эта тема была значима в основном в технологической плоскости, но сегодня все отчетливее осознается, что представления о реальности постоянно изменяются, а границы между реальностями онлайн и офлайн все больше размываются. Действительно, можно совместить прогулку со стримом о прогулке, во время ланча смотреть спортивное соревнование и обмениваться комментариями с другими зрителями, на школьном уроке играть в компьютерную игру. В 2019 г. каждый второй российский ребенок и каждый пятый взрослый осознавали, что живут в смешанной онлайн/оффлайн-реальности (Солдатова, Рассказова, 2020). Еще недавно не выглядели нелепыми споры о том, сколько часов в день допустимо проводить онлайн, а детей наказывали лишением «компьютерного» времени. Теперь же многие владельцы смартфонов фактически круглосуточно «на связи» (онлайн), не переставая при этом заниматься бытовыми делами (оффлайн).

Не случайно Л. Флориди вводит термин «onlife» (Floridi, 2014, p. 43), обозначающий смешение реальностей. Перспектива onlife обещает изменить массовые представления о материальной и нематериальной стороне жизнедеятельности и в целом о разных и пересекающихся реальностях (Otrel-Cass, 2019; Floridi, 2015). В смешанной реальности объединены и привычная, и виртуальная (частично или полностью формируемая компьютером), и дополненная (augmented) реальности, последняя включает виртуальный контент, наложенный на реальную среду. В промежутке между «реальной виртуальностью» и «виртуальной реальностью» формируются индивидуальное ощущение «присутствия» (presence) в смешанной среде и способность к иммерсии (погружению) в нее (Войскунский, 2010).

Смешанная реальность как социальное и психологическое пространство жизнедеятельности человека — перспективная область научного поиска. Одной из важных попыток осмыслиения данного феномена является исследование возможности переноса психологических феноменов и конкретных навыков и умений из онлайн в офлайн, и наоборот. Данной задаче посвящены работы Н.В. Авербух, Б.Б. Величковского, Дж. Ланье, Дж. Макгонигал, Г.Я. Меньшиковой, М. Алканиса, С. Бушара, Х. Эршона, Дж. Ривы, М. Слэйтера и др. Так, удалось доказать воздействие на параметры самооценки испытуемых в онлайн-среде и сохранить в физической реальности зафиксированный онлайн-эффект снижения либо повышения самооценки; данный результат получил название «эффект Протея» — древнегреческого бога, способного являться в разных обличиях (Yee, 2014).

Среда onlife обитания взрослых и детей, источник их развития и важнейший фактор социализации, соединяет традиционную социализацию с цифровой. Только посредством соединения этих аспектов социализации возможна

адаптация к смешанной реальности современного мира. Смешанная реальность — особенно в условиях пандемии — становится типичной средой обитания взрослых и детей, пространством их социализации, объединяющим «традиционные» и цифровые аспекты. Вопреки нередко звучащему мнению, согласно которому это единое информационное пространство, заметим, что смешанная реальность не ограничивается поиском и предоставлением информации, это реальность одновременно интеллектуальной и эмоциональной активности, социальных контактов, учебы, личностного роста, формирования чувства уверенности в себе и компетентности, а также условного присутствия реально отсутствующих значимых людей.

Пытаясь исследовать специфику смешанной реальности, мы выявили, что рост «подключенности» позволяет говорить не просто о количественном накоплении экранного времени, а о трансформации пользовательской активности как отдельной от онлайн-деятельности в новые формы деятельности в смешанной реальности. На объективном уровне это проявляется в дополнении различной онлайн-активностью многих видов привычных повседневных активностей в физическом мире, не требующих высокой концентрации внимания (например, прием пищи, переезды в транспорте и др.). А на субъективном уровне — в переживании подростками реальности как смешанной, а не разделенной на онлайн и офлайн (Солдатова, Рассказова, 2020).

Н.Н. Вересов, анализируя категорию «переживание» в культурно-исторической психологии, отмечает, что Выготский определяет переживание как своеобразную преломляющую призму, благодаря которой те или иные компоненты социальной среды приобретают направляющее значение в ходе развития (Вересов, 2016, с. 141). Именно переживание как эмоциональное и когнитивное отношение субъекта к среде и деятельности в ней (Василюк, 1984), как важный механизм социализации, особенно для детей и молодежи (Марцинковская, 2009), может рассматриваться в качестве психологической единицы анализа субъективного восприятия смешанной реальности, а также не только онлайн-, но и онлайн-сред.

Гиперподключенность к Интернету и пространство смешанной реальности — фундаментальные характеристики «новой нормальности». Именно на них опираются основные новации цифровой эры, которые сказываются — порой неожиданным образом — на психологических состояниях современного человека.

Технологическое и психологическое расширение человека: достроенное Я

Новая экология артефактов способствует преобразованию не только когнитивных, но и личностных характеристик. Ключевым результатом цифровой социализации является цифровая личность. Феномен личности как одно из центральных и интегративных понятий в психологии становится еще более сложным, чем он был до цифровой эпохи. Несмотря на то что цифровая личность — это важнейшая составляющая «новой нормальности», изучение ее

как целостного интегративного образования только начинается. Важнейшим ракурсом такого подхода должно стать исследование цифровой личности как важнейшего дополнения реальной личности современного человека.

Обобщая исследования киберличностей, «цифровых двойников», «цифровых близнецов», «виртуальных личностей», «сетевых самостей» и других обозначений цифровой личности, ее можно рассмотреть, во-первых, как процесс и результат постоянной оцифровки практических всех сторон нашей жизни, во-вторых, как цифровую идентификацию личности (все учетные записи, блоги, реквизиты и др.), в-третьих, как сложный результат воздействия на человека киберпространства (в том числе «новых медиа» — социальных сетей, блогосферы, электронных СМИ и др.). Наконец цифровая личность — это еще и принадлежащие человеку и подключенные к сети цифровые устройства. Все перечисленное в контексте нашего методологического подхода рассматривается как *экстернализация человека посредством техносистемы* — через его внешние расширения, продолжения и достройки (Л.С. Выготский, М. Маклюэн, О.К. Тихомиров, Л. Флориди и др.). Все они имеют общую основу, определяющую основные механизмы формирования и активности цифровой личности, и в то же время персонализированы в силу индивидуальных особенностей реальной личности.

Процесс расширения человека начался не сегодня. Так, неандертальец уже около 100 тысяч лет назад стал «расширяться», когда впервые использовал камень как орудие или нарисовал свой первый наскальный рисунок. В процессе социальной эволюции усложнение способов деятельности человека и достройка его посредством технологий идут параллельно. На пути к становлению творцом биосферы и ноосферы человек начал достраивать орудиями охоты и труда свою руку, различными изобретениями — сенсорные системы (пример — достройка глаза: от лупы до микроскопов и телескопов), одеждой — системы терморегуляции (Фейгенберг, 2011). Представления о расширении человека часто встречаются в сказках и мифах, а Маклюэн (2007) описывал технологические артефакты, выступающие в роли средств коммуникации как внешние продолжения человека.

В процессе своего непрерывного расширения человек сделал самый значительный шаг именно в эпоху цифровых трансформаций. Индивид в «новой нормальности» — человек, существенно расширенный за пределы своего организма, что предполагает значительное расширение его возможностей по сравнению, например, с аналоговой эпохой.

Цифровые технологии способствуют не только когнитивной, но и, например, локомоторной активности — упомянем экзоскелеты и другие бионические протезы, в том числе устройства преобразования цвета в звук для помощи страдающим цветовой слепотой: невоспринимаемый цвет переводится в звуковые волны, а человек обучается воспринимать встреченные объекты цветными или хотя бы раскрашенными (Файола и др., 2016). Имеются и более усовершенствованные протезы. Поистине, цифровые артефакты способны «расширить возможности сенсорной, нейрокогнитивной или скелетно-мышечной систем человеческого организма» (Там же, с. 150).

Технологические расширения и достройки современного человека позволяют ему активно осваивать среду как онлайн, так и офлайн и чувствовать себя адекватно в смешанной реальности. В качестве эволюционного наименования активно расширяющихся посредством цифровых технологий, как бы «достраивающих» себя поколений предложено говорить о *Homo sapiens perimplens* — «человеке достроенном» (Фейгенберг, 2011). Таким образом, человек расширенный или достроенный — еще одно измерение цифровой социализации и значимая характеристика «новой нормальности». Такие расширения становятся частью, неотъемлемой принадлежностью человека и именно так начинают восприниматься, о чем свидетельствуют результаты исследований (Асмолов, Асмолов, 2019; Солдатова и др., 2017; Файола и др., 2016). Не только преимущества, но и необратимость этого процесса и возможную драму описал И.М. Фейгенберг: «Человек достроенный — это единый организм, а не организм, просто использующий что-то из своего окружения. Это организм, достроивший себя и уже *незжизнеспособный* (в своем новом качестве) без этих достроек» (Фейгенберг, 2011). Безусловно, интерес к теме социотехнологического расширения не случаен — такие процессы и их результаты, как мы отчетливо видим, существенно изменяют образ жизни человека, меняя его самого.

Новая социальность как измерение цифровой социализации

Технологическая расширенность субъекта, безусловно, ставит вопрос о том, что происходит с ним как с социальным существом. Онлайн-среда становится все более равноправным социальным и культурным пространством, влияющим и на подрастающее поколение, и на взрослых. А ее законы и правила отличаются от реального мира, порождая новую социальность. Цифровая социальность — это все то, что человек приобретает в ходе межличностного онлайн-взаимодействия и в составе различных групп в Интернете, это способы и практики самопрезентации и социальной коммуникации, новые форматы деятельности, накапливаемые социальные онлайн-контакты, освоение и реализация социальных ролей в сети, это усвоение, принятие и соблюдение норм и правил цифровой среды и выполнение на их основе различных социальных функций.

Тема цифровой социальности обширна — от проблемы самопрезентации в сети до цифрового гражданства. В рамках статьи, сужая взгляд на этот феномен, очень кратко остановимся на его рассмотрении сквозь призму метафоры человека расширенного/достроенного. Эта метафора, с одной стороны, отражает безграничные перспективы расширения его возможностей, с другой — риски кардинального изменения образа жизни и его самого.

В диапазоне исследований цифровой социальности на одном из первых мест стоят вопросы возникновения новых способов отношений в условиях цифровых трансформаций. Внимание к изменению отношений возникает во всех областях жизнедеятельности современного человека. Исследователи занимаются анализом расширенного Я и новыми способами поведения чело-

века (в целом в обществе, конкретно посредством цифровых устройств, в цифровом мире). Так, анализируется развитие личности в условиях цифрового расширения человека. Подобные процессы ведут к цифровым трансформациям личности и новым формам социальности, среди них: дематериализация (материальные артефакты превращаются в цифровые объекты — тексты, видео, фото и др.); изучение себя (путем экспериментирования со своим Я); объективация, соконструирование (новые возможности увидеть себя с точки зрения других); перевоплощение, конструирование себя (освобождение от тела, аватары и цифровые персонажи, текстовые аккаунты как развитие «бестелесности»); регуляция себя (новые способы борьбы со стрессом, тревогой, одиночеством, депрессией и др., а также с такими явлениями и феноменами, как номофобия, смартинг, инфогестия, «ожог экрана», e-mail-аллергия и др.); управление собой (ограниченный, упрощенный или регулируемый выбор); производство себя (цифровая личность производит и продает себя, приобретая влияние); количественная оценка себя (личность все чаще определяется количественными способами, селф-трекинг как часть новой социальности) (Bellk, 2016; Brubaker, 2020).

Быть уверенным и адекватным в современном мире означает «быть на связи». Чем младше подростки, тем чаще они воспринимают цифровые объекты как часть своего Я: об этом свидетельствуют неразлучность с гаджетом (гиперподключенность), эмоциональная привязанность к нему и к Интернету в целом, специфические цифровые фобии — номофобия, страх остаться без доступа к социальным сетям, высокий уровень технофилии и доверия к цифровой среде, а также позитивное восприятие себя в цифровом мире по сравнению с реальным Я (Солдатова и др., 2017).

Цифровое расширение, определяющее новую социальность, происходит за счет роста онлайн-капитала. У трети российских подростков только по одной из сетей уже превышена среднестатистическая величина возможных социальных контактов в соответствии с числом Р. Данбара (Там же). Одним из доказательств интеграции техносистемы с социально-когнитивной системой человека является выявленное сближение реальной и цифровой личности (Back et al., 2010).

Риски новой социальности также связаны с процессами расширения личности, что ставит вопрос о границах и дает основания для многочисленных дискуссий, связанных с негативными явлениями, описанными рядом авторов: «цифровым слабоумием», «цифровым аутизмом», «цифровой депривацией», проблемами дереализации, цифровой деперсонализацией и другими ключевыми или частными проблемами.

В словаре В. Даля «социальность» определяется как «общественность, общежительность, гражданственность, взаимные отношения и обязанности гражданского быта, жизни» (Даль, 1980, т. 4, с. 284). Поэтому и в цифровом мире социальность в наиболее интегративном понимании — это цифровое гражданство, понимаемое как уровень готовности к ответственному, этичному, эффективному и безопасному для себя и других использованию онлайн-ресурсов (Mossberger et al., 2007). В частности, цифровое гражданство подразумевает демократический стиль сетевого поведения, т.е. горизонталь-

ные одноуровневые связи без иерархии отношений. В рамках новой социальности осваиваются цифровые инструменты для реализации различного рода гражданских действий.

Выводы

Представленная социально-когнитивная концепция цифровой социализации, ключевым элементом которой является гиперподключенная, технологически достроенная цифровая личность как часть личности реальной, отражает современный этап социальной и когнитивной эволюции человеческой психики, когда развивающееся сознание в познавательном и коммуникативном плане фактически сращивается с внешними орудиями (гаджетами) и знаковой реальностью (Интернетом). Такой взгляд предполагает, что наряду с традиционными каналами социализации на индивида воздействуют онлайн-сервисы, причем с возрастающим ускорением; тем самым в процессы социализации вплетаются цифровые элементы. Без цифровой социализации затруднен процесс становления личности, ее интеграции в социальной системе цифрового общества; она дополняет традиционную социализацию, а развивающаяся цифровая культура дополняет онлайн-повседневность.

Конструкт «цифровая социализация» исследуется через большое количество различных феноменов, критериев и показателей на когнитивном, личностном, социально-психологическом уровнях. Все изучаемые процессы и явления — в постоянной динамике, но все же некоторые моменты сегодня просматриваются достаточно отчетливо. Выделяются ключевые для формирования личности современного человека измерения цифровой социализации: гиперподключенность к Интернету, смешанная реальность, расширенная личность и цифровая социальность. Существование в смешанной реальности и гиперподключенность к Интернету как сложному и многофункциональному инструменту — базовые и определяющие характеристики цифровой социализации. И это не только новые состояния и новые качества, присущие современному человеку — и взрослому, и ребенку, — но и главная основа тех изменений, которые происходят сегодня. Цифровые технологии встраиваются в когнитивную и социальную систему человека, интегрируются с ней, определяя цифровое расширение (достройку) человека, и видоизменяют ее.

Расширенное Я — постоянно развивающееся и совершенствующееся культурное орудие, которое, возникнув в процессе социальной эволюции человека, сегодня формируется в своем социотехнологическом воплощении и меняет экосистему человека. Явление нового антропологического типа цифрового человека — «человека подключенного и достроенного», обитающего во многих реальностях и начинаяющего активно взаимодействовать, в частности, с неживыми системами (чат-ботами, электронными помощниками, бытовыми роботами и др.), — потребует смены парадигм, обновления теоретических и методологических исследовательских моделей.

Рассмотрение формирования современного человека через призму гиперподключенности, не изученного ранее пространства смешанной реальности и

беспрецедентного технологического расширения личности, которые определяют ее новую социальность, во-первых, предполагает необходимость иного взгляда на нормы когнитивного и личностного развития, во-вторых, подтверждает значимость орудийного опосредствования деятельности как одного из существенных условий не только развития психики, но и механизмов переопосредствования — включения уже опосредованных форм деятельности в новые системы опосредствования. Поэтому закономерно намечающееся в исследованиях смещение фокуса с изучения процессов главным образом интериоризации на психологический анализ процессов экстериоризации, в частности на вопросы эффективного овладения цифровыми устройствами и техносистемой в целом.

В рамках наших исследований концепция продолжает апробироваться и корректироваться на основе получаемых эмпирических данных и экспериментальных исследований. Требует уточнения и, возможно, переосмысления целый ряд конструктов, с которыми работают исследователи, изучая личностные и когнитивные изменения у представителей разных поколений, происходящие в сложных процессах взаимодействия цифровой и традиционной социализации в смешанной реальности.

Цифровая социализация как непрерывный процесс адаптации изменяющегося человека к возможностям и рискам постоянно трансформирующейся социотехнологической среды требует смены парадигм и новых теоретических моделей исследования. В статье предложен трансдисциплинарный подход к анализу цифровой социализации и цифровой личности. Подобный теоретико-методологический подход является кумулятивным и открыт для разнообразных концепций и методов. Разработанная Л.С. Выготским и его последователями культурно-историческая теория развития психики, впитавшая в себя классические и современные гуманитарные и естественно-научные концепции, представляется наиболее перспективным базисом для исследования психологических особенностей цифровой реальности, способным выдержать вызовы «новой нормальности».

Литература

- Асмолов, А. Г. (ред.). (2018). *Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен*. М.: Издательский дом ЯСК.
- Асмолов, Г. А., Асмолов, А. Г. (2019). Интернет как генеративное пространство: историко-эволюционная перспектива. *Вопросы психологии*, 4, 3–28.
- Бажанов, В. (2015). О феномене трансдисциплинарной научной революции. В кн. В. Бажанов, Р. В. Шольц (ред.), *Трансдисциплинарность в философии и науке. Подходы. Проблемы. Перспективы* (с. 136–144). М.: Навигатор.
- Василюк, Ф. Е. (1984). *Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций*. М.: Изд-во Московского университета.
- Вересов, Н. Н. (2016). Переживание как психологический феномен и теоретическое понятие: уточняющие вопросы и методологические медитации. *Культурно-историческая психология*, 12(3), 129–148. <https://doi.org/10.17759/chp.2016120308>

- Войсунский, А. Е. (2010). *Психология и Интернет*. М.: Акрополь.
- Выготский, Л. С. (1982). *Инструментальный метод в психологии*. В кн. Л. С. Выготский, *Полное собрание сочинений* (в 6 т., т. 1, с. 103–108). М.: Педагогика.
- Гусельцева, М. С. (2015). Психология и новые методологии: эпистемология сложного. *Психологические исследования: электронный научный журнал*, 8(42) 11. <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n42/1158-guseltseva42.html#e3>
- Даль, В. (1980). Толковый словарь живого великорусского языка (в 4 т., т. 4). М.: Русский язык.
- Иванов, Д. В. (2019). Экстернализм и теория расширенного сознания. *Философия науки и технологии*, 25(2), 33–42. <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2019-24-2-33-42>
- Кастельс, М. (2016). *Власть коммуникации*. М.: Изд-во ВШЭ.
- Клочко, В. Е. (2012). Когнитивная наука: от междисциплинарного дискурса к трансдисциплинарному ракурсу. *Сибирский психологический журнал*, 46, 23–32.
- Коул, М. (1997). *Культурно-историческая психология – наука будущего*. М.: Когито-центр; ИП РАН.
- Маклюэн, М. (2005). *Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего*. М.: Академический проект.
- Маклюэн, М. (2007). *Понимание медиа: внешние расширения человека*. М.: Кучково поле.
- Марцинковская, Т. Д. (2009). Переживание как механизм социализации и формирования идентичности в современном меняющемся мире. *Психологические исследования: электронный научный журнал*, 3(5). <http://psystudy.ru/index.php/num/2009n3-5/177-marsinkovskaya5.html#e3>
- Рубцова, О. В. (2019). Цифровые технологии как новое средство опосредования (Часть первая). *Культурно-историческая психология*, 15(3), 117–124. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150312>
- Солдатова, Г. У. (2018). Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменившийся ребенок в изменяющемся мире. *Социальная психология и общество*, 9(3), 71–80. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090308>
- Солдатова, Г. У., Рассказова, Е. И. (2020). Итоги цифровой трансформации: от онлайн-реальности к смешанной реальности. *Культурно-историческая психология*, 1(4), 87–97. <https://doi.org/10.17759/chp.2020160409>
- Солдатова, Г. У., Рассказова, Е. И., Нестик, Т. А. (2017). *Цифровое поколение России: компетентность и безопасность*. М.: Смысл.
- Солдатова, Г. У., Чигарькова, С. В., Дренева, А. А., Кошевая, А. Г. (2020). Эффект Юлия Цезаря: типы медиамногозадачности у детей и подростков. *Вопросы психологии*, 66(4), 54–69.
- Тоффлер, Э. (2002). *Шок будущего*. М.: АСТ.
- Файола, Э., Войсунский, А. Е., Богачева, Н. В. (2016). Человек дополненный: становление киберсознания. *Вопросы философии*, 3, 147–162.
- Фейгенберг, И. М. (2011). Человек Достроенный и этика. Цивилизация как этап развития жизни Земли. М.: ООО «Медицинское информационное агентство».
- Шваб, К. (2016). *Четвертая промышленная революция. Пошаговое руководство по изменениям, которые ждут человечество в ближайшие 100 лет*. М.: Эксмо.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References* после англоязычного блока.

Солдатова Галина Уртабековна — профессор, кафедра психологии личности, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; Школа антропологии будущего, РАНХиГС, доктор психологических наук, профессор, академик РАО.

Сфера научных интересов: психология личности, социальная психология, этнопсихология, психология межкультурных коммуникаций, психология переговоров, киберпсихология. Контакты: soldatova.galina@gmail.com

Войскунский Александр Евгеньевич — ведущий научный сотрудник, кафедра общей психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: психология Интернета, когнитивная психология, взаимодействие человека с компьютером.

Контакты: vae-msu@mail.ru

Socio-Cognitive Concept of Digital Socialization: A New Ecosystem and Social Evolution of the Mind

G.U. Soldatova^{a,b}, A.E. Voiskounsky^a

^a*Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

^b*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), 84 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119571, Russian Federation*

Abstract

Within the framework of a transdisciplinary approach and based on years of empirical research, a socio-cognitive concept of digital socialization has been developed, reflecting the process of adaptation of a changing person to the opportunities and risks of a dynamic socio-technological environment. The key element of the concept of digital socialization is a hyperconnected, technologically upgraded digital personality as a part of a real personality; the concept reflects the current stage of the social and cognitive evolution of the human mind, when the developing consciousness actually merges with external tools (gadgets) and semiotic reality (the Internet). Digital technologies are being integrated into our cognitive and social system, determining the digital expansion (upgrade) of a person. Key dimensions of digital socialization are Internet hyperconnectivity, mixed reality, augmented personality, and digital sociality. Being hyperconnected to the Internet in mixed reality means not only the basic and defining characteristics of digital socialization for both adults and children, but also the main basis for the changes that are taking place with a person today. The extended self — a constantly developing cultural tool — is formed in its socio-technological embodiment, and it modifies the human ecosystem. The emerging and transforming personality expands and absorbs a technosystem as a significant element that promotes the implementation of psychological mechanisms of externalization and includes digital devices and computer programs along with methods of their application. A new anthropological type of digital man — Man Connected and Upgraded — lives in multiple realities and already interacts with inanimate systems (chat bots, household robots, etc.), so a paradigm change, an update of theoretical and methodological models is required. All this

determines the cumulative nature of the theoretical and methodological approach, based mainly on the Lev Vygotsky's (and his followers') cultural psychology, which has absorbed classical and modern humanitarian and natural-scientific concepts. This approach is a promising basis for studying the specifics of digital reality, capable of withstanding the challenges of the "new normality".

Keywords: socialization, digital socialization, transdisciplinarity, culture psychology, externalization, technosystem, hyperconnectivity, extended personality, upgraded self, mixed reality, new normality, digital sociality.

References

- Asmolov, A. G. (Ed.). (2018). *Mobilis in mobili: lichnost' v epokhu peremen* [Mobilis in mobili: A personality in the time of change]. Moscow: Izdatel'skii dom YaSK.
- Asmolov, G. A., & Asmolov, A. G. (2019). The internet as a generative space: Historical-evolutional perspective. *Voprosy Psichologii*, 4, 3–28. (in Russian)
- Back, M. D., Stopfer, J. M., Vazire, S., Gaddis, S., Schmukle, S. C., Egloff, B., & Gosling, S. D. (2010). Facebook profiles reflect actual personality, not self-idealization. *Psychological Science*, 21(3) 372–374. <https://doi.org/10.1177/0956797609360756>
- Bazhanov, V. (2015). O fenomene transdistsiplinarnoi nauchnoi revolyutsii [Transdisciplinarity Type of Scientific Revolution]. In V. Bazhanov & R. V. Shol'ts (Eds.), *Transdistsiplinarnost' v filosofii i nauke. Podhody. Problemy. Perspektivy* [Transdisciplinarity in philosophy and science: Approaches, problems, prospects] (pp. 136–144). Moscow: Navigator.
- Belk, R. (2016). Extended self and the digital world. *Current Opinion in Psychology*, 10, 50–54. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2015.11.003>
- Bronfenbrenner, U. (1979). *The ecology of human development: Experiments by nature and design*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Bronfenbrenner, U. (Ed.). (2004). *Making human beings human: Bioecological perspectives on human development*. Housand Oaks, CA: Sage Publ.
- Brubaker, R. (2020). Digital hyperconnectivity and the self. *Theory and Society*, 49(5–6), 771–801. <https://doi.org/10.1007/s11186-020-09405-1>
- Buheji, M., & Sisk, C.V. (2020). *You and the new normal: Jobs, pandemics, relationship, climate change, success, poverty, leadership and belief in the emerging new world*. AuthorHouse.
- Castells, M. (2016). *Vlast' kommunikatsii* [Communication power]. Moscow: HSE Publishing House. (Original work published 2009)
- Clark, A., & Chalmers, D. (1998). The extended mind. *Analysis*, 58(1), 7–19.
- Cole, M. (1997). *Kul'turno-istoricheskaya psichologiya – nauka budushchego* [Cultural psychology: A once and future discipline]. Moscow: Kogito-tsentr; IP RAN. (Original work published 1996)
- Dal', V. (1980). *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka* [Explanatory dictionary of the living great Russian language] (in 4 Vols., Vol. 4). Moscow: Russkij jazyk.
- Faiola, A., Voiskounsky, A. E., & Bogacheva, N. V. (2016). Augmented human beings: developing cyberconsciousness. *Voprosy Filosofii*, 3, 147–162. (in Russian)

- Feigenberg, I. M. (2011). *Chelovek Dostroenyyi i etika. Tsivilizatsiya kak etap razvitiya zhizni Zemli* [The Upgraded Man and Ethics. Civilization as a stage in the development of life on Earth]. Moscow: Meditsinskoe informatsionnoe agentstvo.
- Floridi, L. (2014). *The Fourth revolution. How the infosphere is reshaping human reality*. Oxford University Press.
- Floridi, L. (2015). *The onlife manifesto: Being human in a hyperconnected era*. Cham, Switherland et al.: Springer.
- Griffin, P., Belyaeva, A., & Soldatova, G. (1992). Socio-historic concepts applied to observations of computer use. *European Journal of Psychology of Education*, 7(4), 269–286.
- Gusel'tseva, M. S. (2015). Psychology and new methodologies: the epistemology of complexity. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 8(42), 11. <http://psystudy.ru/index.php/eng/2015v8n42e/1179-guseltseva42e.html> (in Russian)
- Ivanov, D. V. (2019). Eksternalizm i teoriya rasshirennogo soznaniya [Externalism and the theory of expanded consciousness]. *Filosofiya Nauki i Tekhniki*, 25(2), 33–42.
- Johnson, G., & Puplampu, K. (2008). A conceptual framework for understanding the effect of the Internet on child development: The ecological techno-subsystem. *Canadian Journal of Learning and Technology*, 34(1), 19–28.
- Klochko, V. E. (2012). Cognitive science: from interdisciplinary discourse to transdisciplinary foreshortening. *Sibirskii Psikhologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Psychology]*, 46, 23–32. (in Russian)
- Martsinkovskaya, T. D. (2009). Emotional experience (perezhivanie) as socialization and identity formation mechanism in modern changing world. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 3(5). <http://psystudy.ru/index.php/eng/2009n3-5e/189-marsinkovskaya5e.html> (in Russian)
- McLuhan, M. (2005). *Galaktika Gutenberga. Stanovlenie cheloveka pechatayushchego* [The Gutenberg galaxy: The making of typographic man]. Moscow: Akademicheskii proekt. (Original work published 1962)
- McLuhan, M. (2007). *Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding media: The extensions of man]. Moscow: Kuchkovo pole. (Original work published 1964)
- Mossberger K., Tolbert, C. J., & McNeal, R. S. (2007). *Digital citizenship: The Internet, society, and participation*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Otrei-Cass, K. (Ed.). (2019). *Hyperconnectivity and digital reality: Towards the eutopia of being human*. Cham, Switherland: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-24143-8>
- Paulus, M. P., Squeglia, L. M., Bagot K., Jacobus, J., Kuplicki, R., Breslin, F. J., Bodurka, J., Morris, A. S., Thompson, W. K., Bartsch, H., & Tapert, S. F. (2019). Screen media activity and brain structure in youth: Evidence for diverse structural correlation networks from the ABCD study. *NeuroImage*, 185, 140–153. <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2018.10.040>
- Przybylski, A. K., & Weinstein, N. (2013). Can you connect with me now? How the presence of mobile communication technology influences face-to-face conversation quality. *Journal of Social and Personal Relationships*, 30(3), 237–246. <https://doi.org/10.1177/0265407512453827>
- Rubtsova, O. V. (2019). Digital media as a new means of mediation (Part One). *Kul'turno-Istoricheskaya Psichologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 15(3), 117–124. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150312> (in Russian)
- Schwab, K. (2016). *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya. Poshagovoe rukovodstvo po izmeneniyam, kotorые zhdut chelovechestvo v blizhaiшие 100 let* [The Fourth Industrial Revolution. A guided tour

- to changes that await humanity in the upcoming century]. Moscow: Eksmo. (Original work published 2016)
- Skarbez, R., Smith, M., & Whitton, M. C. (2021). Revisiting Milgram and Kishino's reality-virtuality continuum. *Frontiers in Virtual Reality*, 2, Article 647997. <https://doi.org/10.3389/frvir.2021.647997>
- Soldatova, G. U. (2018). Digital socialization in the cultural-historical paradigm: a changing child in a changing world. *Sotsial'naya Psichologiya i Obozrenie [Social Psychology and Society]*, 9(3), 71–80. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090308> (in Russian)
- Soldatova, G. U., Chigarkova, S. V., Dreneva, A. A., & Koshevaya, A. G. (2020). Julius Caesar's effect: Types of media multitasking in children and adolescents. *Voprosy Psichologii*, 66(4), 54–69. (in Russian)
- Soldatova, G. U., & Rasskazova, E. I. (2020). Digital transition outcomes: from online reality to mixed reality. *Kul'turno-Istoricheskaya Psichologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 16(4), 87–97. <https://doi.org/10.17759/chp.2020160409> (in Russian)
- Soldatova, G. U., Rasskazova, E. I., & Nestik, T. A. (2017). *Tsifrovoe pokolenie Rossii: kompetentnost' i bezopasnost'* [Digital generation of Russia: Competence and safety]. Moscow: Smysl.
- Sparrow, B., Liu, J., & Wegner, D. M. (2011). Google effects on memory: Cognitive consequences of having information at our fingertips. *Science*, 333(6043), 776–778. <https://doi.org/10.1126/science.1207745>
- Toffler, A. (2002). *Shok budushchego* [Future shock]. Moscow: AST. (Original work published 1970)
- Vasilyuk, F. E. (1984). *Psichologiya perezhivaniya. Analiz preodoleniya kriticheskikh situatsii* [The psychology of experiencing. Analysis of overcoming critical situations]. Moscow: Moscow University Press.
- Veresov, N. N. (2016). Perezhivanie as a phenomenon and a concept: Questions on clarification and methodological meditations. *Kul'turno-Istoricheskaya Psichologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 12(3), 129–148. <https://doi.org/10.17759/chp.2016120308> (in Russian)
- Voyskunskij, A. E. (2010). *Psichologiya i Internet* [Psychology and the Internet]. Moscow: Akropol'.
- Vygotskij, L. S. (1982). Instrumental'nyi metod v psichologii [The instrumental method in psychology]. In L. S. Vygotsky, *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works] (in 6 Vols., Vol. 1, pp. 103–108). Moscow: Pedagogika.
- Yee, N. (2014). *The Proteus paradox: How online games and virtual worlds change us – and how they don't*. New Haven, CT; London, UK: Yale University Press.

Galina U. Soldatova — professor, Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University; The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, DSc in Psychology, Professor, Full Member of the Russian Academy of Education.
 Research Area: psychology of personality, social psychology, ethnic psychology, psychology of intercultural communications, psychology of negotiation, cyberpsychology.
 E-mail: soldatova.galina@gmail.com

Alexander E. Voiskounsky — Lead Research Fellow, Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University, PhD in Psychology.
 Research Area: cyberpsychology, cognitive psychology, human-computer interaction.
 E-mail: vae-msu@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ДОВЕРИЯ К ПОПУЛЯРНЫМ ВИДЕОБЛОГЕРАМ У СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

И.М. БОГДАНОВСКАЯ^а, А.Б. УГЛОВА^а, Н.Н. КОРОЛЕВА^а

^а Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48

Резюме

Представлены результаты исследования психологических факторов доверия к популярным видеоблогерам у современной молодежи. Исследование доверия в видеоблогах представляет значительный интерес, так как, несмотря на значимость данной формы виртуального общения, количество отечественных теоретических и эмпирических исследований по данной проблеме невелико. В качестве методического инструментария исследования использованы авторская анкета, методика «Личностный дифференциал», методика «Вера в людей» М. Розенберга, рефлексивный опросник уровня доверия к себе, модифицированная методика межличностного доверия Р. Левицки, М. Стивенсон, Б. Банкер, методика оценки доверия к информации в электронных СМИ. В исследовании приняли участие 70 студентов российских вузов. В статье обсуждаются результаты описательного, корреляционного и факторного анализа. Установлено, что большая часть респондентов склонны доверять мнению видеоблогеров. Среди компонентов доверия наиболее ярко выделяется стремление к установлению тождества, идентичности с предпочтаемым видеоблогером. Новым результатом стало выявление взаимосвязи самооценки интереса и компетентности по отношению к тематике, обсуждаемой в видеоблогах, с общим уровнем доверия к видеоблогеру. Показано, что факторная структура доверия включает один независимый и два коррелированных фактора. Независимый фактор охватывает параметры самооценочной компетентности в жизненных сферах, обсуждаемых в видеоблогах, самооценку интереса, а также интегральную оценку доверия к себе. Взаимосвязанные факторы отражают преобладание когнитивных аспектов восприятия видеоблогера, рационального ожидания эквивалентного обмена и расчета полезностей либо аффективно окрашенного отношения к видеоблогеру, основанного на общей вере в людей, стремлении к установлению с ним тождества, идентификации.

Ключевые слова: доверие, видеоблогеры, молодежь, Интернет, коммуникация, информация, интерес к тематике видеоблога, компетентность в тематике видеоблога.

Введение

В настоящее время интернет-технологии проникают практически во все сферы жизни современной молодежи: коммуникативную, познавательную,

Исследование выполнено в рамках государственного задания при финансовой поддержке Минпросвещения России (проект № FSZN-2020-0027).

учебную, игровую. Интернет-пространство становится средой социализации представителей поколения «digital native», с раннего возраста погруженных в виртуальное взаимодействие, хотя они не всегда обладают цифровой грамотностью (Iglesias et al., 2021). Понятие «цифровое поколение», поколение next или поколение Z с позиции различных методологических подходов (философский, поколенческий, психологический и др.) не имеет четких возрастных границ и варьирует во временном диапазоне, нижняя граница которого – 1985 г. (Шамис, Никонов, 2019). Существует множество разноплановых, не совпадающих мнений по поводу специфики «цифрового поколения», присущих ему психологических свойств и характеристик (Богачева, Сивак, 2019). Представляется, что идентифицирующим для современных молодых людей может выступать сам факт рождения в эпоху информационной революции и активного развития коммуникационных технологий, формирование идентичности, картины мира и ее пространственно-временных параметров на границе реального и виртуального миров (Богдановская и др., 2015). Взросление и формирование личности современной молодежи проходит в контексте новых коммуникативных практик, культурных сдвигов в общении, связанных с постоянной включенностью в сетевую коммуникацию. Интенсивное использование интернет-технологий порождает и транслирует смыслы, которые обосновывают и отчасти объясняют высокую популярность сообществ блогеров и видеоблогов в социальных сетях. Влияние лидеров мнений в социальных сетях на молодежь сегодня превосходит ресурсы традиционных медиа. Персонализированная, эмоционально окрашенная информация в блогах позволяет его читателям и автору развивать временные социальные отношения, обмениваться новостями и мнениями, оказывать психологическое воздействие друг на друга (Chai, Kim, 2010; Colucci, Cho, 2014). По этим причинам блоги стали одной из наиболее популярных областей виртуального пространства и важной формой общения для современной молодежи.

Личный блог как форма виртуального общения

Блог может быть определен как лента сообщений различной тематики, которая периодически обновляется, комментируется и коллективно обсуждается (Демченков, Заднепрянская, 2015). С. Колуччи, С. Чой и др. (Chai, Kim, 2010; Colucci, Cho, 2014) определяют блог как хронологическую публикацию личных мыслей и ссылок, часто в текстовой форме, но также включающую различные аудио- и визуальные форматы (видеоблоги – влоги, текстовые блоги, фотоблоги, микроблоги, подкасты). Блоги могут классифицироваться по различным основаниям: авторство, доступность, тематическая направленность, техническая основа, доменное имя, вид контента, цель создания (Ахмаева, 2020). Коммуникативные характеристики блога синтезируют черты различных интернет-жанров, таких как персональная страница, форум и др., которые характеризуются рядом технологических факторов: синхронность/асинхронность, постоянство/непостоянство записей, размер буфера сообщений, возможность анонимных сообщений, личных сообщений,

фильтрация и цитирование сообщений (Belk, 2016). С другой стороны, блог включает в себя признаки традиционных литературных и эпистолярных жанров: интимного дневника; исповеди, биографии, автобиографии, репортажа с места событий и пр. (Горошко, 2007; Попов, 2008; Liao et al., 2013; Cunningham, Craig, 2017; Shahina, Uzakbayeva, 2020). Отличительной чертой личных блогов как формы виртуального общения является высокая степень свободы автора в выборе тематики, содержания и формы обсуждения проблем, а опосредованность взаимодействия обеспечивает авторам и читателям блогов необходимое чувство безопасности. Благодаря таким коммуникативным качествам они постепенно вытесняют традиционные новостные и аналитические программы (Ахмаева, 2020).

Наряду с позитивными изменениями, которые блогосфера внесла в стиль и образ жизни современного человека, социальные практики и особенности взаимодействия людей, она связана и с негативными аспектами сетевого общения, а также с новыми возможностями для манипулирования индивидуальным сознанием. «Темная» сторона серьезного или профессионального ведения блога связана с большими временными затратами, необходимостью поиска уникального контента, риском «застревания» в узкоспециализированной тематике. Профессиональное ведение блога может не давать гарантированного или ожидаемого дохода, могут возникнуть сложности с привлечением аудитории, отсутствием читателей либо повышенным вниманием к блогу негативно настроенных комментаторов. Последние обычно размещают под псевдонимом критические или оскорбительные комментарии, касающиеся внешнего вида, личности, жизненного выбора блогеров или коммерческого сотрудничества. Отмечаются нарушения и в содержании самих блогов, связанные с размещением недостоверного либо противоправного контента. Активно используются блоги в пропагандистской и контрпропагандистской борьбе, повторяя приемы воздействия традиционных СМИ, к которым добавляются новые возможности виртуальной коммуникации, одним из которых является видеоблог.

Особенности коммуникации в видеоблоге

Не существует единой и общепринятой классификации видеоблогов. С.А. Демченков и А.С. Заднепрянская (Демченков, Заднепрянская, 2015) предлагают следующие основания для классификации:

- 1) используемая платформа, определяющая технические характеристики материалов, аудиторию и динамику распространения;
- 2) технические параметры видеозаписи;
- 3) особенности построения видеоряда;
- 4) особенности построения звукоряда;
- 5) субъектная организация;
- 6) функционально-тематическая специфика.

Классификация по функционально-тематической специфике предполагает две большие группы: развлекательные (пародии, влоги, «вредные» советы,

фан-видео) и познавательные (инструктивные блоги, видеообзоры) видеооблоги. В.А. Лущикова и др. (Лущикова, Терских, 2018) добавляют в эту классификацию «информационные видео» (например, политические блоги). Они же предлагают жанрово-тематическую классификацию видеоблогов: 1) видеообзор; 2) летсплей; 3) пранк; 4) обучающие видео; 5) влог; 6) интервью; 7) интернет-шоу; 8) реакция; 9) гайд; 10) вопрос-ответ; 11) скетч; 12) интернет-сериал; 13) челлендж.

Видеоблоги имеют сходную структуру, включающую оформленную заставку видео, название, содержание видеоблога (видеоконтент), комментарии подписчиков. Отличительной особенностью данного формата является присутствие личности автора в видео или его закадровый голос, комментирующий происходящее на экране, что позволяет по сравнению с текстовыми блогами в большей степени проявиться личности автора.

К особенностям ведения видеоблога относятся сниженная степень анонимности коммуникации, повышение доверия к видеоблогеру со стороны аудитории и обострение чувства ответственности за свои слова и действия со стороны автора (Artomova, 2018). Дж. Аль-Менайес (Al-Menayes, 2015) отмечает, что в социальных сетях создаются виртуальные референтные группы, которые способны не только выступать заменой живому общению, но и выполнять функции фильтра, отбирающего из социальных норм и ценностей наиболее значимые для индивида. В этой ситуации ретрансляторами культурных норм становятся интернет-знаменитости и блогеры. В видеоблогах знаменитостей молодежь ищет модели поведения, образцы для подражания, старается уловить тренды — основные тенденции изменения моды, ценностей и стилей, которые определяют социальный статус. Видеоблогеры становятся не только медиийными личностями, но и лидерами мнений, в связи с чем могут влиять на свою аудиторию: формировать предпочтения, способствовать изменению отношения к чему-либо. Понимая это, коммерческие компании начали налаживать контакты с видеоблогерами и взаимодействовать с ними с намерением использовать их интернет-ресурсы в собственных рекламных и маркетинговых целях (Shahina, Uzakbayeva, 2020). В то же время аудитория видеоблогеров не всегда точно понимает исходную мотивацию их сообщений, наличие (или отсутствие) заказчика, критерии достоверности информации. В связи с этим проблема доверия аудитории своему видеоблогеру приобретает особую актуальность.

Психологические факторы доверия в видеоблогах

С. Колуччи, С. Чой и др. (Chai, Kim, 2010; Colucci, Cho, 2014) систематизируют зарубежные психологические подходы к изучению доверия и выделяют следующие аспекты его понимания:

- 1) доверие как индивидуальная характеристика личности;
- 2) доверие как ожидание или убеждение, которое один человек имеет в отношении другого человека или людей;
- 3) доверие как рациональный экономический выбор, используемый субъектами, преследующими собственные интересы.

В отечественных исследованиях доверие рассматривалось:

- 1) в контексте социально-психологических проблем (отношения со значимыми другими, дружеские и межгрупповые отношения, психологическое влияние, отношение к авторитетной персоне);
- 2) как ожидание, установка, отношение, состояние, чувство, личностное и групповое свойство;
- 3) как специфический субъектный феномен, сущность которого состоит в переживании актуальной значимости и априорной безопасности различных объектов;
- 4) как психологическое отношение, включающее интерес и уважение к объекту или партнеру, представление о потребностях, которые могут быть удовлетворены в результате взаимодействия с ним (Попов, 2008).

Зарубежные исследователи определяют онлайн-доверие как убеждение индивида в том, что партнер по коммуникации надежен, способен выполнять обещанные роли или обязательства, искренне заинтересован в благополучии своей аудитории и воздерживается от негативного поведения (Chapple, Cownie, 2017). Основываясь на этой концепции, доверие к видеоблогеру можно определить как ожидания аудитории от его личности, способности создавать интересный контент и желания делиться качественной информацией. В структуре доверия к видеоблогеру зарубежные исследователи выделяют такие характеристики, как уверенность в его компетентности, доброжелательности, высокую оценку репутации и личного опыта, убедительность и способность к взаимопониманию (Cho, 2006; Pasek, 2020). Одним из аспектов психологического исследования доверия в видеоблогах является анализ процессов идентификации, обеспечивающих постепенное сближение позиций влогера и его аудитории. Согласно самоотчетам зрителей каналов, со временем появляется чувство, что видеоблогер — это близкий друг или подруга. Этот эффект возникает благодаря контенту развлекательного характера, который подается «честно, без прикрас, как для своих» и позволяет зрителю лучше узнать личность видеоблогера (Солодовник, Басай, 2016). Существует и другой взгляд на проблему доверия к видеоблогеру, предполагающий, что оно может побуждаться посредством элементов дизайна блога, которые повышают качество восприятия информации (Zhang et al., 2009). Учитывая разнообразие подходов к проблеме доверия в видеоблогах и немногочисленность отечественных исследований данной проблемы, нами были сформулированы следующие исследовательские вопросы:

- 1) Существуют ли достоверно значимые различия в личностных характеристиках респондентов с высоким и низким уровнем доверия к популярным видеоблогерам?
- 2) В чем состоит специфика восприятия имиджа видеоблогера у респондентов с высоким и низким уровнем доверия?
- 3) Какие личностные характеристики взаимосвязаны с уровнем доверия к популярному видеоблогеру?
- 4) Какие переменные образуют психологическую структуру доверия к популярному видеоблогеру?

Методика исследования

Участники

В исследовании приняли участие студенты российских вузов – 70 человек в возрасте от 19 до 32 лет ($M = 21.33$, $SD = 2.34$), среди них 59 (84.3%) женщин и 11 (15.7%) мужчин. В ходе исследования респондентам предлагался список, включающий имена популярных видеоблогеров видеохостингового сайта YouTube, составленный на основе таких параметров, как число подписчиков и количество просмотров. Участникам исследования предлагалось выбрать предпочтаемого видеоблогера, а если такой отсутствовал, они могли указать свой вариант. Поскольку исследование проводилось онлайн, респонденты имели право найти выступление предпочтаемого видеоблогера, чтобы проводить оценку его имиджа в режиме непосредственного восприятия. Участие студентов в исследовании осуществлялось на добровольной основе; какое-либо вознаграждение не было предусмотрено.

Методики

Использовались авторская анкета, направленная на изучение интересов и самооценочной компетентности в тематике видеоблогов и доверия к видеоблогеру в указанных сферах (перечень сфер приведен в таблице 5), методики А.Б. Купрейченко (2008) «Вера в людей», рефлексивный опросник уровня доверия к себе, методика оценки доверия к информации в электронных СМИ, методика «Личностный дифференциал» Н.П. Фетискин (2002).

Статистическая обработка

Для статистической обработки эмпирических данных применялось лицензионное программное обеспечение, реализованное пакетом статистических программ Statistica 10.0. Были использованы следующие процедуры:

- 1) описательная статистика;
- 2) непараметрический U-критерий Манна–Уитни для выявления статистически достоверных различий по исследуемым показателям;
- 3) корреляционный анализ (коэффициент корреляции Спирмена);
- 4) факторный анализ был реализован методом главных компонент с «Varimax»-вращением факторов.

Результаты исследования

Для ответа на поставленные исследовательские вопросы респонденты были разделены по интегральной оценке доверия к видеоблогеру ($M = 68.48$, $min = 19$, $max = 133$) на две группы:

- 1) высокий уровень доверия – 58.6%;
- 2) низкий уровень доверия – 41.4%.

Согласно данным таблицы 1, участники выделенных групп сходным образом оценивают доверие к людям и доверие к самим себе, следовательно, личностные особенности доверия в группах с высоким и низким уровнем доверия к видеоблогеру не различаются.

Как видно из таблицы 2, наиболее значимыми аспектами межличностного доверия к видеоблогеру в 1-й группе являются те, которые основываются на стремлении к тождеству, идентификации с ним, в частности, приписывание влогеру сходных жизненных принципов, ценностей, ощущение близкого знакомства с ним.

Таблица 1
Сравнительный анализ установок на доверие к себе и другим людям

Переменные	1-я группа	2-я группа	U	p
Интегральная оценка доверия к людям	1553.5	931.5	496.5	0.25
Интегральная оценка доверия к себе	1532.0	953.0	518.0	0.36

Примечание. Здесь и далее: 1-я группа — высокое доверие к видеоблогеру, 2-я группа — низкое доверие к видеоблогеру.

Таблица 2
Сравнительный анализ различных аспектов межличностного доверия к видеоблогерам

Утверждение	1-я группа	2-я группа	U	p
Я знаю, что он поступил бы так же, как я поступил бы на его месте в различных неожиданных ситуациях	1597.5	887.5	422.5	0.036
Пожалуй, я всегда смог бы предсказать его реакцию на то или иное событие	1601	884	419	0.032
Этот человек понимает, что оправдать доверие своих подписчиков выгоднее, чем потерять его	1602.5	882.5	417.5	0.031
Мне кажется, я достаточно точно могу предсказать его поведение	1613	872	407	0.022
Мои и его мысли по поводу различных событий и фактов совпадают	1613	872	407	0.022
Я наслышан от других людей о его хорошей репутации	1621.5	863.5	398.5	0.017
Этот человек и я преследуем одни и те же цели в жизни	1621.5	863.5	398.5	0.017
Мне кажется, что я хорошо знаю его	1634	851	386	0.011
У нас одни и те же жизненные ценности	1645	840	375	0.008
Мы с ним отстаиваем одни и те же жизненные принципы	1668.5	816.5	351.5	0.003
Доверие к влогеру на основе тождества (интегральная оценка)	1619	866	3.78	0.009

В таблице 3 показано, что различия в восприятии аудиторией имиджа видеоблогеров касаются всех параметров восприятия (сила, оценка, активность). Личностные особенности влогера, восприятие которых различается в обеих группах, относятся прежде всего к фактору «Сила» (напряженный, упрямый), фактору «Активность» (суетливый, раздражительный) и фактору «Оценка» (отзывчивый).

На основании восприятия видеоблогера доверяющими респондентами его можно описать как неуступчивого человека, характеризующегося наличием сдерживающей силы, энергии, беспокойного, склонного экспрессивно реагировать, способного выражать в словах и поступках недовольство определенными людьми и событиями. Представляется, что эти особенности риторики выступают дополнительным способом воздействия на аудиторию, привлечения внимания и компенсации прямого контакта влогера со зрителями.

Согласно данным таблицы 4, различия в оценке качества информации, представленной в видеоблогах, касаются только такого ее аспекта, как полнота. Ориентируясь на ранговые суммы, можно отметить, что для первой группы наиболее значимым качеством информации является ее актуальность, тогда как во второй группе – это объективность и достоверность, хотя все качества информации более высоко оцениваются респондентами с высоким уровнем доверия видеоблогеру.

Таблица 3
Сравнительный анализ характеристик образа видеоблогера

Шкалы личностного дифференциала	1-я группа	2-я группа	U	p
Напряженный	1805.00	680.00	245.00	0.000
Суетливый	1696.00	789.00	354.00	0.004
Раздражительный	1630.00	855.00	420.00	0.038
Упрямый	1626.00	859.00	424.00	0.043
Отзывчивый	1614.00	871.00	436.00	0.05
Оценка	1599.00	886.00	451.00	0.048
Сила	1615.00	870.00	435.00	0.045
Активность	1605.00	880.00	445.00	0.05

Таблица 4
Сравнительный анализ качества информации в видеоблогах

Критерии оценки качества информации	1-я группа	2-я группа	U	p
Объективность	1451.00	1034.00	590.00	0.96
Достоверность	1481.50	1003.50	568.50	0.75
Полнота	1614.50	870.50	435.50	0.05
Точность	1526.50	958.50	523.50	0.39
Актуальность	1601.00	884.00	449.00	0.07

В таблице 5 приведены результаты ранжирования тематических сфер, которые чаще всего обсуждаются в видеоблогах по различным основаниям. Результаты самооценки изначально являлись количественными, поэтому была возможность определить достоверные различия между группами.

Таблица 5

Результаты ранжирования самооценки интереса, компетентности и доверия к видеоблогерам в различных тематических сферах (ранжирование по убыванию значимости)

	Самооценка интереса к сферам		Самооценочная компетентность			Доверие к влогеру в сферах		
	1-я группа	2-я группа		1-я группа	2-я группа		1-я группа	2-я группа
	R	R		R	R		R	R
Психология, отношения	1	1	Психология, отношения	1	1	Юмор	1	1
Юмор	2	6	Музыка	2	5	Путешествия	2	2
Путешествия	3	7	Юмор	3	2	Кино	3	5
Искусство	4	3	Еда	4	3	Еда	4	7
Музыка	5	2	Мода и красота	5	11	Известные личности	5	9
Кино	6	4	Кино	6	4	Искусство	6	11
Мода и красота	7	11	Искусство	7	9	Здоровье	7	8
Образование	8	8	Образование	8	10	Образование	8	10
Еда	9	5	Животные	9	8	Гаджеты	9	16
Животные	10	9	Здоровье	10	7	Животные	10	17
Известные личности	11	12	Путешествия	11	6	Музыка	11	15
Здоровье	12	10	Известные личности	12	13	Видеоигры	12	12
Новости и политика	13	13	Новости и политика	13	14	Психология, отношения	13	3
Гаджеты	14	17	Видеоигры	14	12	Техника	14	14
Видеоигры	15	14	Гаджеты	15	16	Новости и политика	15	4
Техника	16	16	Спорт	16	15	Мода и красота	16	13
Бизнес	17	15	Техника	17	18	Бизнес	17	6
Спорт	18	18	Бизнес	18	17	Автомобили	18	18
Автомобили	19	19	Автомобили	19	19	Спорт	19	19

Примечание. Выделены сферы по которым существуют достоверно значимые различия в указанных группах при $p < 0.001$.

Необходимо отметить, что 1-я группа достоверно выше оценивает свой интерес к таким сферам, как мода и красота, известные личности, гаджеты. Представители этой группы выше оценивают свою компетентность в сфере музыки, моды, искусства и образования. Степень доверия к мнению видеоблогера достоверно выше по каждой из указанных сфер, а наибольшие расхождения со 2-й группой отмечаются по темам «психология и отношения», «новости и политика».

Для определения психологической структуры доверия к видеоблогерам был проведен факторный анализ (метод главных компонент) с использованием коэффициентов ротации варимакс и факторных оценок. Мера адекватности выборки Кайзера–Мейера–Олкина (КМО) = 0.743; в тесте сферичности Бартлетта $\chi^2 = 509.96$, $df = 66$, $\alpha = 0.000$. Были извлечены три фактора с собственным значением больше единицы. Переменные с факторной нагрузкой показаны в таблице 6.

Первый фактор (36% общей дисперсии) был проинтерпретирован нами как «Рациональные аспекты доверия к видеоблогеру» на основании переменных, которые включились в его состав (базовые параметры восприятия, ожидание эквивалентного обмена и оценка полезности виртуальной коммуникации в видеоблоге, интегральная оценка доверия). Содержание второго фактора «Самооценка собственной компетентности» (16% общей дисперсии)

Таблица 6

Факторные нагрузки и факторная структура психологических аспектов доверия к видеоблогерам

Переменные	Компонент		
	1	2	3
Фактор «Сила»	0.92	0.18	-0.05
Фактор «Оценка»	0.89	0.20	0.10
Фактор «Активность»	0.88	0.22	-0.11
Доверие к влогеру, основанное на ожидании эквивалентного обмена	0.86	0.07	0.27
Доверие к влогеру как результат рационального выбора и расчета полезностей	0.67	-0.13	0.41
Интегральная оценка доверия к влогеру	0.50	0.36	0.40
Общая оценка собственной компетентности в сферах, обсуждаемых в блогах	0.00	0.90	0.06
Самооценка интереса к сферам, обсуждаемым в блогах	0.09	0.85	0.20
Интегральная оценка доверия к себе	0.17	0.42	-0.14
Доверие к влогеру, основанное на тождестве, идентификации	0.58	0.03	0.68
Интегральная оценка доверия к людям	-0.09	-0.01	0.84
Интегральная оценка качества контента в блогах	0.30	0.26	0.32
Expl.Var	4.37	1.97	1.77
Prp.Totl	0.36	0.16	0.15

включает переменные, отражающие оценку пользователями собственной способности ориентироваться в тематическом содержании влогов, связанную с общим доверием к себе. Третий фактор (15% общей дисперсии) включает переменные, отражающие стремление читателей (зрителей) видеоблога к установлению тождества с его автором, которое связано с установкой на доверие к другим людям и оценкой качества контента в блоге. Это позволило обозначить данный фактор как «Доверие к видеоблогеру, основанное на стремлении к тождеству, идентификации». В таблице 7 отражены результаты проверки наличия взаимосвязей между выделившимися психологическими факторами доверия к видеоблогерам.

Как показано в таблице 7, факторная структура включает один независимый и два коррелированных фактора. Независимый фактор охватывает параметры самооценочной компетентности в жизненных сферах, обсуждаемых в блогах, и самооценку интереса к этим сферам, которые положительно связаны с интегральной оценкой доверия к себе. Взаимосвязанные факторы отражают преобладание когнитивных факторов восприятия влогера, рационального ожидания эквивалентного обмена и расчета полезностей либо аффективно окрашенного отношения к видеоблогеру, основанного на общей вере в людей, стремлении к установлению с ними тождества, идентификации.

Обсуждение результатов исследования

Анализ результатов эмпирического исследования показывает, что современные молодые люди склонны в большей степени доверять видеоблогерам: так, группу с высоким уровнем доверия образовали 58.6% респондентов, а в группу с низким уровнем доверия вошли 41.4% участников исследования.

Результаты определения наиболее популярных видеоблогеров показали, что 48% респондентов из группы с высоким уровнем доверия и 18% из группы с низким уровнем доверия выбирают его из предложенного списка, сформированного на основе числа подписчиков и числа просмотров того или иного блога. Можно говорить о том, что эти участники исследования делают свой выбор на основе так называемого институализированного доверия, основанного на принятии мнения большинства. Самым популярным в обеих группах

Таблица 7
Взаимосвязь между психологическими факторами доверия к видеоблогерам

Факторы	F1	F2	F3
Фактор 1 «Рациональные аспекты доверия к видеоблогеру»	1.00	0.31	0.49**
Фактор 2 «Самооценка собственной компетентности»	0.31	1.00	0.10
Фактор 3 «Доверие к видеоблогеру, основанное на стремлении к тождеству, идентификации»	0.49**	0.10	1.00

** $p < 0.01$.

оказался российский журналист и видеоблогер, ведущий авторского шоу на YouTube-канале «вДудь» (23% vs. 11%), канал которого в настоящий момент имеет 9.3 млн подписчиков и более 1.4 млрд просмотров. Формат данного авторского шоу отличается от других тем, что видеоблогер умеет объединять интересы самых разных людей вне зависимости от возраста, образования, уровня доходов, интересов. По выбору остальных видеоблогеров можно судить об интересах участников обеих групп. В группе с высоким уровнем доверия:

1) Руслан Усачев (10%, 2.57 млн подписчиков), который рассказывает о событиях, произошедших в России и мире за последнее время, снимает фильмы и мультфильмы, а также видео о путешествиях по разным странам и городам;

2) Дмитрий Сыендук (8%, 6.87 млн подписчиков) публикует видеоролики в жанрах треш, обзор, пародии, а также занимается переозвучкой мультфильмов;

3) Данила Поперечный (7%, 3.27 млн подписчиков) – стендап-комик.

В группе с низким уровнем доверия, кроме Ю. Дудя, общей популярностью пользуется один влогер – Дмитрий Куплинов (7%, 10 млн подписчиков) – летсплейщик, обозреватель игр.

В ходе анализа личностных характеристик было выявлено, что установки на доверие к себе и другим людям, а также оценка качества информации в видеоблоге (кроме параметра «полнота») в группах с высоким и низким доверием являются сходными.

Все аспекты доверия к видеоблогеру, которое возникает в ходе виртуальной коммуникации, различаются в обеих группах, однако у всех респондентов в его структуре выделяется стремление к установлению тождества, идентичности с предпочтаемым видеоблогером. Для склонных доверять наиболее выраженным является утверждение «Мы с ним отстаиваем одни и те же жизненные принципы», связанное с общим уровнем доверия ($r_{s1} = 0.35, p < 0.05$). В группе менее склонных к доверию – «Я знаю, что он поступил бы так же, как я поступил бы на его месте в различных неожиданных ситуациях» ($r_{s2} = 0.43, p < 0.01$).

Все параметры восприятия имиджа видеоблогера связаны с общим уровнем доверия в обеих группах (фактор «Сила» $r_{s1} = 0.48, p < 0.01$ vs. $r_{s2} = 0.63, p < 0.001$; фактор «Оценка» $r_{s1} = 0.46, p < 0.01$ vs. $r_{s2} = 0.6, p < 0.05$; фактор «Активность» $r_{s1} = 0.45, p < 0.01$ vs. $r_{s2} = 0.65, p < 0.001$), при этом доверяющие респонденты в большей степени акцентируют волевые качества, а менее доверяющие – характеристики эмоциональной сферы, экстравертированность. Взаимосвязи параметров восприятия выше в группе с низким уровнем доверия, возможно, это происходит по той причине, что этим респондентам важен имидж видеоблогера, в то время как доверяющие респонденты уже сформировали свое мнение и уделяют больше внимания качеству информационного контента.

Уровень интереса, самооценочной компетентности в тематической организации контента видеоблогов выше в группе доверяющих респондентов. В этой группе выявлены статистически значимые корреляции уровня интереса к определенным сферам с общим уровнем доверия к мнению видеоблогера: «Новости и политика» ($r_s = 0.59, p < 0.001$), «Еда» ($r_s = 0.34, p < 0.05$), «Юмор» ($r_s = 0.37, p < 0.05$), «Видеогames» ($r_s = 0.41, p < 0.01$) и «Известные личности»

($r_s = 0.43, p < 0.01$); для самооценочной компетентности характерны такие взаимосвязи с общим уровнем доверия, как: «Автомобили» ($r_s = 0.36, p < 0.05$), «Еда» ($r_s = 0.34, p < 0.05$), «Техника» ($r_s = 0.34, p < 0.05$), «Известные личности» ($r_s = 0.36, p < 0.05$), «Юмор» ($r_s = 0.37, p < 0.05$), «Видеогames» ($r_s = 0.44, p < 0.05$), «Новости и политика» ($r_s = 0.56, p < 0.01$). В группе с низким уровнем доверия для самооценки интереса к контенту это такие взаимосвязи, как: «Мода и красота» ($r_s = 0.38, p < 0.05$), «Видеогames» ($r_s = 0.4, p < 0.05$), «Известные личности» ($r_s = 0.39, p < 0.05$), «Здоровье» ($r_s = 0.45, p < 0.05$) и «Бизнес» ($r_s = 0.63, p < 0.001$); для самооценочной компетентности таких взаимосвязей значительно меньше: «Мода и красота» ($r_s = 0.48, p < 0.01$) и «Бизнес» ($r_s = 0.56, p < 0.01$).

Полученные результаты согласуются с данными отечественных и зарубежных исследователей и позволяют описать психологическую структуру доверия к видеоблогеру: наибольшим значением обладают параметры восприятия его имиджа, рациональные аспекты доверия, основанные на представлениях о его репутации, популярности, полезности информации, которой он обменивается с аудиторией; вторым компонентом выступает такая личностная характеристика, как доверие к людям, что соотносится с идеей А.Б. Купрейченко о том, что данное свойство является одним из основных критериев доверия. Новым результатом стало выделение третьего компонента доверия к видеоблогеру, в качестве которого выступают самооценка интереса и самооценочная компетентность к тематике, обсуждаемой в видеоблогах.

Ограничения исследования связаны с небольшим объемом обследованной выборки, преобладанием в ее составе респондентов женского пола. Систематические исследования проблемы доверия в блогах можно продолжить в таких направлениях, как:

- 1) социально-демографические характеристики аудитории видеоблогеров и их связь с доверием к видеоблогеру;
- 2) личностные свойства и индивидуальных различия у представителей аудитории влогов;
- 3) личность видеоблогера, его коммуникативные качества, приемы речевого и внушающего воздействия;
- 4) жанровая и тематическая направленность информационного контента, сила его эмоционального воздействия, критерии качества информации;
- 5) влияние на доверие особенностей дизайна и навигации веб-сайта, на котором расположен влог, специфики управления влогом со стороны его владельца. Особой проблемой является исследование субъективных критериев оценки качества информационного контента, представленного в видеоблогах у современных молодых людей, их реакций на недобросовестные рекламные интеграции в видеоблогах, поведенческие проявления, связанные с доверием к видеоблогеру.

Заключение

В статье исследовались психологические факторы доверия к популярным видеоблогерам у современной молодежи. Несмотря на значимость видеоблогов

в виртуальном общении, количество отечественных теоретических и эмпирических исследований данной проблемы невелико. Эмпирические данные, полученные в настоящем исследовании, могут рассматриваться как одно из оснований дальнейшего концептуального развития исследований доверия в видеоблогах. Методика исследования, объединяющая экспериментальный, опросный и психодиагностический методы, позволила сделать несколько важных выводов. Полученные результаты могут найти применение в работах психологов, социальных психологов, маркетологов, разработчиков дизайна сайтов. Интересным продолжением исследования может стать сравнение факторов, побуждающих доверие к видеоблогеру как в ситуации виртуального общения, так и в ходе продвижения торговых брендов или услуг.

Литература

- Ахмаева, Л. Г. (2020). Приемы работы блогеров с мужской целевой аудиторией на примере российского блогера Дмитрия «Гоблина» Пучкова. *Вестник университета*, 8, 155–161. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-8-155-161>
- Богачева, Н. В., Сивак, Е. В. (2019). *Мифы о «поколении Z»*. М.: НИУ ВШЭ. <https://ioe.hse.ru/pubs/share/direct/408113365.pdf>
- Богдановская, И. М., Иконникова, Г. Ю., Королева, Н. Н. (2015). Роль современной информационно-коммуникативной среды в формировании идентичности и образа мира современных подростков. *Психологическая наука и образование*, 7(1), 1–11.
- Горошко, Е. И. (2007). Теоретический анализ Интернет-жанров. *Жанры речи*, 5, 370–389.
- Демченков, С. А., Заднепрянская, А. С. (2015). Видео-блоги как разновидность новых медиа: проблемы типологии. В кн. *Электронные средства массовой информации: вчера, сегодня, завтра: материалы IX Всероссийской научно-практической конференции, 10 апреля 2015 г.* (с. 58–60). СПб.: СПбГУП. https://www.gup.ru/events/news/smi/smi_2015.pdf
- Купрейченко, А. Б. (2008). *Психология доверия и недоверия*. М.: Изд-во Института психологии РАН.
- Лущиков, В. А., Терских, М. В. (2018). Жанрово-тематические и языковые особенности видеоблогов. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки*, 14, 57–75.
- Попов, А. (2008). *Блоги. Новая сфера влияния*. М.: Манн, Иванов и Фербер.
- Солодовник, Л. В., Басай, М. Ю. (2016). Виртуальные коммуникации как феномен межличностного общения в современном мире. *Гуманитарий Юга России*, 18(2), 257–263.
- Фетискин, Н. П., Козлов, В. В., Мануйлов, Г. М. (2002). *Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп*. М.: Изд-во Института Психотерапии.
- Шамис, Е., Никонов, Е. (2019). *Теория поколений. Необыкновенный Икс*. М.: Синергия.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References после англоязычного блока.

Богдановская Ирина Марковна — доцент, кафедра психологии профессиональной деятельности, РГПУ им. А.И. Герцена, кандидат психологических наук. Сфера научных интересов: киберпсихология, медиапсихология, психосемиотика, психосемантика. Контакты: ibogdanovs@herzen.spb.ru

Королева Наталья Николаевна — профессор, кафедра психологии профессиональной деятельности, РГПУ им. А.И. Герцена, доктор психологических наук.

Сфера научных интересов: киберпсихология, психосемиотика, психосемантика, когнитивная психология.

Контакты: korolevanatalya@mail.ru

Углова Анна Борисовна — доцент, кафедра психологии профессиональной деятельности, РГПУ им. А.И. Герцена, кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: киберпсихология, психосемиотика, нарративная психология и психотерапия.

Контакты: anna.uglova@list.ru

Psychological Factors of Trust in Popular Video Bloggers among Modern Youth

I.M. Bogdanovskaya^a, A.B. Uglova^a, N.N. Koroleva^a

^a The Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., St. Petersburg, Russian Federation, 191186

Abstract

The paper presents the results of the research on the psychological factors of trust in popular video bloggers among modern youth. The study of trust in video blogs is of considerable interest, since despite the importance of this form of virtual communication, the number of domestic theoretical and empirical studies on this problem is still small. The author's questionnaire, the method "Personal differential", the method "Faith in people" by M. Rosenberg, the reflexive questionnaire of the level of self-confidence, the modified method of interpersonal trust by R. Levitsky, M. Stevenson, B. Bunker, the method of assessing trust in information in electronic media were used as methodological tools of the study. The sample consisted of 70 students from Russian universities. The article discusses the results of descriptive, correlation and factor analysis. It was found that most of the respondents tend to trust the opinion of video bloggers. Among the components of trust, the striving to establish an identity with a preferred video blogger stands out most clearly. A new result was the identification of the relationship between the self-estimation of an interest and one's own competence in relation to the topics discussed in video blogs with a general level of trust in the video blogger. It is shown that the factor structure of trust includes one independent and two correlated factors. The independent factor covers the parameters of self-rated competence in life areas discussed in video blogs, self-estimation of an interest, as well as an integral assessment of self-confidence. The interrelated factors reflect the predominance of the cognitive aspects of the vlogger's perception, rational expectation of an equivalent exchange and calculation of utility, or an affectively colored attitude towards the vlogger based on a common belief in people, the desire to establish identity with him, and identification.

Keywords: trust, video bloggers, youth, Internet, communication, information, interest in the subject of a video blog, competence in the subject of a video blog.

References

- Akhmaeva, L. G. (2020). Techniques for bloggers working with a male target audience on the example of Russian blogger Dmitry "Goblin" Puchkov. *Vestnik Universiteta*, 8, 155–161. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-8-155-161> (in Russian)
- Al-Menayes, J. (2015). Motivations for using social media: An exploratory factor analysis. *International Journal of Psychological Studies*, 7(1), 43–50. <https://doi.org/10.5539/ijps.v7n1p43>
- Artomova, Ye. A. (2018). Virtual language personality within internet discourse. In *Trends in the development of modern linguistics in the age of globalization* (pp. 44–47). Prague: Vedecko vydavatelske centrum Sociosfera-CZ s.r.o.
- Belk, R. (2016). Extended self and the digital world. *Current Opinion in Psychology*, 10, 50–54. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2015.11.003>
- Bogacheva, N. V., & Sivak, E. V. (2019). *Mify o "pokolenii Z"* [Myths of generation Z]. Moscow: HSE Publishing House. <https://ioe.hse.ru/pubs/share/direct/408113365.pdf> (in Russian)
- Bogdanovskaya, I. M., Ikonnikova, G. U., & Korolyova, N. N. (2015). The role of modern information and communication environment in shaping the identity and image of the world of modern teenagers. *Psichologo-Pedagogicheskie Issledovaniya [Psychological-Educational Studies]*, 7(1), 1–11. (in Russian)
- Chai, S., & Kim, M. (2010). What makes bloggers share knowledge? An investigation on the role of trust. *International Journal of Information Management*, 30(5), 408–415. <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2010.02.005>
- Chapple, C., & Cownie, F. (2017). An investigation into viewers' trust in and response towards disclosed paid-for-endorsements by YouTube lifestyle vloggers. *Journal of Promotional Communications*, 5(2), 110–136.
- Cho, J. (2006). The mechanism of trust and distrust forming and their relational outcomes. *Journal of Retailing*, 82(1), 25–35. <https://doi.org/10.1016/j.jretai.2005.11.002>
- Colucci, C., & Cho, E. (2014, December 30). Trust inducing factors of generation Y blog-users. *International Journal of Design*, 8(3), 113–122.
- Cunningham, S., & Craig, D. (2017). Being 'really real' on YouTube: authenticity, community and brand culture in social media entertainment. *Media International Australia*, 164(1), 71–81. <https://doi.org/10.1177/1329878X17709098>
- Demchenkov, S. A., & Zadnepryanskaya, A. S. (2015). Video-blogi kak raznovidnost' novyh media: problemy tipologii [Video blogs as a type of new media: problems of typology]. In *Electronnye sredstva massovoi informatsii: vchera, segodnya, zavtra: Materialy IX Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 10 aprelya 2015 g.* [Electronic media: yesterday, today, tomorrow: materials of the IX All-Russian Scientific and Practical Conference, April 10, 2015] (pp. 58–60). Saint Petersburg: SPbGUP. https://www.gup.ru/events/news/smi/smi_2015.pdf
- Fetiskin, N. P., Kozlov, V. V., Manuilov, G. M. (2002). *Sotsial'no-psichologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malykh grupp* [Socio-psychological diagnostics of the development of personality and small groups]. Moscow: Institute of Psychotherapy. (in Russian)
- Goroshko, E. I. (2007). Teoreticheskii analiz Internet-zhanrov [Theoretical analysis of Internet genres]. *Zhanry Rechi [Speech Genres]*, 5, 370–389. (in Russian)
- Iglesias, A. I., Hernández-Martín, A., González, Y. M., & Herráez-Corredera, P. (2021). Design, validation and implementation of a questionnaire to assess teenagers' digital competence in the area of

- communication in digital environments. *MINECO*, 13(12), Article 6733. <https://doi.org/10.3390/su13126733>
- Kupreichenko, A. B. (2008). *Psichologiya doveriya i nedoveriya* [The psychology of trust and distrust]. Moscow: Institute of Psychology of the RAS. (in Russian)
- Liao, C., To, P., & Liu, C. (2013). A motivational model of blog usage. *Online Information Review*, 37(4), 620–637. <https://doi.org/10.1108/OIR-02-2012-0032>
- Lushchikov, V. A., & Terskikh, M. V. (2018). Zhanrovo-tematicheskie i yazykovye osobennosti videoblogov [Video blogging genre, thematical and linguistic properties]. *Vestnik Tambovskogo Universiteta. Seriya: Obshchestvennye Nauki*, 14, 57–75. (in Russian)
- Pasek, A. (2020). Trust as an attribute of the internet good functioning. *Science and World*, 2(3(79)), 80–83.
- Popov, A. (2008). *Blogi. Novaya sféra vliyaniya* [Blogs. New sphere of influence]. Moscow: Mann, Ivanov i Farber.
- Shahina, A. A., & Uzakbayeva, A. A. (2020). Internet communication: general features. *Academy*, 5(56), 17–18.
- Shamis, E., & Nikonorov, E. (2019). *Teoriya pokolenii. Neobyknovennyi iks* [Generation theory. Unusual X]. Moscow: Sinergiya.
- Solodovnik, L. V., & Basay, M. Y. (2016). Virtual communications as a phenomenon of interpersonal communication in the modern world]. *Gumanitarii Yuga Rossii*, 18(2), 257–263. (in Russian)
- Zhang, X., Prybutok, V. R., Ryan, S., & Pavur, R. (2009). A model of the relationship among consumer trust, web design and user attributes. *Journal of Organizational and End User Computing*, 21(2), 44–66. <https://doi.org/10.4018/joeuc.2009040103>

Irina M. Bogdanovskaya —Associate Professor, Department of Psychology of Professional Activity, the Herzen State Pedagogical University, PhD in Psychology.
Research Area: cyberpsychology, media psychology, psychosemiotics.
E-mail: ibogdanovs@herzen.spb.ru

Natalia N. Koroleva — Professor, Department of Psychology of Professional Activity, the Herzen State Pedagogical University, DSc in Psychology.
Research Area: cyberpsychology, psychosemiotics, cognitive psychology.
E-mail: korolevanatalya@mail.ru

Anna B. Uglova — Associate Professor, Department of Psychology of Professional Activity, the Herzen State Pedagogical University, PhD in Psychology.
Research Area: cyberpsychology, narrative psychology and psychotherapy.
E-mail: anna.uglova@list.ru

PERSONALITY AND THE IMPACT OF CELEBRITY ENDORSEMENTS ON INSTAGRAM

**Y. AMICHLAI-HAMBURGER^a, S. ETGAR^b, H. GIL-AD^c,
M. LEVITAN-GIAT^d, G. RAZ^e**

^a Sammy Ofer School of Communication, Interdisciplinary Center, Herzliya, 46150, Israel

^b Columbia Business School, 3022 Broadway, New York, NY, 10027, USA

^c YNET, 1 Noch Moses Str., Rishon Letzion, 7565236, Israel

^d Salesforce Israel, 114 Yigal Alon, Tel-Aviv, 6744320, Israel

^e Big Group, 3 Kalman Magen, Tel-Aviv, 6107075, Israel

Abstract

Celebrities are famous people who often belong to entertainment industry. They are known to have a strong influence on people's behavior. In the digital age this impact has expanded to include the online arena. Celebrities increasingly utilize Instagram, an online social network, to promote commercial products. It is important to learn to what extent people are influenced by this type of promotion and what sort of people are likely to be swayed by it. Research has demonstrated that people's personalities have a strong impact on their behaviors online. However, until now, these investigations have not included the relationship between personality and the degree of celebrity influence through social networks. This study examines how much the personality of a user is related to the degree to which he or she is influenced by these Celebrity Instagram messages. Participants comprised 121 students (34 males, 87 females). They answered questionnaires which focused on their personality and were asked about the degree of influence celebrities exerted upon them through Instagram. Results showed that people who are characterized as being open and having an internal locus of control are more resistant to such celebrity influences. This paper demonstrates that the personality of a recipient is likely to influence the degree of impact that a celebrity endorsement is likely to produce. The implications of these results are discussed.

Keywords: celebrity endorsements, Instagram, personality, locus of control, openness to experience, extroversion.

In the past, celebrities mainly publicized themselves by prominently displayed posters on bill boards. Today, online social networks ensure that celebrity culture is ubiquitous (Abidin, 2018). More recently, celebrities have been employed by companies to endorse certain products online. Until now, there has been no research as to which personality types are likely to be influenced by such online celebrity endorsements and, conversely, which personality types are likely to be resistant to such messages. There is a solid body of research demonstrating that people's personalities have a strong impact on their behaviors in social networks (Hamburger & Ben-Artzi, 2000; Amichai-Hamburger & Etgar, 2018). It therefore

follows that personality will impact the degree of influence exerted by online celebrity endorsements.

In 2002, Amichai-Hamburger addressed the issue of web design when he invited designers to take into account the personality of a person who will use the site they are creating. He made this judgement following pivotal research showing that people with introverted personalities, who tend to have fewer social interactions and connections offline, have been shown to use the social channels available online as compensatory components in their lives (Hamburger & Ben-Artzi, 2000). Amichai-Hamburger went on to expand this idea, when he suggested that in fact extroversion and neuroticism were only two of the many personality theories that were likely to impact the use of the Internet and people's wellbeing. Amichai-Hamburger's idea, originally formulated in the 2002 article, prompted a snowball effect, and today more than one million academic articles pertaining to personality and the Internet are listed by Google Scholar. In fact, user behavior on Internet sites is now better understood because of the studies on the interaction between the user's personality and their behavior online. Personality traits found relevant to user behavior include: need for closure (Amichai-Hamburger et al., 2004); need for cognition (e.g. Amichai-Hamburger et al., 2007); and the Big-Five (e.g. Amichai-Hamburger et al., 2002).

Moreover, personality has also been shown to explain people's behavior in different online contexts (Amichai-Hamburger, 2007; Amichai-Hamburger & Hayat, 2013). Two personality characteristics that demonstrate flexibility are openness and extroversion (DeYoung et al., 2002). Openness refers to an open-minded, creative person, while extroversion refers to a friendly person who actively seeks company. Openness and extroversion were found to be negative predictors for conformity (DeYoung et al., 2002). This leads us to hypothesize that people who are high on extroversion and openness will be less influenced by celebrities on Instagram.

Another relevant personality theory is locus of control. This refers to the degree of influence people feel they have over their lives. It was found that while people with an internal locus of control tend to reject conformity, people with an external locus of control tend to conform (Biondo & MacDonald, 1971). We predicted that people with an internal locus of control will be less influenced by celebrities on Instagram as compared to people with an external locus of control.

Method

The Sample

Participants included 121 people (34 males, 87 females), with an average age of 26 years, all of whom were students in a master's degree program in Social Studies. All subjects possessed an active Instagram account.

Measurements

Openness and Extroversion. Participants were given the Mini-IPIP to measure openness and extroversion. This was a 20-item short form of the original Big

Five Inventory (Costa & McCrae, 1992). Cronbach's Alpha = .66 was used for the openness questions and Cronbach's Alpha = .64 for the extroversion questions.

Locus of Control. The locus of control questionnaire was that of Nowicki & Duke, 1974 based on the original Rotter's Locus of Control Scale (1966). Cronbach's Alpha = .76 internal consistency was used for the questionnaire.

Celebrity Influence. Participants completed a questionnaire focusing on the influence of celebrities on their purchasing decisions. This was a short questionnaire created by the authors to determine the scope of the impact that celebrities have on Instagram. Questions were as follows:

(a) What is the level of influence of a celebrity on Instagram on your decision to purchase a basic product such as a shirt?

(b) What is the level of influence of a celebrity on Instagram on your decision to purchase an expensive product such as a smartphone?

(c) What is the level of influence of a celebrity on Instagram on your decision to purchase a leisure item such as a vacation in Paris?

For each question, subjects located their answers on a scale ranging from 1 (not at all) to 5 (strong influence). We found internal consistency of Cronbach's Alpha = .89 between these three questions, therefore, we treated them as one variable by using these questions' average.

The questionnaires which were originally written in English, were translated into Hebrew, using the double translation method.

Results

Neither gender ($r = .12, p = .18$) nor age ($r = .14, p = .12$) were related to celebrity influence on purchase decisions.

Means, standard deviations, and intercorrelations that demonstrate the relationships among the independent and dependent variables can be found in Table 1.

Table 1 indicates that locus of control is in a positive correlation with celebrity influence, while extroversion and openness to experience are not correlated to celebrity influence. To explore the relationship between the independent variables and celebrity influence while controlling for the covariances between independent variables, a stepwise multiple linear regression was conducted, with age and gender at the first step, and locus of control, extroversion and openness to experience at the second step. As can be seen in Table 2, both locus of control ($\beta = .34, p < .001$,

Table 1
Means, Standard Deviations, and Correlation Matrix for All Variables

	M	SD	1	2	3
Celebrity influence	2.11	1.09			
Openness to experience	3.85	0.63	-.144		
Extroversion	3.34	0.71	.100	.101	
Locus of control	19.50	4.99	.312**	.166	.121

** $p < .001$, N= 121.

Table 2
**Unstandardized and Standardized Coefficients, Significant and Multicollinearity Tests
for the Multiple Regression Analysis**

		B	SE	β	t	VIF
Step I	Age	.05	.03	.14	1.507	1.00
	Gender	.27	.22	.11	1.245	1.00
Step II	Age	.04	.03	.13	1.526	1.01
	Gender	.28	.21	.11	1.333	1.01
	Locus of control	.07	.02	.34	3.89**	1.05
	Openness to change	-.35	.15	-.20	-2.35*	1.05
	Extroversion	.12	.13	.08	0.89	1.03

DV: Celebrity Influence; * $p < .05$, ** $p < .001$.

VIF= 1.05) and openness to experience ($\beta = -.20$, $p = .02$, VIF= 1.05) were significantly correlated with celebrity influence, while the other variables were not found to have such an effect.

Discussion

In accordance with our hypothesis, we found that open people and those with an internal locus of control are significantly less likely to be influenced by celebrities on Instagram. It seems that they exercise more control on their lives and therefore are less influenced by external forces such as celebrities.

When it comes to extroverts, our hypothesis was not confirmed. Extroverts were not less likely to be influenced by celebrities than introverts. One possible explanation may be the fact that extroverts are more active on social networks (Dhar & Jha, 2014), and this might reduce the impact of their general tendency to be more resistant to conformity.

In future studies we suggest that the effect of celebrities on extroverts be studied more carefully. Such future studies should initially assess the amount of use participants make of social networks. This will allow for a broader analysis of our explanation as to why the extroverts in our study did not show greater resistance to the influence of celebrities. Our study confirms the importance of studying personality in the context of online behavior.

This study examined the influence of celebs on the public through Instagram. Instagram was chosen because it is widely used by celebrities for this purpose. As Reilly (2021) points out, Tik Tok is being increasingly used by celebs as a vehicle for impacting their public. Many celebs who made their reputations outside social networks, are today active on Tik Tok along with celebs who actually established themselves on Tik Tok. With this in mind, it is reasonable to expect that the type of celeb Instagram behavior assessed in this study is likely to become popular on

Tik Tok as well. It is recommended that future studies focus further on the interaction between user's personality and persuasion by celebrities online.

References

- Abidin, C. (2018). *Internet celebrity: Understanding fame online*. Bingley, UK: Emerald Publishing.
- Amichai-Hamburger, Y. (2002). Internet and personality. *Computers in Human Behavior*, 18(1), 1–10.
- Amichai-Hamburger, Y. (2007). Personality, individual differences and Internet use. In A. Joinson, K. McKenna, T. Postmes, & U.-D. Reips (Eds.), *The Oxford handbook of Internet psychology* (pp. 187–204). Oxford, UK: Oxford University Press.
- Amichai-Hamburger, Y., & Etgar, S. (2018). Personality and Internet use: The case of introversion and extroversion. In A. Attrill-Smith, C. Fullwood, D. Kuss, & M. Keep (Eds.), *Oxford handbook of Internet psychology*. New York, NY: Oxford University Press.
- Amichai-Hamburger, Y., Fine, A., & Goldstein, A. (2004). The impact of Internet interactivity and need for closure on consumer preference. *Computers in Human Behavior*, 20(1), 103–117.
- Amichai-Hamburger, Y., & Hayat, Z. (2013). Internet and personality. In Y. Amichai-Hamburger (Ed.), *The social net: Understanding our online behavior* (pp. 1–20). Oxford University Press.
- Amichai-Hamburger, Y., Kaynar, O., & Fine, A. (2007). The effects of need for cognition on Internet use. *Computers in Human Behavior*, 23(1), 880–891.
- Amichai-Hamburger, Y., Wainapel, G., & Fox, S. (2002). “On the Internet no one knows I’m an introvert”: Extroversion, neuroticism, and Internet interaction. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 5(2), 125–128.
- Biondo, J., & MacDonald, A. P., Jr. (1971). Internal-external locus of control and response to influence attempts. *Journal of Personality*, 39, 407–419.
- Costa, P. T., & McCrae, R. R. (1992). *Revised NEO Personality Inventory (NEO-PI-R) and NEO Five-Factor Inventory (NEO-FFI) manual*. Odessa, FL: Psychological Assessment Resources.
- DeYoung, C. G., Peterson, J. B., & Higgins, D. M. (2002). Higher-order factors of the Big Five predict conformity: Are there neuroses of health? *Personality and Individual Differences*, 33, 533–552.
- Dhar, J., & Jha, A. K. (2014). Analyzing social media engagement and its effect on online product purchase decision behavior. *Journal of Human Behavior in the Social Environment*, 24, 791–798.
- Hamburger, A. Y., & Ben-Artzi, E. (2000). The relationship between extraversion and neuroticism and the different uses of the Internet. *Computers in Human Behavior*, 16, 441–449.
- Reilly, L. (2021, June 9). TikTok’s Summer-defining “Coconut Girl” trend is just \$15 at target. *InStyle*. <https://www.instyle.com/fashion/tiktok-coconut-girl-trend-floral-swimsuit-celebrity>
- Rotter, J. B. (1966). Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement. *Psychological Monographs: General and Applied*, 80, 1–28.

Yair Amichai-Hamburger — Director, The Research Center for Internet Psychology, Sammy Ofer School of Communication, Interdisciplinary Center (IDC), Professor.
Research Area: Internet and wellbeing.
E-mail: yairah@idc.ac.il

Shir Etgar — Visiting scholar, Columbia Business School, DSc.
Research Area: the ways new technologies and new media affect individuals' social and cognitive processes.
E-mail: shir.etgar@gmail.com

Hadar Gil-Ad — Journalist, YNET, M.A. in Communication & New Media.

Research Area: the interaction between online platforms and content and how it affects the online user.

E-mail: hadargg28@gmail.com

Michal Levitan-Giat — Strategic Account Executive, Salesforce Israel, M.A. in Communication & New Media.

Research Area: the influence of social media on the business world.

E-mail: michallv@hotmail.com

Gaya Raz — VP Sarona Market, Big Group, M.A. in Communication & New Media.

Research Area: online romantic relationships.

E-mail: gaya124@walla.co.il

Личность и влияние рекламы с участием знаменитостей в Instagram

Я. Амихай-Хамбургер^a, Ш. Этгар^b, Х. Гиль-Ад^c, М. Левитан-Гиат^d, Г. Раз^e

^a Sammy Ofer School of Communication, Interdisciplinary Center, Herzliya, 46150, Израиль

^b Columbia Business School, 3022 Broadway, New York, NY, 10027, США

^c YNET, 1 Nach Moses Str., Rishon Letzion, 7565236, Израиль

^d Salesforce Israel, 114 Yigal Alon, Tel-Aviv, 6744320, Израиль

^e Big Group, 3 Kalman Magen, Tel-Aviv, 6107075, Израиль

Резюме

Знаменитости — это известные люди, которые нередко принадлежат к индустрии развлечений. Известно, что они оказывают значительное влияние на поведение людей. В эпоху цифровых технологий это влияние распространилось и на онлайн-арену. Знаменитости все чаще используют социальную сеть Instagram для продвижения коммерческих продуктов. Важно исследовать, в какой степени люди подвержены влиянию такого типа продвижения и на каких людей он способен влиять. Исследования показали, что на поведение в Интернете в значительной мере влияет личность человека. Однако до сих пор подобные исследования не включали взаимосвязь между личностью и степенью влияния знаменитостей посредством социальных сетей. В этом исследовании изучается вопрос о том, насколько личность пользователя связана со степенью влияния на него сообщений знаменитостей в Instagram. В исследовании принял участие 121 студент (34 юноши, 87 девушек). Они отвечали на опросники, посвященные их личностным особенностям. Испытуемых также спрашивали о степени влияния, которое знаменитости оказывают на них через Instagram. Результаты показали, что люди, которых можно охарактеризовать как открытых и обладающих внутренним локусом контроля, более устойчивы к такому влиянию со стороны знаменитостей. В настоящей работе показано, что личность получателя информации, вероятно, влияет на степень воздействия одобрительных высказываний знаменитостей. Обсуждаются выводы на основе этих результатов.

Ключевые слова: одобрительные высказывания знаменитостей, Instagram, личность, локус контроля, открытость опыту, экстраверсия.

Яир Амихай-Хамбургер – директор, The Research Center for Internet Psychology Sammy Ofer School of Communication, Interdisciplinary Center (IDC), профессор. Сфера научных интересов: Интернет и благополучие человека. Контакты: yairah@idc.ac.il

Шир Этгар – приглашенный научный сотрудник, Columbia Business School, доктор социальной психологии. Сфера научных интересов: способы влияния новых технологий и новых медиа на социальные и когнитивные процессы человека. Контакты: shir.etgar@gmail.com

Хадар Гиль-Ад – журналист, YNET, магистр в области коммуникаций и новых медиа. Сфера научных интересов: взаимодействие между онлайн-платформами и контентом и его влияние на онлайн-пользователя. Контакты: hadargg28@gmail.com

Михаль Левитан-Гиат – директор по работе со стратегическими клиентами, Salesforce Israel, магистр в области коммуникаций и новых медиа. Сфера научных интересов: влияние социальных сетей на мир бизнеса. Контакты: michallyv@hotmail.com

Гая Раз – вице-президент, Sarona Market, Big Group, магистр в области коммуникаций и новых медиа. Сфера научных интересов: романтические отношения онлайн. Контакты: gaya124@walla.co.il

АДАПТАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ВЕРСИИ ОПРОСНИКА МОТИВАЦИИ ИГРЫ В МАССОВЫЕ МНОГОПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКИЕ РОЛЕВЫЕ ОНЛАЙН-ИГРЫ (ММОРПГ) НИКА ЙИ

Н.В. БОГАЧЕВА^a, В.Е. ЕПИШИН^a, А.В. МИЛЬЯНСКАЯ

^aПервый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова, 119991, Россия, Москва, ул. Большая Пироговская, д. 2, стр. 4

Резюме

Цель исследования — адаптация русскоязычной версии опросника мотивации игры в ММОРПГ Ника Йи. В исследовании участвовали 538 человек (72,5% мужчин) в возрасте 12–40 лет. Для оценки внешней валидности опросника использовались «Шкала мотивации гейминга» (GAMS) и опросник опыта потока в групповых ролевых играх. Итоговая версия опросника воспроизводит оригинальную факторную структуру, но содержит 24 пункта из 39. Показатели пригодности итоговой модели ($CFI = 0.95$; $RMSEA = 0.042$) демонстрируют хорошую согласованность модели и эмпирических данных. Показатели внутренней согласованности шкал опросника (α Кронбаха) варьируют в диапазоне 0.619–0.906. Корреляции шкал опросника со шкалами GAMS и опросника опыта потока подтверждают его конструктную валидность. С внутренней мотивацией, интегративной и интроверсированной регуляцией (GAMS) преимущественно связаны факторы шкалы мотивации погружения. Идентифицированная и внешняя регуляции коррелируют в основном со шкалами социальной мотивации и мотивации достижения. Все шкалы мотивации игры в ММОРПГ связаны с переживанием опыта потока, также множественные корреляции демонстрируют шкалы достижения и социальной мотивации опросника Йи с ориентацией на общение и шкалой продуманность—спонтанность опросника опыта потока. Обнаружены значимые межполовые различия в мотивации игры: у мужчин более выражен фактор механики (мотивация достижения), а у женщин — факторы эскапизма и кастомизации (мотивация погружения). Адаптированный опросник Ника Йи может считаться достаточно надежным и валидным инструментом для изучения мотивации игроков в онлайн-компьютерные игры.

Ключевые слова: компьютерные игры, мотивация игры, геймеры, онлайн-игры, компьютерные игроки, адаптация опросника.

Введение

Опосредованная компьютерами и Интернетом игровая деятельность является предметом психологических исследований на протяжении нескольких десятилетий. Одно из наиболее значимых изменений, произошедших за это время с видеоиграми, — появление многопользовательских онлайн-игр,

поддерживающих одновременную совместную игру сотен игроков. Аудитория видеоигр постоянно растет, превысив в России 65 миллионов человек (Седых, 2020). В связи с этим часто высказывается обеспокоенность возможными негативными последствиями увлечения компьютерными играми (зависимость, рост агрессивности и импульсивности у так называемых геймеров и др.). Мотивационно-смысловая сфера игроков при этом остается сравнительно малоизученной, но большинство ученых согласны, что компьютерная игровая деятельность полимотивирована (Olson, 2010; Иванова, 2020). При этом уже в ранних психологических исследованиях мотивация компьютерной игры рассматривалась в качестве одного из факторов, определяющих ее психологическое воздействие (Фомичева и др., 1991).

Наиболее известная ранняя классификация геймеров по критерию мотивации, предложенная Ричардом Бартлом, была рассчитана на игроков в многопользовательские игры жанра MUD (Multi User Dungeon, предшественник современных онлайн-игр) (Bartle, 1996). Он выделил четыре основных мотива игры: ориентацию на игроков или на игровой мир, на взаимодействие или на воздействие. По сочетанию этих мотивов выделяются четыре типа игроков: «достигающие», ориентированные на получение наград и очков; «исследователи», стремящиеся полностью изучить игровой мир; «социализирующиеся», заинтересованные главным образом в коммуникации, и «убийцы», стремящиеся мешать другим игрокам. При том, что работа Бартла носила теоретический характер и неоднократно критиковалась впоследствии, она послужила основой для ряда современных исследований мотивации геймеров (Yee, 2006).

Вдохновляясь работой Бартла и исследование мотивации игроков в массовые многопользовательские ролевые онлайн-игры (ММОРПГ) Ника Йи. Как и одиночные ролевые компьютерные игры, ММОРПГ связаны с принятием игроком роли определенного персонажа, имеющего уникальную внешность, характеристики, историю. Принципиальная особенность ММОРПГ-жанра — одновременное присутствие в игре множества игроков, которые могут общаться, кооперироваться для совместной игры или противостоять друг другу (Sellers, 2006). Изначально опросник Йи отталкивался от предложений Бартла, но факторный анализ показал наличие десяти компонентов игровой мотивации, образующих три независимых фактора: достижение, погружение и социализацию. Мотивация достижения объединяет все, что касается прогресса в игре, соревновательный элемент и стремление разобраться в технических аспектах. Мотивация погружения связана с ролевыми элементами и глубоким интересом к игровому миру. Социальная мотивация отражает интерес к различным аспектам взаимоотношений между игроками (Yee, 2006). Подробнее шкалы описаны в разделе «Методики».

Модель игровой мотивации Йи более гибкая, чем типология Бартла, и позволяет составлять индивидуальные мотивационные профили геймеров, а также устанавливать связи с другими психологическими и демографическими характеристиками. Так, например, установлена связь мотивации эскапизма (фактор мотивации погружения) и мотивации развития персонажа (фактор

мотивации достижения) с игровой зависимостью, установлена межполовая и возрастная специфика мотивации онлайн-геймеров (Yee, 2006).

Наряду с моделью игровой мотивации Ника Йи, исследования мотивации игроков в компьютерные игры часто опираются на теорию опыта потока Михая Чиксентмихайи. Возникновение в процессе игры «опыта потока» — особого состояния удовлетворенности, возникающего при погружении в какую-либо деятельность, сопряженного с потерей чувства времени и своего Я, ощущением контроля за своими действиями и восприятием процесса деятельности как награды, неоднократно исследовалось психологами (Войскунский и др., 2005; Olson, 2010), в том числе в контексте возникновения зависимости от видеоигр (Ван и др., 2011), однако выводы относительно видеоигр до сих пор являются предметом дискуссий (Andrade, Pontes, 2017).

Все чаще для описания игровой мотивации применяется теория самодетерминации Эдварда Деси и Ричарда Райана, легшая в основу моделей игровой мотивации PENS (Ryan et al., 2006) и GAMS (Lafrenière et al., 2012; Иванова и др., 2016). PENS (Player Experience of Need Satisfaction, — Опыт игрока в удовлетворении потребностей) фокусируется на переживании во внутриигровом опыте игрока чувства компетентности, автономии, эффекта присутствия и интуитивности игрового управления. Данная модель базируется на мини-теории когнитивной оценки, описывающей влияние внешних факторов на внутреннюю мотивацию субъекта (Ryan et al., 2006). Опросник GAMS в большей степени фокусируется на различных формах внешней мотивации игроков в компьютерные игры (Lafrenière et al., 2012). Обе эти методики соотносились с различными версиями моделей игровой мотивации Йи (Ryan et al., 2006; Иванова, 2020), что, с одной стороны, указывает на значимость его работ в данной области, а с другой — позволяет использовать эти модели для валидизации русской версии опросника Йи.

Целью нашего исследования является адаптация на русскоязычной выборке методики «Мотивация игры в многопользовательские ролевые онлайн-игры» (Yee, 2006). Несмотря на вклад работ Йи в современные представления о мотивации геймеров, полноценная русскоязычная адаптация данной методики прежде не проводилась. Наличие надежной русской версии опросника расширит возможности дальнейшего изучения мотивации игры, а также упростит сопоставление результатов отечественных и зарубежных исследований в этой области.

Материалы и методы

Выборка

В исследовании приняли участие 538 респондентов (148 женщин, 390 мужчин) в возрасте от 12 до 40 лет ($M = 21.25$, $Me = 20$, $SD = 5.17$). Опрос проводился онлайн посредством Google Forms. Перед заполнением методик участникам предъявлялась форма информированного согласия.

Процедура

Опросник «Мотивация игры в ММОРПГ» (Yee, 2006) был переведен на русский язык независимо двумя русскоязычными переводчиками. Обратный перевод на английский выполнили два носителя английского языка. Переводы совмещала и сличала с оригинальным опросником экспертная комиссия, после чего был начат сбор данных.

Статистическая обработка осуществлялась с использованием IBM ® SPSS ® Statistics (Version 22) и IBM ® SPSS ® Amos 22.0.0.

Методики

1. Опросник «Мотивация игры в ММОРПГ» Ника Йи (Yee, 2006), состоящий из 39 вопросов, оцениваемых по пятибалльной шкале (формулировки ответов варьируются в зависимости от вопроса, см. приложение). Опросник включает следующие шкалы:

- а) прогресс — мотивация достижения игровых целей, быстрого развития персонажа, накопления ресурсов;
- б) механика — шкала описывает стремление к пониманию математических основ игры для лучшего развития персонажа;
- в) соревнование — мотивация подразумевает получение удовольствия от состязания с другими игроками нормативными (внутриигровыми) и ненормативными (с использованием провокации, обмана, грубости) методами;
- г) общение — игра ради общения с другими игроками в форме непосредственно разговоров или в результате совместной игры;
- д) отношения — игровая мотивация, связанная с установлением значимых межличностных отношений с другими игроками;
- е) командная работа — игра ради совместной деятельности, коллaborации с другими игроками;
- ж) исследование — мотивация изучения игрового мира, поиск редких игровых зон, заданий, предметов;
- з) отыгryвание роли — мотивация, связанная с погружением и продумыванием истории персонажа игрока и игрового мира;
- и) кастомизация (от англ. customization — настройка) — интерес к модификации внешнего вида игрового персонажа, созданию для него уникального стиля;
- к) эскапизм — использование мира игры для отвлечения от проблем и стресса в реальной жизни.

Прогресс, механика и соревнования образуют глобальную шкалу Достижение; общение, отношения и социализация — шкалу Социальная мотивация; оставшиеся шкалы входят в глобальную шкалу Погружение.

2. Опросник «Шкала мотивации гейминга» (Gaming Motivation Scale, GAMS) (Lafrenière et al., 2012) в русскоязычной модификации Н.А. Ивановой (Иванова и др., 2016) содержит 18 утверждений, оцениваемых по 5-балльной шкале от «не согласен» до «согласен» и измеряет 6 типов мотивации: внутрен-

нюю мотивацию, амотивацию, внешнюю регуляцию, идентифицированную регуляцию, интегративную (встроенную) регуляцию и интровертированную регуляцию. Последние четыре шкалы отражают разные виды внешней мотивации.

3. Опросник опыта потока в групповых ролевых играх А. Е. Войскунского (Войскунский и др., 2005). Методика стоит из 32 пунктов, образующих 6 факторов: переживание «опыта потока»; ориентация на достижение успеха; активность—пассивность; ориентация на общение; продуманность—спонтанность; познавательная потребность.

4. Анкета с социально-демографическими данными, вопросами об уровне игровой активности и любимых видеоиграх.

Результаты

Проверка факторной структуры опросника

На первом этапе с помощью конфирматорного факторного анализа тестировались три измерительные модели: 1) Модель 1 не включала ковариаций между факторами; 2) Модель 2 включала ковариации между всеми факторами; 3) Модель 3 включала три группы ковариационно-связанных факторов, отражающих факторную структуру оригинального опросника. Результаты тестирования моделей приведены в таблице 1

Рассчитанные показатели пригодности моделей не достигают рекомендуемых значений (Hu, Bentler, 1999). С целью их улучшения были исключены вопросы, имеющие факторную нагрузку ниже 0.5. Исключение было сделано для шкалы отыгрывания роли, поскольку два из трех утверждений в ней имели нагрузку ниже 0.5. После исключения низко нагруженных вопросов из первоначальных 39 остались 24 вопроса.

Показатели пригодности для моделей 2 и 3 с исключенным утверждениями приведены в таблице 2.

Обе протестированные модели демонстрируют достаточные индексы пригодности. Для дальнейшей работы была выбрана Модель 3, так как ее показатели несколько лучше, чем у Модели 2 (см. рисунок 1).

Таблица 1
Показатели пригодности измерительных моделей

	χ^2	df	p	CFI	TLI	RMSEA	PCLOSE	AIC
Модель 1	3683.177	702	0.000	0.618	0.597	0.089	0.000	3839.177
Модель 2	2536.185	657	0.000	0.759	0.729	0.073	0.000	2782.185
Модель 3	2751.608	690	0.000	0.736	0.717	0.075	0.000	2931.608

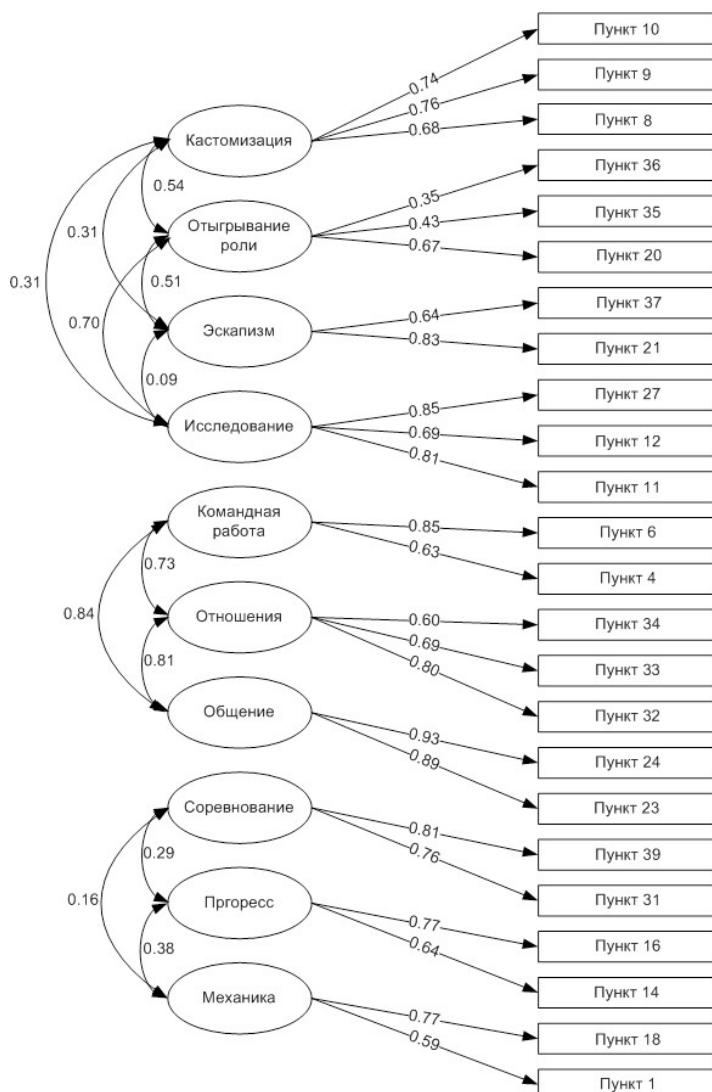
Таблица 2

Показатели пригодности моделей после удаления низко нагруженных пунктов

	χ^2	df	<i>p</i>	CFI	TLI	RMSEA	PCLOSE	AIC
Модель 2	436.779	206	0.000	0.95	0.932	0.046	0.882	624.779
Модель 3	468.555	238	0.000	0.95	0.942	0.042	0.986	592.555

Рисунок 1

Структура русской версии опросника «Мотивация игры в ММОРПГ» Ника Йи

Оценка надежности

Оценка внутренней согласованности шкал опросника осуществлялась с помощью коэффициента α Кронбаха. Результаты приведены в таблице 3.

Для всех шкал опросника показатели внутренней согласованности являются приемлемыми.

Оценка внешней валидности

Оценка внешней валидности опросника осуществлялась с расчетом корреляции Пирсона между его шкалами и шкалами опросников GAMS и опыта потока. Значимость корректировалась с помощью поправки Холма—Бонферрони. Результаты приведены в таблицах 4 и 5.

Внутренняя мотивация наиболее тесно связана со шкалой Погружение и ее компонентами, за исключением исследования, а также с фактором прогресса шкалы Достижение. Внешняя регуляция связана в шкале Достижение с механикой и прогрессом; с фактором отношений шкалы Социальной мотивации; с отыгрыванием роли и кастомизацией, относящимися к мотивации Погружения. Идентифицированная регуляция значимо коррелирует со всеми шкалами Социальной мотивации и прогрессом. Шкала встроенной регуляции коррелирует со всеми факторами Погружения, а также с фактором механики. Интровертированная регуляция показала корреляции с эскапизмом, отыгрыванием роли и кастомизацией. Амотивация значимо не связана со шкалами опросника Н. Йи.

Разные аспекты переживания опыта потока связаны с различными игровыми мотивациями. Познавательная потребность значимо коррелирует с исследованием, эскапизмом и отыгрыванием роли шкалы Погружение, а

Таблица 3

Внутренняя согласованность шкал русскоязычной версии опросника Ника Йи

Фактор	Альфа Кронбаха
Механика	0.619
Прогресс	0.657
Соревнование	0.837
Общение	0.906
Отношения	0.780
Командная работа	0.690
Исследование	0.822
Эскапизм	0.691
Отыгрывание роли	0.632
Кастомизация	0.766

Таблица 4

Корреляции шкал опросников Ника Йи и GAMS (n = 432)

Шкалы	Внутренняя мотивация	Внешняя регуляция	Идентифицированная регуляция	Интегративная (встроенная) регуляция	Интровертированная регуляция
Механика	0.180	0.266**	0.167	0.221**	0.149
Прогресс	0.270**	0.355**	0.224**	0.089	0.152
Соревнование	0.072	0.150	0.021	-0.043	0.135
Общение	0.045	0.160	0.419**	0.031	0.037
Отношения	0.120	0.254**	0.487**	0.183	0.143
Командная работа	0.039	0.122	0.379**	-0.026	0.041
Исследование	0.171	0.138	0.075	0.216**	0.132
Эскапизм	0.276**	0.124	0.101	0.302**	0.430**
Отыгрывание роли	0.228**	0.208**	0.156	0.266**	0.194**
Кастомизация	0.211**	0.213**	0.104	0.195**	0.262**
Достижение	0.255**	0.378**	0.201**	0.125	0.213**
Социальная мотивация	0.086	0.217**	0.504**	0.089	0.094
Погружение	0.322**	0.257**	0.161	0.354**	0.363**

Таблица 5

Корреляции шкал опросников Ника Йи и опыта потока (n = 538)

Шкалы	Переживание «опыта потока»	Ориентация на достижение успеха	Активность – пассивность	Ориентация на общение	Продуманность – Спонтанность	Познавательная потребность
Механика	0.152	0.322**	0.258**	0.153	0.317**	0.223**
Прогресс	0.229**	0.461**	0.148	0.259**	0.301**	0.068
Соревнование	0.117	0.111	0.094	0.183**	0.116	-0.088
Общение	0.191**	0.088	0.100	0.762**	0.296**	0.026
Отношения	0.250**	0.118	0.169	0.644**	0.280**	0.062
Командная работа	0.141	0.059	0.132	0.624**	0.251**	0.020
Исследование	0.066	0.045	-0.006	-0.054	-0.044	0.313**
Эскапизм	0.522**	0.129	-0.135	0.074	0.122	0.188**
Отыгрывание роли	0.222**	0.056	-0.024	-0.024	0.030	0.272**
Кастомизация	0.145	0.169	-0.083	0.102	0.131	0.104
Достижение	0.247**	0.440**	0.243**	0.296**	0.359**	0.093
Социальная мотивация	0.234**	0.107	0.159	0.784**	0.321**	0.045
Погружение	0.329**	0.148	-0.088	0.035	0.086	0.325**

** p < 0.01.

также с фактором механики. Шкалы Ориентация на общение и Продуманность—Спонтанность — со всеми факторами Социальной мотивации и большинством факторов Достижения. Шкалы Активность—пассивность и Ориентация на достижение успеха демонстрируют значимые связи с механикой и прогрессом шкалы Достижение. Шкала Переживание опыта потока коррелирует с факторами из всех шкал опросника Йи, а именно с прогрессом (шкала Достижение), общением и отношениями (шкала Социальная мотивация), эскапизмом и отыгрыванием роли (шкала Погружение).

Описательные статистики и оценка индивидуальных различий

Описательные статистики по шкалам опросника мотивации игры в ММОРПГ были рассчитаны для выборки в целом и отдельно для мужчин и женщин. Межгрупповые сравнения выполнены с помощью *t*-критерия Стьюдента для независимых выборок. Результаты приведены в таблице 6.

Для мужчин характерны более высокие по сравнению с женщинами показатели механики и более низкие — эскапизма и кастомизации. Играя в ММОРПГ, мужчины больше интересуются лежащими в основе игры математическими формулами, пытаются разобраться, как работает игровой мир, в то

Таблица 6

Сравнение средних показателей мужчин и женщин по шкалам опросника Ника Йи

Шкала	Вся выборка (N = 538)		Женщины (n = 148)		Мужчины (n = 390)		t-критерий Стьюдента	
	M	SD	M	SD	M	SD	t	p
Механика	7.11	2.14	6.24	2.16	7.44	2.07	-5.941	0.000
Прогресс	6.25	2.36	6.54	2.43	6.15	2.33	1.735	0.083
Соревнование	4.09	2.35	3.87	2.44	4.17	2.31	-1.335	0.183
Общение	6.78	2.57	7.00	2.71	6.69	2.51	1.251	0.212
Отношения	8.03	3.35	8.40	3.74	7.89	3.18	1.458	0.146
Командная работа	6.28	2.29	6.32	2.36	6.26	2.27	0.253	0.800
Исследование	11.11	3.26	10.70	3.67	11.27	3.08	-1.661	0.098
Эскапизм	5.87	2.52	6.47	2.45	5.64	2.51	3.476	0.001
Отыгрывание роли	9.25	3.09	9.59	3.11	9.12	3.07	1.571	0.117
Кастомизация	9.98	3.47	11.34	3.20	9.47	3.44	5.767	0.000
Достижение	17.45	4.63	16.66	4.77	17.76	4.54	-2.475	0.014
Социальная мотивация	21.08	7.07	21.72	7.74	20.84	6.80	1.206	0.229
Погружение	40.36	8.99	42.43	8.88	39.57	8.93	3.311	0.001

время как женщины более заинтересованы в создании персонажа с уникальной внешностью и стилем, а также более склонны использовать компьютерные игры для отвлечения от проблем в реальной жизни. По обобщенным шкалам значимые различия выявлены для шкал Достижение (выше у мужчин) и Погружение (выше у женщин), что также может указывать на специфику мотивационной привлекательности онлайновых игр для людей разного пола. Полученные результаты в целом согласуются с данными Н. Йи (Yee, 2006), за исключением не выявленных в нашей работе различий по шкалам Социальной мотивации. Эти различия можно объяснить меньшим размером нашей выборки, а также изменениями, произошедшими в среде компьютерных игроков за последние 10–15 лет. В частности, среди геймеров становится больше женщин, и подобное увлечение перестает восприниматься как нечто необычное.

Обсуждение результатов

Факторная структура оригинального опросника Ника Йи воспроизводится на российской выборке. Показатели пригодности измерительной модели ($CFI = 0.95$, $RMSEA = 0.042$) и оценки внутренней согласованности пунктов шкал русскоязычной версии опросника мотивации игроков в ММОРПГ, состоящей из 24 пунктов, позволяют рассматривать его как надежный психометрический инструмент.

Анализ корреляционных связей шкал опросника Йи и опросника GAMS показывает, что разные факторы игровой мотивации соотносятся как с внутренней, так и с различными аспектами внешней мотивации. Наиболее широко эти связи представлены для фактора прогресса шкалы Достижение и большинства факторов шкалы Погружение, за исключением мотивации исследования.

Корреляции прогресса с внутренней мотивацией, внешней и идентифицированной регуляцией показывают, что желание развивать своего игрового персонажа может проявляться в поиске вызова в игре и раскрытии своих игровых возможностей (внутренняя мотивация), а также в поиске сторонней награды (внешняя регуляция) и восприятии компьютерной игры как значимой деятельности, согласующейся с личными целями игрока (идентифицированная регуляция). Фактор механики, относящийся к шкале Достижение, связан только с внешней и интегративной регуляцией. Таким образом, интерес к технической стороне игрового процесса, математическим формулам, лежащим за ним, по-видимому, является внешним к мотивации игры и обуславливается стремлением к получению более высоких результатов, либо игра сама по себе выступает как способ достижения цели, например, при наличии интереса к программированию или гейм-дизайну (Иванова и др., 2016).

Все факторы Социальной мотивации значимо коррелируют с идентифицированной регуляцией. Это означает, что социальную мотивацию геймеров также следует рассматривать как внешнюю относительно игровой деятельности, что представляется логичным. В данном случае личными целями игрока, вероятно, являются социализация и выстраивание отношений с другими игроками, как внутри, так и за пределами игрового мира. Фактор отношений

при этом связан и с внешней регуляцией. Это можно интерпретировать как восприятие внутриигровых отношений игроками в качестве фактора достижения успеха в ММОРПГ.

Все факторы Погружения значимо связаны со шкалой интегративной регуляции GAMS, а для фактора исследования эта корреляция единственна значимая. Интегративная регуляция в мотивации игровой деятельности подразумевает соотнесенность игры с образом жизни или внешними целями игрока (Там же), что, в частности, может отражать своеобразие мотивации, присущее игрокам-исследователям, играющим не столько ради самой игры, сколько ради удовлетворения познавательной потребности. Другие факторы Погружения демонстрируют схожие корреляции с GAMS (за исключением эскапизма, связь которого с внешней регуляцией незначима). Эскапизм, отыгрывание роли и кастомизация коррелируют с внутренней мотивацией игры, интегративной регуляцией, а также интровертированной регуляцией. Последняя подразумевает обращение к игре под давлением чувства вины или тревоги. С одной стороны, эти формы мотивации могут свидетельствовать об использовании компьютерной игры как формы совладающего поведения с проблемами в реальности, но также указанные переживания могут проистекать из неспособности отказаться от игры, указывать на связь с компьютерной игровой зависимостью. В оригинальной публикации Йи также рассматривает эскапизм как фактор риска зависимости (Yee, 2006).

Корреляции со шкалами опросника опыта потока также содержательно хорошо интерпретируются. Шкала переживания опыта потока демонстрирует значимые корреляции со всеми укрупненными шкалами опросника Ника Йи и большинством факторов, их составляющих. Опыт потока, вероятно, вносит свой вклад во все аспекты мотивации компьютерной игры, и, в свою очередь, разные аспекты игровой мотивации способствуют достижению переживания потока. Наибольшее количество корреляций с опытом потока продемонстрировали факторы механики и достижения, что, вероятно, адресует к такому условию возникновения опыта потока, как оптимальное соотношение требований задачи и навыков игрока (Войскунский и др., 2005). Ожидаемо факторы Социальной мотивации (а также фактор соревнования, наиболее «социальный» из шкалы Достижения) связаны с ориентацией на общение в игре. Продуманный стиль игры, проявляющийся как более осторожное, вдумчивое поведение с опорой на мнение опытных игроков, положительно связан со всеми факторами социальной мотивации, что указывает на взаимодействие данного стиля игры со сферой социальных взаимоотношений между игроками. Мотивация исследования значимо коррелирует с познавательной мотивацией, а эскапизм и отыгрывание роли — с переживанием потока, что отсылает нас к дискуссии о возможной роли опыта потока в формировании игровой зависимости (Andrade, Pontes, 2017). Познавательный же аспект отыгрывания роли, вероятно, имеет отношение к получению нового опыта и знаний через идентификацию себя с персонажем, погружение в драматургию сюжета, историю и особенности игрового мира. Таким образом, корреляционные связи с опросником опыта потока также подтверждают конструктную валидность опросника мотивации игры в ММОРПГ Ника Йи.

Выводы

Русскоязычная версия опросника мотивации игроков в ММОРПГ Ника Йи воспроизводит факторную структуру оригинального опросника и демонстрирует приемлемые показатели надежности по всем факторам. Корреляции со шкалами других опросников позволяют сделать вывод о высокой конструктной валидности адаптированного опросника. Данный опросник может использоваться при изучении мотивации онлайн-игроков.

Ограничения

Хорошие показатели пригодности измерительной модели были достигнуты путем частичного исключения вопросов из большинства шкал. Это может быть связано с особенностью выборки – не все участники исследования считали ММОРПГ любимым и основным для себя жанром, в то время как оригинальная версия опросника разрабатывалась с привлечением игроков исключительно в ММОРПГ, более популярные в 2000-е, нежели сейчас. Увеличение размера выборки, строгий учет жанровых предпочтений и опыта игры, а также использование эксплораторных процедур для выявления факторной структуры опросника позволяют сделать более обоснованные выводы о его психометрических свойствах в будущем.

Литература

- Ван, Ш., Войскунский, А. Е., Митина, О. В., Карпухина, А. И. (2011). Связь опыта потока с психологической зависимостью от компьютерных игр. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 8(4), 73–101.
- Войскунский, А. Е., Митина, О. В., Аветисова, А. А. (2005). Общение и «опыт потока» в групповых ролевых интернет играх. *Психологический журнал*, 26(5), 47–63.
- Иванова Н. А. (2020). *Мотивы вовлеченности мужчин в массовые онлайн-игры* [Кандидатская диссертация, Санкт-Петербургский государственный университет]. URL: http://disser.spbu.ru/files/2020/disser_ivanova.pdf
- Иванова, Н. А., Артемов, А. В., Волохонский, В. Л., Дубик, С. В. (2016). Мотивация онлайн-гейминга в контексте теории самодетерминации (SDT). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, 2, 47–58. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2016.206>
- Седых, И. А. (2020). *Индустрия компьютерных игр-2020*. <https://dcenter.hse.ru/data/2020/07/27/1599127653/%D0%98%D0%BD%D0%B4%D1%83%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B8%D1%8F%20%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BF%D1%8C%D1%8E%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BD%D1%80%D0%BD%D1%8B%D1%85%20%D0%B8%D0%BD%D3%D1%80-2020.pdf>
- Фомичева, Ю. В., Шмелев, А. Г., Бурмистров, И. В. (1991). Психологические корреляты увлеченности компьютерными играми. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 3, 27–39.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References* после англоязычного блока.

Богачева Наталья Вадимовна — доцент, кафедра педагогики и медицинской психологии, Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова (Сеченовский Университет), кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: киберпсихология, психология геймеров, компьютерная игровая зависимость.

Контакты: bogacheva.nataly@gmail.com

Епишин Виталий Евгеньевич — старший преподаватель, кафедра педагогики и медицинской психологии, Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова (Сеченовский Университет).

Сфера научных интересов: психология риска и принятия решений, решение комплексных проблем, психометрика.

Контакты: v.e.epishin@gmail.com

Мильянская Алиса Валерьевна — психолог (частная практика), независимый исследователь. Сфера научных интересов: мотивационная сфера, виртуальное пространство, методы психодиагностики.

Контакты: milianskaya.alisa@gmail.com

Приложение

Русскоязычная версия опросника мотивации игры в массовые многопользовательские ролевые онлайн-игры (ММОРПГ) Ника Йи

Пожалуйста, ответьте на несколько вопросов, касающихся ваших интересов и предпочтений в онлайн-компьютерных играх, отметив наиболее подходящий для вас вариант в таблице. Здесь нет правильных и неправильных ответов.

№	Вопрос	1	2	3	4	5
1.	Насколько вам интересны точные цифры и проценты, лежащие в основе игровой механики?	1 Совсем нет	2	3	4	5 Очень сильно
2.	Вы предпочитаете состоять в группе или быть соло (один)?	1 Однозначно один	2	3	4	5 Однозначно в группе
3.	Насколько вам нравится работать с другими игроками в команде?	1 Совсем нет	2	3	4	5 Очень сильно
4.	Как много времени вы тратите, настраивая вашего персонажа при его создании?	1 Совсем нет	2	3	4	5 Очень сильно
5.	Насколько для вас важно, чтобы доспехи/наряд вашего персонажа сочетались по цвету и стилю?	1 Совсем нет	2	3	4	5 Очень сильно
6.	Насколько для вас важно, чтобы ваш персонаж внешне отличался от других?	1 Совсем нет	2	3	4	5 Очень сильно
7.	Насколько вам нравится исследовать игровой мир только ради самого его исследования?	1 Совсем нет	2	3	4	5 Очень сильно
8.	Насколько для вас важно находить квесты, NPC (неигровых персонажей) или локации, о которых большинство игроков не знает?	1 Совсем нет	2	3	4	5 Очень сильно
9.	Насколько для вас важно в игре прокачивать персонажа настолько быстро, насколько это возможно?	1 Совсем нет	2	3	4	5 Очень сильно

10.	Насколько для вас важно стать могущественным в игре?	1 Совсем нет	2	3	4	5 Очень сильно
11.	Насколько для вас важно знать как можно больше о механике и правилах игры?	1 Совсем нет	2	3	4	5 Очень сильно
12.	Насколько для вас важно погружаться в фантастический мир игры?	1 Совсем нет	2	3	4	5 Очень сильно
13.	Насколько для вас важно уйти из реального мира в игровой?	1 Совсем нет	2	3	4	5 Очень сильно
14.	Насколько вам нравится в игре знакомиться с другими игроками?	1 Совсем нет	2	3	4	5 Очень сильно
15.	Насколько вам нравится в игре болтать с другими игроками?	1 Совсем нет	2	3	4	5 Очень сильно
16.	Насколько вам нравится исследовать каждую локацию в игровом мире?	1 Совсем нет	2	3	4	5 Очень сильно
17.	Насколько вам нравится в игре делать вещи, раздражающие других игроков?	1 Совсем нет	2	3	4	5 Очень сильно
18.	Как часто в игре вы ведете содержательные беседы с другими игроками?	1 Никогда	2	3	4	5 Всегда
19.	Как часто в игре вы говорите о личном с игровыми друзьями?	1 Никогда	2	3	4	5 Всегда
20.	Как часто в игре ваши игровые друзья предлагают вам помочь, когда у вас возникают проблемы в реальной жизни?	1 Никогда	2	3	4	5 Всегда
21.	Как часто в игре вы придумываете своим персонажам прошлое и историю?	1 Никогда	2	3	4	5 Всегда
22.	Как часто в игре вы отыгрываете роль вашего персонажа (злобный глупый орк, мудрый маг и т.д.)?	1 Никогда	2	3	4	5 Всегда
23.	Как часто вы играете, чтобы не думать о проблемах и заботах в реальной жизни?	1 Никогда	2	3	4	5 Всегда
24.	Как часто в игре вы специально пытаетесь спровоцировать или вывести из себя других игроков?	1 Никогда	2	3	4	5 Всегда

Ключи к опроснику (все пункты прямые)

Факторы	Номера вопросов
Механика	1, 11
Прогресс	9, 10
Соревнование	17, 24
Общение	14, 15
Отношения	18, 19, 20
Командная работа	2, 3
Исследование	7, 8, 16
Эскапизм	13, 23
Отыгрывание роли	12, 21, 22
Кастомизация	4, 5, 6
Шкалы	Факторы
Достижение	Механика + Прогресс + Соревнование
Социальная мотивация	Общение + Отношения + Командная работа
Погружение	Исследование + Эскапизм + Отыгрывание роли + Кастомизация

Adaptation of the Russian Version of Nick Yee's Motivations of Play in Massively Multiplayer Online Role-playing Games (MMORPGs) Inventory

N.V. Bogacheva^a, V.E. Epishin^a, A.V. Milianskaya

^a I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University), 2 building 4 Bolshaya Pirogovskaya Str., Moscow, 119991, Russian Federation

Abstract

The study aimed to adapt Nick Yee's Motivations of Play in MMORPGs Inventory into Russian. The sample included 538 participants (72.5% male) aged 12–40 years. We used Gaming Motivation Scale (GAMS) and the flow experience in group role-playing games questionnaire to assess the external validity of the adapted inventory scales. The final version of the questionnaire reproduced the original factor structure, but contained 24 items out of 39. The indicators of the final model fit ($CFI = 0.95$; $RMSEA = 0.042$) demonstrated good agreement between the model and the empirical data. Cronbach's alphas varied between 0.619–0.906, suggesting moderate to good reliability. The correlations between Yee's Inventory scales, GAMS scales, and the flow experience questionnaire confirmed its construct validity. Intrinsic motivation, integrated and introjected regulation (GAMS) mostly correlated with the factors of the Immersion scale. Identified and external regulation mainly correlated with social and achievement motivation factors. There were no significant correlations for GAMS amotivation scale. All scales of Yee's Inventory correlated with the flow experience; multiple correlations were also found between achievement and social motivation factors and focus on communication and thoughtfulness-spontaneity factors of the flow experience questionnaire. Male and female gamers scored differently in Yee's Inventory: men had a significantly higher interest in mechanics (achievement scale). Women had higher escapism and customization motivations (immersion scale). We consider the adapted version of Yee's Inventory a reliable and valid tool to evaluate online gaming motivation.

Keywords: computer games, video games, gaming motivation, gamers, online games, questionnaire adaptation.

References

- Andrade, M. J., & Pontes, H. M. (2017). A brief update on videogame play and flow experience: From addiction to healthy gaming. *Mental Health and Addiction Research Journal*, 2(1), 1–3. <https://doi.org/10.15761/MHAR.1000127>
- Bartle, R. (1996). Hearts, clubs, diamonds, spades: Players who suit MUDs. *The Journal of Virtual Environments*, 1. <https://mud.co.uk/richard/hcds.htm>
- Fomicheva, Y. V., Shmelev, A. G., & Burmistrov, I. V. (1991) Psichologicheskie korrelyaty uvlechenosti kompjuternymi igrami [Psychological correlates of computer games enthusiasm]. *Moscow University Psychology Bulletin*, 3, 27–39.

- Hu, L., & Bentler, P. M. (1999). Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives. *Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal*, 6(1), 1–55. <https://doi.org/10.1080/10705519909540118>
- Ivanova, N. A. (2020). *Motivy vovlechennosti muzhchin v massovye onlajn-igry* [Motives of male engagement in massive online games] [PhD Thesis, Saint Petersburg State University].
- Ivanova, N. A., Artemov, A. V., Volokhovskiy, V. L., & Dubik, S. V. (2016). Online gaming motivation according to self-determination theory (SDT). *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2, 47–58. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2016.206> (in Russian)
- Lafrenière, M.-A. K., Verner-Filion, J., & Vallerand, R. J. (2012). Development and validation of the Gaming Motivation Scale (GAMS). *Personality and Individual Differences*, 53(7), 827–831. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2012.06.013>
- Olson, C. K. (2010). Children's motivations for video game play in the context of normal development. *Review of General Psychology*, 14(2), 180–187. <https://doi.org/10.1037/a0018984>
- Ryan, R. M., Rigby, C. S., & Przybylski, A. (2006). The motivational pull of video games: A self-determination theory approach. *Motivation and Emotion*, 30(4), 347–363. <https://doi.org/10.1007/s11031-006-9051-8>
- Sedyh, I. A. (2020). *Industrija kompjuternyh igr-2020* [Computer Games Industry-2020]. <https://dcenter.hse.ru/data/2020/07/27/1599127653/%D0%98%D0%BD%D0%BA%D1%83%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B8%D1%8F%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BF%D1%8C%D1%8E%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BD%D1%8B%D1%85%D0%BD%D0%BD%D0%80-2020.pdf>
- Sellers, M. (2006). Designing the experience of interactive play. In P. Vorderer & J. Bryant (Eds.), *Playing video games. Motives, responses and consequences* (1st ed., pp. 9–22). Routledge.
- Voiskounsky, A. E., Mitina, O. V., & Avetisova, A. A. (2005). Communication and “flow experience” in Internet group role games. *Psikhologicheskiy Zhurnal*, 26(5), 47–63. (in Russian)
- Wang, Sh., Voiskounsky, A. E., Mitina, O. V., & Karpukhina, A. I. (2011). Association of flow experience to psychological computer game dependency. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 8(4), 73–101. (in Russian)
- Yee, N. (2006). Motivations for play in online games. *CyberPsychology & Behavior*, 9(6), 772–775. <https://doi.org/10.1089/cpb.2006.9.772>

Nataliya V. Bogacheva — Associate Professor, Department of Pedagogy and Medical Psychology, I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University), PhD in Psychology.

Research Area: cyberpsychology, psychology of gamers, gaming addiction.
E-mail: bogacheva.nataly@gmail.com

Vitalii E. Epishin — Senior Lecturer, Department of Pedagogy and Medical Psychology, I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University).
Research Area: psychology of risk and decision making, solving complex problems, psychometrics.
E-mail: v.e.epishin@gmail.com

Alisa V. Milianskaya — Psychologist in private practice, independent researcher.
Research Area: motivational personality sphere, virtual space, psychodiagnostic methods.
E-mail: milianskaya.alisa@gmail.com

Статьи

«БЕСТЕЛЕСНОСТЬ» ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ВИРТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

А.Н. ИСАЕВА^а

^а Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия,
Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Резюме

Статья посвящена проблематизации виртуальной жизни личности в аспекте телесности в условиях тотальной цифровизации социальных и личных отношений. Проблемность этой области стала особенно ощутима в период эпидемии COVID-19. В работе предложена категория «виртуального Другого», который одновременно является результатом активности личности в виртуальности и специфическим объектом ее отношений. В контексте развития Модели топологии жизни Е.Б. Старовойтенко предложены дополнения в виде виртуального и предметно-фигуративного пространств жизни личности. В этих координатах раскрывается особенная проблематика жизненной активности личности. Анализ статей и рефлексивных заметок, появившихся по следам мировой самоизоляции 2020 г., а также ряда других источников, посвященных цифровизации, позволяет сосредоточить сформулированные проблемы в рамках трех сфер личностной активности: коммуникации, деятельности и отношений личности. В работе осмысляются такие проблемы, как потеря телесности в виртуальной коммуникации – недоступность целостного облика Другого и собственной телесной самопрезентации, фрагментарность невербальных проявлений, недоступность контакта глаз, невозможность подхватить диалог на основе чуткого телесного со-присутствия в едином пространстве. Рассматриваются возможные причины Zoom fatigue. Мы анализируем психологические искажения в результате неестественной коммуникации в Zoom'е – все одновременно смотрят на меня (или нет?), и я непрерывно вижу себя в числе других. Реализация отношений в виртуальном пространстве делает коммуникацию с Другим бестелесной и непрерывной и исключает важнейшие паузы, в которых развивается внутренний диалог с Другим. Наряду с реальным, телесным Другим и редуцированным «внутренним Другим» развивается «виртуальный Другой», который должен стать предметом психологических исследований. Виртуальность – это новое, мало освоенное пространство индивидуальной жизни. Пока что оно безграничное, инвазивное и исклю чающее телесность. На данный момент в культуре нет сформированных способов персонального освоения виртуального пространства и разрешения противоречий, порождаемых личностной активностью в нем.

Ключевые слова: виртуальная культура, виртуальное пространство, виртуальная реальность, цифровая культура, цифровизация, Zoom, усталость от Zoom, тело, телесность, воплощенность, Интернет, онлайн, дистанционная работа, карантин, изоляция, COVID-19.

Рубеж XX—XI вв. характеризуется развитием цифровой экономики и мас-совой цифровизацией культуры и общества. Нарождающиеся трансформации личности, социальных отношений и различных сфер деятельности в условиях виртуальной культуры постепенно становятся предметом изучения в гуманистических науках (Абдрахманова и др., 2019; Радаев, 2018; Солдатова, Погорелов, 2018; Солдатова и др., 2017). Актуальной и горячо обсуждаемой темой становится проблематика цифровизации образования. Психологические исследования виртуальной жизни личности постепенно переходят от проблематики интернет-зависимости к разработке категории «клипового мышления» (Исаева, Малахова, 2015), изучению феноменов фаббинга¹ и зависимости от гаджетов (Крюкова, Екимчик, 2019; Chotpitayasunondh, Douglas, 2016), кибербуллинга (Бочавер, Хломов, 2014; Tokunaga, 2010), специфики онлайн-обучения и дистанционного фриланса, разработке технологий иммерсивного обучения в виртуальной среде (Southgate, 2020). В мире спорят о виртуальной культуре: анализируют вызовы, оценивают риски, аргументируют возможности, защищают перспективы. Внезапно мировые события 2020—2021 гг., связанные с эпидемией COVID-19, разворачивают процессы цифровизации в полную силу, и социальная, и профессиональная жизнь множества людей на всем земном шаре стремительно переходит в виртуальную форму.

В результате даже то поколение, которое социологи называют «цифровыми аборигенами»² (Prensky, Bennett, Радаев), переживает довольно сильную тревогу в связи с необходимостью решать профессиональные и учебные задачи в «тотальном онлайне».

Данная работа посвящена проблематизации виртуальной жизни личности. В статье намечены новые категории «виртуального Другого» и «виртуального пространства жизни личности», предложены дополнения в модель топологии жизни Е.Б. Старовойтенко (2015). Представлен анализ принципиальной специфики виртуального пространства индивидуальной жизни ввиду дефицита телесного присутствия личности.³

Мы предлагаем рассматривать виртуальное пространство жизни личности в контексте развития модели топологии индивидуальной жизни Е.Б. Старовойтенко (Там же). Данная модель построена на основе текстов философии и психологии жизни (А. Бергсон, М.М. Бахтин, С.Л. Рубинштейн, М.К. Мардашвили). В настоящей статье модель топологии жизни представлена как одна из основных теоретико-методологических опор во взгляде на пространство индивидуальной жизни. Модель включает следующие пространства: *духовное, культурное, социальное, внутреннее, трансличностное, телесности*,

¹ Поглощенность гаджетами во время непосредственной коммуникации с другими.

² Родившиеся в 1982—2000 гг.

³ Текст во многом является результатом размышлений автора в период самоизоляции, рефлексии собственной профессиональной деятельности в виртуальной среде и обсуждений данной проблематики со студентами и преподавателями Центра фундаментальной и консультативной персонологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

деятельности, влияний и вкладов, Высшего. Они выделены преимущественно по критерию доминирующих релевантных объектов, результатов персональной активности личности, границ каждого пространства с другими пространствами. Например, пространство телесности образовано витальностью, физической силой и глубинными ресурсами тела, обликом и наружностью личности, телесными способностями и задатками, телесной экспрессией, глубинными связями личности с природой, данностью тела себе и другим. В пространстве культуры основными релевантными объектами являются культура, к которой принадлежит личность, декларируемые ценности и глубинные влияния культуры, культурные практики, основные культурные ресурсы деятельности, познания и самопознания личности. В пространстве деятельности сосредоточены конкретные действия и занятия личности, способы осуществления и персональные результаты деятельности, каноны и авторитеты личности в деятельности. В социальном пространстве аккумулированы ближние и дальние другие, род и семья, социум, социальные связи, социальный статус, признание или отчуждение личности другими людьми и т.д. Трансличностное пространство отличается от социального тем, что его доминирующими объектами являются действенные «отраженности» (Е.Б. Строверойтенко, В.А. Петровский) значимых других в личности, а также ее собственное «присутствие» в других через их неосознаваемые идентификации и глубинные отношения к ней.

Логично предположить, что специфическими элементами *виртуального пространства* личности являются цифровые объекты: как оцифрованные тексты, образы, картины, фильмы, музыка, так и создаваемые внутри виртуального пространства специфичные объекты: виртуальные сообщества и средства коммуникации (форумы, чаты, блоги, мессенджеры с характерными средствами выражения эмоций, виртуальные почтовые ящики, программы для видеоконференций), электронные кошельки и электронные счета, виртуальные среды документооборота и экосистемы для самых разнообразных сфер деятельности, Интернет вещей (от «умного дома» до сложной промышленности), виртуальные игры, а также специфические медиа-объекты и сетевые явления типа интернет-мемов, троллинга и кашенизма, кибербуллинга, медиавирусов, флуда, спама и т.д. Это пространство населено виртуализированными Другими — пользователями, разработчиками, субъектами активного обращения с элементами цифрового мира. Виртуальное пространство жизни теснее всего граничит с такими пространствами, как культурное, социальное, деятельностное, и дистанцировано от пространства телесности. Более того, осуществление индивидуальной жизни преимущественно в виртуальном пространстве на данном этапе развития технологий исключает и замещает телесную жизнь личности. Разрыв между виртуальным и телесным пространством жизни частично нивелируется через разработку технологий виртуальной и дополненной реальности.

Полагаем, что в модели топологии жизни могут быть выделены и интегрированы в особую сферу жизни предметные компоненты различных пространств, образуя *предметно-фигуративное* пространство. Его основными

объектами являются физическое пространство — от космоса до места, которое занимает индивидуальное тело в каждый момент времени, местности и ландшафты, конкретные топосы, характеризующие индивидуальную жизнь вещи, способы освоения пространства и передвижения в нем, освоение новых пространств, масштаб и топологию предметно-фигуративного существования личности. Представляются интересными психологические феномены возникновения жестких границ между телесным и предметно-фигуративным пространством (отчуждение пространства в навязчивых страхах, слабая витальность или вынужденная иммобилизация, уход во внутреннее пространство жизни), а также проявления чрезмерно проницаемых границ (неодушевленные селф-объекты, «расширенное тело» М. Маклюэна, Т. Алкемайера и др.).

Виртуальное пространство существует на основе предметно-фигуративного пространства и «человеческого» (субъектного) среза *культурного пространства* (нужны конкретные предметы — гаджеты, сервера, источники питания и люди, действующие с ними), а также имитирует предметно-фигуративное пространство, замещает его или, в лучшем случае, оказывается в него «вложенным». Отношения между культурным и виртуальным мирами нуждаются в психологической проблематизации и глубоком осмыслиении. В этом плане направляющей для нас является категория «*виртуальная культура*» с акцентом на ее личностные аспекты.

Не менее важна для нас категория «*виртуального Другого*», появляющаяся на концептуальном пересечении виртуального и трансличностного пространств. В рафинированном виде он существует в тех случаях, когда предметно-фигуративное и телесное пространства оказываются исключены из отношений. В моделировании данной категории мы опираемся на модель генеза отношений Е.Б. Старовойтенко (Старовойтенко, Исаева, 2010; Старовойтенко, 2015), а именно на идею о том, что в развитии отношения к значимому Другому в личности формируется внутренний эквивалент Другого или «внутренний Другой»: интроверт, «инкорпорированный» объект, результат идентификации, или «отраженный» Другой. «Внутренний Другой» является неизбежным результатом и условием отношений личности с его реальным прототипом. Психическая ткань этого процесса «овнутрения» образована психическими функциями: ощущением, восприятием, памятью, мышлением, воображением, эмоциями, рефлексией, а также желаниями, мотивами, ценностями и смыслами личности. Совершенно естественной и необходимой в формировании внутреннего объекта является глубинная активность личности: неосознаваемое присвоение себе Другого, проективные идентификации, интуитивное схватывание сущностных свойств Другого, предчувствие его тени, проекции родительских фигур, проекции символьческих фигур и т.д. Причем чем более значим другой, тем интенсивнее будет глубинная активность. Вся душевная активность Я, устремленная к Другому, реализуется в условиях непосредственного взаимодействия личности с реальным Другим. Однако если взаимодействие реализуется исключительно в виртуальном пространстве, а в качестве «реального» Другого индивидуальной психике доступен лишь «цифровой» Другой, формирование внутреннего объекта

все равно происходит. И здесь речь идет не о социальном пространстве в онлайне, а о полноценном отражении в личности виртуального облика, «аватара» другого человека в редуцированных внешних условиях. Позже мы вернемся к проблеме виртуального Другого и специфике развития значимых отношений за пределами предметно-фигуративного и телесного пространств.

Условно исследовательские проблемы о «бестелесности» человека в условиях «виртуальной культуры» можно обозначить как специфику коммуникации, деятельности и отношений личности. Остановимся подробнее на этих сферах, рассматривая их как образующие *виртуального пространства* и акцентируя проблемность его границ и взаимосвязей с пространствами культуры, телесности, деятельности и трансличностным пространством.

Специфика коммуникации личности в виртуальном пространстве

Коммуникация посредством, например, массовой видеоконференции обладает определенными особенностями: мы с собеседниками как бы находимся вместе, но не «в месте». Мы не разделяем единое предметно-фигуративное пространство, но общим для нас является нигде не локализованное, временно организованное и часто незащищенное виртуальное пространство. Мы никак не присутствуем в нем своим телом, и другой человек нам дан в своей очень редуцированной телесности — в виде «цифровой личины». Речь идет о том, что если во время виртуальной видеокоммуникации просодика⁴ и экстралингвистика⁵ в невербальном поведении другого еще могут быть нам доступны, то телесная экспрессия личности, неосознаваемые телесные реакции и активность тела в пространстве практически не выражены, не видны. В свою очередь, прикосновения, рукопожатия, дружеские похлопывания и объятия, организация предметно-фигуративного пространства коммуникации, телесная дистанция, телесное владение пространством, запахи, подлинный визуальный контакт вообще остаются за пределами этого общения. Если же речь идет о чате, переписке, то мы начинаем улавливать совершенно другую невербальность общения.

На наш взгляд, один из интереснейших рефлексивных опытов работы с учебной группой в формате видеоконференций принадлежит профессору антропологии из университета Нотр-Дам (США) Сьюзен Д. Блюм (Blum, 2020). Она отмечает, что онлайн-работа с «живой» группой отличается своей ритмикой коммуникаций: синхронными высказываниями и подхватыванием фраз, интуициями, когда другой готов говорить, или пониманием, что другой нуждается в вопросе. Все имеет значение: поза, взгляд, поворот головы в обращении к другому, дыхание и одновременный смех. В формате видеоконференций, как правило, включен только динамик говорящего и транслируется видео плохого качества. Видеотрансляции большинства участников группы в итоге оказываются просто отключены. «Таким образом, все коммуникативные

⁴ Просодика — громкость голоса, тембр, высота, сила удара.

⁵ Экстралингвистика — всхлипывания, смешки, кашель, вздохи, вдохи, сопение, смех, плач.

знаки, на которые полагаются телесные люди, истончены, уплощены, сделаны более трудоемкими или полностью невозможными. Но мы все равно их интерпретируем» (Ibid.). Автор акцентирует внимание на дефицитах виртуальных семинарских занятий, однако мы в свою очередь отметим важнейшие телесные знаки, которых, помимо всего перечисленного выше, очень не хватает на виртуальных лекциях: взгляды — задумчивые или рассеянные, внимающие или отсутствующие, сомневающиеся, вопрошающие, проблематизированные, сосредоточенные, обращенные в себя, скептические, озаренные. И глухая тишина в Zoom, решительно противоположная той звенящей тишине, которая бывает при обсуждении особенно значимых тем в живой, телесной аудитории. Полагаем, что в предельной форме эти дефициты можно прожить во время записи онлайн-курсов. Как быть с тем, что за холодным объективом ты еще не чувствуешь присутствие адресата? С.Д. Блюм также отмечает, как много времени уходит впустую на организацию локальных обсуждений в видеоконференции: «Мертвое время смертельно опасно для ритмов» (Ibid.).

Специфическая коммуникация в виртуальном пространстве определяет проблемное развитие виртуальной деятельности и виртуальных отношений.

Специфика деятельности в виртуальном пространстве

В данной области по-новому раскрываются идеи отечественной школы деятельности. В частности, такие аспекты, как внешние предметные свойства субъекта деятельности (А.Н. Леонтьев), инструментальная структура деятельности и ее интериоризация во внутренний план жизни (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, В.Д. Шадриков), предметное действие как первичный акт по отношению к познавательной активности личности (С.Л. Рубинштейн). Телесность (индивидуальность), пространственное расположение, предметная активность субъекта деятельности оказываются источником затруднений в деятельности, когда исключены из нее.

В 2020 г. в исследованиях на стыке гуманитарных и компьютерных наук появляется описание феномена Zoom fatigue⁶ — комплексного проживания усталости от Zoom'a (Cranford, 2020). Те, кому пришлось в период карантина усиленно работать в формате массовых видеоконференций, хорошо знакомы с быстро возникающим истощением активности, потерей личной укорененности в деятельности, временными затратами, которые по опыту деятельности в офлайне несоизмеримы со временем, затраченным на онлайн-встречи, семинары или совещания.

Дж. Бейленсон предполагает, что указанная усталость появляется в результате асинхронности взаимодействия — от зависаний программы, усугубляемых качеством связи, до едва заметных постоянных «лагов». Речь идет

⁶ Zoom — программа для видеоконференций с подключением до 500 человек одновременно. В зависимости от выбранного формата работы на экране (в несколько страниц) могут одновременно транслироваться видео всех присутствующих на конференции участников, включая видео пользователя.

о синхронизации обмена фразами в диалоге и невербальной коммуникации: «Если в эту систему вводится задержка, даже если эта задержка составляет всего миллисекунды, подсознательно наш мозг все равно регистрирует проблему и работает усерднее» (Wiederhold, 2020). Б. Видерхольд также сообщает, что увеличенное лицо другого человека может неосознанно восприниматься как угроза агрессии, а параллельный чат является дополнительным источником стресса. Б. Видерхольд предлагает отключать камеру и микрофон в профессиональной коммуникации, чтобы не подвергать участников конференции избыточной стимуляции, а также смотреть в камеру, а не на монитор для достижения контакта глаз. Однако зрительный контакт в видеоконференции невозможен по определению. А отключенные камера и микрофон пользователя полностью исключают его из со-бытия с другими участниками. Необходимо заметить, что феномен усталости от Zoom впервые становится отрефлексирован и обозначен в качестве проблемы именно в 2020 г., когда Zoom начинает массово использоваться для профессиональной деятельности.

Поведенческий аналитик Л. Дадли отмечает дилемму визуального контакта: чтобы позволить другому почувствовать его, мне необходимо смотреть в камеру, но чтобы принять этот взгляд от другого, я вынуждена «забрать» свой взгляд у другого и переключиться на монитор. При этом я понимаю, что мой деловой партнер делает то же самое и что мы никак не сможем смотреть друг другу в глаза одновременно. «Во время личного разговора жесты человека (например, резкий вдох, наклон вперед или зрительный контакт с кем-то) указывают нам на то, что он собирается заговорить» (Callahan, 2020). Но если в видеоконференции участвует десять или более человек, эти сигналы оказываются потеряны, разговор становится несвязанным и чаще люди предпочитают не разговаривать (*Ibid.*).

Таким образом, совместная деятельность, осуществляемая в виртуальном пространстве жизни, оказывается изматывающей ввиду недоступности телесных сигналов другого, асинхронности и затруднений в коммуникации.

Вероятно, усталость может быть вызвана также специфической конфигурацией контакта в Zoom и положением субъекта в нем. В групповом взаимодействии в предметно-фигуративном пространстве я обычно вижу, кто смотрит на меня. В основном смотрят на говорящего и направленное «видение» выступает самостоятельной деятельностью всех участников коммуникации. В раскладке Zoom одновременно все смотрят на всех, и хотя я не переживаю визуального контакта, я могу ощущать себя перманентным объектом взглядов других и доподлинно не знаю, кто и в какой момент времени смотрит именно на меня, даже когда я говорю. У кого-то усталость может быть вызвана также непрерывным сложением за собственным лицом и его экспрессией.

Возможно, неестественным является постоянное видение себя-субъекта в Zoom-раскладке остальных участников видеоконференции. В непосредственном взаимодействии мы преимущественно находимся в «переживающем Эго» (У. Джемс) и видим перед собой только других. Лишь иногда мы обращаемся к «наблюдающему Эго» и осознаем себя в качестве действующего субъекта в кругу других субъектов. Постоянное нахождение в переживающем и в наблюдающем

Это может создавать избыточное «напряжение самосознания», эффектом которого может быть невидение, неслышание и в целом дереализация других собеседников в связи с усиленной Я-центрацией.

Другая проблема реализации профессиональной деятельности в виртуальном пространстве была связана с дефицитом предметно-фигуративного пространства по обе стороны веб-камеры. А. Крисман рассказывает о трудностях детских психологов в период карантина: «Многие специалисты по детскому психическому здоровью сообщают, что для проведения сеанса им необходимо найти тихое место в ванной, туалете или подвале» (Chrisman, 2020, p. 180). Но этим проблемы не исчерпывались: «...дети часто пропадают из зоны видимости веб-камеры во время сеанса. Связанное с этим чувство потери невербальных сигналов, столь важных для работы детских терапевтов, оставило у многих ощущение того, что они оказали неадекватную помощь» (Ibid., p. 180–181). Дж. Хакер с соавт. исследовали твиты в период карантина и отметили, что участия в онлайн-встрече недостаточно, чтобы человек почувствовал себя где-то еще. Фактически виртуальное пространство даже не создает иллюзии перемещения, владения, деятельности в расширенном предметно-фигуративном пространстве (Hacker et al., 2020).

Еще одна проблема осуществления деятельности, которая затрагивается в исследовании Дж. Хакера с соавт. которую мы хотели бы подробнее обсудить, связана с отсутствием в виртуальном пространстве устойчивых границ. Авторы отметили феномен размытия границ между профессиональной деятельностью и личной жизнью. В этом исследовании многие респонденты также говорят о стеснении в связи с открытием для коллег жилого пространства вместе с теми, кто его населяет. Фактически виртуальность – это пространство, которое имеет очень непостоянные инварианты: плавающие ссылки на видеоконференции, легко меняющиеся аккаунты и псевдонимы, закрывающиеся сайты, удаляющиеся паблики в социальных сетях, динамичные интерфейсы, новые инструменты социального общения, множественность личности в своих проявлениях в этом пространстве и т.д. Утрачивая тело и устойчивое физическое пространство, личность теряет какую-то большую часть своей субъектности в этом поле информационных событий, будто бы уже не являясь их подлинно опосредующим, действующим лицом.

Поскольку я никак не присутствую в этом пространстве телесно, я могу сохранять анонимность (при определенных навыках – полную анонимность), это может сдвигать границы моей этики, идентичности, самовыражения. Однако даже персонализированное виртуальное взаимодействие отличается этой слабостью границ. Например, находясь с кем-то в приватном чате, я не могу быть уверена, что наш контакт конфиденциален: скриншот переписки в два клика отправляется собеседником в какой-то коллективный чат или вывешивается в открытый паблик. Поэтому подлинная приватность партнерства и диалога в виртуальном пространстве возможна в кругу только близких лиц, с которыми есть совместный опыт границ.

В виртуальной деятельности личность погружается во вслушивание и напряженную внешнюю коммуникацию, при этом не успевает улавливать

отраженность своих действий в других и вообще может отдаляться от ощущений собственного тела. В «бестелесном» взаимодействии я как бы становлюсь бестелесным субъектом и, как следствие, перестаю в достаточной степени контактировать со своими границами — не понимаю, где они нарушаются другими, перестаю отстаивать их, недостаточно хорошо чувствуя, где пролегают границы другого. Это похоже на утрату «заземления», которое так трудно удерживать непрерывно, погружаясь в виртуальность.

Дж. Хакер с соавт. пишут о дефиците естественных случайностей жизни, которые рождаются только лишь на базе действий в предметно-фигуративном мире: «Физическая кофемашиндаает хороший шанс встретить новых людей» (Hacker et al., 2020).

Исследованы также проблемы присутствия в виртуальной деятельности. Например, работа Я. Чжао, А. Ван, И. Сан посвящена факторам, которые удерживают студента на изучении онлайн-курса (МООС'a). К выделенным факторам относится необходимость коммуницировать внутри курса (студенты получают больше положительных эмоций от общения и продолжают МООС); богатство медиавозможностей (Daft, Lengel, 1984) и состояние потока, проживаемое через телеприсутствие и социальное присутствие (Zhao et al., 2020).

Исследование Э. Саутгейт посвящено проблематике иммерсивного обучения и раскрывает некоторые закономерности телесного и предметно-фигуративного пространств в качестве необходимых условий для ощущения присутствия и действенности в виртуальном пространстве: «Ощущение «присутствия» зависит от места и иллюзии правдоподобия. Иллюзия места включает в себя человека, который психологически чувствует, что он присутствует в виртуальной среде, используя свое тело для восприятия окружающего его мира, осматривая и поворачиваясь, дотягиваясь до объектов и манипулируя ими, а также слушая, как в реальном мире. Иллюзия правдоподобия воспринимает события в виртуальной среде так, как если бы они происходили на самом деле, потому что виртуальная среда реагирует на действия участников и может спонтанно вызывать реакции участников» (Southgate, 2020, р. 38).

Виртуальность проживания, становясь аспектом культуры личности, приобретает свою специфику в мире значимых отношений личности с другими людьми или в трансличностном пространстве.

Специфика отношений личности в виртуальном пространстве

Мы полагаем, что лучше всего динамика отношений личности с Другим в телесном и предметно-фигуративном пространствах раскрывается в работах М.М. Бахтина, М. Мерло-Понти и Е.Б. Старовойтенко. Поэтому в данном разделе мы вновь опираемся на модель генеза отношений (Старовойтенко, Исаева, 2010), возвращаемся к проблематике «взгляда» и топологии телесности (Бахтин, 1979; Станковская, 2014; Старовойтенко, 2015) в контексте эстетики живописного и словесного творчества и обращаемся к некоторым исследованиям в этой области, проведенным в период карантина-2020.

М.М. Бахтин раскрывает внутреннюю динамику эстетического восприятия другого. Личность обладает индивидуальным местом, единственным и незаменимым, оно обеспечивает уникальный избыток видения другого. «Избыток видения — почка, где дремлет форма и откуда она и развертывается как цветок. Но чтобы эта почка развернулась цветком завершающей формы, необходимо, чтобы избыток моего видения восполнял кругозор созерцаемого другого человека, не теряя его своеобразия» (Бахтин, 1979, с. 24). Эстетическое восприятие формируется из вживания с Другим: «Стать на его место, как бы совпасть с ним» — и последующего возвращения в себя: «Только с этого места материал вживания может быть осмыслен этически, познавательно или эстетически» (Там же, с. 25). В свою очередь Я обладает дефицитным видением своего облика: «Моя наружность, то есть все без исключения экспрессивные моменты моего тела, переживается мною изнутри; лишь в виде разрозненных обрывков, фрагментов, болтающихся на струне внутреннего самоощущения...» (Там же, с. 27). В текстах М.М. Бахтина подчеркивается особая, экзистенциальная роль индивидуальных места, пространства и тела. Особое понимание телесности в феноменологии отношений М. Мерло-Понти реконструировано Е.Б. Старовойтенко в ее модели диалогичного отношения Я — Другой. «В отношение к Другому, обладающему телесностью и видимостью, вступает Я, обладающее видимым и видящим телом» (Старовойтенко, 2017, с. 418). Динамика восприятия Другого также включает в себя вживание в него и возвращение к себе, диалектику видящего и видимого. Эта динамика оченьозвучна процессам формирования внутреннего объекта, описанным в модели генеза жизненных отношений Е.Б. Старовойтенко (Старовойтенко, Исаева, 2010; Старовойтенко, 2015). В пространстве виртуальности она обретает совершенно иную специфику, изучение которой определяет новую перспективу данной модели.

Во-первых, избыток видения больше не формируется за счет телесно-пластических свойств Другого и предметно-фигуративного контекста. В онлайн-переписках этот избыток кочует от телесности в реальном пространстве к смыслам и посланиям текста, многоточиям и точкам, смайлам, паузам в ответах, опечаткам. Вероятно, как в чатах, так и в онлайн-конференциях порождение избытка видения смещается с индивидуальной впечатленности объектом на погруженность в объект собственных фантазий и глубинных содержаний. Затрудняется как вживание в объект, так и возвращение к себе, если в коммуникации потерян внутренний контакт со своим местом и телом. Во-вторых, нивелируется позиция «индивидуального места». Онтологически у меня остается индивидуальное место, но в видеоконференции мы все обладаем равными временными местами в виртуальном пространстве. И таким образом дихотомия видимого и видящего уплощается, сглаживается, перестает быть настолько выраженной. В этой ситуации мое представление себя-для-другого не такое уж пустое и безжизненное, если я нахожусь в непрерывной Я-центрации. В то же самое время я не становлюсь для другого оформленной пластической ценностью и как бы «пустею» для него, поскольку он тоже переживает избыточную Я-центрацию.

Другая проблема заключается в том, что с развитием технологий меняются доступность и частота реального взаимодействия личности со значимыми объектами. Это неизбежно влечет изменения в процессах и эффектах формирования «внутреннего другого». До развития Интернета и мобильной связи контакты между людьми были дискретны, особенно в становящихся отношениях. Время вынужденной разлуки со значимым Другим было заполнено активностью восстановления облика и поведения другого в памяти, воображении, переживании, проживании желаний, проецировании тревог и символических фигур, рефлексии, обращений к Другому во внутренних диалогах и письмах. Невероятно большую ценность имела каждая встреча с Другим. В этих «паузах» протекали процессы формирования и развития внутреннего эквивалента Другого. Безусловно, внутренние объекты формируются и сейчас, но все цивилизованное человечество практически лишено этих необходимых пауз. В данный момент виртуальное пространство делает Другого легко и постоянно доступным в любой точке земного шара, однако в этом случае я лишаюсь проживания нашего реального, телесного соприсутствия в его и своей жизни. «Хотя технологии сделали мир меньше, они не привели к “смерти расстояния”» (Hacker et al., 2020). Как влияет на развитие отношений новая специфика формирования внутренних значимых объектов личности? Насколько они устойчивы, достоверны, целостно воспринимаемы и субъектны для меня? Противоречат ли друг другу «внутренний Другой» и «виртуальный Другой» и как они соотносятся с реальными свойствами своего прототипа? Можно ли полноценно «встать в отношение» к виртуальному Другому? Полагаем, что все эти исследовательские проблемы обретают сейчас особенную остроту.

Телесность ускользает не только из персональных, но и общественных отношений, конституирующих социальное пространство жизни. За счет развития средств связи мы ежедневно вступаем в сотни коммуникаций, которые в большинстве своем бестелесны. И дело даже не в том, хватает ли нам теплых телесных отношений или телесных практик, а в том, из какого количества контактов мы исключили свое тело и насколько это органично или противовесственно для нашей телесной природы и социальной сущности. Возможно, в современности уже можно распознать конкретные компенсаторные процессы. Технологии развиваются настолько стремительно, что проблема виртуальности бытия становится антропологической, биологической, социокультурной и экзистенциально-личностной.

Становление виртуальной культуры и ее гениальные плоды открывают небывалые возможности, но вместе с тем мы сталкиваемся с огромными, пока ничем не восполнимыми дефицитами и последствиями наступающей «бестелесности» личности. Вторичный интеллект в основном научился компенсировать «заброшенную телесность» в различных культурных практиках, но это не делает ее интегрированной в основные русла современной человеческой жизни. Мы телесные существа по своей природе: Это и сознание личности формируются из телесного, активно движущегося и действующего психоида; чувства приходят через контакт с телом, а в основе познания лежит деятель-

но-практический акт в предметном мире. На наш взгляд, подлинная компенсация возможна при возвращении телесной жизни личности в ее бурно развивающийся виртуальный мир (в культурной перспективе это станет возможно), через сближение виртуального, телесного и предметно-фигуративного пространств индивидуальной жизни.

Литература

- Абдрахманова, Г. И., Вишневский, К. О., Гохберг, Л. М., Дранев, Ю. Я., Зинина, Т. С., Ковалева, Г. Г., Лавриненко, А. С., Мильшина, Ю. В., Назаренко, А. А., Рудник, П. Б., Соколов, А. В., Суслов, А. Б., Токарева, М. С., Туровец, Ю. В., Филатова, Д. А., Черногорцева, С. В., Шматко, Н. А., Гершман, Н. А., Кузнецова, Т. Е., Кучин, И. И. (2019). *Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение*. Доклад к XX Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апреля 2019 г. М.: Издательский дом Высшей школы экономики. <https://issek.hse.ru/news/261078389.html>
- Бахтин, М. М. (1979). *Эстетика словесного творчества*. М.: Искусство.
- Бочавер, А. А., Хломов, К. Д. (2014). Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 11(3), 178–191.
- Исаева, А. Н., Малахова, С. А. (2015). Клиповое мышление: психологические дефициты и альтернативы. *Мир психологии. Научно-методический журнал*, 84(4), 177–191.
- Крюкова, Т. Л., Екимчик, О. А. (2019). Фаббинг как угроза благополучию близких отношений. *Консультативная психология и психотерапия*, 3, 61–76.
- Радаев, В. В. (2018). Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ. *Социологические исследования*, 3, 15–33. <https://doi.org/10.7868/S0132162518030029>
- Солдатова, Г. У., Рассказова, Е. И., Нестик, Т. А. (2017). *Цифровое поколение России: компетентность и безопасность*. М.: Смысл.
- Солдатова, Е. Л., Погорелов, Д. Н. (2018). Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы. *Образование и наука*, 20(5), 105–124. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-5-105-124>
- Станковская, Е. Б. (2014). От взгляда Другого к другому взгляду на себя: опыт герменевтики. *Мир психологии. Научно-методический журнал*, 80(4), 97–106.
- Старовойтенко, Е. Б. (2015). *Персонология: жизнь личности в культуре*. М.: Академический проект.
- Старовойтенко, Е. Б. (2017). Продуктивность диалогичного отношения Я – Другой. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 14(3), 408–432. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2017-3-408-432>
- Старовойтенко, Е. Б., Исаева, А.Н. (2010). Роль противоречий в жизни личности. *Мир психологии. Научно-методический журнал*, 2, 230–241.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References после англоязычного блока.

Исаева Анастасия Николаевна – старший преподаватель, Центр фундаментальной и консультативной персонологии, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: персонология, методология психологии личности, модели жизненных отношений личности, принцип оппозиций в гуманитарном знании, моделирование личностной рефлексии, герменевтика, мультипрофильное консультирование.

Контакты: aisaeva@hse.ru

The “Disembodiment” of the Personality in the Context of Virtual Culture

A.N. Isaeva^a

^a HSE University, 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the problematization of the virtual life in the aspect of embodiment in the context of the total digitalization of social and personal relationships. These problems have become especially noticeable due to isolation during the COVID-19 epidemic. The category of the Virtual Other proposed in the work. It is the result of the personality's activity in virtuality and the specific object of its relations at the same time. The virtual and subject-figurative spaces of a person's life are proposed as additions in the development of the Life topology model (E.B. Starovoytenko). A special problematic of the person's life activity is revealed in these coordinates. An analysis of articles and reflective notes that appeared in the wake of the global self-isolation of 2020, as well as a number of other sources on the current topic of digitalization, allows us to focus the formulated problems within three spheres of personal activity: communication, activity and personal relationships. Possible causes of Zoom fatigue are discussed. We analyze psychological distortions as a result of unnatural communication in Zoom — everyone is simultaneously looking at me (or not?), And I continuously see myself among others. The psychological consequences of "washing out" the body from the virtualized activity are considered: the activity becomes exhausting, dissatisfaction with the work done appears, the sensitivity to one's own psychological boundaries is lost. Realization of relations in virtual space makes communication with the Other disembodied and continuous and excludes the most important pauses in which an internal dialogue with the Other develops. Along with the real, bodily Other and the reduced "inner Other", the "virtual Other" develops, which should become the subject of psychological research. Virtuality is a new, little-developed space of individual life. So far, it is limitless, invasive and excluding corporeality. At the moment in culture there are no formed ways of personal development of the virtual space and the resolution of contradictions generated by personal activity in it.

Keywords: digital culture, virtual space, digital space, virtual reality, digitalization, Zoom, Zoom fatigue, body, corporeality, embodiment, internet, online, telecommuting, quarantine, isolation, COVID-19.

References

- Abdrakhmanova, G. I., Vishnevskii, K. O., Gokhberg, L. M., Dranov, Yu. Ya., Zinina, T. S., Kovaleva, G. G., Lavrinenco, A. S., Mil'shina, Yu. V., Nazarenko, A. A., Rudnik, P. B., Sokolov, A. V., Suslov, A. B., Tokareva, M. S., Turovets, Yu. V., Filatova, D. A., Chernogortseva, S. V., Shmatko, N. A., Gershman, N. A., Kuznetsova, T. E., Kuchin, I. I. (2019). *Chto takoe tsifrovaya ekonomika? Trendy, kompetentsii, izmerenie*. Doklad k XX Aprel'skoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva, Moskva, 9–12 aprelya 2019 g. [What is digital economics? Trends, competences, measurement. A report for the XX April International scientific conference on problems of development of economy and society, Moscow, April 9–12, 2019].

- ence on the problems of economic and social development, Moscow, April 9-12, 2019]. Moscow: HSE Publishing House. <https://issek.hse.ru/news/261078389.html>
- Bakhtin, M. M. (1979). *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo.
- Blum, S. D. (2020, April 22). Why we're exhausted by Zoom. *Inside Higher Ed*. <https://www.insidehighered.com/advice/2020/04/22/professor-explores-why-zoom-classes-deplete-her-energy-opinion>
- Bochaver, A. A., & Khlomov, K. D. (2014). Cyberbullying: Harassment in the space of modern technologies. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 11(3), 178–191. (in Russian)
- Callahan, M. (2020, May 11). 'Zoom fatigue' is real. Here's why you're feeling it, and what you can do about it. *News@Northeastern*. <https://news.northeastern.edu/2020/05/11/zoom-fatigue-is-real-heres-why-youre-feeling-it-and-what-you-can-do-about-it/>
- Chotpitayasunondh, V., & Douglas, K. M. (2016). How "phubbing" becomes the norm: The antecedents and consequences of snubbing via smartphone. *Computers in Human Behavior*, 63, 9–18. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.05.018>
- Chrisman, A. K. (2020). Debate: #Together despite the distance. *Child and Adolescent Mental Health*, 25(3), 180–181. <https://doi.org/10.1111/camh.12406>
- Cranford, S. (2020). Zoom fatigue, hyperfocus, and entropy of thought. *Matter*, 3(3), 587–589. <https://doi.org/10.1016/j.matt.2020.08.004>
- Daft, R. L., & Lengel, R. H. (1984). Information richness – a new approach to managerial behavior and organizational design. *Research in Organizational Behavior*, 6, 191–233.
- Hacker, J., Brocke, J. V., Handali, J., Otto, M., & Schneider, J. (2020). Virtually in this together – how web-conferencing systems enabled a new virtual togetherness during the COVID-19 crisis. *European Journal of Information Systems*, 29(5), 563–584. <https://doi.org/10.1080/0960085x.2020.1814680>
- Isaeva, A. N., & Malahova, S. A. (2015). Mosaic thinking: psychological deficits and alternatives (spatial focus). *Mir Psichologii. Nauchno-Metodicheskii Zhurnal*, 84(4), 177–191. (in Russian)
- Kryukova, T. L., & Ekimchik, O. A. (2019). Fabling kak ugroza blagopoluchiyu blizkikh otnoshenii [Fabling as a threat to close relationships]. *Konsul'tativnaya Psichologiya i Psikhoterapiya*, 3, 61–76.
- Radaev, V. V. (2018). Millennials compared to previous generations: an empirical analysis. *Sotsiologicheskie Issledovaniya [Sociological Studies]*, 3, 15–33. <https://doi.org/10.7868/S0132162518030029> (in Russian)
- Soldatova, E. L., & Pogorelov, D. N. (2018). Fenomen virtual'noi identichnosti: sovremennoe sostoyanie problemy. *Obrazovanie i Nauka [The Education and Science Journal]*, 20(5), 105–124. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-5-105-124>.
- Soldatova, G. U., Rasskazova, E. I., & Nestik, T. A. (2017). *Tsifrovoe pokolenie Rossii: kompetentnost' i bezopasnost'* [The digital generation of Russia: competence and safety]. Moscow: Smysl.
- Southgate, E. (2020). Conceptualising embodiment through virtual reality for education. In *Proceedings of 6th International Conference of the Immersive Learning Research Network (iLRN 2020)* (Article 9155121, pp. 38–45). IEEE. <https://doi.org/10.23919/iLRN47897.2020.9155121>
- Stankovskaya, E. B. (2014). From another's opinion to another view of self: hermeneutics experience. *Mir Psichologii. Nauchno-Metodicheskii Zhurnal*, 80(4), 97–106. (in Russian)
- Starovoytenko, E. B. (2015). *Personologiya: zhizn' lichnosti v kul'ture* [Personology: Life of Personality in Culture]. Moscow: Akademicheskii proyekt.
- Starovoytenko, E. B. (2017). Productivity of the dialogical relationships I – Other. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 14(3), 408–432. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2017-3-408-432> (in Russian)

- Starovoytenko, E. B., & Isaeva, A. N. (2010). The role of contradictions in a personality's life. *Mir Psichologii. Nauchno-Metodicheskii Zhurnal*, 62(2), 230–241. (in Russian)
- Tokunaga, R. S. (2010). Following you home from school: A critical review and synthesis of research on cyberbullying victimization. *Computers in Human Behavior*, 26(3), 277–287. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2009.11.014>
- Wiederhold, B. K. (2020). Connecting through technology during the Coronavirus disease 2019 pandemic: Avoiding “Zoom Fatigue”. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 23(7), 437–438. <https://doi.org/10.1089/cyber.2020.29188.bkw>
- Zhao, Y., Wang, A., & Sun, Y. (2020). Technological environment, virtual experience, and MOOC continuance: A stimulus–organism–response perspective. *Computers & Education*, 144, Article 103721. <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2019.103721>

Anastasia N. Isaeva — Senior Lecturer, Department for Fundamental and Consulting Personology, Psychological Department, Faculty for Social Sciences, HSE University, PhD in Psychology.

Research Area: personology, methodology of personality psychology, models of life relationships, the principle of oppositions in humanitarian knowledge, modeling of personal reflection, hermeneutics, multi-modal counseling.

E-mail: aisaeva@hse.ru

РОЛЬ ВОВЛЕЧЕННОСТИ ПРИ ВОЗНИКНОВЕНИИ АССИМИЛЯЦИИ/КОНТРАСТА В ОЦЕНКАХ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ

Б.Г. РЕБЗУЕВ^а

^а Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48

Резюме

Исследования показывают, что одной из ключевых детерминант потребительской удовлетворенности является неподтверждение ожиданий, под которым понимаются воспринимаемые различия между функционированием продукта и ожиданиями, сформированными перед его покупкой. При этом позитивное неподтверждение (когда функционирование превосходит ожидания) приводит к высокой, а негативное (когда оно уступает ожиданиям) к низкой удовлетворенности. В настоящем исследовании изучалась роль вовлеченности при возникновении эффектов ассилияции (снижения оценок неподтверждения и смещения оценок удовлетворенности в сторону ожиданий) и эффектов контраста (повышения оценок неподтверждения и смещения оценок удовлетворенности в противоположную сторону), а также процессы, приводящие к эффектам контраста. И формулировались две гипотезы о том, что вовлеченность будет вызывать эффекты контраста и что такие эффекты будут возникать в результате активизации когнитивных процессов, приводящих к усилению воспринимаемых различий между функционированием продукта и ожиданиями. Гипотезы проверялись в лабораторном эксперименте, манипулировавшем функционированием продукта (качеством спрея для экранов мониторов), ожиданиями и уровнями вовлеченности участников и позволявшем изучить два вида эффектов ассилияции/контраста, негативных и позитивных, возникающих в результате завышенных и заниженных ожиданий относительно продукта. Эксперимент показал, что вовлеченность действительно вызывала эффекты негативного и позитивного контраста в оценках неподтверждения ожиданий и удовлетворенности, за одним исключением: она не вызывала позитивного контраста в оценках удовлетворенности. В статье рассматриваются возможные причины такого результата. Эксперимент также поддержал существование цепочки процессов, приводящих к эффектам контраста, в которой вовлеченность повышает уровень активации субъекта, активация стимулирует когнитивную активность, когнитивная активность повышает точность суждений в оценках продукта, а точность суждений усиливает воспринимаемые различия между функционированием продукта и ожиданиями. Обсуждаются ограничения, вопросы для будущих исследований и следствия для производителей и продавцов, вытекающие из эффектов ассилияции/контраста.

Ключевые слова: вовлеченность, потребительская удовлетворенность, неподтверждение ожиданий, ожидания, функционирование продукта, эффект ассилияции, эффект контраста, диапазон принятия, диапазон отвержения, теория социальных суждений, модель вероятности осмысления.

Потребительская удовлетворенность (ПУ) — «реакция потребителя на достижение чего-либо желавшегося или ожидавшегося, степень, в которой уровень такого достижения оказывается приятным или неприятным» (Oliver, 2014, p. 23). Потребительская удовлетворенность вызывает интерес исследователей ввиду ее связи с повторными покупками (Curtis et al., 2011; Szymanski, Henard, 2001). Большинство исследований ПУ проводилось в русле «парадигмы неподтверждения ожиданий», согласно которой ключевой предпосылкой ПУ является неподтверждение ожиданий, возникающее в результате сравнения потребителем функционирования продукта с ожиданиями, сформированными перед его покупкой. При этом позитивное неподтверждение (когда продукт превышает ожидания) приводит к высокой ПУ, негативное неподтверждение (когда продукт уступает ожиданиям) — к низкой ПУ, а подтверждение (когда он отвечает ожиданиям) к умеренной ПУ. Хотя эта парадигма получила эмпирическую поддержку (Oliver, 2014; Szymanski, Henard, 2001; Yi, 1990), в отдельных исследованиях наблюдались значительные расхождения во мнениях о связях ожиданий и воспринимаемого функционирования продукта с неподтверждением и ПУ, что побудило исследователей обратиться к изучению переменных, способных модерировать (усиливать или ослаблять) такие связи. При этом их наибольшее внимание привлекла вовлеченность, предположительно усиливающая неподтверждение и эффекты контраста в оценках ПУ (Altunel, Kocak, 2017; Babin et al., 1994; Oliver, Bearden, 1983; Richins, Bloch, 1991; Shaffer, Sherrell, 1997; Spreng, Sonmez, 2000; Tam, 2011). Однако поскольку такие исследования приводили к смешанным результатам, что может объясняться ограниченными возможностями контроля над посторонними переменными из-за их корреляционного характера, целью настоящего исследования являлась проверка модерирующей роли вовлеченности при возникновении эффектов ассилияции/контраста в оценках неподтверждения и ПУ в контролируемых условиях лабораторного эксперимента. Другой его целью являлось изучение не рассматривавшихся в этих исследованиях процессов, благодаря которым вовлеченность выполняет свою модерирующую роль.

В психологии понятие вовлеченности (*involvement*) используется для объяснения формирования или изменения аттитюда под влиянием убеждающего сообщения и изучается в рамках трех исследовательских традиций: теории социального суждения (Sherif, Hovland, 1961), модели вероятности осмысления (Petty, Cacioppo, 1986; Petty, Briñol, 2012) и исследований конформизма (Zimbardo, 1960). Первая (Sherif, Hovland, 1961) ставит эффективность убеждающего сообщения в зависимость от того, попадает выражаемый в ней аттитюд в диапазон принятия (область аттитюдов, с которыми субъект склонен соглашаться) или отвержения (область аттитюдов, с которыми он не согласен). В первом случае он склонен оценивать такой аттитюд как более близкий к своей позиции, чем в действительности (эффект ассилияции), а во втором — как отличающийся от нее (эффект контраста), при этом высокая вовлеченность сужает диапазон принятия, вызывая эффекты контраста и усиливая несогласие субъекта с убеждающим сообщением. В таких исследованиях

вовлеченностью манипулируют за счет привлечения участников со сложившейся устойчивой позицией по рассматриваемой важной проблеме (обычно в области семьи, религии или политики) и с ее отсутствием. В отличие от первой вторая традиция (Petty, Cacioppo, 1986; Petty, Briñol, 2012) оперирует ситуациями со сравнительно незнакомыми субъектам проблемами и ставит эффективность убеждающего сообщения в зависимость от качества аргументов, приводимых в поддержку отстаиваемой в нем позиции. В подобных ситуациях высокая вовлеченность стимулирует субъекта к активному осмыслению этих аргументов с последующим формированием у него благоприятного и устойчивого аттитюда. В таких исследованиях вовлеченностью манипулируют за счет важности/неважности для субъекта последствий принятия им позиции, отстаиваемой в убеждающем сообщении (например, в случае студентов — необходимости введения дополнительного выпускного квалификационного экзамена в университете, в случае потребителей — предложения после просмотра рекламы выбрать в подарок за участие в исследовании один из брендов продукта, который будет показываться в рекламе, или какого-то другого продукта). Третья традиция (Zimbardo, 1960) ставит эффективность убеждающего сообщения в зависимость от того, предупреждают (высокая вовлеченность) или не предупреждают (низкая вовлеченность) субъекта о том, что после предъявления сообщения ему предстоит отстаивать свою позицию по рассматриваемой в сообщении проблеме перед незнакомой аудиторией. С учетом различного характера манипуляций вовлеченностью в этих трех традициях и различных последствий убеждающих сообщений (отсутствие изменений в первоначальном аттитюде, формирование благоприятного аттитюда и формирование менее поляризованного аттитюда) Джонсон и Игли (Johnson, Eagly, 1989) предложили рассматривать три разных вида вовлеченности: вызываемую активизацией устойчивых ценностей (релевантную ценностям), активизацией способности достигать желательных последствий (релевантную последствиям) и активизацией публичного Я (релевантную самопрезентации). А под самой вовлеченностью понимать «мотивационное состояние, вызываемое ассоциацией между активированным аттитюдом и некоторым аспектом Я-концепции» (Ibid., р. 293).

Впоследствии представления о диапазонах принятия-отвержения, эффектах ассилияции-контрasta и видах вовлеченности, разработанные психологами, были заимствованы исследователями ПУ для объяснения влияния ожиданий и неподтверждения ожиданий на оценки продукта и удовлетворенности. При этом ожидания относительно продукта стали рассматриваться в виде континуума, состоящего из уровней функционирования ранее приобретавшихся вариантов такого продукта с центральной областью, представленной более частыми и привычными уровнями их функционирования (диапазоном принятия), и двумя крайними областями, представленными более редкими и непривычными уровнями — диапазоном отвержения (Woodruff et al., 1983). В данном контексте при небольших воспринимаемых расхождениях между продуктом и ожиданиями (при его попадании в диапазон принятия с привычными уровнями функционирования) прогнозируется эффект ассилияции, приводящий к

искажению оценок продукта в сторону ожиданий, тогда как при больших воспринимаемых расхождениях (при его попадании в диапазон отверждения) — эффект контраста, приводящий к искажению оценок продукта в противоположную сторону (Olshavsky, Miller, 1972). В дополнение исследователи ПУ также выделили два вида вовлеченности, соответствующие по смыслу вовлеченности, релевантной ценностям и последствиям: устойчивую и ситуационную вовлеченность, отражающие постоянный уровень интереса к категории продукта, не зависящий от ситуации, и временное усиление такого интереса к категории продукта из-за специфических ситуационных влияний (Bloch, Richins, 1983; Houston, Rothschild, 1978).

Все эти соображения естественным образом наводили на следующую идею о модерирующей роли вовлеченности во влиянии ожиданий и функционирования на неподтверждение ожиданий и ПУ: высокая вовлеченность будет усиливать воспринимаемые различия между функционированием и ожиданиями и приводить к эффектам контраста в оценках ПУ (смещать их в противоположную сторону от ожиданий), тогда как низкая вовлеченность будет ослаблять такие различия и приводить к эффектам асимиляции (смещать их в сторону ожиданий). Такая идея проверялась в ряде исследований (Altunel, Kocak, 2017; Babin et al., 1994; Oliver, Bearden, 1983; Richins, Bloch, 1991; Shaffer, Sherrell, 1997; Spreng, Sonmez, 2000; Tam, 2011), при этом из-за их корреляционного характера ее пришлось переформулировать из терминов эффектов различий в термины эффектов связей: при высокой вовлеченности ПУ будет сильнее подвержена влиянию неподтверждения, тогда как при низкой вовлеченности — влиянию предварительных ожиданий (Oliver, Bearden, 1983, с. 254). А чтобы учесть влияние вовлеченности на неподтверждение (т.е. на воспринимаемые различия между функционированием и ожиданиями) и последующие оценки ПУ, пришлось сформулировать дополнительную гипотезу: вовлеченность будет генерировать более крайние оценки неподтверждения и ПУ (*Ibid.*). Однако эти исследования привели к смешанным результатам. Так, при проверке первой гипотезы неподтверждение коррелировало сильнее с ПУ при высокой вовлеченности, чем при низкой в одних исследованиях (Babin et al., 1994; Shaffer, Sherrell, 1997; Spreng, Sonmez, 2000), но не в других (Oliver, Bearden, 1983; Richins, Bloch, 1991; Tam, 2011), а ожидания не коррелировали сильнее с ПУ при низкой, чем при высокой вовлеченности (Oliver, Bearden, 1983; Shaffer, Sherrell, 1997). Сходным образом при проверке второй гипотезы вовлеченность вызывала более высокие оценки неподтверждения и ПУ в одних исследованиях (Oliver, Bearden, 1983; Richins, Bloch, 1991), а в других не вызывала (Altunel, Kocak, 2017; Shaffer, Sherrell, 1997).

Хотя такие результаты могут объясняться множеством причин, из них можно выделить две главные: одну общую для корреляционного подхода как такового и одну специфическую для корреляционных исследований ПУ. Во-первых, они могут объясняться ограниченными возможностями корреляционного подхода в установлении жесткого контроля над посторонними переменными при оценке изучаемых связей. Во-вторых, они могут объясняться искажениями изучавшихся связей из-за асимметричности распределений

измерявшимися переменных, типичной при потребительских опросах. В частности, в них часто наблюдается негативная асимметрия оценок ПУ (чрезмерная представленность высоких оценок ПУ) (Dawes et al., 2020). Такая же асимметрия неизбежно присутствует и в оценках ожиданий (поскольку потребители не склонны покупать продукты, от которых они ожидают плохого функционирования). Хотя большинство авторов названных исследований не приводили сведений о симметричности распределений оценок, некоторые из них (Oliver, Bearden, 1983; Babin et al., 1994) отмечали негативную асимметрию в полученных оценках вовлеченности. Помимо того, названные исследования обладали еще двумя ограничениями. Их авторы (кроме: Babin et al., 1994) перед расчетом связей неподтверждения с ПУ не разбивали диапазон оценок неподтверждения на области с негативным и позитивным неподтверждением, что исключало возможность раздельного изучения эффектов негативного и позитивного контраста в оценках ПУ и затрудняло точную интерпретацию полученных ими результатов (например, отсутствие предполагавшейся связи неподтверждения с ПУ могло объясняться отсутствием как обоих, так и какого-то одного из эффектов контраста). А также не изучали процессов, благодаря которым вовлеченность модерирует влияние ожиданий и функционирования на возникновение ассилияции/контраста в оценках неподтверждения и ПУ. Другими словами, почему высокая вовлеченность усиливает воспринимаемые различия между функционированием продукта и ожиданиями, вызывая эффекты контраста?

Настоящее исследование преследовало ту же цель, что и цитировавшиеся исследования ПУ, — проверку модерирующей роли вовлеченности в возникновении ассилияции/контраста в оценках неподтверждения и ПУ, — но отличалось от них в трех отношениях. Во-первых, проводилась более строгая проверка каузального характера связей между ожиданиями, функционированием и вовлеченностью, с одной стороны, и оценками неподтверждения и ПУ — с другой, путем проведения лабораторного эксперимента, манипулировавшего ожиданиями и функционированием продукта для создания умеренных уровней воспринимаемых различий между функционированием и ожиданиями, измерявшего неподтверждение и ПУ в ситуациях завышенных и заниженных ожиданий. Во-вторых, в нем проверялось существование обоих видов эффектов ассилияции и контраста, позитивных и негативных. В-третьих, в нем изучались процессы, благодаря которым вовлеченность усиливает воспринимаемые различия между функционированием продукта и ожиданиями. В таком эксперименте проверялись две гипотезы. Первая касалась модерирующей роли вовлеченности в возникновении эффектов ассилияции/контраста.

Гипотеза 1. Завышенные и заниженные ожидания к функционированию продукта будут вызывать в оценках неподтверждения ожиданий и ПУ эффекты негативного и позитивного контраста при высокой вовлеченности и эффекты позитивной и негативной ассилияции при умеренной вовлеченности.

Вторая гипотеза касалась цепи процессов, благодаря которым вовлеченность приводит к усилению воспринимаемых различий между функционированием

продукта и ожиданиями и последующим эффектам контраста. Теория социального суждения (Sherif, Hovland, 1961) прогнозирует, что вовлеченность субъекта сужает диапазон принятия приемлемых для него аттитюдов, из-за чего аттитюд в убеждающем сообщении оказывается в диапазоне отвержения и воспринимается более отличающимся, чем он есть в действительности (эффект контраста). Поскольку область ПУ оперирует не социальными, а перцептивными суждениями, в такое представление о диапазонах принятия-отвержения следует внести три корректировки. Во-первых, как ожидания (аналог аттитюда субъекта), так и восприятия функционирования продукта (аналог аттитюда в убеждающем сообщении) формируются одним и тем же субъектом, из-за чего представления о диапазонах принятия-отвержения оказываются применимыми к обоим видам оценок. Во-вторых, под диапазонами принятия применительно к перцептивным суждениям следует понимать нижние и верхние границы оценок ожиданий и функционирования, указываемые субъектом (т.е. рассматривать такие оценки, как диапазоны оценок, варьирующих от минимальной до максимальной оценки). В-третьих, как предполагают Оливер и Бирден (Oliver, Bearden, 1983, p. 254), вовлеченность субъекта «повышает чувствительность к феноменам на выходе (т.е. к функционированию и неподтверждению)», что позволяет предположить, что она будет приводить не столько к сужению диапазона оценок ожиданий, сколько к сужению диапазона оценок восприятий функционирования продукта, из-за чего они будут становиться более точными и дифференцированными. Таким образом, с учетом этих корректировок вовлеченность должна сужать диапазон восприятий функционирования продукта, уменьшать его пересечение с диапазоном ожиданий и благодаря этому усиливать восприятие различий между функционированием и ожиданиями. Такую цепь следует дополнить еще одним звеном. Поскольку вовлеченность сопровождается усилением когнитивных процессов (Petty, Cacioppo, 1986), требующим высоких уровней активации, предполагается, что она будет повышать активацию субъекта, а уже последняя будет приводить к сужению диапазона восприятий функционирования продукта. Наконец, поскольку цепочка прогнозирует эффекты контраста как для позитивного, так и для негативного неподтверждения, вместо сырых оценок неподтверждения и удовлетворенности в ней рассматриваются абсолютные оценки, отражающие не направление, а степень неподтверждения и удовлетворенности продуктом.

Гипотеза 2. (а) Вовлеченность субъекта будет повышать уровень его активации, (б) активация будет приводить к сужению диапазона оценок воспринимаемого функционирования продукта, (в) сужение диапазона функционирования будет уменьшать его пересечение с диапазоном первоначальных ожиданий относительно продукта, (г) уменьшение такого пересечения будет усиливать степень неподтверждения ожиданий, (д) неподтверждение ожиданий будет усиливать степень удовлетворенности продуктом.

В сокращенном виде эту цепь можно описать следующим образом: *вовлеченность → активация → диапазон восприятий функционирования → пересечение диапазонов восприятий функционирования и ожиданий → степень неподтверждения → степень удовлетворенности.*

Метод

Для исследования на основе метода снежного кома набирались 120 участников (47% мужчин) от 18 до 59 лет (средний возраст – 26 лет), которые при помощи блоковой рандомизации распределялись в одно из восьми условий факторного плана 2 (сравнительно низкое/высокое качество спрея) \times 2 (обычные/специфические ожидания к качеству спрея) \times 2 (умеренная/высокая вовлеченность). Цель исследования озвучивалась как оценка различных марок спреев для очистки экранов мониторов¹.

Стимульный материал. В качестве продукта использовался спрей Techpoint. В ходе пилотажного тестирования с 10 дополнительными участниками на его основе путем разбавления жидким мылом или водой изготавливались несколько образцов, из которых для дальнейшего исследования были отобраны два, вызывавшие средние оценки 7 и 4 балла по шкале от 0 (полное отсутствие пятен/разводов) до 10 (очень много пятен/разводов) и соответствующие умеренно низкому и умеренно высокому уровню качества спрея.

Процедура. Исследование проводилось индивидуально. Прибывшему участнику зачитывалась инструкция: *В этом исследовании оценивается способность средств, предназначенных для очистки экранов мониторов, к удалению одного из самых сильных загрязнений, следов жирных пальцев. Сегодня вам предстоит оценить два средства из числа тех, которые мы отобрали для исследования.* После этого участнику эксперимента предлагали заполнить анкету (пол, возраст, частота использования спреев для экранов мониторов, вовлеченность и ожидания к качеству оцениваемого спрея). Во время тренировки участнику показывали, а затем его просили трижды повторить процедуру удаления воображаемого пятна с экрана монитора, контролируя степень прижатия губки, обернутой салфеткой с нанесенным на нее спреем, количество и широту круговых движений. Затем предлагали удалить с экрана следы двух пятен (для удаления второго пятна ему выдавалась новая салфетка с нанесенным на нее спреем), которые наносились на его глазах в центральной области экрана на расстоянии примерно 15 см друг от друга путем прижатия большого пальца сначала к сливочному маслу, а затем к экрану. Далее участника просили подождать 1 минуту для получения окончательных результатов работы спрея, предлагали заполнить анкету, измерявшую уровень их активации, восприятие качества спрея, неподтверждение ожиданий, удовлетворенность и покупательские намерения, с ним проводили дебрифинг, благодарили и отпускали.

Экспериментальные манипуляции. Исследование манипулировало тремя независимыми переменными: качество спрея, ожидания и вовлеченность.

Манипуляции качеством спрея. В условиях со сравнительно низким качеством спрея участникам предлагали оценить целевой (т.е. изучавшийся) образец, вызывавший в пилотажном тестировании среднюю оценку 7 баллов, а в условиях со сравнительно высоким качеством 4 балла.

¹ Эксперимент проводился С. Нерсисян и Д. Садыковой.

Манипуляции ожиданиями к качеству спрея. В условиях с обычными ожиданиями участники сразу оценивали целевой образец либо сравнительно низкого (7 баллов), либо сравнительно высокого качества (4 балла), тогда как в условиях со специфическими ожиданиями перед целевым образцом участникам предлагали оценить образец противоположного уровня качества (4 и 7 баллов соответственно). Для них такое задание выглядело как последовательная оценка двух марок спреев. В отличие от условий с обычными ожиданиями это позволяло сформировать у них перед оценкой целевого образца завышенные или заниженные ожидания (по аналогии с манипулированием праймами в исследованиях социальных восприятий — Stapel, Suls, 2007) с последующим негативным или позитивным неподтверждением ожиданий. Промежуток времени между тестированием спреев в условиях со специфическим ожиданием составлял 3—4 минуты.

Манипуляции вовлеченностью. В исследовании изучались эффекты ситуационной вовлеченности из-за ее большей подверженности маркетинговым воздействиям в сравнении с устойчивой вовлеченностью (Bloch, Richins, 1983; Houston, Rothschild, 1978). Поскольку она требует манипулирования важностью для субъекта последствий рассматриваемой проблемы (Petty, Cacioppo, 1986; Petty, Brinol, 2012), в условиях высокой вовлеченности зачитывавшаяся участникам инструкция дополнялась словами: *Ваши оценки будут иметь два важных последствия. Во-первых, мы доведем результаты этого исследования до будущих покупателей, что облегчит их выбор при покупке подобных чистящих средств. Во-вторых, поскольку некоторые из них были разработаны российскими компаниями, мы доведем эти результаты до них, что поможет им успешнее конкурировать со средствами, которые производят зарубежные компании.*

Зависимые переменные. Манипуляции ожиданиями и восприятием качества спрея измерялись 10-сантиметровой графической шкалой с границами, обозначающими «полное отсутствие пятен/разводов» и «очень много пятен/разводов». В обоих случаях участников сначала просили проставить на ней свои оценки крестиком, а затем при помощи двух вертикальных линий указать минимальные и максимальные оценки, которые они дали бы такому спрею. Манипуляции вовлеченностью измерялись шкалой семантического дифференциала (Mittal, 1995) с просьбой оценить задание на оценку чистящих средств как неважное — важное, не имеет — имеет ко мне отношение, не заботит — заботит меня, не затрагивает — затрагивает меня лично, не имеет — имеет для меня значение (альфа Кронбаха = 0.88). Уровень активации участников измерялся 10-пунктовой подшкалой активности из анкеты САН (Еникеев, 2003) (альфа Кронбаха = 0.85). Неподтверждение ожиданий измерялось просьбой оценить результаты применения спрея по шкале от 1 (гораздо больше пятен/разводов) до 7 (гораздо меньше пятен/разводов). Удовлетворенность качеством спрея измерялась шкалой от -4 (чрезвычайно не удовлетворен) до 4 (чрезвычайно удовлетворен), а вероятность его покупки — шкалой от -4 (чрезвычайно маловероятно) до 4 (чрезвычайно вероятно). Поскольку две последние оценки сильно коррелировали, они были объединены

в общую оценку удовлетворенности (альфа Кронбаха = 0.93). В условиях со специфическими ожиданиями оценки ожиданий, восприятий качества, неподтверждения ожиданий, удовлетворенности и вероятности покупки собирались только для второго (целевого) образца спрея. В дальнейшем для облегчения интерпретации оценки ожиданий и восприятий качества спрея переводились в обратные.

Результаты

Проверка манипуляций. Для проверки успешности манипуляций независимыми переменными реализовывались три ANCOVA 2 (сравнительно низкое/высокое качество спрея) \times 2 (обычные/специфические ожидания) \times 2 (умеренная/высокая вовлеченность). Поскольку из трех контролируемых переменных — пола, возраста и частоты использования спрея — последняя имела позитивные связи с восприятиями качества спрея, неподтверждением и удовлетворенностью ($r = 0.31, 0.35$ и 0.35), она включалась во все эти и последующие ANCOVA в роли ковариата. (Такие связи свидетельствуют о большей чувствительности к воспринимаемым различиям между функционированием спрея и ожиданиями у более опытных пользователей спреев для очистки экранов мониторов.) Скорректированные с учетом ковариата средние оценки и стандартные ошибки восприятий качества спрея, ожиданий и вовлеченности в разных экспериментальных условиях показаны в таблице 1.

Таблица 1
Средние и стандартные ошибки (в скобках) восприятий качества спрея, ожиданий и вовлеченности в разных экспериментальных условиях

Сравнительно низкое качество спрея				Сравнительно высокое качество спрея			
Умеренная вовлеченность		Высокая вовлеченность		Умеренная вовлеченность		Высокая вовлеченность	
Обычные ожидания	Завышенные ожидания	Обычные ожидания	Завышенные ожидания	Обычные ожидания	Завышенные ожидания	Обычные ожидания	Завышенные ожидания
M (SE)	M (SE)	M (SE)	M (SE)	M (SE)	M (SE)	M (SE)	M (SE)
Восприятия качества спрея							
3.76 (0.49)	4.60 (0.48)	3.37 (0.48)	2.93 (0.49)	8.15 (0.48)	6.01 (0.48)	8.23 (0.51)	5.15 (0.48)
Ожидания к спрею							
5.11 (0.45)	6.63 (0.44)	6.44 (0.44)	7.32 (0.44)	6.68 (0.44)	4.59 (0.44)	6.38 (0.47)	5.49 (0.44)
Вовлеченность							
-0.42(0.21)	0.03 (0.21)	0.69 (0.21)	0.82 (0.21)	0.06 (0.21)	-0.28(0.21)	0.94 (0.23)	0.87 (0.21)

Примечание. n = 15 в каждой ячейке. Увеличение средних отражает увеличение оценок соответствующих переменных.

Как и ожидалось, анализ оценок восприятий качества спрея обнаружил основной эффект качества, $F(1,111) = 81.34, p < 0.001$, $partial \omega^2 = 0.40$, и ожиданий, $F(1,111) = 12.33, p < 0.001$, $partial \omega^2 = 0.09$, квалифицировавшихся эффектом взаимодействия качества и ожиданий, $F(1,111) = 16.67, p < 0.001$, $partial \omega^2 = 0.12$. Участники выше оценивали спрей со сравнительно высоким качеством, чем со сравнительно низким ($M = 6.89$ vs. 3.66), при этом такие различия сильнее проявлялись при обычных ожиданиях. В дополнение также обнаружился основной эффект вовлеченности, $F(1,111) = 4.20, p < 0.05$, $partial \omega^2 = 0.03$: участники выше оценивали качество спрея при умеренной, чем при высокой вовлеченности ($M = 5.63$ vs. 4.92). Остальные эффекты были незначимыми. Как и ожидалось, анализ оценок ожиданий обнаружил эффект взаимодействия качества и ожиданий, $F(1,111) = 18.31, p < 0.001$, $partial \omega^2 = 0.13$: в условиях завышенных ожиданий участники формировали более высокие ожидания к спрею, чем в условиях обычных ожиданий ($M = 6.97$ vs. 5.77), а в условиях заниженных ожиданий, наоборот, более низкие ($M = 5.03$ vs. 6.53). В дополнение также обнаружился основной эффект вовлеченности, $F(1,111) = 4.34, p < 0.05$, $partial \omega^2 = 0.03$: участники демонстрировали более высокие ожидания при высокой, чем при умеренной вовлеченности ($M = 6.41$ vs. 5.75). Остальные эффекты были незначимыми. Наконец, как и ожидалось, анализ оценок вовлеченности обнаружил основной эффект вовлеченности, $F(1,111) = 41.71, p < 0.001$, $partial \omega^2 = 0.25$: участники демонстрировали более высокие оценки вовлеченности при высокой, чем при умеренной вовлеченности ($M = 0.83$ vs. -0.15). Остальные эффекты были незначимыми. Таким образом, манипуляции независимыми переменными были успешными. В дополнение к этому также следует отметить, что оценки восприятий качества спрея были близки к оценкам пилотажного исследования и что в оценках ожиданий, восприятий качества, вовлеченности, неподтверждения и удовлетворенности не наблюдалось заметной асимметрии (ее значения варьировались от -0.28 до 0.13), а сами оценки охватывали теоретически возможные диапазоны.

Проверка первой гипотезы. Для проверки первой гипотезы реализовывались ANCOVA оценок неподтверждения ожиданий и удовлетворенности спреем. Как и предполагалось, анализ оценок неподтверждения ожиданий обнаружил трехсторонний эффект взаимодействия, $F(1,111) = 13.08, p < 0.001$, $partial \omega^2 = 0.09$, свидетельствующий о том, что эффекты взаимодействия ожиданий и вовлеченности различались при сравнительно низком и высоком качестве спрея. Для более детального изучения этот эффект разделялся на двухсторонние эффекты взаимодействия ожиданий и вовлеченности отдельно для спрея со сравнительно низким и высоким качеством. Оба двухсторонних эффекта оказались значимыми, $F(1,111) = 6.53$ и 6.33 , обе $p < 0.05$, оба $partial \omega^2 = 0.04$. Как и прогнозировалось в первой гипотезе, завышенные ожидания к функционированию спрея вызывали эффект негативного контраста при высокой вовлеченности и эффект позитивной асимиляции при умеренной. В левой части рисунка 1 видно, что при высокой вовлеченности завышенные ожидания к спрею сравнительно низкого качества приводили к более негативным

оценкам неподтверждения в сравнении с обычными ожиданиями, тогда как при умеренной, наоборот, к менее негативным.

Как и прогнозировалось в первой гипотезе, заниженные ожидания к функционированию спрея вызывали эффект позитивного контраста при высокой вовлеченности и эффект негативной ассоциации при умеренной. В правой части рисунка 1 показано, что при высокой вовлеченности заниженные ожидания к спрею сравнительно высокого качества приводили к более позитивным оценкам неподтверждения в сравнении с обычными ожиданиями, тогда как при умеренной, наоборот, к менее позитивным.

В дополнение к этому также обнаружился эффект частоты использования спрея, $F(1,111) = 6.45, p < 0.05, \text{partial } \omega^2 = 0.04$, и основной эффект качества, $F(1,111) = 133.54, p < 0.001, \text{partial } \omega^2 = 0.52$, квалифицировавшийся эффектом взаимодействия качества и вовлеченности, $F(1,111) = 4.53, p < 0.05, \text{partial } \omega^2 = 0.03$. Участники испытывали негативное неподтверждение ожиданий при оценке спрея со сравнительно низким качеством и позитивное при оценке спрея с высоким качеством ($M = 2.42$ vs. 5.23), при этом такие различия сильнее проявлялись при высокой вовлеченности ($M = 2.07$ vs. 5.38), чем при умеренной ($M = 2.77$ vs. 5.08). Все остальные эффекты были незначимыми.

Как и в предыдущем анализе, ANCOVA оценок удовлетворенности обнаружил трехсторонний эффект взаимодействия, $F(1,111) = 10.86, p < 0.001, \text{partial } \omega^2 = 0.08$, который для более детального изучения разделялся на двухсторонние эффекты взаимодействия ожиданий и вовлеченности отдельно для спрея со сравнительно низким и высоким качеством. Однако в отличие от предыдущего анализа значимым оказался первый, $F(1,111) = 11.12, p < 0.01, \text{partial } \omega^2 = 0.08$, но не второй эффект, $F(1,111) = 1.67, p > 0.05, \text{partial } \omega^2 = 0.01$. Как и прогнозировалось в первой гипотезе, завышенные ожидания к функционированию спрея вызывали эффект негативного контраста при высокой

Рисунок 1
Средние оценки неподтверждения ожиданий в разных экспериментальных условиях

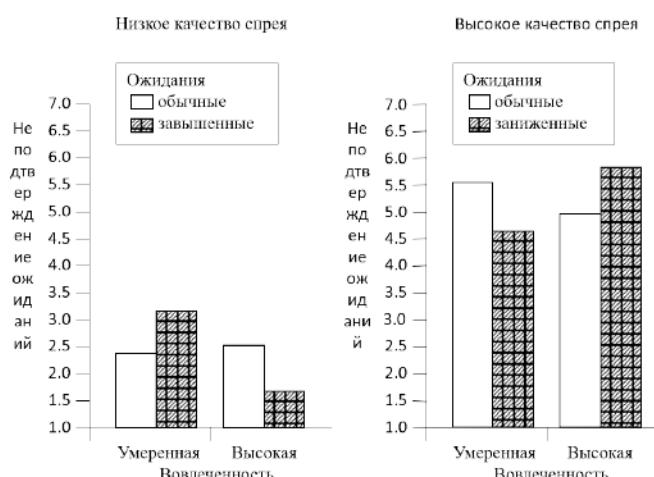

Рисунок 2

Средние оценки удовлетворенности в разных экспериментальных условиях

вовлеченности и эффект позитивной ассилияции при умеренной. В левой части рисунка 2 видно, что при высокой вовлеченности завышенные ожидания к спрею сравнительно низкого качества приводили к более негативным оценкам удовлетворенности, тогда как при умеренной, наоборот, к менее негативным.

Однако вопреки прогнозам первой гипотезы, хотя заниженные ожидания к функционированию спрея и вызывали эффект негативной ассилияции при умеренной вовлеченности, они не вызывали эффекта позитивного контраста при высокой вовлеченности. В правой части рисунка 2 показано, что если при умеренной вовлеченности заниженные ожидания к спрею сравнительно высокого качества действительно приводили к менее позитивным оценкам удовлетворенности, то при высокой вовлеченности они не приводили к более позитивным оценкам. В последнем случае не наблюдалось ни позитивного контраста, ни негативной ассилияции.

В дополнение к этому, как и в предыдущем анализе оценок неподтверждения ожиданий, обнаружился основной эффект качества, $F(1,111) = 111.91, p < 0.001$, $partial \omega^2 = 0.48$, квалифицировавшийся эффектом взаимодействия качества и вовлеченности, $F(1,111) = 4.09, p < 0.05$, $partial \omega^2 = 0.03$. Все остальные эффекты были незначимыми.

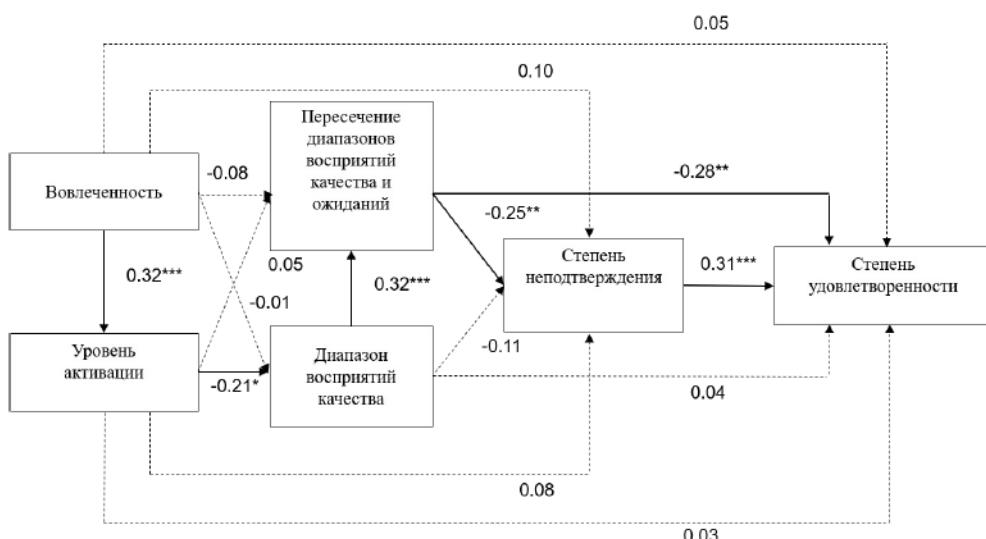
Таким образом, результаты ANCOVA свидетельствуют в пользу первой гипотезы для неподтверждения и частично для удовлетворенности.

Проверка второй гипотезы. Для проверки гипотезы в отношении процессов, благодаря которым вовлеченность приводит к усилению воспринимаемых различий между функционированием и ожиданиями и последующим эффектам контраста – *вовлеченность → активация → диапазон восприятий функционирования → пересечение диапазонов восприятий функционирования*

и ожиданий → степень неподтверждения → степень удовлетворенности, — реализовывался путевой анализ (path analysis). Оценки диапазона восприятий функционирования² были следствием нахождения разностей между максимальными и минимальными оценками восприятий качества спрея; оценки пересечения диапазонов восприятий функционирования и ожиданий получались путем ранжирования разностей между максимальными оценками восприятий качества и минимальными оценками ожиданий для спреев с низким качеством и между максимальными оценками ожиданий и минимальными оценками восприятий качества для спреев с высоким качеством; оценки степени неподтверждения и удовлетворенности рассчитывались нахождением абсолютных значений оценок неподтверждения и удовлетворенности после вычитания из тех и других средних выборочных оценок. Итоговая путевая модель приведена на рисунке 3.

Во-первых, активация регрессировалась на вовлеченность. Как и ожидалось, связь между ними была позитивной ($\beta = 0.32$). Во-вторых, оценки диапазона восприятий качества регрессировались на обе предыдущие переменные. Как и ожидалось, они обладали негативной связью только с активацией ($\beta = -0.21$). В-третьих, оценки пересечения диапазонов восприятий функционирования и ожиданий регрессировались на три предыдущие переменные. Как и ожидалось, они обладали позитивной связью только с диапазоном вос-

Рисунок 3
Влияние вовлеченности на воспринимаемые различия между функционированием и ожиданиями, неподтверждение и удовлетворенность

Примечание. Приведены стандартизированные β -коэффициенты. Сплошные стрелки отражают значимые пути, а пунктирные — незначимые пути. * $p < 0.05$. ** $p < 0.01$. *** $p < 0.001$.

² В рассматриваемом эксперименте под функционированием понимается качество спрея.

приятий качества ($\beta = 0.32$). В-четвертых, оценки степени неподтверждения регрессировались на все предыдущие переменные. Как и ожидалось, они обладали негативной связью только с пересечением диапазонов восприятий функционирования и ожиданий ($\beta = -0.25$). Наконец, оценки степени удовлетворенности регрессировались на все предыдущие переменные. Как и ожидалось, они обладали позитивной связью со степенью неподтверждения ($\beta = 0.31$). В дополнение они также имели негативную связь с пересечением диапазонов восприятий функционирования и ожиданий ($\beta = -0.28$), указывающую, что такое пересечение может играть относительно независимую роль в формировании удовлетворенности, это согласуется с ролью диапазонов принятия-отвержения в возникновении эффектов контраста в теории социального суждения (Sherif, Hovland, 1961). В дополнение к оценке связей между переменными в цепи процессов на рисунке 3 также проверялась возможность того, что каждая промежуточная переменная опосредовала связь между предшествующей и следующей за ней переменной. Тесты на опосредование Соубела (Baron, Kenny, 1986) показали, что это происходило во всех случаях (все z варьировались от -2.17 до -1.87 , все $p < 0.05$), кроме одного: степень неподтверждения не опосредовала связи диапазона восприятий с удовлетворенностью ($z = -1.11, p > 0.05$). Таким образом, путевой анализ поддержал вторую гипотезу в отношении процессов, благодаря которым вовлеченность усиливает воспринимаемые различия между функционированием и ожиданиями, вызывающие эффекты контраста.

Результаты исследования в целом поддержали гипотезу о модерирующей роли вовлеченности в эффектах асимиляции/контраста и согласуются с результатами единственного предыдущего эксперимента (Babin et al., 1994), проверявшего сходную гипотезу, но не манипулировавшего ожиданиями и функционированием продукта с целью создания различных степеней неподтверждения ожиданий, а просто его измерявшего с разбиением участников на группы с разными уровнями неподтверждения. А также гипотезу о цепи процессов, благодаря которым вовлеченность выполняет свою модерирующую роль в возникновении эффектов контраста, акцентирующую роль когнитивных процессов в восприятии различий между функционированием и ожиданиями и вытекающую из теории социального суждения (Sherif, Hovland, 1961) и модели вероятности осмысления (Petty, Cacioppo, 1986).

Вместе с тем в отличие от второй первая гипотеза не получила полной поддержки, поскольку в исследовании не обнаружился один из четырех эффектов, прогнозировавшихся в оценках удовлетворенности,— эффект позитивного контраста. Существуют несколько объяснений такого результата. Первое связано с недостаточной эффективностью манипуляций заниженными ожиданиями: ожидания у высокововлеченных участников оказывались недостаточно низкими для возникновения позитивного контраста. Второе состоит в том, что таким участникам в принципе присущи более высокие ожидания, что должно приводить к большим воспринимаемым различиям между функционированием и ожиданиями при завышенных, чем при заниженных ожиданиях. Такое объяснение вытекает из проверки манипуляций ожиданиями в

этом исследовании, обнаружившей основной эффект вовлеченности. Такой феномен уже наблюдался ранее (Bolting, Woodruff, 1988; Shaffer, Sherrell, 1997) и может объясняться большей заинтересованностью высокововлеченных субъектов в хорошем функционировании продукта. Наконец, третье объяснение состоит в том, что манипуляции важными последствиями оказались смешанными с манипуляциями самопрезентацией (Johnson, Eagly, 1989). Последнее могло побуждать участников сообщать менее поляризованные оценки удовлетворенности, т.е. более низкие при завышенных ожиданиях и более высокие при заниженных. Это могло не влиять на сообщение оценок неподтверждения, поскольку они могли думать, что до производителей и других потребителей будут доводиться только оценки качества и/или удовлетворенности спреем. Для проверки того, какое из этих трех объяснений адекватно, потребуются другие исследования.

Настоящее исследование имеет ограничения: проверка второй гипотезы опиралась на путевой анализ, т.е. по сути на корреляции, ограничивающие возможность каузальных интерпретаций связей, в особенности в последних звеньях процессов, приводящих к эффектам контраста; изучение единичного продукта, что обусловливает необходимость в его репликации на других продуктах; измерение ряда переменных однопунктовыми шкалами, что могло снижать надежность оценок. Однако, с другой стороны, поскольку снижение надежности приводит к ослаблению наблюдаемых эффектов связей или различий (Nunnally, Bernstein, 1994), при большей надежности оценок результаты проверки гипотез могли бы оказаться еще более выраженными.

Результаты исследования поднимают ряд вопросов. Например, при проверке манипуляций качеством обнаружился основной эффект вовлеченности, снижавшей оценки восприятий качества спрея. Исчезал бы такой эффект, если бы в оценках удовлетворенности наблюдался не только негативный, но и позитивный контраст (восприятия качества и удовлетворенность коррелировали в этом исследовании, $r = 0.76$), или он является естественным следствием более высоких ожиданий вовлеченных субъектов? Не обнаружилось связей диапазона ожиданий, в отличие от диапазона восприятий, с другими переменными. Но что произошло бы, если бы участникам предлагали самим выбирать для тестирования марки спреев и/или сообщали их характеристики? Не привело бы это к сужению не только диапазона восприятия, но и диапазона ожиданий у высокововлеченных участников и к еще большему усилению эффектов контраста? Косвенно на такую возможность указывают исследования, обнаружившие влияние на неподтверждение ожиданий уверенности в ожиданиях (Spreng, Page, 2001; Yi, La, 2003). В будущих исследованиях можно было бы также проверить альтернативные объяснения эффектов асимиляции/контраста, исходящие из области социальных восприятий. Например, модель избирательной доступности (Mussweiler, 2003, 2007) и установки/сброса (Martin et al., 1990; Martin, Shirk, 2007). Первая объясняет их формулированием субъектом предварительной гипотезы о сходстве или различии между объектом и используемым стандартом оценки, а вторая — его низким или высоким вниманием к своим подлинным реакциям на объект, побуждающим

либо не корректировать (установка), либо корректировать возможную предвзятость при его оценке (сброс).

Из эффектов ассилияции/контраста и модерирующей роли вовлеченности могут вытекать практические следствия для рынка. Поскольку удовлетворенность продуктом влияет на повторные покупки и прибыли компании, представляется важным разрабатывать новые продукты, которые бы обеспечивали высокую удовлетворенность у целевых потребителей. Для чего необходимо, во-первых, изучать ожидания потребителей к существующим продуктам, а во-вторых, добиваться чтобы характеристики новых продуктов сильно превосходили такие ожидания, так как лишь это обеспечит сильное позитивное неподтверждение ожиданий и последующие эффекты позитивного контраста. Но поскольку обычно бывает трудно достичь сильного превосходства нового продукта, может оказаться достаточным добиться его умеренного превосходства, если повысить вовлеченность потребителей в процесс покупательского выбора, что может стимулировать интерес к изучению ситуационных факторов вовлеченности, которые бы могли контролироваться производителями и продавцами. При этом в силу универсальности эффектов ассилияции/контраста их можно использовать с целью повышения удовлетворенности в различных сферах жизни. Например, те же принципы (оценка ожиданий, формирование предложения, умеренно превышающего ожидания, и усиление вовлеченности) могут оказаться полезными в области государственного управления (удовлетворенность граждан), организационного управления (удовлетворенность работников), семейного консультирования (удовлетворенность супругов) и др.

Выводы

Результаты исследования поддержали модерирующую роль вовлеченности при возникновении эффектов ассилияции/контраста, а также гипотетическую цепь процессов, в которой вовлеченность повышает уровень активации субъекта, активация стимулирует его когнитивную активность, когнитивная активность увеличивает точность суждений в оценках продукта (сужая диапазон восприятий функционирования продукта), а точность суждений усиливает воспринимаемые различия между функционированием и ожиданиями (уменьшая его пересечение с диапазоном ожиданий), что увеличивает степень неподтверждения и удовлетворенности. Вместе с тем в отличие от неподтверждения ожиданий в исследовании не был обнаружен эффект позитивного контраста в оценках удовлетворенности. Предлагаются объяснения отсутствия позитивного, но не негативного контраста в оценках удовлетворенности.

Литература

Еникеев, М. И. (2003). *Психологическая диагностика. Стандартизированные тесты*. М.: ПРИОР.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References* после англоязычного блока.

Ребзуев Борис Геннадьевич — доцент, Институт психологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», кандидат психологических наук, доцент.

Сфера научных интересов: организационное поведение, поведение потребителя.

Контакты: rebzuevbg@herzen.spb.ru

The Role of Involvement in the Occurrence of Assimilation/Contrast in Consumer Satisfaction Scores

B.G. Rebzuev^a

^a The Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation

Abstract

The research shows that one of the key determinants of consumer satisfaction is disconfirmation, which refers to the perceived differences between product performance and pre-purchase expectations. In this case, positive disconfirmation (when performance exceeds expectations) leads to high, and negative (when it concedes to expectations) to low satisfaction. The present study examined the role of involvement in the occurrence of assimilation effects (a decrease in disconfirmation scores and a shift in satisfaction scores towards expectations) and contrast effects (an increase in disconfirmation scores and a shift in satisfaction scores in the opposite direction), as well as the processes leading to contrast effects. And two hypotheses have been formulated that involvement will produce contrast effects and that such effects will result from the activation of cognitive processes leading to increased perceived differences between product performance and expectations. The hypotheses were tested in a laboratory experiment that manipulated product performance (a screen cleaner quality), expectations and participant involvement levels, and explored two types of assimilation/contrast effects, negative and positive, resulting from high and low expectations for the product. The experiment showed that involvement did produce negative and positive contrast effects in the disconfirmation and satisfaction scores with one exception: involvement did not produce positive contrast effect in the satisfaction scores. The article discusses the possible reasons for this result. The experiment also supported the existence of a chain of processes leading to contrast effects, in which involvement increases the activation levels in subjects, activation stimulates cognitive activity, cognitive activity increases judgment accuracy in product evaluations, and judgment accuracy enhances perceived differences between product performance and expectations. Limitations, questions for future research and implications for manufacturers and retailers from assimilation/contrast effects are discussed.

Keywords: involvement, consumer satisfaction, expectancy disconfirmation, expectations, product performance, assimilation effect, contrast effect, latitude of acceptance, latitude of rejection, social judgment theory, elaboration likelihood model.

References

- Altunel, M. C., & Kocak, O. E. (2017). The roles of subjective vitality, involvement, experience quality, and satisfaction in tourists' behavioral intentions. *European Journal of Tourism Research*, 16, 233–251. <https://ejtr.vumk.eu/index.php/about/article/view/287>
- Babin, B. J., Griffin, M., & Babin, L. (1994). The effect of motivation to process on consumers' satisfaction reactions. In C. T. Allen & D. R. John (Eds.), *Advances in consumer research: Vol. 21* (pp. 406–411). Provo, UT: Association for Consumer Research.
- Baron, R. M., & Kenny, D. A. (1986). The moderator-mediator variable distinction in social psychological research: Conceptual, strategic, and statistical considerations. *Journal of Personality and Social Psychology*, 51(6), 1173–1182. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.51.6.1173>
- Bloch, P. H., & Richins, M. L. (1983). A theoretical model for the study of product importance perceptions. *Journal of Marketing*, 47(3), 69–81. <https://doi.org/10.2307/1251198>
- Bolffing, C. P., & Woodruff, R. B. (1988). Effects of situational involvement on consumers' use of standards in satisfaction/dissatisfaction processes. *Journal of Consumer Satisfaction/dissatisfaction and Complaint Behavior*, 1, 16–24.
- Curtis, T., Abratt, R., Rhoades, D. L., & Dion, P. (2011). Customer loyalty, repurchase and satisfaction: A meta-analytical review. *Journal of Consumer Satisfaction, Dissatisfaction and Complaining Behavior*, 24, 1–26.
- Dawes, J., Stocchi, L., & Dall'Olmo-Riley, F. (2020). Over-time variation in individual's customer satisfaction scores. *International Journal of Market Research*, 62(3), 262–271. <https://doi.org/10.1177/1470785320907538>
- Enikeev, M. I. (2003). *Psichologicheskaya diagnostika. Standartizirovannye testy* [Psychological diagnostics. Standardized tests]. Moscow: PRIOR.
- Houston, M. L., & Rothschild, M. L. (1978). Conceptual and methodological perspectives on involvement. In S. C. Jain (Ed.), *Educator's proceedings* (pp. 184–187). Chicago, IL: American Marketing Association.
- Johnson, B. T., & Eagly, A. H. (1989). Effects of involvement on persuasion: A meta-analysis. *Psychological Bulletin*, 106(2), 290–314. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.106.2.290>
- Martin, L. L., Seta, J. J., & Crelia, R. A. (1990). Assimilation and contrast as a function of people's willingness and ability to expend effort in forming an impression. *Journal of Personality and Social Psychology*, 59(1), 27–37. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.59.1.27>
- Martin, L. L., & Shirk, S. (2007). Set/reset and self-regulation: Do contrast processes play a role in the breakdown of self-control? In D. A. Stapel & J. Suls (Eds.), *Assimilation and contrast in social psychology* (pp. 207–225). Psychology Press.
- Mittal, B. (1995). A comparative analysis of four scales of consumer involvement. *Psychology & Marketing*, 12(7), 663–682. <https://doi.org/10.1002/mar.4220120708>
- Mussweiler, T. (2003). Comparison processes in social judgment: Mechanisms and consequences. *Psychological Review*, 110(3), 472–489. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.110.3.472>
- Mussweiler, T. (2007). Assimilation and contrast as comparison effects: A selective accessibility model. In D. A. Stapel & J. Suls (Eds.), *Assimilation and contrast in social psychology* (pp. 165–185). Psychology Press.
- Nunnally, J. C., & Bernstein, I. (1994). *Psychometric theory* (3rd ed.). New York, NY: McGraw-Hill.
- Oliver, R. L. (2014). *Satisfaction: A behavioral perspective on the consumer: A behavioral perspective on the consumer* (2nd ed.). New York, NY: Routledge.

- Oliver, R. L., & Bearden, W. O. (1983). The role of involvement in satisfaction processes. In R. P. Bagozzi & A. M. Tybout (Eds.), *Advances in consumer research*: Vol. 10 (pp. 250–255). Provo, UT: Association for Consumer Research.
- Olshavsky, R. W., & Miller, J. A. (1972). Consumer expectations, product performance, and perceived product quality. *Journal of Marketing Research*, 9(1), 19–21. <https://doi.org/10.2307/3149600>
- Petty, R. E., & Briñol, P. (2012). The elaboration likelihood model. In P. A. M. Van Lange, A. Kruglanski, & E. T. Higgins (Eds.), *Handbook of theories of social psychology* (pp. 224–245). London, England: Sage Publications Ltd. <https://doi.org/10.4135/9781446249215.n12>
- Petty, R. E., & Cacioppo, J. T. (1986). *Communication and persuasion: Central and peripheral routes to attitude change*. New York, NY: Springer-Verlag. <https://doi.org/10.1007/978-1-4612-4964-1>
- Richins, M. L., & Bloch, P. H. (1991). Post-purchase product satisfaction: Incorporating the effects of involvement and time. *Journal of Business Research*, 23(2), 145–158. [https://doi.org/10.1016/0148-2963\(91\)90025-S](https://doi.org/10.1016/0148-2963(91)90025-S)
- Shaffer, T. R., & Sherrell, D. L. (1997). Consumer satisfaction with healthcare services: The influence of involvement. *Psychology & Marketing*, 14(3), 261–285. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1520-6793\(199705\)14:3<261::AID-MAR4>3.0.CO;2-9](https://doi.org/10.1002/(SICI)1520-6793(199705)14:3<261::AID-MAR4>3.0.CO;2-9)
- Sherif, M., & Hovland, C. I. (1961). *Social judgment: Assimilation and contrast effects in communication and attitude change*. Oxford: Yale University Press.
- Spreng, R. A., & Page, T. (2001). The impact of confidence in expectations on consumer satisfaction. *Psychology & Marketing*, 18(11), 1187–1204. <https://doi.org/10.1002/MAR.1049>
- Spreng, R. A., & Sonmez, E. (2000). The moderating effect of involvement on the consumer satisfaction formation process. In *American Marketing Association Proceeding* (Vol. 11, pp. 168–174). Chicago, IL: American Marketing Association.
- Stapel, D. A., & Suls, J. (2007). (Eds.). *Assimilation and contrast in social psychology*. New York, NY: Psychology Press. <https://doi.org/10.4324/9780203837832>
- Szymanski, D. M., & Henard, D. H. (2001). Customer satisfaction: A meta-analysis of the empirical evidence. *Journal of the Academy of Marketing Science*, 29(1), 16–35. <https://doi.org/10.1177/0092070301291002>
- Tam, J. L. M. (2011). The moderating effects of purchase importance in customer satisfaction process: An empirical investigation. *Journal of Consumer Behaviour*, 10(4), 205–215. <https://doi.org/10.1002/cb.330>
- Woodruff, R. B., Cadotte, E. R., & Jenkins, R. L. (1983). Modeling consumer satisfaction processes using experience-based norms. *Journal of Marketing Research*, 20(3), 296–304. <https://doi.org/10.2307/3151833>
- Yi, Y. (1990). A critical review of consumer satisfaction. In V. A. Zeithaml (Ed.), *Review of marketing* (pp. 68–123). Chicago, IL: American Marketing Association.
- Yi, Y., & La, S. (2003). The moderating role of confidence in expectations and the asymmetric influence of disconfirmation on customer satisfaction. *The Service Industries Journal*, 23(5), 20–47. <https://doi.org/10.1080/02642060308565622>
- Zimbardo, P. G. (1960). Involvement and communication discrepancy as determinants of opinion conformity. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 60(1), 86–94. <https://doi.org/10.1037/h0040786>

Boris G. Rebzuev — Associate Professor, Institute of Psychology, The Herzen State Pedagogical University of Russia, PhD in Psychology, Associate Professor.
Research Area: Organizational behavior, consumer behavior.
E-mail: rebzuevbg@herzen.spb.ru

СИТУАЦИОННЫЙ ПОДХОД: ТИПЫ СИТУАЦИЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Г.Н. СОЛНЦЕВА^а

^а Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1

Резюме

В широком спектре психологических подходов перспективным представляется ситуационный подход, получивший теоретическое обоснование в отечественных исследованиях. Центральным является понятие ситуации как опосредующего элемента между условиями среды и индивидуально-личностными особенностями субъекта в контексте проблемвойной детерминации деятельности. Определения ситуации преимущественно ограничиваются представлением о субъективном образе внешних условий, адекватность которого интерпретируется как проявление средовой, а вариативность — проявление личностной детерминации деятельности. Пристрастность образа внешних условий является одним из проявлений личностной детерминации когнитивной составляющей, но не снимает проблемы детерминации деятельности. Цель работы — ограничение понятия «ситуация» субъективной сферой и его интерпретация как результата интеграции детерминант. Уточнены представления об условиях среды, аргументирована необходимость оценок интерпретируемого образа условий, собственных ресурсов и их соотношения, а также «пространства» оценок как механизма интеграции детерминант. Ситуация определяется как рефлексивная оценочная «модель» отношений интерпретируемого образа объективных условий и внутреннего состояния в пределах актуальной мотивации, наличного опыта и личностных предпочтений. Функции ситуации — организация деятельности (актуалгенез) и ее регуляция на стадии исполнения, обеспечивающие ее стабильность и целесообразность. Представлена систематизация ситуаций на основе типологии условий и вариантов их субъективных оценок, наличных ресурсов субъекта и их оценок. Особое внимание уделено ситуациям неопределенности, принятия решения и риска, определены их особенности, психологические механизмы и личностные детерминанты. Ситуационный подход расширяет возможности объяснения вариативности деятельности в тождественных условиях, ее устойчивость в меняющихся условиях, а также объяснение причин ошибок, обусловленных своеобразием оценок рефлексивной модели реальности.

Ключевые слова: среда, условия, ситуация, чрезвычайные условия, сложность, экстремальность, опасность, напряженность, неопределенность, проблемность, принятие решения, риск, рефлексия.

Понятие ситуации и ситуационный подход в системе психологического знания

Понятие ситуации формировалось в русле проблемывойной детерминации деятельности внешними условиями и личностными особенностями,

решение которой связывается с идеей взаимодействия человека со средой, в ходе и благодаря которому достигается соответствие внешних условий и внутренних переменных, обеспечивающих целесообразность действий. Вопрос не в том, какие переменные в большей мере определяют особенности деятельности и поведения — внешние средовые или внутренние «личностные». Проблема в том, каким образом осуществляется взаимодействие столь различных реальностей, каков механизм их «интеграции» и в какой форме результат репрезентируется субъекту, обеспечивая стабильность деятельности до момента получения результата в меняющихся условиях и индивидуальную вариативность в схожих условиях. Ситуационный подход в своем первоначальном виде базировался на представлении о решающей роли «ситуации как совокупности внешних обстоятельств» в противовес «персонологическому», в котором индивидуально-личностные особенности рассматривались как основная детерминанта деятельности, не снимая проблемы двойной детерминации. Ситуационный подход может рассматриваться как вариант интеракционистского с сохранением центральной идеи взаимодействия человека и среды как детерминанты деятельности, дополненной идеей опосредованного характера взаимодействия. В качестве опосредующего элемента рассматривается ситуация, которая должна обладать свойствами обеих сторон взаимодействия — быть конгруэнтной как актуальным условиям среды, так и состоянию человека. Функция ситуации — интеграция актуальных переменных, что снимает обсуждение вопроса о приоритете средовой или личностной детерминанты.

В таком понимании первостепенной задачей ситуационного подхода является уточнение понятия «ситуация». Имеющиеся определения фиксируют значимые, но разрозненные признаки ситуации, не отвечают логическим нормам — однозначности отнесения к более широкой категории, фиксации отличий и связей схожих явлений внутри категории, снижая определенность представлений, смысл подхода и объяснительный потенциал.

Определения и анализ ситуации достаточно широко представлены в литературе, в том числе в работах теоретического и обзорного характера (Гришина, 2008; Осухова, 2012; Попова, 2011; Рягузова, 2006; Трифонова, 2004). Понятие ситуации часто ограничивается совокупностью элементов среды, трактуется как отдельное «событие» во внешней среде или совокупность условий (обстоятельств), а личностная обусловленность деятельности рассматривается как константа. Отнесение ситуации к элементам среды не только обесценивает идею опосредования, но и приводит к определениям, в которых ситуация «оказывается» «единством личности и ситуации», результатом «взаимной обусловленности ситуации и человека» или крайне неопределенным «нечто», с чем взаимодействует личность. Определение ситуации как «системы» тех же субъективных и объективных элементов, но в деятельности (Ломов, 1999), задало в свое время общие ориентиры ее содержательного анализа. В ряде работ представление о ситуации приобрело признаки системности за счет включения категорий активности субъекта. Ситуация описывается как концептуализация взаимодействий человека со средой (Филиппов, Ковалев,

1986) или когнитивный конструкт личности, отражающий часть объективной реальности (Воронин, Князев, 1989), как внутренние процессы, сопряженные с внешним пространством, интегрирующие всю совокупность детерминант поведения (Анцупов, Шипилов, 2010). Эти определения фиксируют принципиальные характеристики ситуации – принадлежность субъективно-личностной сфере и ее интегрирующую функцию, требующие, однако, конкретизации в системе деятельности и психологических категорий ее описания.

Понятие ситуации, ограниченное сферой психических явлений, предполагает не только трансформацию и интерпретацию «предметности» актуальных условий среды в субъективный образ, личнострою пристрастный когнитивный конструкт. Решающими для субъективного «определения» ситуации являются преодоление «непосредственности» восприятия условий и формирование отношения к ним – оценки в актуальный момент деятельности. Следует подчеркнуть, что личностная пристрастность оценки не ограничивается влиянием индивидуально-личностных особенностей, с необходимостью приобретает форму оценки собственного состояния (ресурсов), что обеспечивает сопоставление и интеграцию детерминирующих переменных. Ситуация для субъекта предстает в форме оценки отношений интерпретируемых внешних условий и внутренних ресурсов, что предполагает более высокий – рефлексивный уровень регуляции деятельности, а для психологического анализа определяется как рефлексивная оценочная «модель» отношений объективных условий и внутреннего состояния.

Анализ закономерностей формирования ситуации как рефлексивной модели требует уточнения представлений о среде и ее составляющих. Понятие среды ограничивается внешним окружением, не распространяется на характеристики внутренних процессов человека, которые обозначаются как состояние. Внешние детерминанты деятельности обычно представлены общими понятиями среды, описываются как обстоятельства, события, создающие определенные условия, в которых вынужден действовать субъект. Среда всегда рассматривается как противопоставление человеку, приобретает определенность только по отношению к субъекту, все проявления активности человека являются средовыми, но не все параметры среды влияют на характеристики деятельности. Среда понимается как совокупность взаимосвязанных переменных объективной реальности, имеющих разные пространственно-временные границы. Устоявшимся является представление о составляющих физической среды – материальных объектах, их закономерных взаимосвязях, проявляющихся в изменчивости характеристик объектов. Социальная среда описывается в терминах относительно устойчивого окружения, ограниченного пространственной и социальной близостью, а также социальных условий как характеристик связей актуального окружения и их изменений в отдельных эпизодах (событиях) (Магнуссон, 1983). Для физической и социальной среды представление об условиях целесообразно ограничить изменчивыми параметрами, характеризующими актуальность и требующими учета в организации деятельности. Информационная среда также противопоставляется человеку, но представления о ней не столь однозначны: не имеют пространственно-временной

определенности, описывается как сеть или «киберпространство» коммуникаций, в котором трудно выделить «объективные» устойчивые или вариативные характеристики.

Только в рамках бихевиоризма условия могут рассматриваться как детерминанта, в других концепциях условия как характеристики среды, противопоставленные человеку, сами по себе не являются детерминантами, должны приобрести качество «субъектности» — отражены субъектом, сохранив тождественность условиям. Но и образ реальности не может непосредственно влиять на схемы поведения, пока не будет включен в систему связей компонентов деятельности, посредством которой обеспечивается целесообразная реорганизация образа, опосредование связей условий, индивидуально-личностных особенностей, актуальной мотивации и опыта. Не столько «субъективный образ» актуального фрагмента окружающей действительности (Трифонова, 2004), сколько «пространство отношений» условий среды и субъективно-личностных характеристик действующего субъекта (Осухова, 2012) определяется как ситуация, опосредуя связи и определяя направления «реконструкции и презентации» субъектом внешних условий. Еще К. Левин подчеркивал, что поведение определяется целостностью «поля» взаимодействия, в котором условия среды представлены в виде «сконструированной» реальности, релевантной субъективным устремлениям человека. Реконструированная реальность — не «чисто внешнее объективное обстояние, взятое безотносительно к состоянию субъекта, но и не состояние, взятое вне отношения к объектам», «единство обстояния и состояния» и есть ситуация (Василюк, 2003, с. 157).

Поле взаимодействия может быть представлено «пространством непротрансцендентных явлений» — сознанием или рефлексией, опосредующим звеном между субъектом и внешней реальностью — моделью, схемой отношений (Лефевр, 2003), что «приводит к четкому разграничению знания и отражающей реальности» (Швырев, 1985). Только в этом пространстве возможно одновременное сосуществование моделей объективной реальности, включая модель «другого» и полноту презентации внутреннего мира во всем многообразии его проявлений (Карпов, 2004), возможно манипулировать образами-моделями — «остановить мгновение», обратиться к прошлому и конструировать будущее. Рефлексия как «посредник» — единственный способ объяснения единства объективного и субъективного, актуального и потенциального, прошлого (опыт) и будущего (результат), рационального и чувственного, индивидуального и социального в деятельности.

Рефлексивное пространство — система иерархически организованных «зеркал» (в метафоре Лефевра) в соответствии с актуальной целью и наличным опытом, ограниченная устойчивыми личностными качествами. Содержание «экрана» — образы актуального фрагмента окружающей действительности и Я субъекта, их взаимное расположение отражает их взаимодействие. На каждом уровне рефлексии актуализируются и получают конкретность образы-модели внешних условий и образы Я — варианты наличных, возможных, желаемых и требуемых состояний личности. Те и другие

модели приобретают схожие качества — организуются на основе оценки значимости составляющих, устойчивость. Значимость характеристик условий и состояния определяет интерпретацию «образа», «вектор» активности, объем и границы ситуации. Значимые характеристики условий приобретают пространственную независимость, включаются в более широкий временной интервал — соотносятся с прошлыми ситуациями и включаются в ожидаемые (Трифонова, 2004), мотивационные особенности ограничивают включаемые в модель характеристики ресурсов. Модель внешних меняющихся условий, сохраняя адекватность объективному окружению, приобретает устойчивость, как и модель актуального состояния Я в силу устойчивости не столько личностных качеств, сколько актуальной мотивации и наличного опыта. В рефлексивном пространстве эти модели соотносятся — оцениваются, реорганизуются, достигается их субъективное соответствие, которое является критерием и моментом перехода к реализации действия, приобретающего целесообразность и смысл.

Таким образом, ситуация понимается как реконструированная в рефлексивном пространстве система отношений оценок актуальных условий и личностных ресурсов, рефлексивная модель отношений оценок актуальных условий и состояния Я, основанная на оценках значимости и придающая целесообразность и смысл действиям.

Типология и психологические закономерности ситуаций

Типы ситуаций традиционно связываются с внешними условиями. Диапазон средовых условий достаточно широк, можно ограничиться двумя полюсами их характеристик. Интегральной характеристикой условий является их определение как нормальных, с одной стороны, и особых, с другой. Нормальными признаются условия, параметры которых соответствуют ограниченному диапазону жизнеобеспечения и деятельности (Лебедев, 1989), они отличаются относительным постоянством, высокой вероятностью повторения, описываются как «стандартные», «детерминированные», «хорошо структурированные», «сильные» при узком диапазоне интерпретации. Деятельность в нормальных условиях отличается оптимальным уровнем общей активности и контроля, определенностью и стабильностью регуляции психических процессов на основе сложившихся когнитивных и исполнительных схем действий, обеспечивающих готовность и устойчивость деятельности, снижением факторов мотивации и функционального состояния.

Изменения среды — локальные или глобальные, кратковременные или постоянные, широкого или узкого диапазона, стремительные или постепенные — могут превратить нормальные условия в особые, которым не соответствуют сложившиеся стереотипы действий (Лысаков и др., 2013). Значительные, отличающиеся внезапностью изменения условий на ограниченной территории, источники которых известны, предсказуемы последствия для среды и населения, обозначаются как чрезвычайные. Эти условия возникают в результате действия природных или социальных явлений, техногенных

происшествий, применения средств поражения, влекущего за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, материальные потери (Шойгу, 2019). Опасные условия — наличие угроз жизни и здоровью человека — характеризуются несоответствием параметров среды узкому диапазону возможностей жизнеобеспечения. Условия опасности включают природные и антропогенные (техногенные, организационные) факторы, человеческий фактор проявляется в ошибочных и несанкционированных действиях, отклонениях характеристик действий от норм и требований. Взаимодействие человека со средой всегда сопряжено с опасностью, поскольку не существует отдельно «хороших» и «плохих» факторов среды, а действие позитивных не исключает генерирования опасных и вредных факторов, что отражено в аксиоме потенциальной опасности как универсального свойства взаимодействия и касается любого вида деятельности.

Возникновение чрезвычайных и опасных условий обусловлено схожими причинами, любые чрезвычайные условия опасны, но опасные не всегда являются чрезвычайными. Чрезвычайные условия преимущественно обусловлены природными и техногенными причинами, всегда актуальны, имеют широкомасштабные негативные последствий для населения определенной территории. Опасные условия могут возникать в результате действий человека по обслуживанию и эксплуатации технических средств и систем, могут носить потенциальный характер, касаются отдельного человека или групп, могут иметь четкие или неопределенные временные границы. Чрезвычайные и опасные условия являются экстремальными по отношению к субъекту, характеризуют пространственно-временные параметры среды — «события на ограниченной территории», в которых человек оказывается на «персональном пороге» своих адаптивных возможностей (Лебедев, 1989).

К объективным условиям часто относят сложность, определяемую числом объектов, их размерностью, неоднородностью, характером взаимосвязей, динамикой изменений. Трудно согласиться с тем, что сложность является атрибутивной характеристикой среды, существуют простые и сложные характеристики. Сложность зависит от характера познания, является скорее оценкой интерпретируемых условий, чем их характеристикой: чем больше параметров оценены как значимые, тем больше вариантов их интерпретации и задача представляется сложной, затрудняющей оценку значимости, как и при ограниченности опыта. Оценка условий зависит от когнитивных особенностей субъекта, получивших в психологии определение когнитивной сложности. Высокая когнитивная сложность предполагает владение и предпочтения в использовании множества конструктов, имеющих многообразные связи, субъект способен менять основания классификации и воспринимать условия (и себя) по-разному, манипулируя и трансформируя значимые признаки. В зависимости от личностной когнитивной сложности условия могут интерпретироваться с использованием как сложных, так и простых приемов, а простые — неоправданно усложненными способами.

Типы условий не совпадают с типами ситуаций в силу неоднозначности их оценок даже при тождественности интерпретации. Ситуации могут оцениваться

как обычные или необычные (особые) в зависимости от опыта, восприятие условий может оказаться иллюзорным, но и адекватное восприятие может интерпретироваться по-разному в зависимости от актуальной мотивации. Экстремальные, чрезвычайные, опасные условия могут адекватно восприниматься, но оцениваться как обычные, а обычные привычные условия могут оцениваться как трудные, задачи — как сложные при изменении состояния субъекта. Аналогичные закономерности характеризуют и оценки субъектом своих возможностей — ресурсов действий в актуальных условиях, состояния функциональных систем и опыта. Ресурсы могут в разной степени обеспечить достижение цели: от полного соответствия до рассогласования, а субъективная оценка ресурсов может быть адекватной (субъект осознает и оценивает ограниченность возможностей) или неадекватной. Все ситуации ограниченности ресурсов, адекватной или заниженной оценки, связанные с трудностями использования сложившегося обычного опыта, приобретают характер экстремальных.

Обычные условия, определяемые опытом их интерпретации, адекватной оценкой возможностей действий, не исключают экстремальных ситуаций; для опытного профессионала ситуация может стать экстремальной при изменении функционального состояния, мотивации и значимости отдельных объектов, ограничивающих реализацию имеющегося потенциала. Особые условия могут не сопровождаться экстремальностью за счет сложившихся и отработанных способов действий. Если деятельность осуществляется постоянно в опасных или чрезвычайных условиях, отношение к ним является привычным, ресурсы адекватно оцениваются, ситуация не является экстремальной.

Типы ситуаций могут быть выделены по характеристикам: тип условий — нормальные/особые, оценка условий — обычные/экстремальные, ресурсы — наличие/ограниченность, оценка ресурсов — адекватная/неадекватная. Крайние типы ситуаций можно описать следующим образом. Первый тип — нормальные обычные условия, субъект располагает ресурсами и адекватно их оценивает. Другая крайность — особые условия, неадекватная их оценка, ограниченность ресурсов действий и неадекватная их оценка.

Опасные ситуации возникают преимущественно в опасных условиях при осознании степени угроз и их последствий, адекватной оценке ограниченности ресурсов или заниженной их оценке, ограниченности или отсутствии опыта интерпретации условий и действий в них. Однако угрозы могут не осознаваться, субъект может не знать о них или знать, но не придавать им значения, оценка своих возможностей может оказаться адекватной или завышенной; в этих случаях опасные условия не приобретают характера опасной ситуации. При отсутствии опасных условий и явных угроз субъект может продуцировать «мнимые» угрозы, потенциальные угрозы интерпретировать как реальные, придавать им высокую значимость; ситуация для него представляется опасной вне зависимости от оценки собственных ресурсов. Неадекватная завышенная оценка угроз с признаком им высокой значимости приводит к изменению состояния субъекта, нарушению деятельности вплоть до отказа, ситуация оценивается как предельно опасная. Заниженная оценка

(вплоть до полного игнорирования) способствует «определению» ситуации как обычной и реализации стандартных для обычных условий приемов действий, лишь вероятно обес печивающих успешность. Причины неадекватного восприятия опасности сводятся к ограниченности знаний (опыта), недостоверности информации, ошибкам восприятия и заблуждениям при прогнозировании динамики и последствий реальной обстановки. Принципиальное значение имеют личностные качества субъекта, его самооценка, особенности целевых установок и социальных ориентаций, подверженность влиянию других лиц и рефлексивному управлению.

Экстремальные ситуации всегда связаны с неоднозначностью интерпретации условий и осознанием ограниченности действий привычными способами, субъект вынужден действовать на пределе своих психологических возможностей. Для субъекта, оказавшегося в чрезвычайных, опасных и экстремальных условиях ситуация является экстремальной (Магомед-Эминов, 2006; Шойгу, 2019), но при интерпретации этих условий как обычных, в которых субъект действует привычными способами, чрезвычайные или опасные условия не приводят к экстремальной ситуации. Нормальные условия могут сосуществовать с экстремальной ситуацией в силу искажений и противоречивости информации, неоднозначности ее интерпретации, осознания ограниченности привычных способов действий, с особенностями «ожиданий» и высокими требованиями к реакциям. Имеются и другие факторы возникновения трудностей, связанные с состоянием, мотивацией, личностными особенностями, внутренним конфликтом смысловой структуры действий, совершенными и обнаруженными ошибками, действиями других лиц (Шойгу, 2019). Типы экстремальных ситуаций могут быть выделены по источникам трудностей, к ним относятся, в частности, ситуации напряженные, проблемные, принятия решения, риска.

Напряженные ситуации характеризуются активацией дополнительных ресурсов выполнения и контроля действий. При высокой динамичности условий интерпретация осложняется необходимостью не только обнаружения, но и прогнозирования изменений. При высокой значимости и требованиях к характеристикам действий субъект осознает ограниченность своих ресурсов, но продолжает действовать на пределе возможностей. Показателями напряженности ситуаций являются характеристики функциональных систем (сенсорная, умственная, моторная напряженности), организации и контроля действий, функциональное состояние. В первую очередь напряженность проявляется в перцептивных процессах, распространяется на интеллектуальные процессы, процессы эмоциональной и сознательной регуляции, затрагивает и мотивационную сферу, определяется как специфическая психическая напряженность. Физические (статические и динамические) перегрузки, нервно-психическое напряжение анализаторов, поддержание активности при монотонности труда проявляются в характеристиках функционального состояния и относятся к неспецифической напряженности. Напряженные ситуации, определяемые субъективной оценкой отношений, могут возникать у участников совместной деятельности.

Ситуации неопределенности выделяются как класс по степени свободы действий, допускаемой условиями и наличными ресурсами. Как правило, неопределенность относится к будущему, однако характеризует и текущее состояние, если субъект не имеет возможности оценить условия с достаточной точностью и контролировать их. В детерминированных условиях, при наличии знаний о возможных изменениях и владении способами действий, при адекватной оценке условий и собственных возможностей, неопределенности не возникает, ситуация является обычной. При множественности или отсутствии вариантов интерпретации условий, оценки возможных состояний объекта, способов действий и результатов ситуация характеризуется неопределенностью.

Представления о неопределенности не отличаются однозначностью. Формальные определения (например, мера информации, состояние системы по отношению к «идеальным» детерминированным условиям или неоднозначность реализации событий) базируются на показателях достоверности, надежности и полноты данных. Источники неопределенности при этом связываются с условиями, претендуя на объективность описания информационной (в том числе pragматической и семантической) и временной неопределенности. Иногда определения фиксируют характеристику состояния субъекта — «недостаток уверенности» в правильности оценок и понимания ситуации, что отражает лишь отношение к трудностям, не является необходимым сопровождением неопределенности. Психологическое содержание неопределенности ограничивается психической сферой, характеризует основания и возможности познавательных процессов, обеспечивающих интерпретацию условий, оценку полноты, достоверности, релевантности и значения информации, а также прогноза их изменений (Солнцева, 2019). Неопределенность — интегральная характеристика отношения (оценки) субъекта к среде, фиксирующая невозможность обобщенной оценки условий имеющимися ресурсами или оценки собственных ресурсов. Практически никогда нет всей необходимой информации для однозначного «определения» ситуации, но степень и содержание неопределенности могут быть разными. Неизвестными могут быть параметры объекта, способы действий и результат, какие состояния вообще он может принимать, каковы его связи с другими объектами, неизвестны и критерии их оценки. Субъект оказывается в ситуации высокой степени неопределенности, когда нет вариантов приемлемой интерпретации условий, отсутствуют и варианты действий. Он может знать, какие состояния объекта и способы их изменений возможны, но неизвестно, какое из возможных состояний характерно для данного момента, какой из известных способов является наилучшим. По характеру (степени) неопределенности все ситуации неопределенности можно разделить на два класса. Ситуации, в которых субъект не имеет вариантов интерпретации (и оценки), необходимо найти хотя бы один вариант приемлемого понимания объекта, — проблемные ситуации. Ситуации, в которых субъект располагает несколькими вариантами интерпретации, неизвестны лишь их преимущества и ограничения, — ситуации принятия решения. Отметим, что проблемная ситуация может на определенном этапе

включать принятие решения, а в ситуации принятия решения могут потребоваться более глубокий анализ и решение возникшей проблемы.

Проблемная ситуация отличается осознанием ограниченности личностных ресурсов, невозможности достижения желаемого результата имеющимися способами. При наличии опыта и адекватной его оценке или при выполнении действий на уровне автоматизма проблемной ситуации не возникает. Ситуация возникает только при значимости результата и осознании конфликта между имеющимся опытом и требуемым результатом. При полном отсутствии знаний проблема не возникает, для оценки необходимы предварительные частичные знания и определенное незнание, соотношение которых инициирует познавательную активность. Проблема предстает как «знание о незнании» в результате осознания несоответствия желаемого и существующего. Субъект вынужден искать причины возникшего рассогласования, новые связи элементов ситуации, новые варианты «определения» ситуации, что предполагает новое целеполагание и активизацию процесса мышления. Осознание проблемы является начальным моментом мышления, а действия в проблемной ситуации приобретают признаки познавательной деятельности: выраженная познавательная мотивация, конкретизация познавательной цели и оценка ее значимости, личностная пристрастность, сознательный уровень регуляции. Проблемная ситуация является условием исследования мышления, а познавательная потребность приобретает характер отличительного признака проблемной ситуации. Характеристиками и показателями проблемной ситуации являются значимость проблемы по эмоциональному отношению и рациональной оценке, осознание ограниченности знаний и необходимости их восполнения. Адекватная оценка имеющихся ресурсов (возможностей) вызывает мобилизацию сил, а разрешение противоречия между знанием и незнанием обеспечивает формирование новых знаний и способов действий, неадекватная сопровождается снижением познавательной мотивации и вероятности успеха.

Проблемные ситуации могут быть напряженными в зависимости от отношения знания к незнанию: чем меньше рассогласование и ниже его оценка, больше совпадений с ситуациями прошлого опыта, тем менее напряженной является ситуация. Для познавательных видов деятельности проблемные ситуации приобретают характер обычных, успешность действий в проблемных ситуациях определяется интеллектуальными особенностями, в частности когнитивной сложностью.

Ситуации принятия решения относятся к ситуациям неопределенности при множественности вариантов и необходимости выбора. Выбор является необходимой, но недостаточной характеристикой ситуации, поскольку не всякий выбор связан с принятием решения. Не обсуждая подходов и аспектов проблем выбора, ограничимся пониманием выбора как формы активности, обеспечивающей сокращение множественности когнитивных и исполнительных схем в актуальных условиях. Выбор может приобретать характер операции с сознательным контролем результата, по терминологии В. Лефевра, по механизму быстрой рефлексии, или действия с развернутым анализом имеющихся

когнитивных схем интерпретации и оценки условий, соотносимых с исполнительными схемами. Только сознательно регулируемое действие устранения неопределенности, обеспечивающее переход от множества возможностей (альтернатив) к определенности действия (решения), определяется как принятие решения (Солнцева, 1999).

Представление о необходимых и достаточных компонентах принятия решения (альтернативы, исходы, критерии, правила) разделяется практически всеми исследователями (Солнцева, 2019). Основной единицей активности является оценка условий, возможного будущего результата (исхода), способов и помех его достижения, реакции социального окружения, отдаленных последствий и др. Условием такой многокритериальной прогностической оценки является репрезентация всех компонентов ситуации в едином «пространстве непространственных явлений», в рефлексивном пространстве, фиксирующем значения элементов ситуации и формирующем смысл. Следствием отнесения принятия решения к рефлексивному пространству является особенность его процессного описания. Процесс не может быть описан как последовательность стадий, но могут быть представлены принципы его организации (Карпов, 2004). Принцип достаточной дифференциации предполагает, что процесс ограничивается необходимыми и достаточными критериями оценки. В обычных ситуациях процесс предстает в минимально развернутом виде перехода от интерпретации условий к решению, а в ситуациях затруднений процесс приобретает развернутую форму, включая, например, операции ранжирования критерии, оценки соответствия социальным нормам, позиции значимого другого. Принцип целевой детерминации означает, что процесс анализа вариантов развертывается от цели как образа результата к анализу ситуации, обеспечивая тем самым соподчиненность всех этапов решения, а соответствующие операции по степени значимости образуют структуру иерархического типа (принцип иерархичности). Рефлексивный анализ предполагает также многократные возвраты к отдельным операциям, изменение оценок и преобразование связей элементов ситуации по принципу итеративности.

Рефлексивная природа принятия решения проявляется в его выраженной личностной детерминации. При оценке альтернатив используется субъективная вероятность, которая не совпадает с объективной вероятностью в силу различий шкал измерения и оценки. Шкала объективной вероятности — линейная с фиксированными крайними точками; субъективная оценочная носит нелинейный характер: объективной вероятности 0.5 соответствует субъективная вероятность 0.62 (Лефевр, 2003), а ее крайние точки являются скорее пределами, чем численными значениями, допускающими возможность явлений, которых объективно быть не может и «случайного» отклонения от известных законов. Обусловленные опытом оценки вероятности событий преувеличиваются, если субъект часто встречался со схожими ситуациями, он их легко припоминает и использует для идентификации. Вариативность оценок вероятности событий обусловлена также ошибками восприятия и мышления (в частности, трактовкой отношений альтернативности как транзитивных), переоценкой надежности прогнозов, особенностями мотивации,

чувствительности к языку описания исходов и другими переменными (Канеман и др., 2005).

Предпочтения в выборе альтернатив обусловлены значимостью, ожидаемой полезностью и ценой исходов: чем выше значимость, тем выше «цена», которую человек готов заплатить, выше субъективная оценка вероятности положительного исхода и выше оценка приемлемости отрицательного исхода. Если «цена» затрат минимальна, вероятность положительного исхода оценивается на порядок выше. Полезность и цена — оценки собственных устремлений и имеющихся ресурсов — зависят от системы ценностей и самооценки: высокая самооценка расширяет количество приемлемых альтернатив и возможных вариантов действий, низкая детерминирует сокращение рассматриваемых вариантов за счет исключения «недостижимых». Отмечено, что стремление к успеху проявляется в выборе вариантов средних значений оценки альтернатив, при избегании неудач предпочтение отдается альтернативам с крайними значениями (Макклелланд, 2007).

Проблемные ситуации и ситуации принятия решения имеют существенные различия. В проблемных ситуациях опыт ограничен, а его концептуальная избыточность затрудняет поиск приемлемого варианта интерпретации и оценки условий, в принятии решений опыт — условие выбора, а его полнота сказывается на выборе лучшего варианта. Решение проблем — когнитивная задача — обеспечивается мыслительными процессами; принятие решения — рефлексивная оценочная задача даже в случаях, когда альтернативы не заданы и не очевидны. Процесс решения проблем может быть описан последовательностью этапов, действиями и операциями; при принятии решений оценки вариантов не имеют временной отнесенности. Проблемная ситуация характеризуется возникновением познавательной потребности, приобретает признаки деятельности; принятие решения не имеет специфической мотивации, является особым действием с функцией формирования актуальной структуры (актуалгенеза или системогенеза) деятельности (Карпов, 2003), а также функцией регуляции на стадии реализации. Результатом решения проблемы является новое знание вне зависимости от языка его описания; в принятии решения — вариант организации действия по целевой функции, зависящий от языка описания альтернатив (достижений или потерь). Различие ситуаций проявляется в конфигурации личностных детерминант: решающими для решения проблем являются интеллектуальные способности, для принятия решения — уровень рефлексии.

Риск и ситуации риска. В широком контексте и обыденном сознании риск связывается с возможностью отрицательного воздействия, результата деятельности или потерь, в явном виде отождествляется, ограничивается и изменяется вероятностью неблагоприятных последствий. Изменения условий, например наводнения, возможные события страхового случая, финансового кризиса, заболевания или возможность неблагоприятного результата действия, оцениваются вероятностью и определяются как риск (Ильин, 2012), что в практике управления организациями закреплено задачей «оценки и управления рисками». В информационном подходе риск определяется как

атрибутивная характеристика и мера неопределенности: с повышением неопределенности возрастает и риск. Отличие риска от неопределенности сводится к объему доступной информации: отсутствие информации характеризует неопределенность, ее наличие соответствует понятию риска как «измеримой неопределенности», а процесс восполнения информации определяется как переход неопределенности в риск. Семантическое несовпадение риска и вероятности отрицательного исхода отразилось в их трактовке даже в рамках формальных представлений. В оценочном подходе за счет введения субъективной переменной — отношения к результату (исходу) — неопределенность характеризует нейтральное отношение, риск ограничивается позитивным отношением к отрицательному исходу. Для психологического анализа именно субъективные переменные оценки и отношения к исходам, а не их вероятность обуславливают выбор и риск.

Риск — не вероятность отрицательного результата, а характеристика действия, приведшего к выбору варианта с высокой вероятностью отрицательного исхода (Солнцева, 1999), проявляющаяся в «управлении» вероятностью исходов. В условиях опасности, например, выбранный вариант действия характеризуется уменьшением или увеличением вероятности неблагоприятного исхода при удалении или приближении к источнику опасности. Вероятность отрицательного исхода является мерой риска, хотя субъект может вообще не располагать данными, позволяющими оценить вероятность, использовать эмоциональное или социально-нормативное отношения в качестве критериев оценки (Солнцева, 2019).

Ситуация риска — частный случай ситуации принятия решения, характеризующийся высокой вероятностью отрицательного исхода при значимости и ориентации на достижение положительного результата. При субъективной вероятности $P \geq 0.5$ положительного исхода (соответствующей объективной $P \geq 0.38$) (Лефевр, 2003) нет необходимости оценивать неблагоприятный исход, предпочтения отдаются варианту с большей вероятностью. Формальные основания рационального выбора предполагают отказ от альтернатив с низкой вероятностью положительного результата, однако при вероятности $P \leq 0.5$ субъект остается в ситуации неопределенности, вынужден оперировать показателями положительных и отрицательных исходов, пытаясь преодолеть противоречие высокой значимости и низкой вероятности положительного исхода. Задача усложняется, приобретая характер многокритериального выбора, ее решение требует расширения арсенала критериев и интеграции оценок исходов альтернативы.

Выбор обусловлен не столько осознанием возможности неблагоприятного исхода, сколько оценкой отношения значимости положительного и отрицательного исходов альтернативы, личностного отношения необходимости, желательности, значимости, полезности ожидаемого положительного результата к требуемым ресурсам, потерям, затратам для его достижения. Субъект оценивает, по сути, отношение объективных характеристик условий (в субъективной интерпретации) и собственного состояния — ресурсов, возможностей, которое приобретает характер интегрального критерия выбора — принять

альтернативу и действовать или отказаться от нее, искать другие способы достижения цели или оправдать свой отказ. Фактором выбора, как и любой ситуации, является адекватность оценок условий и ресурсов в пределах актуальной мотивации и опыта действий, сложившихся правил соотнесения и интеграции оценок, упрощения ситуации и преодоления неопределенности.

Таким образом, ситуации риска в классе ситуаций принятия решения ограничены представлением о предпочтении выбора альтернативы, отличающейся высокой значимостью и низкой вероятностью положительного результата (исхода), а понятие риска приобретает смысл характеристики действия (выбора) в ситуации принятия решения: чем выше вероятность отрицательного исхода, тем больше риска.

Диапазон возможных ситуаций риска в деятельности можно представить тремя зонами оценок отношений полезности к потерям. Область ожиданий высокой полезности при достаточности ресурсов и оценке потерь как незначительных и восполнимых – зона приемлемого риска. При оценке относительного равенства высокой значимости и больших потерь выбор предполагает «согласие» субъекта с возможными потерями и усилиями (ценой), риск считается допустимым. При высокой вероятности неблагоприятного исхода и высокой цене альтернатива может не исключаться как неприемлемая в силу высокой значимости и «шанса» положительного исхода, риск признается обоснованным. Все остальные случаи могут рассматриваться как необоснованный риск, связанный с особенностями мотивации, неадекватной оценкой возможностей, ограниченностью опыта.

Ситуации риска преимущественно характеризуются напряженностью, требуют актуализации дополнительных ресурсов для достижения желаемого результата. Личностная обусловленность риска как характеристика действий субъекта проявляется в феноменах и парадоксах действий в ситуациях риска: приданье большей значимости оценкам и суждениям, чем какому-либо другому виду расчета, большая чувствительность к потерям, чем к выигрышам, снижение оценок потерь при их возрастании, зависимость решений от формулировки условий. Характеристики приемлемости, допустимости и обоснованности рисков связываются с представлениями о склонности, готовности к риску и принятию риска, диагностируются на основе отчетов испытуемых о типичном или предпочтитаемом для них поведении в предлагаемых ситуациях. Эти особенности являются лишь поведенческими проявлениями предпочтений, обусловленными структурой базовых личностных качеств, исследование которой было и остается одной из центральных проблем психологии.

Заключение

Ограничение понятия ситуации рамками субъективной реальности снимает противопоставление и необходимость оценивать преобладание средового или личностного факторов, выделять объективную и субъективную ситуации, тем более объяснить «взаимодействие личности и ситуации». Направленность ситуационного подхода – исследование содержания рефлексивного

образа как результата взаимодействия субъекта с условиями среды, ситуация становится основной единицей анализа действий, позволяющей выявлять трудности и причины ошибок, устранение которых и поддержка действий обеспечивают готовность к деятельности в различных условиях.

Рассмотренные ситуации не ограничивают их спектр, перспективным представляется описание особенностей кризисных и критических ситуаций, ситуаций совместной деятельности, конфликта, воздействия и рефлексивного управления. Систематизация как необходимое условие научного исследования предполагает выявление психологических механизмов и закономерностей реализации деятельности в разных условиях и ситуациях. Значимость подхода видится в том, что именно анализ ситуации является основой прогноза поведения субъекта, разработки мер снижения негативных ситуативных проявлений, повышения психологической готовности к действиям. Все экстремальные ситуации характеризуются ограниченностью ресурсов — характеристик функциональных систем и опыта. Ограниченностю первых преодолевается за счет совершенствования технических средств взаимодействия со средой, предоставления достоверной, релевантной, необходимой и достаточной информации при оптимизации временного режима ее поступления. Опыт остается основным фактором адекватной оценки условий, собственных возможностей, интеграции оценок, определения ситуации как обычной и использования сложившихся привычных способов действия. Особого внимания требуют проблемы содержания и структуры опыта, диагностики индивидуальных причин затруднений для успешной деятельности в различных ситуациях.

Литература

- Анцупов, А. Я., Шипилов, А. И. (2010). *Словарь конфликтолога* (3-е изд., испр. и доп.). М.: Эксмо.
- Воронин, В. Н., Князев, В. Н. (1989). К определению психологического понятия ситуации. В кн. *Актуальные вопросы организационно-психологического обеспечения работы с кадрами* (с. 121–126). М.: Российское педагогическое агентство.
- Василюк, Ф. Е. (2003). *Методологический анализ в психологии*. М.: МГППУ; Смысл.
- Гришина, Н. В. (2008). *Психология конфликта* (2-е изд.). СПб.: Питер.
- Ильин, Е. П. (2012). *Психология риска*. СПб.: Питер.
- Канеман, Д., Словик, П., Тверски, А. (2005). *Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения*. Харьков: Гуманитарный центр.
- Карпов, А. В. (2003). *Психология принятия решения*. Ярославль: Институт психологии РАН; Ярославский государственный университет.
- Карпов, А. В. (2004). *Психология рефлексивных механизмов деятельности*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН».
- Лебедев, В. И. (1989). *Личность в экстремальных условиях*. М.: Политиздат.
- Лефевр, В. А. (2003). *Рефлексия*. М.: Когито-центр.
- Ломов, Б. Ф. (1999). *Методологические и теоретические проблемы психологии*. М.: Наука.
- Лысаков, Н. Д., Гандер, Д. В., Лысакова, Е. Н. (2013). *Психология труда в экстремальных условиях*: монография. М.: Изд-во СГУ.

- Магнуссон, Д. (1983). Ситуационный анализ: Эмпирические исследования соотношений выходов и ситуаций. *Психологический журнал*, 2, 29–54.
- Магомед-Эминов, М. Ш. (2006). *Экстремальная психология*. М.: ПАРФ.
- Макклелланд, Д. (2007). *Мотивация человека*. СПб.: Питер.
- Осухова, Н. Г. (2012). Психологическая помощь в трудных и экстремальных ситуациях (5-е изд., перераб. и доп.). М.: Издательский центр «Академия».
- Попова, Р. Р. (2011). Проблема определения понятия «событие» в психологии. *Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета*, 3(25), 287–293.
- Рягузова, Е. В. (2006). Ситуация: горизонты психологической интерпретации. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Психология. Философия. Педагогика*, 6(1), 81–87.
- Солнцева, Г. Н. (1999). *Риск как характеристика действий субъекта*. М.: Изд-во Московского университета.
- Солнцева, Г. Н. (2019). Принятие решения в профессиональной деятельности. В кн. Е. А. Климов, О. Г. Носкова, Г. Н. Солнцева (ред.), *Психология труда, инженерная психология и эргономика: Ч. 2. Учебник для академического бакалавриата* (с. 55–74). М.: Юрайт.
- Трифонова, С. А. (2004). *Психология социальных ситуаций*. Ярославль: Ярославский государственный университет.
- Филиппов, А. В., Ковалев, С. В. (1986). Ситуация как элемент психологического тезауруса. *Психологический журнал*, 1, 14–21.
- Швырев, В. С. (1985). Рефлексия и понимание в современном анализе науки. *Вопросы философии*, 5, 44–56.
- Шойгу, Ю. С. (ред.). *Психология экстремальных ситуаций*. М.: Смысл.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References после англоязычного блока.

Солнцева Галина Николаевна – доцент, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук. Сфера научных интересов: структура и регуляция деятельности, профессиональная деятельность. Контакты: galinasolntseva@mail.ru

Situational Approach: Types of Situations and Psychological Characteristics

G.N. Solntseva^a

^a*Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

Abstract

In a wide range of psychological approaches, a situational approach, which has received theoretical justification in domestic studies, is promising. The central concept of "situation" is defined as an indirect element between the conditions of the environment and the individual personality characteristics of the subject in the context of problems of double determination of activity. Definitions of the situation are mostly limited to the idea of a subjective image of external conditions, the adequacy of which is interpreted as a manifestation of the environmental determination of activity, while its variability is understood as the manifestation of personal determination of activity. The partiality of the image of external conditions is one of the manifestations of personal determination of the cognitive component, which does not rule out the problem of determination of activity. The purpose of the work is to justify limitation of the concept of "situation" to the subjective sphere and to interpret it as the result of integration of the determinants. The notions of the environment are clarified; the need for assessments of the interpreted image of conditions, of subject's own resources and their balance, as well as of the "room" for appraisals and integration of the determinants, are rationalized. The situation is defined as a reflexive appraisal "model" of the relationship between the interpreted image of objective conditions and the internal state, within the limits of actual motivation, actual experience and personal preferences. The functions of the situation are the organization of activity (actual-genesis) and its regulation at the stage of execution, ensuring its stability and expediency. Possible systematization of situations based on the typology of conditions and options for their subjective assessment, the subject's possibilities and their assessment, is presented. Particular attention is paid to the situations of uncertainty, decision-making and risk; their features, psychological mechanisms and personal determinants are described. The situational approach enhances the possibilities of explaining the variability of activity in identical conditions, its sustainability in changing conditions, as well as explaining the causes of errors caused by the uniqueness of the assessments in a reflexive model of reality.

Keywords: environment, conditions, situation, emergency, complexity, extreme, danger, tension, uncertainty, problem, decision-making, risk, reflection.

References

- Antsupov, A. Ya., & Shipilov, A. I. (2010). *Slovar' konfliktologa* [Conflictologist's dictionary] (3rd ed.). Moscow: Eksmo.
- Filippov, A. V., & Kovalev, S. V. (1986). Situatsiya kak element psikhologicheskogo tezaurusa [Situation as an element of psychological thesaurus]. *Psichologicheskiy Zhurnal*, 1, 14–21.

- Grishina, N. V. (2008). *Psikhologiya konflikta* [The psychology of conflict] (2nd ed.). Saint Petersburg: Piter.
- Il'in, E. P. (2012). *Psikhologiya riska* [The psychology of risk]. Saint Petersburg: Piter.
- Kahneman, D., Slovik, P., & Tversky, A. (2005). *Prinyatie reshenii v neopredelennosti: Pravila i predubezhdeniya* [Judgment Under Uncertainty: Heuristics and biases]. Kharkiv, Ukraine: Gumanitarnyi tsentr. (Original work published 1982)
- Karpov, A. V. (2003). *Psikhologiya prinyatiya resheniya* [The psychology of decision-making]. Yaroslavl: Institute of Psychology of the RAS; Yaroslavl State University.
- Karpov, A. V. (2004). *Psikhologiya refleksivnykh mekhanizmov deyatel'nosti* [The psychology of reflexive mechanisms of activity]. Moscow: Institute of Psychology of the RAS.
- Lebedev, V. I. (1989). *Lichnost' v ekstremal'nykh usloviyakh* [Personality in extreme conditions]. Moscow: Politizdat.
- Lefebvre, V. A. (2003). *Refleksiya* [Reflexion]. Moscow: Kogito-tsentr.
- Lomov, B. F. (1999). *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii* [Methodological and theoretical issues of psychology]. Moscow: Nauka.
- Lysakov, N. D., Gander, D. V., & Lysakova, E. N. (2013). *Psikhologiya truda v ekstremal'nykh usloviyakh* [The psychology of labor in extreme conditions]. Moscow: SGU.
- MacClelland, D. (2007). *Motivatsiya cheloveka* [Human motivation]. Saint Petersburg: Piter. (Original work published 1987)
- Magnusson, D. (1983). Situatsionnyi analiz: Empiricheskie issledovaniya sootnoshenii vykhodov i situatsii [Situational analysis: Empirical studies of the balance between the outcomes and the situations]. *Psichologicheskii Zhurnal*, 2, 29–54.
- Magomed-Eminov, M. Sh. (2006). *Ekstremal'naya psikhologiya* [Extreme psychology]. Moscow: PARF.
- Osukhova, N. G. (2012). *Psikhologicheskaya pomoshch' v trudnykh i ekstremal'nykh situatsiyakh* [Psychological help in difficult and extreme situations] (5th ed.). Moscow: Izdatel'skii tsentr "Akademiya".
- Popova, R. R. (2011). The problem of definition of the concept "event" in psychology. *Vestnik Tatarskogo Gosudarstvennogo Gumanitarno-Pedagogicheskogo Universiteta*, 3(25), 287–293. (in Russian)
- Ryaguzova, E. V. (2006). Situatsiya: gorizonty psikhologicheskoi interpretatsii [Situation: horizons of psychological interpretation]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Psichologiya. Filosofiya. Pedagogika*, 6(1), 81–87.
- Shoigu, Yu. S. (Ed.). *Psikhologiya ekstremal'nykh situatsii* [The psychology of extreme situations]. Moscow: Smysl.
- Shvyrev, V. S. (1985). Refleksiya i ponimanie v sovremennom analize nauki [Reflexion and understanding in contemporary analysis of science]. *Voprosy Filosofii*, 5, 44–56.
- Solntseva, G. N. (1999). *Risk kak kharakteristika deistvii sub"ekta* [Risk as a characteristic of subject's acts]. Moscow: Moscow University Press.
- Solntseva, G. N. (2019). Prinyatie resheniya v professional'noi deyatel'nosti [Decision-making in professional activity]. In E. A. Klimov, O. G. Noskova, & G. N. Solntseva (Eds.), *Psikhologiya truda, inzhenernaya psikhologiya i ergonomika* [Labor psychology, engineering psychology and ergonomics] (Pt. 2, pp. 55–74). Moscow: Yurait.
- Trifonova, S. A. (2004). *Psikhologiya sotsial'nykh situatsii* [The psychology of social situations]. Yaroslavl: Yaroslavl State University.
- Vasilyuk, F. E. (2003). *Metodologicheskii analiz v psikhologii* [Methodological analysis in psychology]. Moscow: MGPPU; Smysl.

Voronin, V. N., & Knyazev, V. N. (1989). K opredeleniyu psikhologicheskogo ponyatiya situatsii [On the definition of the psychological notion of situation]. In *Aktual'nye voprosy organizatsionno-psikhologicheskogo obespecheniya raboty s kadrami* [Current issues of staff development in organizational psychology] (pp. 121–126). Moscow: Rossiiskoe pedagogicheskoe agentstvo.

Galina N. Solntseva — Associate Professor, Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University, PhD in Psychology.
Research Area: structure and regulation of activities, professional activity.
E-mail: galinasolntseva@mail.ru

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МЕТОД И ПРИНЦИП ВОСХОЖДЕНИЯ ОТ АБСТРАКТНОГО К КОНКРЕТНОМУ В ТЕОРИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

М.Г. ЧЕСНОКОВА^а

^а Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Россия, Москва,
Ленинские горы, 1

Резюме

В статье поднимается вопрос о применимости методологических принципов советской психологии для решения актуальных задач современной науки. Сложность вопроса усугубляется тем, что методологические принципы в отечественной психологии вообще мало отрефлексированы, допускают разное толкование, относятся к разным методологическим уровням, имеют разные сферы приложения. В данной статье представлен содержательный анализ одного из главных принципов отечественной психологии советского периода — принципа восхождения от абстрактного к конкретному. Рассматриваются три основные трактовки метода восхождения от абстрактного к конкретному в психологии, предложенные Л.С. Выготским, С.Л. Рубинштейном и А.Н. Леонтьевым. У Выготского акцент был сделан на аналитической составляющей метода и поиске «клеточки» психологии при сохранении «старого» эмпирического понимания общего («абстрактно-общего») как одинакового для всех. Восхождения к конкретному — объяснению многообразия явлений психического в их взаимосвязи — здесь не получилось. Рубинштейн прибегает к методу восхождения от абстрактного к конкретному и как психолог, и как философ. Он восстанавливает внутреннюю логику развития психических процессов и образований из исходного противоречия субъективного и объективного, заложенного в природе психического отражения, а затем переходит к объяснению структуры человеческого бытия и основных способов отношения человека к миру. Леонтьев по существу полностью «выводит» психику из деятельности, определяя ее как «функциональный орган» деятельности. Таким образом, формально один и тот же метод предстает у Выготского как аналитический, у Рубинштейна — как аналитико-синтетический, у Леонтьева — как метод «выведения». Вместе с тем опыт отечественных психологов демонстрирует большой методологический потенциал этого метода, в том числе для решения интегративных задач современной психологии.

Ключевые слова: диалектический метод, принцип восхождения от абстрактного к конкретному, «клеточка», психическое, деятельность, онтология человеческого бытия.

Одним из актуальных вопросов современной психологической науки является вопрос о ее методологических принципах, а также об отношении к «старым» методологическим принципам советской психологии. А.В. Мазилов выделяет три основные позиции (Мазилов, 2007б):

1) *радикальную*, согласно которой старая методология не годится совершенно и нужно создавать новую методологию, соответствующую современным задачам психологии;

2) *консервативную*, выступающую за сохранение традиционных методологических подходов;

3) *умеренную*, признающую необходимость формирования новой методологии при сохранении достижений и наработок предыдущего периода.

Принимая решение в пользу той или другой точки зрения, важно понимать, какие проблемы стоят перед современной психологией и перед какими «вызовами» мы сегодня находимся.

К актуальным проблемам психологии относят: интеграцию психологического знания, разработку концепции предмета психологии, включающую преодоление неоправданного его «сужения» (в результате которого психическое утратило характеристики духовного), прояснение категориального аппарата и системы методов психологии, формирование общей картины психического — важнейшая задача психологии, которая в свое время так и не была ею решена (Мазилов, 2007а). Целью данной статьи является рассмотрение содержания и методологических возможностей принципа восхождения от абстрактного к конкретному для решения названных задач.

Следует отметить, что в большинстве современных перечней методологических принципов психологии (см., например: Мишечкина, 2018) упоминание данного принципа отсутствует. Иногда говорят о диалектическом принципе, который относят к общеначальному уровню методологии. Содержание данного принципа, как правило, не объясняется. Между тем раскрытие *содержания* утверждаемого принципа составляет главное в нем. Как отмечал В.П. Зинченко, недостаток отечественной психологии состоит в том, что ее методологические принципы недостаточно отрефлексированы, «они излагаются именно в форме постулатов, а не проблем» (Зинченко, 2003, с. 98). В предлагаемой статье мы стремились компенсировать этот недостаток и рассмотреть принцип восхождения от абстрактного к конкретному в психологии не как постулат, а как проблему, требующую специального анализа.

Постановка проблемы

Формулировка принципа восхождения от абстрактного к конкретному принадлежит, как известно, Г. Гегелю. Его открытие как принципа самого мышления явилось одним из главных достижений рационалистической философской мысли. С позиции материалистической диалектики разработка принципа восхождения от абстрактного к конкретному была представлена в «Капитале» К. Маркса. Однако понимание метода «Капитала» с самого начала вызвало определенные сложности. Маркс в послесловии ко 2-му изданию «Капитала» писал: «Метод, примененный в “Капитале”, был плохо понят, что доказывается уже противоречащими друг другу характеристиками его» (Маркс, Энгельс, 1960, с. 19). В середине XX в. Э.В. Ильенков предпринял специальное исследование «Диалектика абстрактного и конкретного в

научно-теоретическом мышлении» (1960), посвященное анализу марксова метода, где он был противопоставлен в первую очередь эмпирическому методу. Движение от абстрактного к конкретному было вскрыто Ильенковым как переход от характерных для индивидуального сознания *категорий рассудка*, опирающихся на эмпирическое ознакомление с объектом, к *категориям разума*, рассматривающим предмет со «всеобще-человеческой точки зрения» (Ильенков, 1997, с. 67). Внутренняя логика метода Маркса была понята им как движение не *по горизонтали* — в направлении поиска «абстрактно-общего» как одинакового для всех явлений данного рода, а *по спирали* — через реконструкцию истории становления «конкретно-общего» как «единства многообразного», данного в действительности. Анализируя понятие «клеточки» как всеобщей основы развития изучаемого явления, Ильенков подчеркивал *фактический*, а не абстрактный, умозрительный характер феномена, выделяемого в качестве такой «клеточки». В этой фактичности он усматривал одно из принципиальных отличий трактовки метода восхождения от абстрактного к конкретному Гегелем и Марксом.

Однако за несколько лет до появления фундаментальной работы Ильенкова к особенностям понимания принципа восхождения от абстрактного к конкретному Гегелем и Марксом обращается С.Л. Рубинштейн. В книге «Бытие и сознание» (1957) он отмечает, что у Гегеля «сама идея превращается в субъекта, подставляется на его место... движение мысли сводится к движению продуктов мышления» (Рубинштейн, 1997, с. 33). Между тем «само отражение объективной реальности есть *процесс, деятельность субъекта*, в ходе которой образ предмета становится все более адекватным своему объекту (Там же, с. 28). Рубинштейн подчеркивает аналитико-синтетический характер научного мышления, ссылаясь при этом на метод «Капитала»: «Все построение “Капитала” осуществляется посредством такого синтеза, сочетающегося с анализом» (Там же, с. 82). Восхождение от абстрактного к конкретному возможно только на основе единства анализа и синтеза. «Особенно рельефно синтетический ход мысли, ведущий от фиксированных в понятиях абстракций к восстановлению явлений в их конкретности, выступает в третьем томе “Капитала”, который ставит себе задачей не только вскрыть внутреннюю основу капиталистического производства (анализ. — М.Ч.), но и показать, как она проявляется в конкретной действительности» (синтез. — М.Ч.) (Там же, с. 83).

Отечественная психология советского периода была ориентирована на диалектический материализм. При этом одни психологи говорили о необходимости распространения на психологию общих диалектических принципов, другие — о разработке собственного диалектического метода и очень немногие — о реализации принципа восхождения от абстрактного к конкретному. В современной психологии диалектика связывается и с принципом развития изучаемого явления, и с принципом монизма, и с идеей взаимосвязи и взаимообусловленности противоположностей (в частности, сознания и деятельности), и с принципом восхождения от абстрактного к конкретному. В этой связи представляет особый интерес рассмотрение исторического опыта осмыслиения диалектического метода и/или метода восхождения от абстрактного к конкретному

Л.С. Выготским, С.Л. Рубинштейном и А.Н. Леонтьевым. Каждый из них предложил свое понимание этого метода и возможности его реализации в психологии.

«Диалектика психологии» Л.С. Выготского

Несмотря на то что Выготский был на семь лет младше С.Л. Рубинштейна, его взлет в психологии был столь стремителен, что его «лебединая песня» (намечавшая поворот от теории высших психических функций к новому этапу — «вершинной психологии» личности)озвучала раньше, чем Рубинштейн как психолог достиг своей творческой зрелости. В своем главном методологическом труде «Исторический смысл психологического кризиса» (1926) Выготский заявлял, что психология должна создать свой «Капитал», свою «диалектику психологии». С этой задачей может справиться только общая психология, взяв на вооружение метод Маркса. Суть маркса метода он видел в том, чтобы найти такую «клеточку» изучаемого целого, которая содержала бы в себе все свойства этого целого (Выготский, 1982). Диалектический метод он понимал как преимущественно *аналитический*. Синтетическая сторона этого метода, связанная с реконструкцией и объяснением целого во всем его многообразии, не принималась им во внимание. В заключительной главе «Истории развития высших психических функций» Выготский пишет: «Наше исследование все время шло аналитическим путем... Но за анализом непременно должен следовать синтез» (Выготский, 1983, с. 314). От рассмотрения отдельных психических функций необходимо перейти к представлению картины *целостного культурного развития*, основное содержание которого может быть охарактеризовано как развитие личности и мировоззрения ребенка (Там же, с. 315). Отсюда следует, что во всяком случае в данный период анализ и синтез разделялись Выготским как два последовательных этапа научного исследования, а не рассматривались как единый аналитико-синтетический процесс. Заметим, что в соответствии с принятой Выготским трактовкой «клеточки» как содержащей в себе *все* свойства целого необходимость в синтезе этого целого по существу отпадала.

По мнению А.В. Мазилова, Выготский действительно пытался строить новую психологию на основе метода восхождения от абстрактного к конкретному, однако эта программа не была им осуществлена. В «Истории развития высших психических функций» он якобы использует уже другой метод — не логический, а исторический (генетический). Это дало свои результаты и «принесло Выготскому и его ученикам заслуженную славу» (Мазилов, 2016). Оценка А.В. Мазилова строится на весьма распространенном, но в корне ошибочном отождествлении метода восхождения от абстрактного к конкретному с формально-логическими методами. При этом полностью теряется его диалектическая суть — реконструкция истории развития предмета. При правильном понимании диалектический метод является гораздо более историческим, чем какой-либо другой. На наш взгляд, в теории высших психических функций Выготский не только не отказывается от данного метода, но был убежден,

что этот метод позволит ему выйти на объяснение многообразия явлений психического: «Вместе с этим внесением исторической точки зрения в психологию выдвигается на первый план и специально психологическая трактовка изучаемых явлений...» (Выготский, 1931, с. 12). Не отказывается Выготский и от поиска «клеточки» психологии. Вслед за «речевым рефлексом», «речевой реакцией» и «инструментальным актом» в качестве главной «клеточки» психологии последовательно рассматриваются «значение», «смысл» и, наконец, «переживание». Однако, по мнению В.П. Зинченко, проблема «клеточки» так и не была им решена, поскольку ни одна из предложенных «клеточек» не удовлетворяла требованию всеобщей основы развития всего многообразия явлений психического, не несла в себе внутреннего «движителя» ее трансформации в сознании (Зинченко, 1981).

Сложности, испытываемые Выготским в связи с нахождением «клеточки» психологии, были обусловлены, помимо объективных трудностей такого исследования, определенными противоречиями в его методологической позиции (Чеснокова, 2008). Намерение строить диалектическую психологию сочеталось у него с установками старой эмпирической традиции. Так, целый ряд высказываний Выготского свидетельствует о том, что ему не удалось до конца преодолеть классическое, эмпирическое (в терминологии Э.В. Ильинкова) понимание общего как «абстрактно-общего». Общая психология, пишет Выготский, «делает предметом своего изучения то общее, что присуще всем объектам данной науки» (Выготский, 1982, с. 298). «Анализ предполагает абстракцию от конкретных черт басни как таковой, как определенного жанра» (Там же, с. 405). Суть анализа состоит в том, чтобы «отделить в единичном его особенное от общего» (Там же, с. 403). Однако именно объяснение особенностного, конкретного в «единстве многообразного» и составляет основную задачу диалектической логики. У Выготского же это конкретное игнорируется. Путь к объяснению конкретного оказывается по существу закрыт еще и потому, что в качестве объекта исследования Выготский берет *типичное явление* данного рода. Отсюда невозможно никакое восхождение к конкретному. Анализ Выготского опирается не на дедукцию («выведение» конкретных форм из своей всеобщей основы), а на индукцию, как и в эмпирическом обобщении: «Анализ не противоположен индукции, а родственен ей: он есть высшая ее форма, отрицающая ее сущность (многократность). Он опирается на индукцию и ведет ее» (Там же, с. 403).

По мнению С.Н. Мареева, Выготский выступал именно за реализацию метода восхождения от абстрактного к конкретному в психологии (Мареев, 2014). Доказательством этого он считает критику Выготским различных вариантов редукции конкретного к абстрактному, широко распространенных в психологической науке. Такие абстракции, как сексуальное влечение, рефлекс, гештальт, «персона», не позволяют вывести из них всего многообразия человеческих качеств. Поэтому они и не могут, по мнению Выготского, претендовать на роль «клеточки» психологии. С другой стороны, Мареев признает, что определение «конкретно-общего» у Выготского отсутствует: «У

Выготского еще нет понятия идеального. Оно еще только будет выработано Э.В. Ильенковым. И этого понятия явно не хватает Выготскому...» (Там же).

Г.Г. Кравцов утверждает, что метод Выготского, в особенности в той его части, которая связана с решением проблемы личности и ее свободы, ориентирован не столько на метод Маркса, сколько на методологию Спинозы (Кравцов, 2015). Переход Выготского от Маркса к Спинозе был не случайным. Поняв диалектический метод Маркса как метод аналитический, он вынужден был искать иные философские основания для перехода к намеченной им «синтетической» стадии исследования. И монизм Спинозы подходил для этого как нельзя больше. Этим объясняется, судя по всему, желание Выготского «оживить спинозизм в марксистской психологии» (Завершнева, ван дер Веер, 2017, с. 256). Последней «клеточкой», предложенной Выготским, стало *переживание* как единство среды и личности. Понятие переживания в определенном смысле заменило Выготскому отсутствующую у него категорию идеального в качестве «конкретно-общего» психологии. В переживании, говорил Выготский, сознание представлено в его единстве без дифференциации на отдельные функции. Единицей сознания на этом этапе провозглашается смысл как отношение личности к общей социальной ситуации ее развития. В переживании ситуация схватывается целиком. Переживание отражает искомую целостность психики, хотя и не объясняет всего многообразия явлений психического.

Особенность метода Выготского Г.Г. Кравцов видит в том, что в нем разработка проблемы и метода идут совместно. «Поиски метода становятся одной из важнейших задач исследования. Метод в этих случаях является одновременно предпосылкой и продуктом, орудием и результатом исследования... Можно сказать, что вся “исследовательская кухня”, вместе с неизбежными ошибками и заблуждениями, отрицательными результатами и тупиковыми решениями, включена в текст работ Л.С. Выготского» (Кравцов, 2015).

Философские истоки психологической теории С.Л. Рубинштейна

Философские основания психологических взглядов С.Л. Рубинштейна определяют по-разному. Для одних он неокантианец, для других — ученый, шагнувший «далеко вперед навстречу советскому «неомарксизму» 1960–1970-х гг.» (Семенов, 2009, с. 67). Н.А. Дмитриева рассматривает Рубинштейна как вполне самобытного философа, опиравшегося на идеи Канта, философию Гегеля, марксизм и экзистенциализм как философские модели, анализ и полемика с которыми способствовали формированию его собственной философской антропологии (Дмитриева, 2016). И вот этот философский образованный психолог в «Бытии и сознании» прямо определяет свой метод как *метод восхождения от абстрактного к конкретному*. При этом он отмечает, что этот метод отвечает внутренней логике самого процесса мышления: «Движение мысли, взятое в целом, представляет, таким образом, путь от непронализированной конкретной действительности, данной в непосредственном чувственном созерцании, к раскрытию ее законов в понятиях отвлеченной

мысли и от них — к объяснению действительности, в условиях которой мы живем и действуем» (Рубинштейн, 1997, с. 73). «Абстрактное — это то, через что познание с необходимостью проходит; конкретное — это то, к чему познание, в конечном счете, идет» (Там же, с. 74). Учитывая приведенную ранее критику Гегеля, надо полагать, что Рубинштейн хорошо усвоил гегелевскую мысль о восхождении от абстрактного к конкретному как принцип самого мышления. Расхождения с Гегелем касаются понимания Рубинштейном мышления не как идеального, а как изначально практического процесса, являющегося неотъемлемой частью взаимодействия человека с миром. Материалистическая трактовка мышления с необходимостью выводит его на материалистическую же интерпретацию метода восхождения от абстрактного к конкретному, сближающую его с Марксом. В работе «Бытие и сознание» (1957) Рубинштейн апробирует метод восхождения от абстрактного к конкретному применительно к предмету психологии — исследованию природы психического. В последней итоговой монографии «Человек и мир» (вышедшей в 1973 г. посмертно) Рубинштейн, опираясь на глубокий философский анализ категорий *материи, субстанции, сущности и существования*, делает следующий шаг в направлении восхождения к конкретному. Он выходит за пределы проблемы сознания и психологии как таковой и предлагает свою концепцию онтологии человеческого бытия.

С.Л. Рубинштейн и Э.В. Ильенков

Несколько слов стоит сказать о связи Рубинштейна с «неомарксистами», в частности с Э.В. Ильенковым. По свидетельству В.В. Давыдова, Рубинштейн и Ильенков были знакомы лично, обсуждали сложные философско-психологические вопросы (Давыдов, 1994). О прямом влиянии Рубинштейна на Ильенкова говорить трудно. Однако известно, что в своей фундаментальной статье «Идеальное» Ильенков (1968) указывает в списке источников труды двух российских мыслителей — теоретика марксизма Г.В. Плеханова и «Бытие и сознание» Рубинштейна. Заметим также, что внимательное чтение текстов Рубинштейна свидетельствует об объективной близости общей логики его рассуждений и трактовок философских и психологических вопросов многим известным положениям «Диалектики абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении» Э.В. Ильенкова. Вот тот круг идей, который полностью разделяли Рубинштейн и Ильенков.

1. Предмет проявляет свою природу *во взаимодействии* с другими предметами и явлениями действительности.
2. Задачей научного мышления является выявление сущности как *всеобщей основы развития изучаемого явления, многообразия его форм*.
3. Сущностное — это устойчивое, инвариантное (Рубинштейн) или атрибутивное (Ильенков) в данном предмете.
4. Открытие сущности происходит *через анализ в его единстве с синтезом* («анализ через синтез», по Рубинштейну).

5. Всеобщее есть одновременно *предпосылка и результат* развития предмета. В процессе этого развития причина и следствие меняются местами. Всеобщее — это то, что регулярно *воспроизводится*.

6. Понять сущность предмета — это значит понять природу того, *через что* преломляется причина (Ильенков). Любая причина действует опосредованно через внутренние условия (Рубинштейн).

7. Исходное внутреннее противоречие всеобщего составляет главный источник его развития. В ходе развития это *внутреннее противоречие трансформируется во внешнее противоречие явлений* действительности.

Однако главное сходство Рубинштейна и Ильенкова связано с их пониманием природы психического, мышления как *формы отражения одного предмета в другом, как идеального*.

Реализация принципа восхождения от абстрактного к конкретному в психологической теории С.Л. Рубинштейна

Перейдем к рассмотрению того, как принцип восхождения от абстрактного к конкретному был реализован Рубинштейном при объяснении многообразия психических явлений. Начнем с того, что объяснение психического в его конкретике опиралось у Рубинштейна на существенно иное, по сравнению с Выготским, понимание «клеточки» и того содержания, которое она несет или должна нести. Выготский искал «клеточку», которая включала бы в себя все свойства целого. По мнению Рубинштейна, в «клеточке» заложены не более чем «зачатки всех явлений психического в их единстве». ««Клеточка», или «ячейка», психологии в нашем понимании не является чем-то неизменным, всегда себе равным. Она продукт развития, и на разных ступенях развития сама она изменяется, приобретает различное содержание и структуру... Различие психики на разных ступенях развития находит себе отражение и в различии соответствующей «клеточки»» (Рубинштейн, 1946, с. 173). Что же в этом развитии является исходным? Что составляет сущность психического?

Сущность психического Рубинштейн видит в том, что она является *отражательной деятельностью мозга*. В силу этой отражательной функции каждый психический акт исходно несет в себе внутреннее противоречие. Он есть отражение действительности (объективное) в его значении для индивида (субъективное). Психическое есть единство *объективного и субъективного*. Объективный аспект психического дает начало развитию *познавательной деятельности* человека. «Познание есть в известном смысле непрерывный процесс размежевания субъективного и объективного, преодоления субъективного и выявления объективного» (Там же, с. 42). Субъективный аспект психического составляет основание развития *аффективно-мотивационной и волевой сферы*. При этом целостный акт отражения как таковой представляет собой *нефункциональную* (не дифференциированную на функции) единицу психического. Внутреннее противоречие субъективного и объективного, заложенное в природе психического отражения, трансформируется в ходе развития

психики в свою явленную противоположность аффекта и интеллекта, традиционно фиксируемую всей классической психологией, начиная с Аристотеля.

Психическое отражение действительности в его значении для индивида становится отправной точкой для развития сначала *сигнальной*, а затем *регуляторной* функции психики. Сигнальная функция опирается на отражение отдельных свойств предмета в форме ощущений, регуляторная — на обобщенный образ предмета как целокупности его свойств. Обобщение отдельных свойств в целостном образе предмета сопровождается одновременно выделением *условий*, в которых он дан. Это открывает возможность для выбора действия, отвечающего этим условиям, т.е. для *свободного действия*, направленного на предмет, а не просто рефлекторной реакции на него. Аффективно-мотивационный компонент психического выполняет внутри этого действия функцию *побуждения* к деятельности, познавательный компонент регулирует ее *исполнение*. Так, психическая деятельность, изначально относящаяся к природному миру (психика как функция мозга), в ходе своего развития начинает выражать через конкретные действия индивида его интересы и потребности, актуальные тенденции и отношение к миру. Психическая деятельность выступает в новом качестве как «*душевная деятельность*» (см. таблицу 1). Новому более высокому уровню развития психической деятельности соответствует и новый тип «*клеточки*». Применительно к человеку такой «*клеточкой*» является *действие* как единица его деятельности (Рубинштейн, 1946).

Обретение индивидом способности к свободно определяемому действию образует фундамент для формирования *личности как субъекта сознательной деятельности*. Генерализация мотивов деятельности в конкретных ситуациях ведет к возникновению *характера*, а генерализация познавательных процессов — к формированию *способностей*, образующих вместе психические свойства личности. Таким образом, Рубинштейн, осуществляя последовательное восхождение от простейшей недифференцированной формы психического отражения ко все более развитым его формам, реконструирует шаг за шагом внутреннюю логику возникновения его частных форм от образа предмета до личности и характера. Абстрактный взгляд на психику как совокупность отдельных явлений «снимается» им через раскрытие их взаимосвязи, через восстановление «*конкретно-общего*» психологии.

Продукты познавательной деятельности человека, объективируясь в слове, становятся объектами дальнейшей мыслительной работы. Так складывается система научного знания, превращающая «*душевную деятельность*» в деятельность *духовную*, связанную с освоением того или иного идейного содержания (см. таблицу 1). Идеальная сущность психики, связанная с гносеологическим отношением к объекту как ее «*онтологической*» характеристикой (Рубинштейн, 1997, с. 7), достигает своего высшего развития — идеального в собственном смысле слова.

Первичный акт человеческой деятельности носит *практический* характер, а его познавательная сторона проявляется в форме ощущения и чувственного восприятия. На более высоких ступенях все больший вес в практической деятельности приобретают интеллектуальные компоненты, что в конечном счете

ведет к выделению *теоретической деятельности* как идеальной деятельности человека. «Клеточкой» духовной деятельности выступает *внутреннее действие* (Рубинштейн, 1946).

Таблица 1

Уровни развития психической деятельности

Уровень развития психической деятельности	«Клеточка»
Психическая деятельность как отражательная функция мозга	Целостный акт психического отражения – нефункциональная единица психического
«Душевная деятельность»	Действие как единица деятельности
Духовная деятельность, или идеальное	Внутреннее действие

Отечественными философами (М.М. Розенталем, И.С. Нарским и др.) в свое время было введено различие двух методологических категорий: «категории-начала» и «категории-клеточки». Если применить это различие к взглядам Рубинштейна, то понимание психики как отражательной функции мозга может рассматриваться в его теории как «категория-начало», а практическое и внутреннее действия – в качестве «категории-клеточки».

Последовательное проведение метода восхождения от абстрактного к конкретному позволило Рубинштейну проследить возникновение противоположности материального и идеального, внешнего и внутреннего из исходного внутреннего противоречия субъективного и объективного, заложенного в природе психического. В перспективе это давало возможность «снять» в новом высшем синтезе сложившийся под влиянием эмпирической психологии разрыв между психологией и философией, между психологическим и философским исследованием человеческого бытия.

От психологии к онтологии человеческого бытия

Монография «Человек и мир» представляет собой пример исследования, в котором граница между психологией и философией является очень зыбкой. Часто эту последнюю книгу Рубинштейна связывают с выходом ее автора на новый мировоззренческий уровень – экзистенциальный, противопоставляя ее более ранним его работам. И действительно, в этой книге Рубинштейна очень сильно ощущается влияние М. Хайдеггера, проявившееся уже в самом выборе предмета анализа – онтологии человеческого бытия. Значительно усиливается и по существу выходит на передний план этическая проблематика. По стилю монография больше напоминает философское размышление, чем строго научное исследование. Все эти особенности были характерны для экзистенциальной философии, характеризующейся тесным переплетением жанров философии, науки и литературы, а также высоким этическим пафосом. В то же время выход к проблеме «человек и мир» был не просто новым творческим этапом для Рубинштейна, но являлся закономерным продолжением развития им метода восхождения от абстрактного к конкретному на следующем, более высоком уровне – онтологическом.

Апробированный в «Бытии и сознании» метод используется здесь для объяснения способа существования человека. Но если в «Бытии и сознании» Рубинштейн говорил преимущественно об одном главном способе — деятельностном, то в «Человеке и мире» он восстанавливает полную картину бытия человека, включая в нее все известные способы отношения человека к действительности.

Как и в предыдущем исследовании, Рубинштейн начинает с определения *всебющей основы*, из которой он затем в соответствии с методом восхождения от абстрактного к конкретному «выводит» все основные способы взаимоотношений человека с миром. В роли такой основы он выделяет два взаимосвязанных отношения: *человек и мир, человек и другой человек*. Внутри базового отношения человек — мир только и возможно возникновение *познавательного отношения* человека к действительности. «Самосознание существует лишь как процесс и результат *осознания мира человеком*» (курсив мой. — М.Ч.) (Рубинштейн, 1973, с. 255). Более того, само отношение человека к предмету является условием его раскрытия.

Бытие сущего, отмечает Рубинштейн, заключается в том, чтобы *являться и скрываться*. Явное постигается в *чувственном познании*, в созерцании. Скрытое — в *мышлении*. Созерцание, как восприятие того, что есть на самом деле, составляет основу, с одной стороны, *эстетического отношения* (к природе, произведениям искусства), с другой, *этического отношения* (отношения человека к другому человеку). Сущность этического заключена в признании и утверждении существования другого без попытки его изменить или подчинить себе (в рассмотрении его как *цели*, а не средства). Мышление, обеспечивающее максимально объективное познание действительности (вскрывающее не только явное, но и скрытое), составляет почву для формирования *сознательного отношения и деятельности человека* как деятельности, адекватной природе объекта. Подлинно этическое отношение к человеку возможно только на базе сознательного отношения к действительности. Этическое отношение зарождается в созерцании, но реализуется на основе объективного знания и сознательной регуляции. «Клеточкой» этического отношения является *поступок*.

Согласно Рубинштейну, этика, этическое отношение человека к человеку с необходимостью входят в состав онтологии человеческого бытия. «Основная этическая задача выступает прежде всего как онтологическая задача». Ее суть — это «борьба за высший уровень человеческого существования, за вершину человеческого бытия» (Там же, с. 349). Так в монографии «Человек и мир» концепция психического Рубинштейна закономерно перерастает в целостную философскую антропологию (Гладнева, 2010).

Принцип восхождения от абстрактного к конкретному в теории деятельности А.Н. Леонтьева

В теории деятельности А.Н. Леонтьева постулируется приверженность марксистской методологии, однако сколько-нибудь подробные рассуждения о методе у него отсутствуют. Вместе с тем, по мнению исследователей, метод

восхождения от абстрактного к конкретному имплицитно у Леонтьева присутствует и составляет основу методологии построения его общепсихологической теории (Соколова, 2007).

За отправную точку своего исследования Леонтьев берет положение К. Маркса о материальной, практической деятельности людей как основании возникновения единой саморазвивающейся системы, включающей в себя познавательные процессы, сознание, культурную и идеологическую надстройку. Деятельность, понимаемая как «единица жизни телесного, материального субъекта» (Леонтьев, 2004, с. 65), выступает у Леонтьева *всеобщей основой* развития психики, сознания и личности человека. Психика зарождается в деятельности, опосредует деятельность, ее развитие обусловлено общим движением деятельности. Отношения психики и деятельности — это функциональные отношения. Психика есть «функциональный орган деятельности». Однако в ходе развития причина и следствие меняются местами. Возникшая в деятельности, психика, сознание (в форме сознательно поставленной цели) начинает определять деятельность человека.

В логике этих идей П.Я. Гальперин предложил свое определение психики как *ориентировочной основы деятельности*. В результате такого понимания содержание категории психического оказалось существенно сужено по сравнению с рубинштейновской трактовкой сущности психики как формы отражения. Согласно Рубинштейну, сама деятельность становится возможна только на основе психического отражения, которое ее регулирует. По Леонтьеву, деятельность первична по отношению к психике и изначально регулируется непосредственным столкновением с предметной действительностью. Сведение психики к ее ориентировочной функции Гальпериным не совпадало с точкой зрения Рубинштейна, говорившего об *исполнительской функции* познавательных процессов внутри деятельности.

Осуществляя восхождение к конкретному, Леонтьев пытается вывести все основные психические процессы из деятельности как самого процесса жизни. Так, восприятие предстает у него как «перцептивное действие», мотив — как предмет потребности, эмоции — как отношение мотива к результату деятельности, смысл — как отношение мотива к цели, личность — как «иерархия деятельности». Между тем рассмотрение деятельности в качестве *всеобщей основы* развития всего многообразия явлений психического (или «категории начала») методологически уязвимо, прежде всего, потому что психика и деятельность остаются у Леонтьева двумя разнородными реальностями, причем одна «выводится» из другой, а не из своей собственной *всеобщей основы*. В этом пункте позиция Леонтьева входит в принципиальное противоречие со взглядами его идейного соратника Э.В. Ильенкова и его трактовкой принципа восхождения от абстрактного к конкретному. По мнению А.В. Сурмавы, то, что разделяет этих двух идейно близких мыслителей, — это «их понимание центральной категории диалектической психологии — категории предметной деятельности» (Сурмава, 2009). Ильенков, следуя монизму Спинозы, рассматривает чувственно-практическую деятельность как адекватную своему предмету разворачивающейся в пространстве активность «мыслящего тела».

Предметное действие, по Ильенкову, — это «умное действие». Согласно Леонтьеву, психическое отражение возникает на определенном этапе развития предметной деятельности. «Получается, что до жизни отражения не было, затем в мертвом механическом мире от божественного перста зародилась жизнь, и вот от жизни, как от адамова ребра, однажды зародилось это психическое отражение» (Там же). С.Н. Мареев также считает, что Леонтьеву не удалось в полной мере осуществить восхождение к конкретному: «У последнего “деятельность” это только название для совокупности различных “деятельностей”. Он опять-таки не доходит до конкретно-всебобщего понятия деятельности — до *труда*» (Мареев, 2014). Заметим также, что принцип деятельностной детерминации, вполне адекватный при анализе человеческого уровня бытия, на более ранних стадиях эволюции сам нуждается в объяснении. В этом смысле концепция С.Л. Рубинштейна может рассматриваться как более точный вариант диалектико-материалистического прочтения принципа восхождения от абстрактного к конкретному в отечественной психологии, а также наиболее согласующийся с тем его пониманием, которое было представлено в ставшей уже классической работе Э.В. Ильенкова «Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении».

В таблице 2 представлен сравнительный анализ методов Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева.

Таблица 2

Сравнительный анализ методов в теориях Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева

	Характеристика метода	Требование к «клеточке»	«Категория-начало»	«Категория-клеточка»
Л.С. Выготский	Объективно-аналитический (1), синтетический (2)	Должна содержать все свойства целого	—	Основные: значение, смысл, переживание
С.Л. Рубинштейн	Метод восхождения от абстрактного к конкретному	Должна содержать зачатки целого, развивается, зависит от уровня развития психической деятельности	Акт психического отражения	Действие, внутреннее действие, поступок
А.Н. Леонтьев	Дедуктивный («выведения»)	—	Деятельность	Действие, поступок

Заключение

Проведенный анализ трех фундаментальных общепсихологических теорий отечественной психологии позволяет утверждать, что сознательно, последовательно и продуктивно принцип восхождения от абстрактного к конкретному был применен только в философско-психологической концепции

С.Л. Рубинштейна. И именно этот принцип позволил Рубинштейну в полной мере реализовать диалектический подход в психологии: реконструировать историю развития психического во всем многообразии его проявлений, объяснить происхождение основных противоположностей (аффекта и интеллекта, сознания и деятельности, психического и физиологического, материального и духовного), восстановить единство психики, выйти к решению вопроса о месте психического и человека как носителя сознания в общей структуре бытия.

В теориях Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева мы видим попытку разработки диалектического метода исследования без опоры на принцип восхождения от абстрактного к конкретному. Метод Выготского по существу состоит из двух этапов: анализа (авторское воплощение в психологии метода Маркса) и синтеза (на основе монистической линии Спинозы). Леонтьев реализует дедуктивный метод исследования, или метод «выведения». Однако сознание, разъятое анализом, плохо поддается синтезу. А дедукция очень напоминает редукцию. В обоих случаях единства и внутренней взаимосвязи явлений психического восстановить не удается. Соответственно, основная задача обще-психологического исследования ими не решена. А преодоление неоправданного «сужения» предмета психологии и формирование общей картины психического продолжают оставаться актуальной задачей психологии.

Таким образом, мы полагаем, что принцип восхождения от абстрактного к конкретному составляет неотъемлемую часть диалектического метода в философии и в психологии. Без него диалектика всегда будет неполной. В науке постоянно появляются и будут появляться новые факты и закономерности. Поэтому на каждом новом этапе общая картина психического требует своего уточнения. И принцип восхождения от абстрактного к конкретному является, на наш взгляд, тем методологическим средством, которое позволяет осуществить подобную интеграцию.

Литература

- Выготский, Л. С. (1931). Предисловие. В кн. А. Н. Леонтьев, *Развитие памяти: Экспериментальное исследование высших психологических функций* (с. 5–13). М.; Л.: Учпедгиз.
- Выготский, Л. С. (1982). Исторический смысл психологического кризиса. В кн. Л. С. Выготский, *Собрание сочинений* (т. 1, с. 292–436). М.: Педагогика.
- Выготский, Л. С. (1983). История развития высших психических функций. В кн. Л. С. Выготский, *Собрание сочинений* (т. 3, с. 6–328). М.: Педагогика.
- Гладнева, Е. В. (2010). С.Л. Рубинштейн: от деятельностной концепции человека к целостной философской антропологии. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*, 2(2), 35–44.
- Давыдов, В. В. (1994). Вклад Э.В. Ильинкова в теоретическую психологию. *Вопросы психологии*, 1, 131–136.
- Дмитриева, Н. А. (2016). С.Л. Рубинштейн как читатель «Феноменологии духа» Гегеля. *Проблемы современного образования*, 4, 9–19.

- Завершнева, Е. Ю., ван дер Веер, Р. (ред.). (2017). *Записные книжки Л.С. Выготского*. М.: Канон+.
- Зинченко, В. П. (1981). Идеи Л.С. Выготского о единицах анализа психики. *Психологический журнал*, 2, 118–133.
- Зинченко, В. П. (2003). Преходящие и вечные проблемы психологии. В кн. *Труды Ярославского методологического семинара: Методология психологии* (с. 98–134). Ярославль: МАПН.
- Ильинков, Э. В. (1968). Идеальное. В кн. *Философская энциклопедия* (т. 2, с. 219–227). М.: Советская энциклопедия.
- Ильинков, Э. В. (1997). *Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении*. М.: РОССПЭН.
- Кравцов, Г. Г. (2015). Метод Л.С. Выготского. *Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»*, 2(145), 33–45.
- Леонтьев, А. Н. (2004). *Деятельность. Сознание. Личность*. М.: Смысл; Издательский центр «Академия».
- Мазилов, А. В. (2007а). *Методология психологии: учебное пособие*. Ярославль: МАПН.
- Мазилов, А. В. (2007б). Методология психологической науки: проблемы и перспективы. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 4(2), 3–21.
- Мазилов, А. В. (2016). Л.С. Выготский и методология психологии. *Ярославский педагогический вестник*, 5, 170–176.
- Мареев, С. Н. (2014). Л.С. Выготский о методе в психологии. *Вестник Казахстанско-Американского свободного университета*, 5, 34–44.
- Маркс, К., Энгельс, Ф. (1960). *Собрание сочинений* (2-е изд., т. 23). М.: Политиздат.
- Мищекина, Н. А. (2018). Обзор методологических принципов психологии. *Молодой ученый*, 19(205), 375–377.
- Рубинштейн, С. Л. (1946). *Основы общей психологии* (2-е изд.). М.: Учпедгиз.
- Рубинштейн, С. Л. (1973). *Проблемы общей психологии*. М.: Педагогика.
- Рубинштейн, С. Л. (1997). *Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии*. М.: Наука.
- Семенов, И. Н. (2009). С.Л. Рубинштейн известный и неизвестный: историко-культуральная рефлексия жизнетворчества. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 6(3), 63–89.
- Соколова, Е. Е. (2007). К проблеме методологии построения общепсихологической теории в школе А.Н. Леонтьева. *Методология и история психологии*, 2(4), 163–178.
- Сурмава, А. В. (2009). Ильинков и революция в психологии. *Логос*, 1(69), 112–132.
- Чеснокова, М. Г. (2008). Проблема общего и индивидуального в творчестве Л.С. Выготского: между эмпиризмом и диалектикой. *Культурно-историческая психология*, 2, 39–49.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References после англоязычного блока.

Чеснокова Милена Григорьевна — старший научный сотрудник, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: история и методология психологии, отечественная и эзистенциальная психология, психология индивидуальности, психология жизненных миров. Контакты: milen-ches@bk.ru

The Dialectical Method and the Principle of Ascent from the Abstract to the Concrete in the Theories of Russian Psychology

M.G. Chesnokova^a

^a*Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

Abstract

The article raises the question of the applicability of the methodological principles of Soviet psychology to solve the actual issues of current science. The complexity of the issue is amplified by the fact that the methodological principles in the Russian psychology are generally poorly reflected, allow for different interpretations, relate to different methodological levels, and have different areas of application. This article presents a content analysis of one of the main principles of the Russian psychology of the Soviet period — the principle of ascent from the abstract to the concrete. Three main interpretations of the method of ascent from the abstract to the concrete in psychology, proposed by L.S. Vygotsky, S.L. Rubinstein and A.N. Leontiev are considered. Vygotsky's emphasis was on the analytical component of the method and the search for a "cell" of psychology while preserving the "old" empirical understanding of the general ("the abstract-general") as the same for everyone. The ascent to the concrete — the explanation of the diversity of mental phenomena in their interrelation — did not work here. Rubinstein uses the method of ascent from the abstract to the concrete twice: as a psychologist and as a philosopher. He reconstructs the internal logic of the development of mental processes and formations from the original contradiction of the subjective and the objective, inherent in the nature of mental reflection, and then begins to explain the structure of human existence and the main ways of human relations to the world. Leontiev essentially completely "derives" the psyche from activity, defining it as a "functional organ" of activity. Thus, formally, the same method appears in Vygotsky as analytical, in Rubinstein — as analytical-synthetic, in Leontiev — as a method of "deduction". At the same time, the experience of Russian psychologists demonstrates the great methodological potential of this method, including for solving integrative problems of modern psychology.

Keywords: dialectical method, the principle of ascent from the abstract to the concrete, "cell", the mental, activity, ontology of human existence.

References

- Chesnokova, M. G. (2008). The problem of the general and the individual in L.S. Vygotsky's work: Between empiricism and dialectics. *Kul'turno-Istoricheskaya Psichologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 4(2), 39–49. (in Russian)
- Davydov, V. V. (1994). Vklad E. V. Il'ienkova v teoreticheskuyu psichologiyu [Contribution of E.V. Iliakov in theoretical psychology]. *Voprosy Psichologii*, 1, 131–136.
- Dmitrieva, N. A. (2016). Sergey Rubinstein as reader of Hegel's "Phenomenology of spirit". *Problemy Sovremennoego Obrazovaniya*, 4, 9–19. (in Russian)

- Gladneva, E. V. (2010). S.L. Rubinstein: from the activity based on the concept of human to the coherent philosophical anthropology. *Vestnik Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. A.S. Pushkina*, 2(2), 35–44. (in Russian)
- Ilyenkov, E. V. (1968). Ideal'noe [The ideal]. In *Filosofskaya entsiklopediya* [The philosophical encyclopedia] (Vol. 2, pp. 219–227). Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya.
- Ilyenkov, E. V. (1997). *Dialektika abstraktnogo i konkretnogo v nauchno-teoreticheskem myshlenii* [The dialectics of the abstract and the concrete in scientific theoretical thinking]. Moscow: ROSSPEN.
- Kravtsov, G. G. (2015). L.S. Vygotsky's method. *Vestnik RGGU. Seriya "Psichologiya. Pedagogika. Obrazovanie"*, 2(145), 33–45. (in Russian)
- Leontiev, A. N. (2004). *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Smysl; Izdatel'skii tsentr "Akademiya".
- Mareev, S. N. (2014). L.S. Vygotskii o metode v psikhologii [L.S. Vygotsky on the method in psychology]. *Vestnik Kazakhstansko-Amerikanskogo Svobodnogo Universiteta*, 5, 34–44.
- Marx, K., & Engels, F. (1960). *Sobranie sochinenii* [Collected works] (2nd ed., Vol. 23). Moscow: Politizdat.
- Mazilov, A. V. (2007a). *Metodologiya psikhologii* [Methodology of psychology]. Yaroslavl': MAPN.
- Mazilov, A. V. (2007b). Philosophy of psychological science: Problems and perspectives. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 4(2), 3–21. (in Russian)
- Mazilov, A. V. (2016). L.S. Vygotsky and psychology methodology. *Yaroslavskii Pedagogicheskii Vestnik [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]*, 5, 170–176. (in Russian)
- Mishechkina, N. A. (2018). Obzor metodologicheskikh printsipov psikhologii [The review of the methodological principles in psychology]. *Molodoi Uchenyi*, 19(205), 375–377.
- Rubinstein, S. L. (1946). *Osnovy obshchei psikhologii* [Fundamentals of general psychology] (2nd ed.). Moscow: Uchpedgiz.
- Rubinstein, S. L. (1973). *Problemy obshchei psikhologii* [Problems of general psychology]. Moscow: Pedagogika.
- Rubinstein, S. L. (1997). *Izbrannye filosofsko-psikhologicheskie trudy. Osnovy ontologii, logiki i psikhologii* [Selected philosophical and psychological works. Fundamentals of ontology, logic and psychology]. Moscow: Nauka.
- Semenov, I. N. (2009). S.L. Rubinstein known and unknown: Historical and cultural reflection on life and work. *The Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 6(3), 63–89. (in Russian)
- Sokolova, E. E. (2007). K probleme metodologii postroeniya obshchepsikhologicheskoi teorii v shkole A.N. Leontieva [On the issue of methodology of building a general psychological theory in the school of A.N. Leontiev]. *Metodologiya i Istochnika Psikhologii [Methodology and History of Psychology]*, 2(4), 163–178.
- Surmava, A. V. (2009). Ilyenkov i revolyutsiya v psikhologii [Ilyenkov and revolution in psychology]. *Logos*, 1(69), 112–132.
- Vygotskii, L. S. (1931). Predislovie [Preface]. In A. N. Leontiev, *Razvitiye pamyati: Eksperimental'noe issledovanie vysshikh psikhologicheskikh funktsii* [The development of memory: Experimental study of the higher psychological functions] (pp. 5–13). Moscow; Leningrad: Uchpedgiz.
- Vygotskii, L. S. (1982). Istoricheskii smysl psikhologicheskogo krizisa [The historical meaning of the psychological crisis]. In L. S. Vygotskii, *Sobranie sochinenii* [Collected works] (Vol. 1, pp. 292–436). Moscow: Pedagogika.

- Vygotskii, L. S. (1983). Istorya razvitiya vysshikh psikhicheskikh funktsii [The history of development of the higher psychic functions]. In L. S. Vygotskii, *Sobranie sochinenii* [Collected works] (Vol. 3, pp. 6–328). Moscow: Pedagogika.
- Zavershneva, E. Yu., & van der Veer, R. (Eds.). (2017). *Zapisnye knizhki L.S. Vygotskogo* [L.S. Vygotsky's notebooks]. Moscow: Kanon+.
- Zinchenko, V. P. (1981). Idei L.S. Vygotskogo o edinitsakh analiza psikhiki [L.S. Vygotsky's ideas on the units of analysis of the mind]. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2, 118–133.
- Zinchenko, V. P. (2003). Prekhodyashchie i vechnye problemy psikhologii [Transient and eternal problems of psychology]. In *Trudy Yaroslavskogo metodologicheskogo seminara: Metodologiya psikhologii* [The proceedings of the Yaroslavl methodological seminar: Methodology of psychology] (pp. 98–134). Yaroslavl: MAPN.

Milena G. Chesnokova — Senior Research Fellow, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, PhD in Psychology.

Research Area: history and methodology of psychology, Russian and existential psychology, psychology of individuality, psychology of life worlds.

E-mail: milen-ches@bk.ru

CONSIDERATIONS OF THE PHENOMENON OF “ETHNO-HEARING”: THE PERCEPTION OF “NATIVE” AND “ALIEN” MUSIC IN CHINESE AND RUSSIAN UNIVERSITY STUDENTS

A. V. TOROPOVA^a, T. S. KNYAZEVA^b

^a Moscow State Pedagogical University, 1, Building 1, Malaya Pirogovskaya Str., Moscow, 119991, Russian Federation

^b Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, 13 build. 1, Yaroslavskaya Str., Moscow, 129366, Russian Federation

Abstract

The focus of the present article is on the phenomenon of “ethno-hearing” in the context of the search for categories of instrumental research in musical-psychological anthropology. Musical-psychological anthropology as a field of knowledge integrates a complex psychological and cultural methodology for the study of human interaction with created forms and styles of musical art. The series of investigations in the article is based on the methodology of the cross-cultural study of the peculiarities of perception of “native” and “alien” music by groups of Russian and Chinese recipients. All the subjects were student musicians of Moscow universities (N = 53). The procedures, methods and results of the studies of music perception of different ethnic styles are presented: a) using bipolar scales of the emotional content assessment; b) by means of electroencephalographic measurements of the alpha-activity of the brain. It has been shown both in the psychosemantic and EEG study that there are no differences between the groups in the perception of classical music, but there are significant differences between Russian and Chinese musicians in the perception of traditional Russian and Chinese music. It may be concluded that the perception of the emotional context of “native” and “alien” music is associated with the internal picture of a world view formed by national culture and traditions.

Keywords: ethno-hearing, native music, alien music, cross-cultural investigations, music perception, psycho-semantic, electroencephalogram, alpha range.

Introduction

Studying ethnic aspects of music listening is at the intersection of related scientific fields consisting of the psychology of the perception of music, the comparative

A.V. Toropova's work was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) according to the research project No. 19-013-00171.

T.S. Knyazeva's work was carried out according to the scheduled work in the Laboratory of Psychology and Psychophysiology of Creativity of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences (state assignment No. 0138-2021-0009 of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation).

study of musical traditions and ethnic musicology. This group determines the frame of the related issues under study and gives a separate interdisciplinary research orientation, namely the psychological anthropology of music (Merriam, 1969; Myers, 1992; Nettl, 2015; Toropova, 2018).

It is widely known that even a person without any music education or much acquired experience and knowledge of music theory has no difficulty in distinguishing a piece of classical music from a piece of folk music and, conventionally speaking, "Western" music from Oriental. Studying the ethnic aspects of interpreting the music of different traditions is often considered to be research into music specificity of other cultures ("non-Western cultures"). Musicology holds investigations analyzing music "markers", i.e. music features allowing to reveal differences between music of different traditions. Meanwhile, distinguished musicologists are aware that there cannot be any holistic approach to the study of the object only, that is, music, if there is no subject of perception, i.e. a listener, involved in the analysis. I. I. Zemtsovsky, an ethnomusicologist and a folklorist, introduced the explanatory concept of "ethno-hearing", or "ear" (2009, 2012). The concept reflects an empirically observed closeness and expert subjectivism of the listener towards the music of his or her "native" tradition. According to a small number of papers, "ethno-hearing" is often associated with cognitive ease in recognizing linguistic structures of the mother tongue (Peretz et al., 2004; Bidelman et al., 2013; Chang et al., 2016). From the standpoint of ethno-art history, the phenomenon of ethno-hearing makes it possible to study the musical and language features of peoples. A sin the study by Utegalieva & Sytchenko, "the sound world of the Turkic peoples" is studied (Utegalieva & Sytchenko, 2016). Hove's work (Hove et al., 2010) contributes to the comparison of absolute musical hearing in representatives of different nationalities. Izumova S.A. et al. (Izumova & Zhen, 2009; Izumova & Yan, 2011) have studied cross-cultural differences in the realization of mnemonic and intellectual abilities. Within the interdisciplinary methodology, A. V. Toropova has undertaken the theoretical comprehension of "ethno-hearing" in the context of "the language personality" of a representative of a certain culture (Toropova, 2014, 2018; Toropova, Simakova, Kabardov, & Bazanova, 2014).

At the present stage, one of the topical tasks of musical-psychological anthropology is to find psychological and psychophysiological "markers" of ethno-hearing that enable cross-cultural differences in experiencing the music of different traditions to be revealed, primarily in the perception of ones that are so-called "native" and "alien".

According to the investigations in the literature into music perception, when listening to an "alien" music, subjects being tested do not know rhythmic patterns and turns consisting of unusual metres and accents. But they are able to recognize basic emotions (Fritz et al., 2009; Argstatter et al., 2011). There are suppositions that their emotional-auditory system is based on such sound features as timbre, sound volume, tempo, and articulation, when listening to the music of an alien culture ciphered in the unknown systems of pitches and rhythms (Geiser et al., 2009).

The problems associated with the study of the cross-cultural specificity-universality of emotions have been under discussion for a long time in psychology.

Investigations into the behavior of people of different cultures have found that in the sphere of the expression of emotions, there are both universal types of reactions and those specific to certain cultures. That is, the language of emotions contains both common and cultural-specific elements (Esposito et al., 2009; Knyazeva, 2014; Knyazeva & Toropova, 2014). The elements that have differences among the representatives of various cultures are rather a result of socialization and therefore, are subject not only to a natural training but a purposeful one, as well.

However, probably, the comprehension of music is based not on a cultural experience but on panhuman emotional-semantic universals. The universals or archetypes appear to be more profound, maybe, innate structures that provide a musical-emotional resonance and the understanding of music regardless of the cultural affiliation of a listener.

Thus, when perceiving music, various levels of the multiple identity can be actualized in the listener's consciousness: from archetypal universal layers to sociocultural or professional identities (Toropova, 2018).

At the same time, the research has left a question almost unstudied: do the features of perception of a "native" and "alien" music coincide in the representatives of different cultures?

Methods

The Research Objective and Hypothesis

Our research aims at studying the Russian and Chinese musicians' perception of music belonging to different cultures. The study is based on the idea that the multiple identities of the listener influence their understanding of music. At the same time, we distinguish in the listener the difference between an ethnic-cultural musical identity and an educational-musical professional identity.

Our study has tested the hypothesis about some differences between Russian and Chinese listeners in the perception of "native" and "alien" music, and the absence of any differences in the perception of classical music.

The hypothesis is based on the supposition that each person "tends" to the codes of his/her own culture, since his or her perception is based on the developed musical and language standards specific to a particular culture (ethno-cultural identity). At the same time, one may assume that in the course of Western academic music education, new musical patterns and standards form as well as ways of musical thinking and perception. They are going to be similar to students of different nationalities (the educational-musical professional identity). This unified musical experience levels ethnic differences in the perception of classical music.

The comparison of the musical perception of participants was carried out by means of the psychosemantic method and, additionally, the analysis of the electroencephalogram recorded while listening to music. Both of these approaches to the study of musical perception are well known but seldom used within one study. For instance, A. N. Lebedev and T. S. Knyazeva show in their research that differences in the semantic "portraits" of music are accompanied also by EEG-activity

patterns specific to each musical fragment (Lebedev & Knyazeva, 1999). In addition, the cultural specificity of music memory by the fMRI investigation was studied by Demorest et al. (Demorest et al., 2010). The study provides the evidence of the influence of culture on music perception and memory performance at both behavioral and neurological levels. These and other investigations (Toropova & Knyazeva, 2017; Toropova, Simakova, & Bazanova, 2014) provide reasons to employ a comprehensive methodology to study musical perception taking into account the ethno-factor of both music itself and the ethno-hearing of recipients.

Participants

Fifty three Russian and Chinese musicians, bachelors and masters, from Moscow universities of music took part in the present study. The Russian sample consisted of 27 persons, 80% were female, the mean age was $M = 24.7$ ($SD = 6.5$). The Chinese sample consisted of 26 individuals, 87% were female, the average age was $M = 25.6$ ($SD = 4.4$). The Chinese participants came to Russia for music education, and spoke the Russian language well enough to understand the instructions. All subjects had given their informed consent for inclusion before they participated in the study.

Measures

The participants evaluated music fragments on 12 bipolar psychometric Likert scales indicating the emotional-dynamic characteristics of music. Each scale had seven grades from -3 (one pole) to $+3$ (the opposite pole). When processing the data, the estimates were translated into a seven-point scale from 1 (corresponding to -3) to 7 (corresponding to $+3$). The names of the scales were presented to the Chinese subjects in the sample being tested both in the Russian and Chinese languages. The choice of the scales was made due to their good psychometric features and a satisfactory validity. It was shown in the previous research that the selected scales made it possible to divide different groups of subjects. For instance, musicians could be distinguished from non-musicians, as well as significant differences in the perception of recipients could be identified when evaluating different types of music (Knyazeva, 2010, 2014; Knyazeva & Toropova, 2014).

Before the psychosemantic study, 20 Russian and 20 Chinese musicians from the total sample had an electroencephalogram recorded in quiet and during four musical fragments. The EEG was recorded in the monopolar lead Pz (by the system of 10–20%) in the width at 0.3–50 Hz with a sampling rate of 720 Hz. At the beginning, the EEG was recorded in quiet with eyes closed during 1 min., then with eyes open for the same duration. This test (the EEG recording of the same duration with closed and open eyes) was used, when listening to three fragments of musical works. The alpha activity indicators were chosen for analysis, as many studies had shown the relationship of musical perception with the indicators of different ranges of alpha rhythm (Bazanova, 2012; Bazanova & Vernon, 2014). The following indicators were recorded: the dominating frequency of the maximum peak of the alpha

range; upper and lower boundaries of the alpha range; the width and depth of suppression and the duration of suppression in the individual low-and high-frequency boundaries. The data was presented in the form of tables with the spectral power of EEG and the frequency of the maximum peak in the given ranges.

For musical material, Russian traditional folk music (an East Slavic folk tune on the folk violin), music in the ancient Chinese tradition of Qin (the Chinese zither) and music of the European violin classics ("Caprice a-moll" by N. Paganini) were used.

Results

A Psycho-Semantic Study of the Perception of Music

The table shows the mean (M) and standard deviations (SD) of the semantic evaluations of traditional music (Russian and Chinese) for the Russian and Chinese samples, and the significance of differences between the samples (*p*).

On a number of the scales, significant intergroup differences in the perception of traditional Russian and Chinese music were identified (the Mann–Whitney U test).

Table 1
Mean and Standard Deviations of Traditional Music Scores on Semantic Scales in Groups of the Russian and Chinese Students, and the Significance of Differences Between the Groups

Scales	Russian music			Chinese music		
	Russian students	Chinese students	<i>p</i>	Russian students	Chinese students	<i>p</i>
	M (SD)	M (SD)		M (SD)	M (SD)	
Heavy – light	3.11 (1.45)	3.42 (1.02)	0.245	5.70 (1.06)	4.76 (1.55)	0.023
Sad – joyful	3.50 (1.55)	5.15 (1.28)	0.000	5.33 (1.07)	3.46 (2.08)	0.001
Weak – strong	4.65 (1.52)	5.00 (1.13)	0.475	4.59 (1.71)	4.42 (1.50)	0.688
Dark – light	3.62 (1.33)	5.31 (1.25)	0.000	5.59 (1.30)	5.58 (1.10)	0.918
Passive – active	5.04 (1.34)	3.57 (0.98)	0.000	5.95 (1.28)	4.07 (2.24)	0.003
Relaxed – tense	6.00 (1.00)	3.19 (1.20)	0.000	4.33 (1.46)	2.96 (1.45)	0.002
Hard – soft	2.92 (1.49)	3.19 (1.09)	0.196	4.62 (1.59)	4.58 (0.80)	0.650
Aggressive – peaceful	3.88 (1.36)	4.30 (1.15)	0.298	5.85 (1.06)	5.62 (1.29)	0.642
Static – dynamic	4.66 (1.70)	4.46 (0.94)	0.591	5.95 (0.83)	4.76 (1.33)	0.001
Rough – tender	2.44 (1.01)	3.59 (1.30)	0.002	5.07 (1.41)	5.73 (1.11)	0.083
Unhappy – happy	3.57 (1.41)	3.76 (1.06)	0.457	5.29 (1.46)	6.42 (0.70)	0.002
Disquieting – calm	2.53 (1.36)	4.14 (0.99)	0.000	3.85 (1.81)	6.31 (0.73)	0.000

Note. The significant differences are in the bold font.

The comparison of N. Paganini's music scores by the Russian and Chinese students detected a weak difference between the groups on only one scale: the Russian students heard the music as more dynamic in comparison with the Chinese students ($p = 0.34$).

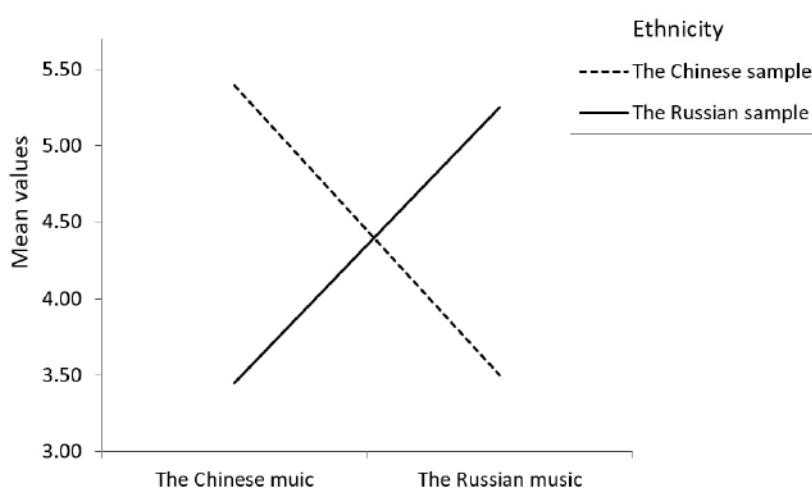
The analysis of the interaction of the factors "nationality" and "music" showed that the type of music ("native" or "alien") differently influenced its perception depending on the ethnicity of the subject. A statistically significant aggregate influence of ethnicity and the type of music on the assessment of musical scales "heavy – light", "sad – joyful", "dark – light", "relaxed – tense", "static – dynamic" was found. This interaction manifests most strongly in estimates of the scale "sad – joyful" ($p = 0.000$). A graph of the mean values allowed some interpretation of the detected interaction (Figure 1). Evidently, on that scale, the Russian and Chinese recipients oppositely assessed the Russian and Chinese music. It is true, the Russian musicians perceived the Chinese music as more joyful than Russian. On the contrary, the Chinese musicians considered the Russian music to be more joyful in comparison with the Chinese.

At the same time, the Russian participants ascribed a greater dynamism and tension to both the native and alien music, while the Chinese students heard relaxation and peace in both fragments.

Factor analysis (principal component analysis, Varimax rotation and eigenvalues were greater than 1, the interpretation of the factor included the variables with factor loadings above 0.6), was carried out to compare the factor structure of the data in the Russian and Chinese samples.

The factor analysis of the students' assessments indicated that the dimension of the factor space (the number of independent categories-factors) was not the same

Figure 1
Average Values of Music Scores in the Russian and Chinese Samples
(for the Sad – Joyful Scale).

in the Russian and Chinese samples. The factor structure of the Russian music scores in the Russian sample was described by four factors (the coefficient of variance — .76), and in the Chinese — by three factors (the coefficient of variance — .65). The factor analysis of the Chinese music scores showed the opposite ratio. Three factors (the coefficient of variance — .73) were identified in the data structure of the Russian sample, and five factors (the coefficient of variance — .82) were in the Chinese sample. The results of the processing showed that there was increase in the contribution of the factors to the total variance of coordinate axes in the native music. This indicated some change in the subjective significance of the categorization grounds.

The content of the factors in two groups also differed. For example, the scale “unhappy — happy” in the Russian and Chinese samples was “bonded” with different features. The semantic content of the notions of “happiness/unhappiness” in the Russian subjects under test was in the same factor with the notions of “joy”, “activity” and “light”. In the Chinese subjects under test, the semantic content of the notions of “happiness/unhappiness” was associated with the ideas of “peace” and “peacefulness”.

The factor analysis of classical music perception did not identify differences between the groups in the number of factors: a four-factor structure of twelve semantic features was identified. Its total information value was .73 for Paganini’s music in the Russian sample and .80 in the Chinese one.

EEG-Study of the Music Perception

During the perception of traditional Russian music by the Russian and Chinese samples, differences in the growth of the alpha-1 width in comparison with the background were found. In the Chinese sample, the growth in the alpha-1 width (due to a lower boundary limit), in comparison with the state of rest, was significantly greater than in the Russian sample ($p < 0.05$). It was known that the expansion of the alpha range in which desynchronization occurred (a decrease in the alpha-waves amplitude) reflected the increase in the number of frequency generators included in the activation reaction. And changes in the low-frequency alpha-1 range were connected with the processes of involuntary excitation and inhibition (Bazanova & Vernon, 2014).

During the perception of all the three fragments of music, the increase in the power in the low-frequency range in the both groups was recorded. When listening to the Russian and Chinese music, differences between the groups were found on the indicator of the maximum power in the alpha-1 range. In the Chinese group, the maximum power was during the Russian music, and in the Russian group — during the Chinese music. However, although reaching significant values, the differences in the Russian sample were not as significant as in the Chinese one. The changes in the Chinese and Russian samples may be interpreted as a response to music most distant from their traditional experience. Those changes in the capacity in the low-frequency alpha range as well as the expansion of the alpha-1 range according to the literature (Bazanova, 2012; Bazanova & Vernon, 2014) also indicated an increase in the processes of involuntary inhibition (relaxation).

When listening to the East Slavic music, differences between the groups were identified on the parameter of the depth of amplitude decrease in comparison with the

state of rest. In the Chinese subjects under test, in comparison with the Russian sample, significant amplitude changes were recorded in the low-frequency alpha-1 range ($p < 0.01$). The students of the Russian sample found similar dynamics of this EEG-indicator but in the high-frequency alpha-2 range. When listening to the Russian music, the depth of the amplitude decrease was significantly greater than that of the Chinese musicians ($p < 0.05$). According to the literature, the decrease in the amplitude of alpha waves (the Berger effect) was one of the main parameters of alpha activity reflecting the activation response (Bazanova, 2012; Bazanova & Vernon, 2014). Changes in the Berger effect in the low-frequency alpha-1 range indicated the intensity of activation processes, while changes in the high-frequency alpha-2 range were connected with the indicators of cognitive efficiency. The more successfully the task was performed, the less suppression of the amplitude was (Bazanova & Vernon, 2014).

Discussion

Generally speaking, the present study has proved the original hypothesis. Significant differences between the Russian and Chinese musicians in the perception of traditional (authentic) Russian and Chinese music were detected. And no differences (or minimal differences) in the perception of classical music were found. The obtained phenomenon was demonstrated both in the psychosemantic study and in the analysis of the electroencephalogram patterns recorded in the Russian and Chinese experimental groups, when listening to fragments of music.

The differences in the psychosemantic profile of the scores and in the dimensionality of factor space between the experimental groups indicated the ethno-cultural specificity of the perception of the emotional-semantic context of music. For example, in the Russian group, "happiness" heard in the music was "bonded" with "light", "activity" and "joy" in one factor, and in the Chinese group – with "calmness" and "peacefulness". There were other examples. Regardless of ethnicity, the participants attributed a higher positive valence to the "alien" music in comparison with the "native" music (the Russian students – to the Chinese music, and the Chinese students – to the Russian music). At the same time, evaluating the activation characteristics of music, another regularity was observed. The Russian students attributed a greater "dynamism" and "tension" to both the "native" and "alien" music, while the Chinese students attributed a greater "relaxation" and "calmness". Both groups found the increase in the dimensionality of factor space during the perception of the "native" music in comparison with the "alien" one. As far as it was known, the dimensionality of space reflected the cognitive complexity of the subject's consciousness in some content field. The increase in the number of factors might be interpreted as an indicator of a more differentiated, nuanced and multidimensional perception of the emotional-semantic context of the "native" music for the subjects. One might suppose that categorization was based on deeper layers of perception and experience, and on the recognition of not only an emotional context but of an authentic subtext of the musical message, as well. Providing no culturological explanations for the obtained phenomena, in our opinion, it was noteworthy that the observed features of the perception by the Russian and Chinese students reflected the specificity of the worldview of a particular ethnic group, that is, the

specifics of the ethnic picture of the world that was consistent with modern cultural ideas (Seredkina, 2014).

The analysis of the electroencephalogram recorded during the music perception supports the regularities of the perception detected in the psychosemantic study.

The differences between the groups' indicators with a maximum power in the alpha-1 range during the perception of the Russian and Chinese music can be interpreted as a response to the music being the most distant from their traditional experience. These power changes in the low-frequency alpha range and the expansion of the alpha-1 range, according to the literature (Merriam, 1969; Seredkina, 2014), indicate an increase in the process of involuntary inhibition. The obtained result may point out a dispersal in response to less familiar stimuli (in this case, to the "alien" music) marked as "noise", and the decrease in the response of activation and involuntary attention.

At the same time, other results point to the different nature of the identified relaxation response depending also on the subjective cognitive significance and a potential recognizability of the language message of music. The decrease in the depth of suppression in the high-frequency alpha-2 range in the sample of the Russian students listening to "native" music indicates the rise of the efficiency of cognitive activity. It can be also connected with the processes of voluntary inhibition, with the so-called "top-down" control (Toropova, Simakova, & Bazanova, 2014; Simakova & Toropova, 2015). This fact may indirectly support the supposition that alpha activity contributes to cognitively significant information.

When listening to Paganini's music, there were no significant differences in the change in EEG parameters between the experimental groups.

Thus, the EEG study shows that there are differences in the dynamics of alpha activity patterns during different fragments of music. The ethno-specificity of the EEG responses was detected during the perception of the traditional national music and in the absence of that specificity during classical music.

We interpret the insignificance of differences in the perception of classical music between the groups as the influence of Western classical musical education which the Chinese musicians have received in Russia under similar conditions to the Russian musicians. This gives grounds to admit that in the course of music education, for the participants of the process, similar mechanisms of music perception and common musical standards develop, that is, a common musical experience being built over an authentic ethnic experience.

Conclusions and perspectives

The observation of a series of investigations of music perception in order to identify objective indicators of the "ethno-hearing" phenomenon enables us to make the following conclusions as a motive for discussions.

It is indicated that there are no differences in the perception of classic music between the groups of subjects being tested. But there are significant differences in the perception of Russian and Chinese traditional music. The absence of differences in the evaluation of classic music by the Russian and Chinese musicians may be explained by a unifying effect of their musical educations. At the same time,

musical education does not exert any considerable influence upon unconscious layers of "the cultural code" of a subject's emotions, his/her "ethno-hearing". That is, musical perception is fulfilled through the prism of the peculiarity of national culture and listeners' mentality.

The investigations have shown that the ability to recognize such essential measurements of emotion as valence underlies the emotional comprehension of music. That ability is fundamental, primary, evolutionarily rooted and little influenced by educational and other factors. Whatever culture the musical language belongs to as a carrier of vital sound intonation symbols, it preserves its communicative meaning within different musical forms.

The thesis of the certain universality of the emotional perception of music is beyond doubt, if we speak in terms of the most general reading of emotional context or about "archetypal perception". More complex levels of musical psychosemantics are connected with ethnic archetypes as complexes of experiences imbued with cultural-historical memory and marked with value sets reproduced in ethnic cultures.

The detected differences reflect the peculiarities in the ethno-cultural systems of sense formation and the categorization of the phenomena regulating the development of consciousness and self-consciousness of in ethnic representatives. This suggests that there is a certain cultural specificity of the music categorization that has deeper roots than a conscious musical experience.

The cross-cultural study of the perception of "native" and "alien" music with the help of encephalographic measurements confirms the hypothesis of the contribution of alpha-activity to the significant cognitive information that is music. It is definitely shown that listening to music reduces the listener's emotional stress, according to the alpha markers, regardless of the style features of the musical work and its ethnicity. In addition, the features obtained of the alpha response to the music of different ethno-styles in the two groups of the cross-cultural studies point out the necessity for the further study of the neuronal correlates of listening to music taking into account ethno-cultural factors.

Acknowledgements

The authors are grateful to the Faculty of Music Art of the Institute of Fine Arts of Moscow Pedagogical State University (the basis for the empirical data collection) and to I. N. Simakova, PhD in Biology, for the contribution to the EEG study.

Conflicts of Interest

Authors declare no conflict of interest.

References

- Argstatter, H., Wilker, F.-W., & Mohn, C. (2011). Perception of six basic emotions in music. *Psychology of Music*, 39(4), 503–517. <https://doi.org/10.1177/0305735610378183>

- Bazanova, O. M. (2012). Alpha EEG Activity Depends on the Individual Dominant Rhythm Frequency. *Journal of Neurotherapy: Investigations in Neuromodulation, Neurofeedback and Applied Neuroscience*, 16(4), 270–285.
- Bazanova, O. M., & Vernon, D. (2014). Interpreting EEG alpha activity. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 44, 94–110. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2013.05.007>
- Bidelman, G., Hutka, S., & Moreno, S. (2013). Tone language speakers and musicians share enhanced perceptual and cognitive abilities for musical pitch: Evidence for bidirectionality between the domains of language and music. *PLoS ONE*, 8, Article e60676. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0060676>
- Chang, D., Hedberg, N., & Wang, Y. (2016). Effects of musical and linguistic experience on categorization of lexical and melodic tones. *The Journal of the Acoustical Society of America*, 139(5), 2432–2447. <https://doi.org/10.1121/1.4947497>
- Demorest, S. M., Morrison, S. J., Stambaugh, L. A., Beken, M., Richards, T. L., & Johnson C. (2010). An fMRI investigation of the cultural specificity of music memory. *Journal Social Cognitive and Affective Neuroscience*, 5(2–3), 282–291. <https://doi.org/10.1093/scan/nsp048>
- Esposito, A., Riviello, M. T., & Bourbakis, N. (2009). Cultural specific effects on the recognition of basic emotions: A study on Italian subjects. In A. Holzinger, & K. Miesenberger (Eds.), *HCI and Usability for e-Inclusion. USAB 2009. Lecture Notes in Computer Science* (Vol. 5889, pp. 135–148). Berlin: Springer; Heidelberg. https://doi.org/10.1007/978-3-642-10308-7_9
- Fritz, T., Jentschke, S., Gosselin, T., Sammler, D., Peretz, I., & Turner, R. (2009). Universal recognition of three basic emotions in music. *Current Biology*, 19(7), 573–576. <https://doi.org/10.1016/j.cub.2009.02.058>
- Geiser, E., Ziegler, E., Jancke, L., & Meyer, M. (2009). Early electrophysiological correlates of meter and rhythm processing in music perception. *Cortex*, 45(1), 93–102. <https://doi.org/10.1016/j.cortex.2007.09.010>
- Hove, M. J., Sutherland, M. E., & Krumhansl, C. L. (2010). Ethnicity effects in relative pitch. *Psychonomic Bulletin & Review*, 17(3), 310–316. <https://doi.org/10.3758/PBR.17.3.310>
- Izumova, S. A., & Yan, X. (2011). The structure and nature of intellectual abilities: ethnic and professional aspects. *Bulletin of RUDN University. Series “Psychology and Pedagogy”*, 4, 26–33.
- Izumova, S. A., & Zhen, L. (2009). The personal approach to the study of the specificity of mnemonic abilities of the students of different ethnic groups. *Bulletin of RUDN University. Series “Psychology and Pedagogy”*, 1, 25–30.
- Knyazeva, T. S. (2010). Vliyanie znaka valentnosti muzyki na uspeshnost' raspoznavaniya muzykal'no-emotsional'nogo konteksta [The influence of the sign of music valence on the recognition of the musical-emotional context]. In L. Y. Dorfman & D. V. Ushakov (Eds.), *Psichologiya tvorchestva: Tezisy dokladov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (27–29 sentyabrya 2010 g., Perm')* [Psychology of creativity: abstracts of the All-Russian Scientific Conference (September 27–29, 2010, Perm)] (pp. 258–259). Perm: Perm State Institute of Culture; Moscow: Institute of Psychology of the RAS.
- Knyazeva, T. S. (2014). Discernement of musical emotions and emotional intellect. *Voprosy Psichologii*, 1, 80–87. (in Russian)
- Knyazeva, T. S., & Toropova, A. V. (2014). Recognition of the emotional content of music depending on the characteristics of the musical material and experience of students. *Psichologo-Pedagogicheskie Issledovaniya*, 6(4), 33–45. http://www.psyedu.ru/journal/2014/4/Knyazeva_Toropova.phtml (in Russian)
- Lebedev, A. N., & Knyazeva, T. S. (1999). Electrophysiological predictors of subjective estimations of music of different composers. *Psichologicheskii Zhurnal*, 20(6), 72–79. (in Russian)
- Merriam, A.P. (1969). Ethnomusicology revisited. *Ethnomusicology*, 13(2), 213–229.

- Myers, H. (1992). Ethnomusicology. In H. Myers (Ed.), *Ethnomusicology: An introduction* (pp. 3–18). New York, NY: Norton.
- Nettl, B. (2015). *The study of ethnomusicology: Thirty-one issues and concepts*. Urbana, IL: University of Illinois.
- Peretz, I., Radeau, M., & Arguin, M. (2004). Two-way interactions between music and language: evidence from priming recognition of tune and lyrics in familiar songs. *Memory & Cognition*, 32(1), 142–152. <https://doi.org/10.3758/BF03195827>
- Seredkina, N. N. (2014). Etnicheskaya kartina mira v kontekste sovremennoykh sotsial'nykh issledovanii [An ethnic picture of the world in the context of the modern social investigations]. *Sotsiodinamika*, 10, 26–59. <https://doi.org/10.7256/2306-0158.2014.10.13441> (in Russian)
- Simakova, I. N., & Toropova, A. V. (2015). Psychophysiological correlates of the listening music with different cultural traditions of the Russian and Chinese students. *Teoreticheskaya i Eksperimental'naya Psichologiya*, 8(3), 6–16. http://www.tepjurnal.ru/images/pdf/2015/3/MP27_2015.pdf (in Russian)
- Toropova, A. V. (2014). The genesis of musical-language codes: a psychogenetic aspect. *Teoriya i Praktika Obshchestvennogo Razvitiya*, 5, 45–48. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arxiv_zhurnala/2014/5/psix%D0%BE%D0%BEgiy%D0%B0/toropova.pdf (in Russian)
- Toropova, A. V. (2018). Intoniruyushchaya priroda psikhiki: Muzykal'no-psikhologicheskaya antropologiya [The intonating nature of psyche: musical-psychological anthropology]. Moscow: MPGU.
- Toropova, A. V., & Knyazeva, T. S. (2017). Perception of music by listeners of different ethnic cultures. *Voprosy Psichologii*, 1, 116–129. (in Russian)
- Toropova, A. V., Simakova, I. N., & Bazanova, O. M. (2014). Psychophysiological correlates of the "native" and "alien" music perception. *International Journal of Psychophysiology*, 94(2), 192–193. <https://doi.org/10.1016/j.ijpsycho.2014.08.799>
- Toropova, A. V., Simakova, I. N., Kabardov, M. K., & Bazanova, O. M. (2014). Approaches to studying psychophysiological characteristics of perception of music pertaining to different cultural traditions. *Voprosy Psichologii*, 1, 124–134. (in Russian)
- Utegaliева, S., & Sytchenko, G. (2016). Music of the Turkic-speaking world. *Bulletin ICTM of the International Council for Traditional Music*, 132, 41–43.
- Zemtsovsky, I. I. (2009). A model for a reintegrated musicology. *Revista de Etnografie si Folclor [Journal of the Ethnography and Folklore]*, 1, 93–108.
- Zemtsovsky, I. I. (2012). Ethnic hearing in the sociocultural margins: Identifying Homo musicans polyethnoaudiens. In E. Avitsur, M. Ritzarev, & E. Seroussi (Eds.), *Garment and core: Jews and their musical experiences* (pp. 13–30). Ramat Gan: Bar-Ilan University.

Alla V. Toropova — Professor, Institute of Fine Art, Moscow State Pedagogical University, DSc in Psychology & Pedagogy, Professor.
Research Area: music psychology, musical-psychological anthropology.
E-mail: allatoropova@list.ru

Tatiana S. Knyazeva — Senior Researcher, the Laboratory of Psychology and Psychophysiology of Creativity, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, PhD in Psychology.
Research Area: psychology of musical ability, creativity.
E-mail: tknyazeva@inbox.ru

Изучение феномена «этно-слух»: восприятие «родной» и «чужой» музыки китайскими и российскими студентами вузов

А.В. Торопова^a, Т.С. Князева^b

^a *Московский педагогический государственный университет, 119991, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1 стр. 1*

^b *ФГБУН «Институт психологии РАН», 129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13, к. 1*

Резюме

Статья посвящена феномену «этно-слух» в контексте поиска инструментальных исследовательских категорий музыкально-психологической антропологии. Музыкально-психологическая антропология как область знания объединяет комплексную психологическую и культурологическую методологию изучения взаимодействия человека и созданных им форм и стилей музыкального искусства. Серия исследований в статье основана на методологии кросс-культурного изучения особенностей восприятия «родной» и «чужой» музыки группами российских и китайских реципиентов. Все испытуемые — студенты-музыканты московских вузов (N = 53). Представлены процедуры, методы и результаты исследования восприятия музыки разных этнических стилей: а) с помощью биполярных шкал оценки эмоционального содержания; б) с помощью электроэнцефалографических измерений альфа-активности мозга. Как в психосемантическом, так и в ЭЭГ-исследовании было показано, что различий между группами в восприятии классической музыки нет, но есть значительные различия между русскими и китайскими музыкантами в восприятии традиционной русской и китайской музыки. Можно сделать вывод, что восприятие эмоционального контекста «родной» и «чужой» музыки связано с внутренней картиной мировосприятия, сформированной национальной культурой и традициями.

Ключевые слова: этно-слух, «родная» музыка, «чужая» музыка, кросс-культурные исследования, восприятие музыки, психосемантика, электроэнцефалограмма, альфа-диапазон.

Торопова Алла Владимировна — профессор, Институт изящных искусств, Московский педагогический государственный университет, доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор.

Сфера научных интересов: музыкальная психология, музыкально-психологическая антропология.

Контакты: allatoropova@list.ru

Князева Татьяна Сергеевна — старший научный сотрудник, лаборатория психологии и психофизиологии творчества, Институт психологии Российской академии наук, кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: психология музыкальных и творческих способностей, психология творчества.

Контакты: tknyazeva@inbox.ru

Работа А.В. Тороповой поддержана РФФИ, проект № 19-013-00171.

Работа Т.С. Князевой выполнена в рамках госзадания Министерства науки и высшего образования РФ № 0138-2021-0009.

Обзоры и рецензии

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ ВИЗУАЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ: СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

О.А. КАПЦЕВИЧ^а

^аДальневосточный федеральный университет, 690091, Россия, Владивосток, ул. Суханова, д. 8

Резюме

Целью настоящего обзора является обобщение результатов эмпирических исследований, выявляющих психологические эффекты взаимодействия человека с разными видами визуального окружения в современных городах. Анализ работ, выполненных в области психологии окружающей среды за последние 50 лет, позволяет сделать ряд обобщений. Во-первых, большое число сравнительных исследований обнаруживает более благоприятное влияние восприятия природы по сравнению с «построенной» средой, что проявляется в когнитивной, аффективной, личностной и межличностной сферах. Во-вторых, обобщены свидетельства того, что разные типы «построенной» среды также могут вызывать различные психологические эффекты: здания с элементами орнаментации и детализации, невысокой этажности, имитирующие природу, имеющие исторические смысловые коннотации, способны оказывать благоприятное влияние на эмоциональную и когнитивную сферу воспринимающего. В-третьих, большое количество исследований направлено на выявление «восстановительного потенциала» разных типов среды: изучаются средовые факторы восстановления внимания, восстановления после стресса и аффективного восстановления. Гораздо меньше работ посвящено исследованию положительных влияний визуальной среды на человека за пределами восстановления. В-четвертых, большинство современных исследований ориентировано на выявление «восходящих» факторов восприятия среды — ее предметных, физических качеств (детализация, этажность, фрактальная структура, сложность, открытость и др.). При этом зачастую упускается роль «нисходящих» влияний — смысловых характеристик воспринимаемой среды, установок наблюдателя и его исходного состояния, которые могут оказывать существенное влияние на эффекты восприятия окружения. Обоснована важность учета совместного действия восходящих и нисходящих факторов в понимании истинных причин обнаруживаемых эффектов восприятия среды. Проведенный анализ позволил систематизировать широкий спектр влияний визуальной среды города на психологические характеристики человека. Предложено классифицировать все рассматриваемые факты по нескольким основаниям: объективному (физические характеристики среды: природное и «построенное» окружение), субъективному (особенности восприятия среды субъектом: восходящие и нисходящие процессы) и методологическому (способ получения данных: объективные и субъективные методы). Обозначены возможные пути улучшения визуальной среды города в направлении ее более благоприятного воздействия на психическое функционирование личности.

Ключевые слова: психология окружающей среды, визуальная среда города, визуальная среда природы, визуальное восприятие, урбанистика.

Влияние окружающей среды на психику человека является постоянным предметом исследования в отечественной (Штейнбах, Еленский, 2004; Нартова-Бочавер, 2005; Смолова, 2008; Габидуллина, 2012; Курпатов, 2013) и зарубежной психологии (Ulrich, 1983; Kaplan, Kaplan, 1989; Милграм, 2000; Эллард, 2016). Потребность в понимании механизмов такого влияния особенно возросла во второй половине XX в., когда стали обнаруживаться негативные последствия проживания человека в массовой, однообразно «построенной» среде. Сегодня данный вопрос приобретает особенную значимость в связи с процессами урбанизации. Больше половины людей на планете уже проживают в городах, а прогнозируемая доля городского населения к 2050 г. составит 68.4% (United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division, 2018).

Изучение «взаимосвязи между психикой и поведением человека, с одной стороны, и социально-физической средой повседневного бытия – с другой» (Соловьева, 2007, с. 330) стало основным научным интересом такого активно развивающегося направления, как «психология окружающей среды» (Environmental Psychology). В рамках данного направления разрабатывается понимание того, какие характеристики визуального окружения являются оптимальными для человека.

Понятие «среда» имеет различные трактовки и постоянно уточняется (Нартова-Бочавер, 2005). В традиционном значении «среда» рассматривается как совокупность физических характеристик окружения (Holahan, 1986; Gifford et al., 2011), однако ряд современных психологов указывают на решающую роль субъекта в определении значимых характеристик среды, предлагая использовать понятия психологического (Нартова-Бочавер, 2005) и социально-психологического (Журавлев, Купрейченко, 2012) пространства личности, подчеркивающие «избирательное... преобразующее отношение субъекта к... условиям своей жизнедеятельности» (Там же, с. 11). В данной статье среда будет пониматься как «та часть окружающего мира, с которой непосредственно взаимодействует данное существо» (Круусвалл, 1983, с. 81).

Целью многих современных исследований является выявление эффектов взаимодействия человека с разными видами среды, такими, как природные массивы (Kaplan, Kaplan, 1989; Kaplan, 1995), «построенные» сооружения (Воробьева, Кружкова, 2012; Филин, 2002; Van den Berg et al., 2016), жилые (Смолова, 2008), офисные (Kaplan, 1993), учебные (Doxey et al., 2009) помещения и др. Однако комплексное воздействие среды крупных городов на человека остается малоизученным.

Исследование влияния «внешней» среды современного города на взаимодействующего с ней индивида часто сопряжено со сравнением антропогенного, или «построенного», городского окружения (*built environment*), с более эволюционно «исходной» для человека средой природы. Подтверждается различное влияние природы и города на эмоциональное состояние человека (Ulrich, 1981; Hartig et al., 2003), особенности протекания его психических процессов (Tennessen, Cimprich, 1995; Berman et al., 2008), личностные характеристики (Kaplan, 1974; Милграм, 2000; Kuo, Sullivan, 2001), уровень субъективного

благополучия (Negami et al., 2018), а также на его физическое здоровье (Ulrich, 1984) и особенности межличностных отношений (Эллард, 2016). Установлено также, что проживание в среде города связано с характеристиками психического здоровья (Krabbenhout, Van Os, 2005), с некоторыми особенностями работы мозга (Lederbogen et al., 2011).

Воздействие физических, социальных, экономических, культурных и других характеристик среды города на человека всегда происходит комплексно. При этом такой фактор, как внешний вид среды, ее визуальная представленность, привлекает все больше внимания исследователей (Ulrich, 1981; Филин, 2002; Franek et al., 2018). Существуют эмпирические свидетельства того, что одно лишь восприятие определенных визуальных качеств среды способно влиять на психологические процессы (Berman et al., 2008), состояния (Ulrich, 1981; McMahan, Estes, 2015) и свойства (Kuo, Sullivan, 2001; Weinstein et al., 2009) личности. Таким образом, визуальная данность среды является важным фактором оптимального психологического функционирования человека в ней. Оказывать влияние на воспринимающего могут как низкоуровневые характеристики среды: фрактальность (Purcell et al., 2001; Coburn et al., 2019), композиционная сложность (Lindal, Hartig, 2013; Van den Berg et al., 2016), пространственные частоты (Valtchanov, Ellard, 2015) и др., — так и высокоуровневые: воспринимаемая эстетичность, безопасность, личные воспоминания и др.

Исследования в рассматриваемой области различаются по теоретико-методологическим подходам, что затрудняет их интегрированное осмысление и формирование целостной картины изучаемого феномена. Систематизация разнородных исследований и их результатов представляется важной для выработки дальнейшей стратегии научного поиска.

Цель данной статьи — обобщение исследований в области психологии окружающей среды, направленное на систематизацию данных о визуальных характеристиках окружения, влияющих на психологические особенности воспринимающего. Предметом рассмотрения являются известные на данный момент психологические эффекты, возникающие в результате восприятия субъектом различных видов природной и «построенной» среды города.

Представленные в статье данные охватывают преимущественно исследования, проведенные в России, Европе и США за последние 50 лет. Большая их часть датируется последним двадцатилетием. В рассматриваемых работах использован различный стимульный материал (фотографии — Ulrich, 1981; Van den Berg et al., 2016; видеозаписи — Ulrich et al., 2003; Karmanov, Hamel, 2008; виртуальная реальность — Valtchanov et al., 2010; и др.), различные методы сбора данных (от методик субъективного самоотчета до психофизиологических, проективных, психометрических техник).

Систематизация рассматриваемых фактов проводится по некоторым основаниям: объективному, субъективному и методологическому. Объективное основание связано с физическими характеристиками среды, субъективное — с особенностями ее восприятия субъектом, методологическое относится к способу получения данных.

Эффекты восприятия природного и «построенного» окружения

Обычно для выделения разных типов окружения, обусловливающих разные эффекты восприятия, используются объективные характеристики (особенности формы, цвета, визуальной сложности и др.). По ряду объективных параметров наиболее ярко различаются два вида среды: природная и «построенная» (антропогенная). В реальном контексте города они часто присутствуют совместно в разных соотношениях, однако в исследованиях их пытаются рассматривать в «чистом» виде: «городское» зачастую отождествляется с «построенным», из которого исключаются природные компоненты. Кроме того, для отделения визуального восприятия от других воздействий, присущих в реальном окружении (звуки, запахи, перемещение и др.), значительное число исследований проводится с использованием фотографий, слайдов, видео той или иной среды, определяемых как «стимулы».

Исследования, противопоставляющие природное — городскому/построенному, преимущественно опираются на две теории. Согласно теории восстановления внимания (Attention restoration theory — Kaplan, Kaplan, 1989), контакт с природной средой позволяет человеку восстановить ресурсы направленного (произвольного) внимания (directed attention); «восстанавливающий эффект» (restorative effect) природы связывается с ее особыми визуальными характеристиками, которые «мягко захватывают» внимание («soft fascination»), позволяя ему «переключаться» на непроизвольный «режим», т.е. не фокусироваться на определенном стимуле, подавляя другие. Взаимодействие со средой города, наоборот, полагается фактором истощения ресурсов внимания, поскольку обилие информации и необходимость подавлять нерелевантные стимулы предъявляет к направленному вниманию большие требования. Таким образом, центральная роль в этой теории принадлежит вниманию, опосредствующему влияние среды на человека. Если истощение ресурсов внимания (attentional fatigue) способно вызывать импульсивность, раздражительность, неаккуратность, невнимательность к окружающим, невежливость (Franek et al., 2018), то восстановление его ресурсов, достигаемое посредством контакта с природой, обнаруживает связь с такими психологическими эффектами, как снижение стресса (Valtchanov et al., 2010), улучшение эмоционального состояния (Ulrich, 1981), снижение агрессивности (по крайней мере, ее неповышение) (Kuo, Sullivan, 2001).

Еще одним теоретическим основанием, направляющим исследования в рамках сравнительной парадигмы «природное — построенное», является психоэволюционная теория (Psychoevolutionary theory — Ulrich, 1983), в которой полагается, что восприятие той или иной среды вызывает мгновенный, непосредственный аффективный отклик (положительный либо отрицательный), связанный с потенциальной полезностью или опасностью данной среды и вызывающий соответственно реакцию типа приближения или избегания. Мгновенность такого эффекта имеет адаптивное значение в эволюции, поскольку экономит время и силы индивида (Joye, 2007). В данной теории центральная роль отводится непосредственному аффективному отклику:

полагается, что именно он обуславливает дальнейшие психологические эффекты (снижение негативных аффектов, стресса, поддержание внимания и др.).

Исследования, основывающиеся на данных теориях, устойчиво обнаруживают, что восприятие визуальной среды природы и «построенного» окружения ведет к разным эффектам.

В одной из работ (Ulrich, 1981) было показано, что рассматривание слайдов с фотографиями природы связано с большей альфа-активностью мозга, оказывает более благоприятное воздействие на эмоциональный фон по сравнению с «построенным» окружением (рассматривание изображений города усиливало субъективно-оцениваемые эмоции страха и грусти, в то время как рассматривание природы значимо уменьшало страх).

В другом исследовании (Bergman et al., 2008) просмотр фотографий природы приводил к достоверному улучшению объективных показателей произвольного внимания. Изображения природы воспринимались испытуемыми как более «освежающие» и приятные, в целом больше нравились им, однако различий в изменении настроения обнаружено не было.

Проведено исследование (Valtchanov, Ellard, 2015) влияния просмотра фотографий города и природы на показатели зрительного внимания, когнитивной нагрузки и эмоционального отклика (измеренного как оценка «приятности» изображения). Фото природы оказались более приятными, их просмотр был связан с меньшим количеством фиксаций взора и большей их длительностью, с меньшим количеством морганий (что говорит о меньшей когнитивной нагрузке и более расслабленном состоянии воспринимающих). Наоборот, фото города оценены как менее приятные, их просмотр связан с большим числом фиксаций, которые были короче, увеличивалось количество морганий, что свидетельствует о более высокой когнитивной нагрузке.

Изучено влияние просмотра изображений природы и города на оценку респондентами своих жизненных устремлений (Weinstein et al., 2009). В нескольких экспериментах было показано, что в условии предъявления природы (на фото либо в виде комнатных растений) респонденты придавали большую значимость близким отношениям, проявлениям заботы о других, а также общественным связям. Предъявление «построенной» среды приводило к росту значимости эгоистичных ориентаций (достижение славы и богатство). В случае просмотра изображений природы и нахождения в лаборатории, где присутствовали растения, респонденты демонстрировали большую щедрость, измеренную посредством решения задачи на распределение средств: имея возможность распорядиться предложенными финансовыми средствами, они предпочитали поделиться с другим, рискуя не получить выгоды. Исследователи полагают, что природное окружение сокращает социальную дистанцию между людьми, тогда как «построенная» среда ориентирует на большую разобщенность, эгоистичность, ориентацию на собственные интересы. Обобщая подобные факты, некоторые авторы заключают, что взаимодействие с природной средой может способствовать более «психологически здоровому» образу мышления (Valtchanov et al., 2010).

Помимо изображений (слайдов, фотографий), внимание исследователей привлекает такой «стимул», как вид из окна (Tennessen, Cimprich, 1995): студенты, чье окно в комнате общежития выходило на природный ландшафт, демонстрировали лучшие показатели направленного внимания (успешнее справлялись с некоторыми объективными тестами на внимание) и имели более высокую субъективно воспринимаемую внимательность по сравнению с проживающими в комнатах с видом на «построенное» окружение. Различий в эмоциональном состоянии не было обнаружено.

Наличие видимых из окна деревьев оказалось также связанным с меньшим количеством агрессивных и насилиственных актов в отношении близких (Kuo, Sullivan, 2001). Авторы рассматривают особенности внимания (истощенность/восстановление) как медиаторы, опосредствующие связь между видом из окна и уровнем агрессии, и заключают, что даже сравнительно малые «дозы» зелени в видимом окружении могут способствовать меньшему уровню агрессивности.

Р. Ульрих (Ulrich, 1984) обнаружил, что вид из окна может влиять также на физическое состояние индивида. Послеоперационные пациенты, пребывавшие в палатах с видом на природу, показывали более короткий период восстановления, меньшую потребность в обезболивании по сравнению с теми, у кого окно выходило на кирпичную стену.

Ульрих с коллегами (Ulrich et al., 2003) также исследовали влияние видео природы или города на стресс доноров крови. Телевизионные видеозаписи демонстрировались в комнатах ожидания и процедурных кабинетах. Частота пульса у доноров оказалась значимо меньшей в условии просмотра природы, хотя существенных различий в показаниях кровяного давления и субъективно оцененного эмоционального состояния не обнаружено.

Исследования, сравнивающие восприятие природного и «построенного» окружения, убедительно показывают их различные психологические эффекты. Природа оказывается более благоприятной для воспринимающего. Однако некоторые авторы выражают сомнения в таких выводах. Основное критическое замечание (Hidalgo et al., 2006; Joye, 2007; Karmanov, Hamel, 2008) заключается в том, что типичными стимулами, иллюстрирующими «построенное»/городское окружение, являются коммерческие здания, дороги, индустриальные районы, современные постройки с достаточно бедными характеристиками архитектурной формы, хотя в городах существуют более привлекательные места и объекты.

Ряд авторов считают, что городское окружение также способно оказывать положительное воздействие на воспринимающих (Galindo, Hidalgo, 2005; Karmanov, Hamel, 2008; White et al., 2010), а определенные городские пространства могут даже превосходить природу по своему «восстановительному потенциалу» (Hidalgo et al., 2006). Так, согласно результатам работы К. Идалго и коллег (*Ibid.*), наиболее привлекательные городские места оказались по уровню «воспринимаемой восстановительности» сравнимы с природой. Авторы полагают, что если данный вывод получит дальнейшее подтвержде-

ние, то сложившееся противопоставление «восстановительная природа — стрессогенный город» может оказаться несостоительным (Ibid., p. 131).

Другие авторы (Karmanov, Hamel, 2008) также попытались доказать, что хорошее городское окружение способно оказывать благоприятные эффекты. Для этого они использовали видеозаписи природы и города, представленного высококачественной архитектурной средой. Испытуемые-студенты предположительно находились в состоянии стресса в связи с предшествовавшей пересдачей экзамена. Авторами было показано, что «хорошо спроектированная и привлекательная городская среда способна снимать стресс и поднимать настроение не хуже природной» (Ibid., p. 122): просмотр видеозаписи города наравне с природой значимо снижал субъективные показатели злости, приводил к снижению напряжения. При этом просмотр видео природы дополнительно приводил к снижению показателей депрессии.

В описанном исследовании демонстрируемая среда города включала водные компоненты, являющиеся важным атрибутом природы (White et al., 2010), следовательно, полученные результаты скорее выявляют благоприятность природных компонентов городского окружения, нежели характеристики «построенной» среды как таковой.

Ту же тенденцию — включение элементов природы в «городские стимулы» — можно проследить в работе М. Франека с соавт. (Franek et al., 2019), сравнивавших особенности глазодвигательной активности испытуемых при рассматривании «современного», лишенного зелени города, и «старого» с явным присутствием растительности и воды¹. Изображения «старого» города оказались связаны с большим субъективно-воспринимаемым «восстановительным потенциалом», его рассматривание характеризовалось движениями глаз, свидетельствующими о меньшей когнитивной нагрузке испытуемых.

Итак, в некоторых работах фактор «природности» городских видов не всегда четко эксплицирован, в результате «хорошее» городское окружение оказывается на поверхку окружением, включающим элементы природы, и можно полагать, что его благоприятность обусловлена скорее ими, а не особенностями «построенного».

М. Уайт с соавт. (White et al., 2010) специально исследовали, как разные соотношения озеленения и воды на изображении могут влиять на предпочтения и эмоции респондентов. Виды городской среды с включением элементов озеленения оказались более предпочтительными, вызывали более положительные эмоции по сравнению с «построенным» окружением без растительности. Причем чем большей была доля зелени на фотографии города, тем более выраженным оказался положительный эффект. Наличие воды в городском изображении оказалось более предпочтительным и связанным с положительными эмоциями, чем наличие зелени. «Построенная» среда,

¹ Помимо разных типов городской среды, в описываемом исследовании использованы также виды природы, обнаружившие наибольшую воспринимаемую «восстановительность» и наименьшую когнитивную нагрузку.

содержащая водные поверхности, в целом была оценена столь же положительно, как и полностью зеленый ландшафт (Ibid., p. 482).

Изучение эффектов присутствия природы в «построенном» городском окружении можно считать расширением описанной выше парадигмы «природное — построенное» на внутригородскую реальность. Подобные работы показывают, что наличие элементов природы в городском окружении обуславливает те же благоприятные эффекты, что и природа как таковая.

Согласно логике эволюционного объяснения, среда тем менее благоприятна, чем более она отличается от привычного природного окружения, в отношении которого эволюционно вырабатывались аффективные реакции (в частности, положительные реакции как индикаторы безопасности — Ulrich, 1983) и другие психические особенности человека. Описанные результаты действительно демонстрируют устойчивое предпочтение природной среды, хотя не обнаружено достаточных оснований утверждать, что все «построенное» неблагоприятно и неприятно для человека. Очевидно, разные виды «построенной» среды способны существенно различаться по своим психологическим эффектам.

Восприятие разных видов «построенной» среды

Немногочисленные исследования, сравнивающие разные типы «построенной» среды города, обнаруживают, что различные места и сооружения вызывают различную реакцию у людей. Для разделения типов «построенной» среды используется целый ряд оснований: стилевые особенности, цветовое решение, масштаб и др. Поиск единого основания классификации остается довольно затруднительным.

В последнее время ученые указывают на существенный потенциал «биофилической» архитектуры, подразумевающей имитацию природных форм в «построенной» среде, в частности, создание архитектурных объектов по принципам фрактального формообразования, присущего живой природе (Joye, 2007). Полагается, что «природоподобные» объекты могут оказывать благоприятный эффект, сравнимый с настоящей природой. Авторы одной из работ (Coburn et al., 2019), тестирующих идею биофилии, установили, что воспринимаемая «природность» архитектуры (в том числе интерьеров) связана с ее предпочтением. Однако вопрос о психологических эффектах «природоподобных» сооружений остается малоизученным, несмотря на растущее число зданий, построенных по этому принципу.

Ван ден Берг с соавт. (Van den Berg et al., 2016) предположили, что положительные реакции наблюдателей способны вызывать такие качества окружения, как визуальная сложность и фрактальная геометрия. В их исследовании сравнивались здания, различающиеся по количеству деталей и степени орнаментации. Здания с большим количеством деталей и украшенные орнаментом рассматривались испытуемыми дольше и оценивались как более способствующие восстановлению. Авторы заключают, что характеристики природы, обуславливающие благотворное влияние на человека («мягкий захват»

внимания и «восстановительный потенциал»), могут быть воплощены в городской застройке с достаточно богатой орнаментацией и детализированной.

В другом исследовании (Lindal, Hartig, 2013) использовались искусственно сгенерированные изображения зданий, различающихся этажностью, силуэтом и орнаментацией поверхности. Среда с большей композиционной сложностью и меньшей этажностью воспринимались респондентами как более «восстановительная».

Помимо формальных характеристик сооружений, исследуются также их воспринимаемые эстетические качества и предпочтения респондентов. Большинство таких исследований используют техники субъективных самоотчетов. Часто их теоретической основой выступают положения экспериментальной эстетики (Berlyne, 1971). Психологические эффекты восприятия (улучшение показателей внимания, снижение стресса и др.) в таких исследованиях не всегда явно прослеживаются. Вероятно, основной эффект взаимодействия с окружением, воспринимаемым как эстетичное, проявляется в улучшении эмоционального состояния, что подтверждается, например, в работе М. Галиндо и Х. Родригеса (Galindo, Rodriguez, 2000). Исследовав общее эстетическое предпочтение и различные эмоции при предъявлении фотографий публичных мест города, они обнаружили связь эмоций (удовольствия и возбуждения) и эстетического предпочтения. Полагается также, что восприятие эстетичной среды связано с субъективным благополучием наблюдателя (Galindo, Hidalgo, 2005, р. 19).

К описанному направлению можно отнести работы М. Галиндо и К. Идальго (Galindo, Hidalgo, 2005), К. Идальго с соавт. (Hidalgo et al., 2006), в которых респондентам предлагалось перечислить самые визуально привлекательные и непривлекательные места города и оценить их по ряду переменных (предпочтительность, «эстетические параметры», «воспринимаемая восстановительность»). Наиболее привлекательными оказались историко-культурные, рекреационные (Galindo, Hidalgo, 2005) и видовые (Hidalgo et al., 2006) места, самыми непривлекательными — жилые, индустриальные (Galindo, Hidalgo, 2005) и административные районы (Hidalgo et al., 2006).

Итак, исследования, сопоставляющие разные типы «построенной» среды, обнаруживают ряд визуальных характеристик, способных вызывать положительные психологические эффекты: орнаментация и детализировка, разнообразие, невысокая этажность ведут к восприятию среды как более потенциально «восстановительной»; визуальная сложность и организация среды связаны с улучшением эмоционального состояния. Историко-культурные, рекреационные и видовые места могут способствовать большему благополучию, обуславливать более положительный эмоциональный фон восприятия.

Восприятие разных видов природной среды

Природное окружение также характеризуется визуальной разнородностью. Далеко не любой природный ландшафт может быть благоприятным для человека. Эффекты восприятия природного окружения исследуются преимущественно

на средах, включающих наличие растительности и водных поверхностей в наиболее благоприятных условиях теплого, «зеленого» периода.

В упомянутом исследовании Ван ден Берг с соавт. (Van den Berg et al., 2016) сравнивались разные виды природного окружения. Обнаружено, что сцены, изображавшие верхушки деревьев и лес, рассматривались дольше (что интерпретировано как показатель «мягкого захвата» внимания) и оценивались испытуемыми как более «восстановительные», чем сцены, изображающие кустарники и поля (Ibid., p. 400).

Исследования демонстрируют благоприятное воздействие водных поверхностей на воспринимающего (White et al., 2010), в некоторых случаях — более благоприятное по сравнению с растительностью (Ulrich, 1981). Однако водоемы также различаются по своим характеристикам и эффектам. В одном из исследований горные водные пейзажи оказались наиболее предпочтаемы (найдена их связь с такими характеристиками, как чистота и свежесть), в то время как болотистые места (особенно застойные заводы) предпочтительнее были (Herzog, 1985).

Кроме того, одна и та же среда, взятая в разные сезоны, может выглядеть по-разному, эффекты ее восприятия могут существенно различаться. Данному факту уделяется совсем немного исследовательского внимания. Изучалась глазодвигательная активность респондентов при рассматривании фотографий леса в разные сезоны: с листвой и без нее, а также изображений города (Franek et al., 2019). Восприятие изображений «зеленого» леса оказалось связано с меньшей когнитивной нагрузкой по сравнению с видами леса опавшего (индикатором послужило меньшее количество фиксаций в первом случае). При этом опавший лес характеризовался более благоприятным воздействием, чем построенное окружение, хотя отсутствие листвы и снижало его эффект.

«Восходящие» и «нисходящие» процессы в восприятии разных видов среды

В большинстве рассмотренных работ присутствует тенденция усматривать причину тех или иных психологических эффектов восприятия (улучшения внимания, снижения стресса и др.) в объективных характеристиках окружения, представленных фрактальностью, орнаментацией, пропорцией природного и «построенного» и др. Но влияние среды на человека не является односторонним: широкий спектр субъективных факторов, идущих от личности, может вносить не меньший вклад. Степень знакомства окружения, смысловые коннотации его восприятия, личный опыт взаимодействия, воспринимаемая возможность удовлетворения актуальных потребностей или реализации ценностей в нем могут существенно влиять на эффекты его восприятия.

Для обозначения различия между объективными и субъективными факторами целесообразно опираться на представление о «восходящих» и «нисходящих» процессах в зрительном восприятии. «Восходящие» процессы управляются физическими параметрами стимула, его «низкоуровневыми» визуальными

характеристиками (Kardan et al., 2015) – относительно простыми, измеримыми визуальными качествами (Coburn et al., 2019). Можно полагать, что большая часть современных исследований сконцентрирована на выявлении именно «восходящих» эффектов восприятия среды. «Нисходящие процессы», напротив, не могут быть объяснены низкоуровневыми характеристиками стимула (Kardan et al., 2015), определяются знаниями, ожиданиями человека, его состоянием, прошлым опытом, установками, влиянием его личности вообще. Соответственно, «высокоуровневые» качества понимаются, прежде всего, как семантические особенности воспринимаемой среды (Coburn et al., 2019). Оба процесса взаимосвязаны и присутствуют в визуальном восприятии совместно, хотя в ряде случаев можно говорить о превалировании того или другого (в зависимости от особенностей эксперимента).

Изучение визуальной среды города, как и природы, подразумевает использование такого стимульного материала, который заведомо небезразличен для воспринимающего, имеет социокультурное значение и личностный смысл, практически неустранимый в экспериментальных процедурах. Часто такие нисходящие влияния вообще не учитываются, но некоторые исследования специально нацелены на их раскрытие, для чего применяются психосемантические, проективные, психометрические техники. При исследовании высокоровневых факторов психологическим эффектом восприятия среды является эмоциональная валентность смысловых коннотаций образа, его способность обуславливать эмоциональный «фон» восприятия, эмоциональное состояние воспринимающего.

Работ, посвященных изучению нисходящих факторов восприятия среды, сравнительно немного. В исследовании И.В. Воробьевой и О.В. Кружковой (2012) в ответ на предъявляемые фотографии разных типов «построенной» среды («хрущевки», старинные дома, бараки, здания в стиле «хай-тек» и др.) респондентам предлагалось «придумать рассказ о том, что, по их мнению, может произойти» в них (Воробьева, Кружкова, 2012, с. 148). Также авторы использовали цветовой тест М. Люшера. Были выявлены принципиальные различия смысловых характеристик восприятия разных типов застройки. Наиболее положительно воспринимаемые исторические дома обнаружили ассоциации с историей, культурой, вызывали у испытуемых восхищение, чувство гордости, радости. Самыми негативно воспринимаемыми оказались «хрущевки» и «бараки». Первые ассоциировались с застоем, советским прошлым, обыденностью, скучой, печалью, одиночеством и др., а «бараки», находящиеся в состоянии упадка, вызывали ассоциации, связанные со страхом смерти, актуализировали негативные эмоциональные переживания (ужас, омерзение, панику), вызывали стремление снести такие здания или дистанцироваться от них.

Проведено исследование смысловых аспектов восприятия разных мест в городе (Galindo, Hidalgo, 2005). Авторы считают воспринимаемую функцию и историческую значимость места определяющими для эстетической оценки. В другом исследовании (Gjerde, 2010) главным аспектом смыслового восприятия городского окружения становится характер использования места – предположение

воспринимающего о том, какая активность могла бы в нем происходить, если бы он сам мог в ней участвовать. Респонденты воспринимали более положительно такие здания/места, которые имели свободный доступ к партеру (этажу на уровне улицы), допускавший осуществление публичной активности.

Был рассмотрен еще один нисходящий фактор, связанный с чувством принадлежности к городу (Hidalgo et al., 2006). Респонденты с выраженным чувством принадлежности оценивали разные места города (и привлекательные, и непривлекательные) как более «восстановительные» и эстетичные.

В упоминавшемся исследовании Д. Карманова и Р. Хамеля (Karmanov, Hamel, 2008) изучался эффект добавления информации к образу воспринимаемой среды с целью усиления впечатления. Добавление культурной и исторической информации в видео природы и города делало их более интересными и привлекательными для респондентов.

Помимо разных вариантов смысловой наполненности восприятия среды и установок по отношению к ней, важным нисходящим фактором является изначальное состояние испытуемых: от того, находятся ли они в стрессе и имеют потребность в созерцании чего-то спокойного либо испытывают хронический недостаток впечатлений и имеют потребность в большом количестве стимулов, зависят эффекты восприятия разных видов среды. Отмечено, что вид из окна оживленного города может быть более «восстановительным» (по сравнению с видами обычной природы) для человека, постоянно недополучающего необходимое количество стимулов (Ulrich, 1983, р. 116). В некоторых работах намеренно исследуются испытуемые, находящиеся в состоянии стресса (Karmanov, Hamel, 2008), либо их подвергают стресс-индуцирующему (Valtchanov et al., 2010) или утомляющему (Bergman et al., 2008) воздействию перед просмотром той или иной среды, однако не всегда группы «утомленных» и «неутомленных», находящихся и не находящихся в стрессе, сравниваются между собой по эффектам восприятия, поэтому до сих пор мало известно о том, как именно влияет изначальное состояние на эти эффекты.

В ряде исследований некоторые потенциально нисходящие факторы используются для описания выборки, но впоследствии не анализируются. Были обнаружены предпочтения испытуемых в отношении места проживания (хотели бы они жить в преимущественно морском, «зеленом» или городском окружении) (White et al., 2010). Большая часть респондентов оказалась жителями прибрежного города и предпочли бы жить в месте, где много воды, что могло повлиять на полученные результаты. В другом исследовании (Van den Berg et al., 2016) испытуемых спрашивали, считают ли они себя скорее «природным» («nature person»), «городским» («city person») человеком или тем и другим понемногу. К «природным» себя отнесли 52% опрошенных. Хотя по данному параметру далее они не сравнивались, можно полагать, что превалирование «природных людей» в выборке могло обусловить более положительное восприятие видов природы. П. Линдаль и Т. Хартиг (Lindal, Hartig, 2013) просили испытуемых оценить степень знакомства с местами, подобными тем (искусственно сгенерированным), что предъявлялись в ходе эксперимента. Узнаваемость оказалась довольно низкой, что могло занизить показатели

воспринимаемого потенциала восстановления и предпочтения предъявленных мест. Часто в работах, не рассматривающих влияние нисходящих факторов, их возможное вмешательство упоминается в обсуждении результатов (Ulrich, 1983; Galindo, Rodriguez, 2000).

Обобщая рассмотренные исследования, можно выделить три группы нисходящих факторов восприятия среды. Первая объединяет смысловые характеристики образа воспринимаемой среды: что значит для воспринимающего то или иное окружение, с какими смыслами и значениями ассоциируется, в частности, какой функцией наделяется, какими знаниями об окружении обладает человек. Вторая включает установки в отношении среды: опыт взаимодействия, уровень привязанности к ней, соответствие среды ценностям респондента. В третью группу входит исходное состояние респондентов: находятся ли они в состоянии стресса, утомления или им скучно, есть ли потребность в снижении стресса и восстановлении или, наоборот, в сильной стимуляции.

На сегодняшний день лишь некоторые авторы обращают внимание на различие восходящих и нисходящих факторов восприятия среды. О. Кардан с соавт. (Kardan et al., 2015), специально тестировавшие вклад низкоуровневых и высокоуровневых параметров в оценку стимула, обнаружили значимую роль как восходящих, так и нисходящих процессов, что подтверждает необходимость учитывать оба при анализе эффектов восприятия окружения.

Проведенный обзор позволяет систематизировать факты влияния восприятия среды на человека по двум основаниям (таблица 1): объективному (природная и «построенная» среда) и субъективному (восходящие и нисходящие процессы восприятия). Четыре класса визуальных факторов и эффектов позволяют охватить весь спектр влияний визуальной среды на человека с учетом характера среды и особенностей ее восприятия.

Объективные и субъективные методы исследования психологических эффектов восприятия среды

Особенности методов, используемых для сбора данных в ходе научного исследования, обусловливают качество и надежность получаемых результатов. Для составления более полной систематизации данных о влиянии визуального восприятия на психику представляется обоснованным учитывать также характер методов исследования: объективный либо субъективный. На такое различие методов, вплоть до несовпадения их результатов, обращают внимание многие исследователи. Например, известно, что снижение стресса по результатам субъективных самоотчетов испытуемых происходит намного раньше, чем объективно фиксируется физиологическими измерениями (Kartmanov, Hamel, 2008).

Субъективный либо объективный характер методов, используемых для измерения характеристик стимула (высокоуровневых и низкоуровневых) и эффекта, позволяет провести еще одну систематизацию данных о влиянии восприятия среды на человека (таблица 2).

Таблица 1

**Факторы и эффекты визуального восприятия природной и «построенной» среды
в зависимости от типа восприятия**

Процессы восприятия	Объективные характеристики среды	
	Природное окружение	«Построенное» окружение
Восходящие процессы	<p><i>Недифференцированные визуальные характеристики природы (содержание):</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • большая альфа-активность мозга (Ulrich, 1981) • более низкий пульс (Ulrich et al., 2003) • уменьшение субъективно-оцененного страха (Ulrich, 1981), злости, напряжения, депрессии (Karmanov, Hamel, 2008) • улучшение объективных показателей направленного внимания (Berman et al., 2008; Kuo, Sullivan, 2001; Tennessen, Cimprich, 1995) • более высоко оцененная субъективно-воспринимаемая внимательность (Tennessen, Cimprich, 1995) • меньшее количество агрессивных и насилийственных актов в отношении близких (Kuo, Sullivan, 2001) • большая ценность контактов с другими людьми и с обществом (Weinstein et al., 2009) • большая щедрость (Weinstein et al., 2009) • более короткий период восстановления организма, меньшая потребность в обезболивании (Ulrich, 1984) <p><i>Фрактальная размерность:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • меньшая когнитивная нагрузка (Franek et al., 2019) 	<p><i>Недифференцированные визуальные характеристики «построенного» (содержание):</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • меньшая альфа-активность мозга (Ulrich, 1981) • более высокий пульс (Ulrich et al., 2003) • усиление субъективно-оцененного страха и грусти (Ulrich, 1981) • более низко оцененная субъективно-воспринимаемая внимательность (Ulrich, 1981; Tennessen, Cimprich, 1995) • более низкие объективные показатели направленного внимания (Tennessen, Cimprich, 1995; Kuo, Sullivan, 2001) • большее количество агрессивных и насилийственных актов в отношении близких (Kuo, Sullivan, 2001) • большая значимость эгоистичных ценностей (славы и богатства) (Weinstein et al., 2009) • меньшая щедрость (Weinstein et al., 2009) • более длительный период восстановления организма, большая потребность в обезболивании (Ulrich, 1984) <p><i>Наличие элементов природы (содержание):</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • меньшая когнитивная нагрузка (Franek et al., 2018) • более положительные эмоции (White et al., 2010) • снижение субъективных показателей злости и напряжения (Karmanov, Hamel, 2008) <p><i>Фрактальность, орнаментация, сложность, этажность:</i> нет данных</p>
Нисходящие процессы	<p><i>Воспринимаемые смысловые характеристики окружения:</i> нет данных</p> <p><i>Установки наблюдателя (привязанность к месту и др.):</i> нет данных</p> <p><i>Изначальное состояние наблюдателя (стресс, недостимуляция и др.) и соответствующие потребности:</i> нет данных</p>	<p><i>Культурно-исторические коннотации:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • положительные эмоции (Воробьева, Кружкова, 2012) <p><i>Установки наблюдателя (привязанность к месту и др.):</i> нет данных</p> <p><i>Изначальное состояние наблюдателя (стресс, недостимуляция и др.) и соответствующие потребности:</i> нет данных</p>

Примечание. Курсивом выделены факторы, обуславливающие соответствующие эффекты (для тех случаев, где такая связь описана). Так же обозначены потенциально значимые факторы, для которых данные об эффектах не обнаружены.

К объективным измерениям эффектов восприятия (3) можно отнести психо-физиологические техники, методики объективной диагностики когнитивных процессов (внимания, памяти, восприятия) и поведения. К этой же категории относятся измерение биохимических показателей, фиксация пространственного

Таблица 2

Методы исследования факторов и эффектов визуального восприятия среды

Методы	Стимул	Эффект
Низкоуровневые характеристики (восходящие процессы восприятия)	<p>(1)</p> <ul style="list-style-type: none"> вычисление показателя фрактальности изображения (Hagerhall et al., 2004; Coburn et al., 2019; Franek et al., 2019) варьирование пространственных частот (Valchanov, Ellard, 2015) вычисление показателя энтропии изображения (Lindal, Hartig, 2013; Coburn et al., 2019) варьирование количества этажей (Lindal, Hartig, 2013) вычисление показателя плотности краев (edge density) (Kardan et al., 2015) вычисление контрастности изображения (Coburn et al., 2019) 	<p>(2)</p> <ul style="list-style-type: none"> высококуровневые характеристики (ниходящие процессы восприятия) проективные техники (Воробьева, Кружкова, 2012) психосемантические техники (Воробьева, Кружкова, 2012) сбор данных об особенностях среды длительного проживания (White et al., 2010) исследование знакомости среды (Lindal, Hartig, 2013) выявление предпочтений в отношении разных типов среды (White et al., 2010; Van den Berg et al., 2016) исследование чувства принадлежности к данному месту (Hidalgo et al., 2006) психофизиологические, биохимические измерения и объективные измерения когнитивных функций как способы регистрации изначального состояния испытуемых <p>(3)</p> <ul style="list-style-type: none"> измерение кожно-гальванической реакции (Valchanov, Ellard, 2015) электроэнцефалография (Ulrich, 1981) измерение частоты сердечных сокращений/пульса (Ulrich, 1981; Ulrich et al., 2003) измерение артериального давления (Ulrich et al., 2003) тест повторения знаков в прямом и обратном порядке (digit span test forward/backward) (Tennessen, Cimprich, 1995; Berman et al., 2008) тест систем внимания (attention network test) (Berman et al., 2008) исследование глазодвигательной активности (Franek et al., 2018; Franek et al., 2019) задачи на «распределение средств» («funds distribution» task) (Weinstein et al., 2009) измерение реакции выбора (предпочтения) (Galindo, Rodriguez, 2000; Lindal, Hartig, 2013; Kardan et al., 2015; Valchanov, Ellard, 2015; Coburn et al., 2019)
Объективное измерение	<p>(4)</p> <ul style="list-style-type: none"> исследование воспринимаемой сложности среды (Lindal, Hartig, 2013; Van den Berg et al., 2016) исследование восприимаемой закрытости/открытии среды (Lindal, Hartig, 2013) исследование воспринимаемой восстановительности среды (received restorativeness, restoration likelihood) (Berto, 2005; Galindo, Hidalgo, 2005; Hidalgo et al., 2006) 	<p>(5)</p> <ul style="list-style-type: none"> исследование субъективно оцененных эмоциональных состояний, субъективно воспринимаемой внимательности <p>(6)</p> <ul style="list-style-type: none"> шкала индивидуальных реакций Цукермана (Zuckerman's Inventory of Personal Reactions, ZIERS) шкала настроений (Profile of Mood States – POMS) (Tennessen, Cimprich, 1995; Kuo, Sullivan, 2001; Karmanov, Hamel, 2008) исследование субъективно-оценываемой внимательности (Attentional Function Index) (Tennessen, Cimprich, 1995) (Ulrich et al., 2003; Valchanov et al., 2010) желание посетить данное место (White et al., 2010) готовность платить определенную сумму за комнату в отеле с данным видом (White et al., 2010)
Субъективное измерение		

поведения, не представленные в рассмотренных работах. К методам субъективной оценки эффектов восприятия среды (6) можно отнести самоотчеты испытуемых о состоянии по одномерным или многомерным шкалам, а также субъективно оцениваемое возможное поведение в отношении среды.

К объективным методам исследования низкоуровневых параметров (связанных с восходящим процессом) (1) следует отнести техники измерения физических характеристик изображений. Измерение воспринимаемых низкоуровневых характеристик стимула с точки зрения того, как их оценивает испытуемый, может быть отнесено к субъективным мерам измерения данности стимула (4). С определенными оговорками сюда можно отнести «воспринимаемую восстановительность», или «восстановительный потенциал» окружения (*perceived restorativeness, restoration likelihood*)².

К объективным методам исследования нисходящих факторов восприятия среды (2) можно отнести техники изучения смыслового содержания восприятия, методики сбора биографических данных, способных обуславливать установку в отношении среды, а также методы фактической регистрации изначального состояния испытуемых. Проективные и психосемантические техники могут быть отнесены к классу объективных, поскольку минимизируют осознанный, рационализированный вклад испытуемых в получаемые данные. К субъективным методам измерения нисходящих факторов восприятия стимула (5) относятся самоотчеты испытуемого в ответ на прямые вопросы.

² Данный параметр часто измеряется с помощью опросника (Perceived Restorativeness Scale, PRS (Berto, 2005; Galindo, Hidalgo, 2005; Hidalgo et al., 2006), оценивающего ряд факторов, способствующих восстановлению, согласно теории восстановления внимания (Kaplan, 1995). Как правило, таких факторов четыре: способность среды «мягко захватывать» непроизвольное внимание воспринимающего (*fascination/soft fascination*) благодаря некоторым визуальным характеристикам; «отдаленность от повседневности» (*being away*) и ежедневных задач, которые требуют напряжения направленного внимания; степень/достаточность (*extent*) окружения, его достаточная «количественная» выраженность, богатство и гармоничность; согласованность (*compatibility*) между окружением и целями индивида, его намерением осуществлять определенную деятельность в данной среде (Berman et al., 2008). Разнородность шкал, составляющих данный инструмент, не позволяет однозначно отнести его к одному из классов в предложенной классификации: «захват» и «достаточность» имеют отношение скорее к отраженным низкоуровневым характеристикам самой среды, а «согласованность» и «отдаленность» можно рассматривать как высокоуровневые параметры, поскольку первая зависит от текущих потребностей индивида, могущих определять его восприятие (но о том, что именно это за потребности, она не сообщает), а вторая связана не только с физической удаленностью от привычного окружения, но и с возможностью его переживания по-новому (Kaplan, 1995, р. 173), следовательно, обнаруживает некий смысл, вкладываемый субъектом в восприятие среды. В большинстве исследований используется объединенный показатель «восстановительности», который оценивает скорее окружение, чем отклик воспринимающего. Поскольку он не отражает действительных потребностей наблюдателя (испытывает ли он желание отдалиться от текущего привычного окружения, какую именно деятельность в среде он хочет осуществлять), говорить о диагностике нисходящих влияний в данном случае нельзя.

Выводы

Проведенный обзор исследований позволил охватить многочисленные факты влияния визуально-воспринимаемого окружения на психическое функционирование личности и создать целостное представление о таком влиянии. Предложено классифицировать выявляемые факты на основании разделения восходящих и нисходящих процессов восприятия в совокупности с делением среды на природную и «построенную», с учетом характера используемых методов: субъективных либо объективных.

Данное исследование позволяет установить некоторые особенности изучения психологических эффектов визуального восприятия окружения в современной психологии среды.

Во-первых, существенное количество работ в рассматриваемой области обнаруживает более благоприятные эффекты восприятия природы по сравнению с «построенной» средой, хотя, по мнению некоторых авторов, качественная городская среда может не уступать природе (Karmanov, Hamel, 2008), а то и превосходить ее (Hidalgo et al., 2006) по уровню благоприятного влияния на человека. Также в существующих работах подтверждается благоприятный эффект наличия природных компонентов в городской среде.

Во-вторых, большое число исследований посвящено восстановлению внимания, а также восстановлению после стресса и аффективному восстановлению. Данное направление научного поиска отвечает общественному запросу, поскольку жизнь в современном крупном городе зачастую связана с информационной перегрузкой, со множеством стресс-факторов. Согласно существующей статистике, проявления стресса выражены у подавляющего числа обследованных жителей США и Великобритании (American Psychological Association, 2017; Mental Health Foundation, 2018), и изучение «восстановительных» качеств среды направляет поиск таких средовых факторов, которые могут способствовать возврату человека к норме либо профилактике истощения и стресса. Множеством исследований подтверждается восстановительный потенциал природного окружения. Не прекращается также поиск «восстановительных» факторов «построенной» среды. Однако, на наш взгляд, «восстановительность» окружения не исчерпывает его возможных положительных влияний на человека: существуют иные потребности в отношении среды, следовательно, иные причины ее благоприятных эффектов. Например, потребность в эстетических переживаниях, во взаимодействии с уникальными, значимыми местами и сооружениями, способными оказывать влияние, выходящее за рамки «восстановления». Психологические исследования «невосстановительных» эффектов среды встречаются реже, психологические эффекты в них не сформулированы достаточно четко и требуют дальнейшего изучения. Поиск благоприятных эффектов восприятия среды за пределами восстановления важен в целях создания в городах уникальных, культурно значимых сооружений, представляющих эстетическую ценность.

В-третьих, существует множество свидетельств того, что нисходящие факторы восприятия — значения и смыслы воспринимаемой среды, установки,

состояния субъекта — могут оказывать существенное влияние на эффекты восприятия окружения. При этом большинство современных исследований ориентировано на выявление «восходящих» влияний — предметных, физических качеств среды (фрактальная структура, сложность, открытость, этажность, детализировка и др.). Анализ смыслового содержания восприятия, как правило, упускается. Такой подход может приводить к редуцированной интерпретации получаемых психологических эффектов в терминах параметров объективного стимула (Galindo, Rodriguez, 2000).

Совместное действие восходящих и нисходящих факторов существенно усложняет выявление истинных причин обнаруживаемых эффектов восприятия среды. Однако учет важной роли тех и других позволяет обозначить два направления повышения качества городской среды: за счет модификации объективных, низкоуровневых параметров окружения (увеличение визуального разнообразия архитектуры, добавление природных или «природоподобных» элементов) и посредством изменения субъективных, высокоуровневых факторов (развитие культурно-исторической и территориальной осведомленности, усиление идентичности с местом и др.).

Литература

- Воробьева, И. В., Кружкова О. В. (2012). *Психология городской среды*: монография. Екатеринбург: Изд-во РГППУ.
- Габидуллина, С. Э. (2012). *Психология городской среды*. М.: Смысл.
- Журавлев, А. Л., Купрейченко, А. Б. (2012). Психологическое и социально-психологическое пространство личности: теоретические основания исследования. *Знание. Понимание. Умение*, 2, 10–18.
- Круусвалл, Ю. (1983). Единый мир – единая среда. В кн. Т. Нийт, М. Хейдметс, Ю. Круусвалл (ред.), *Психология и архитектура* (ч. 1, с. 81–83). Таллин: ТПИ.
- Курпатов, А. В. (2013). *Психология большого города: краткий курс*. Ростов-на-Дону: Феникс.
- Милграм, С. (2000). *Эксперимент в социальной психологии*. СПб.: Питер.
- Нартова-Бочавер, С. К. (2005). *Психологическое пространство личности*: монография. М.: Прометей.
- Смолова, Л. В. (2008). *Введение в психологию взаимодействия с окружающей средой*. СПб.: Речь.
- Соловьева, Е. А. (2007). Психосемиотический подход в средовой психологии. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения*, 3, 330–336.
- Филин, В. А. (2002). Визуальная среда как социальный фактор. *Глаз*, 3, 9–12.
- Штейнбах, Х. Э., Еленский, В. И. (2004). *Психология жизненного пространства*. СПб.: Речь.
- Эллард, К. (2016). *Среда обитания. Как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие*. М.: Альпина паблишер. <https://books.google.ru/books?id=POYfDQAAQBAJ&pg=PT2&hl=ru>

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References после англоязычного блока.

Капцевич Ольга Александровна — старший преподаватель, департамент психологии и образования, Дальневосточный федеральный университет, кандидат психологических наук.

Сфера интересов: психология окружающей среды, когнитивная психология, экспериментальная психология.

Контакты: kaptcevich. oa@dvfu.ru

Psychological Effects of Urban Environment Visual Perception: A Systematic Review

O.A. Kaptsevich^a

^aFar Eastern Federal University, 8 Sukhanov Str., Vladivostok, 690091, Russian Federation

Abstract

The article aims to summarize results of existing empirical research revealing psychological effects of human interaction with different kinds of visual environment found in modern cities. Analysis of research carried out in the field of Environmental Psychology over the past 50 years allows us to make a number of generalizations. Firstly, a large number of comparative studies reveal more favorable influence of nature perception compared to the built environment perception. Such influence is manifested in the cognitive, affective, personal and interpersonal domains. Secondly, the evidence is summarized that different types of built environment can also cause different psychological effects: buildings with elements of ornamentation and detailing, low-rise, imitating nature, evoking historical semantic connotations, can have a favorable effect on the emotional and cognitive domain of the perceiver. Thirdly, a large number of studies are aimed at identifying the restorative potential of different environments: environmental factors of attentional, affective restoration and stress-recovery are studied. Positive effects of visual environment beyond restoration are less studied. Fourth, most modern research is focused on identifying bottom-up factors of the environment perception – objective physical qualities of environment (detailing, number of floors, fractal structure, complexity, openness, etc.). At the same time, the role of top-down influences – semantic characteristics of the perceived environment, the attitudes of the observer and his initial state, which can have a significant impact on the effects of environment perception, is often overlooked. The importance of taking into account the joint action of bottom-up and top-down factors in understanding the true causes of the detected effects of environment perception is indicated. The analysis made it possible to systematize a wide range of influences of the visual environment of the city on psychological characteristics of a person. It is proposed to classify all the facts under consideration on several bases: objective (physical characteristics of the environment: natural and built environment), subjective (specifics of the subject's perception of environment: bottom-up and top-down processes) and methodological (objective and subjective methods of obtaining the data). Possible ways of improving visual environment of the city in the direction of its more favorable impact on psychological functioning of the individual are outlined.

Keywords: environmental psychology, urban visual environment, natural visual environment, visual perception, urbanism.

References

- American Psychological Association. (2017, November 1). Stress in America: The state of our nation. 2017. <https://www.apa.org/news/press/releases/stress/2017/state-nation.pdf>
- Berlyne, D. E. (1971). *Aesthetics and psychobiology*. New York, NY: Appleton-Century-Crofts.

- Berman, M. G., Jonides, J., & Kaplan, S. (2008). The cognitive benefits of interacting with nature. *Psychological Science*, 19(12), 1207–1212. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2008.02225.x>
- Berto, R. (2005). Exposure to restorative environments helps restore attentional capacity. *Journal of Environmental Psychology*, 25(3), 249–259. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2005.07.001>
- Coburn, A., Kardan, O., Kotabe, H., Steinberg, J., Hout, M. C., Robbins, A., MacDonald, J., Hayn-Leichsenring, G., & Berman, M. G. (2019). Psychological responses to natural patterns in architecture. *Journal of Environmental Psychology*, 62, 133–145. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2019.02.007>
- Doxey, J. S., Waliczek, T. M., & Zajicek, J. M. (2009). The impact of interior plants in university classrooms on student course performance and on student perceptions of the course and instructor. *HortScience*, 44(2), 384–391. <https://doi.org/10.21273/HORTSCI.44.2.384>
- Ellard, C. (2016). *Sreda obitaniya. Kak arkhitektura vliyaet na nashe povedenie i samochuvstvie* [Places of the heart: The psychogeography of everyday life]. Moscow: Al'pina publisher. <https://books.google.ru/books?id=POYfDQAAQBAJ&pg=PT2&hl=ru> (Original work published 2015)
- Filin, V. A. (2002). Vizual'naya sreda kak sotsial'nyi faktor [Visual environment as a social factor]. *Glaz*, 3, 9–12.
- Franek, M., Petruzalek, J., & Sefara, D. (2019). Eye movements in viewing urban images and natural images in diverse vegetation periods. *Urban Forestry & Urban Greening*, 46, Article 1264773. <https://doi.org/10.1016/j.ufug.2019.126477>
- Franek, M., Sefara, D., Petruzalek, J., Cabal, J., & Myska, K. (2018). Differences in eye movements while viewing images with various levels of restorativeness. *Journal of Environmental Psychology*, 57, 10–16. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2018.05.001>
- Gabidullina, S. E. (2012). *Psichologiya gorodskoi sredy* [Psychology of the urban environment]. Moscow: Smysl.
- Galindo, M. P., & Hidalgo, M. C. (2005). Aesthetic preferences and the attribution of meaning: Environmental categorization processes in the evaluation of urban scenes. *International Journal of Psychology*, 40(1), 19–27. <https://doi.org/10.1080/0020759044400104>
- Galindo, M. P., & Rodriguez, J. A. C. (2000). Environmental aesthetics and psychological wellbeing: Relationships between preference judgements for urban landscapes and other relevant affective responses. *Psychology in Spain*, 4, 13–27.
- Gifford, R., Steg, L., & Reser, J. P. (2011). Environmental psychology. In P. Martin, F. Cheung, M. Kyrios, L. Littlefield, M. Knowles, B. Overmier, & J. P. Prieto (Eds.), *IAAP handbook of applied psychology* (pp. 440–470). New York, NY: Oxford.
- Gjerde, M. (2010). Visual Aesthetic Perception and Judgement of Urban Streetscapes. In P. Barrett (Ed.), *Building a better world: CIB World Congress* (pp. 12–22). Salford, England: CIB Press. <https://www.irbnet.de/daten/iconda/CIB18896.pdf>
- Hagerhall, C. M., Purcell, T., & Taylor, R. (2004). Fractal dimension of landscape silhouette outlines as a predictor of landscape preference. *Journal of Environmental Psychology*, 24, 247–255. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2003.12.004>
- Hartig, T., Evans, G. W., Jamner, L. D., Davis, D. S., & Garling, T. (2003). Tracking restoration in natural and urban field settings. *Journal of Environmental Psychology*, 23(2), 109–123. [https://doi.org/10.1016/S0272-4944\(02\)00109-3](https://doi.org/10.1016/S0272-4944(02)00109-3)
- Herzog, T. R. (1985). A cognitive analysis of preference for waterscapes. *Journal of Environmental Psychology*, 5, 225–241. [https://doi.org/10.1016/S0272-4944\(85\)80024-4](https://doi.org/10.1016/S0272-4944(85)80024-4)

- Hidalgo, M. C., Berto, R., Galindo, M. P., & Getrevi, A. (2006). Identifying attractive and unattractive urban places: categories, restorativeness and aesthetic attributes. *Medio Ambiente y Comportamiento Humano*, 7(2), 115–133.
- Holahan, C. J. (1986). Environmental psychology. *Annual Review of Psychology*, 37, 381–407.
- Joye, Y. (2007). Architectural lessons from environmental psychology: The case of biophilic architecture. *Review of General Psychology*, 11(4), 305–328. <https://doi.org/10.1146/annurev.ps.37.020186.002121>
- Kaplan, R. (1974). Some psychological benefits of an outdoor challenge program. *Environment and Behavior*, 6(1), 101–116. <https://doi.org/10.1177/001391657400600114>
- Kaplan, R. (1993). The role of nature in the context of the workplace. *Landscape and Urban Planning*, 26, 193–201. [https://doi.org/10.1016/0169-2046\(93\)90016-7](https://doi.org/10.1016/0169-2046(93)90016-7)
- Kaplan, R., & Kaplan, S. (1989). *The experience of nature: A psychological perspective*. Cambridge, England: Cambridge University Press.
- Kaplan, S. (1995). The restorative benefits of nature: Toward an integrative framework. *Journal of Environmental Psychology*, 15(3), 169–182. [https://doi.org/10.1016/0272-4944\(95\)90001-2](https://doi.org/10.1016/0272-4944(95)90001-2)
- Kardan, O., Demiralp, E., Hout, M. C., Hunter, M. R., Karimi, H., Hanayik, T., Yourganov, G., Jonides, J., & Berman, M. G. (2015). Is the preference of natural versus man-made scenes driven by bottom-up processing of the visual features of nature? *Frontiers in Psychology*, 6, 471. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.00471>
- Karmanov, D., & Hamel, R. (2008). Assessing the restorative potential of contemporary urban environment(s): Beyond the nature versus urban dichotomy. *Landscape and Urban Planning*, 86, 115–125. <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2008.01.004>
- Krabbendam, L., & Van Os, J. (2005). Schizophrenia and urbanicity: A major environmental influence—conditional on genetic risk. *Schizophrenia Bulletin*, 31(4), 795–799. <https://doi.org/10.1093/schbul/sbi060>
- Kruusval, Yu. (1983). Edinyi mir – edinaya sreda [United world – united environment]. In T. Niit, M. Heidmets, & Yu. Kruusval (Eds.), *Psikhologiya i arkhitektura* [Psychology and architecture] (Pt. 1, pp. 81–83). Tallin: TPI.
- Kuo, F. E., & Sullivan, W. C. (2001). Aggression and violence in the inner city: Effects of environment via mental fatigue. *Environment and Behavior*, 33(4), 543–571. <https://doi.org/10.1177/00139160121973124>
- Kurpatov, A. V. (2013). *Psikhologiya bol'shogo goroda* [Psychology of the big city]. Rostov-on-Don: Feniks.
- Lederbogen, F., Kirsch, P., Haddad, L., Streit, F., Tost, H., Schuch, P., Wust, S., Pruessner, J. C., Rietschel, M., Deuschle, M., & Meyer-Lindenberg, A. (2011). City living and urban upbringing affect neural social stress processing in humans. *Nature*, 474(7352), 498–501. <https://doi.org/10.1038/nature10190>
- Lindal, P. J., & Hartig, T. (2013). Architectural variation, building height, and the restorative quality of urban residential streetscapes. *Journal of Environmental Psychology*, 33, 26–36. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2012.09.003>
- McMahan, E. A., & Estes, D. (2015). The effect of contact with natural environments on positive and negative affect: A meta-analysis. *The Journal of Positive Psychology*, 10(6), 507–519. <https://doi.org/10.1080/17439760.2014.994224>
- Mental Health Foundation. (2018). *Mental health statistics: stress*. <https://www.mentalhealth.org.uk/statistics/mental-health-statistics-stress>

- Milgram, S. (2000). *Eksperiment v sotsial'noi psikhologii* [Experiment in social psychology]. Saint Petersburg: Piter.
- Nartova-Bochaver, S. K. (2005). *Psichologicheskoe prostranstvo lichnosti* [Psychological space of the personality]. Moscow: Prometei.
- Negami, H. R., Mazumder, R., Reardon, M., & Ellard, C. G. (2018). Field analysis of psychological effects of urban design: a case study in Vancouver. *Cities & Health*, 2(2), 106–115. <https://doi.org/10.1080/23748834.2018.1548257>
- Purcell, T., Peron, E., & Berto, R. (2001). Why do preferences differ between scene types? *Environment and Behavior*, 33(1), 93–106. <https://doi.org/10.1177/00139160121972882>
- Shteinbakh, Kh. E., & Elenskii, V. I. (2004). *Psichologiya zhiznennogo prostranstva* [Psychology of living space]. Saint Petersburg: Rech'.
- Smolova, L. V. (2008). *Vvedenie v psichologiyu vzaimodeistviya s okruzhayushchimi sredoi* [Introduction to the psychology of interaction with the environment]. Saint Petersburg: Rech'.
- Solovieva, E. A. (2007). Psichosemioticheskii podkhod v sredovoi psikhologii [Psychosemiotic approach in environmental psychology]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta [Vestnik of Saint Petersburg University]. Seriya 6. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 3, 330–336.
- Tennessen, C. M., & Cimprich, B. (1995). Views to nature: Effects on attention. *Journal of Environmental Psychology*, 15(1), 77–85. [https://doi.org/10.1016/0272-4944\(95\)90016-0](https://doi.org/10.1016/0272-4944(95)90016-0)
- Ulrich, R. S. (1981). Natural versus urban scenes: Some psychophysiological effects. *Environment and Behavior*, 13(5), 523–556.
- Ulrich, R. S. (1983). Aesthetic and affective response to natural environment. In I. Altman & J. Wohlwill (Eds.), *Behavior and the natural environment. Human behavior and environment* (Vol. 6, pp. 85–125). New York, NY: Plenum. https://doi.org/10.1007/978-1-4613-3539-9_4
- Ulrich, R. (1984). View through a window may influence recovery from surgery. *Science*, 224, 420–421. <https://doi.org/10.1126/science.6143402>
- Ulrich, R. S., Simons, R. F., & Miles, M. A. (2003). Effects of environmental simulations and television on blood donor stress. *Journal of Architectural and Planning Research*, 20(1), 38–47.
- United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. (2018). *World Urbanization Prospects: The 2018 Revision*. <https://population.un.org/wup/Download/>
- Valtchanov, D., Barton, K. R., & Ellard, C. (2010). Restorative effects of virtual nature settings. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 13(5), 503–512. <https://doi.org/10.1089/cyber.2009.0308>
- Valtchanov, D., & Ellard, C. G. (2015). Cognitive and affective responses to natural scenes: Effects of low level visual properties on preference, cognitive load and eye-movements. *Journal of Environmental Psychology*, 43, 184–195. <https://doi.org/10.1016/J.JENVP.2015.07.001>
- Van den Berg, A. E., Joye, Y., & Koole, S. L. (2016). Why viewing nature is more fascinating and restorative than viewing buildings: A closer look at perceived complexity. *Urban Forestry & Urban Greening*, 20, 397–401. <https://doi.org/10.1016/j.ufug.2016.10.011>
- Vorobieva, I. V., & Kruzhkova, O. V. (2012). *Psichologiya gorodskoi sredy* [Psychology of the urban environment]. Ekaterinburg: RGPPU.
- Weinstein, N., Przybylski, A. K., & Ryan, R. M. (2009). Can nature make us more caring? Effects of immersion in nature on intrinsic aspirations and generosity. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 35(10), 1315–1329. <https://doi.org/10.1177/0146167209341649>

- White, M., Smith, A., Humphries, K., Pahl, S., Snelling, D., & Depledge, M. (2010). Blue space: The importance of water for preference, affect, and restorativeness ratings of natural and built scenes. *Journal of Environmental Psychology*, 30(4), 482–493. <https://doi.org/10.1016/J.JENVP.2010.04.004>
- Zhuravlev, A. L., & Kupreichenko, A. B. (2012). Psichologicheskoe i sotsial'no-psichologicheskoe prostranstvo lichnosti: teoreticheskie osnovaniya issledovaniya [Psychological and socio-psychological space of personality: theoretical foundations of research]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2, 10–18.

Olga A. Kaptsevich — Senior Lecturer, Department of Psychology and Education, Far Eastern Federal University, PhD in Psychology.

Research area: environmental psychology, cognitive psychology, experimental psychology.
E-mail: kaptcevich.oa@dvfu.ru

СПОСОБНОСТИ И ОДАРЕННОСТЬ В ПСИХОЛОГИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В.А. МАЗИЛОВ^a, Ю.Н. СЛЕПКО^a

^aЯрославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 150000, Россия,
Ярославль, ул. Республикаанская, д. 108/1

Резюме

В статье анализируется и обсуждается современное состояние проблемы способностей и одаренности в психологии. Показано, что на протяжении длительного периода развития российской психологии (1935–2018 гг.) наблюдается довольно низкий интерес психологов к ее разработке. Анализ содержания и количества публикаций в ведущих российских и зарубежных журналах за последние пять лет позволяет говорить о продолжающемся снижении заинтересованности психологов в разработке проблем способностей и одаренности. Тем не менее опубликованные работы можно классифицировать по ряду оснований: тип исследования (теоретическое, эмпирическое, комплексное), предмет (вид и тип изучаемых способностей), метод (качественный, количественный, комплексный анализ), основание обращения к проблеме (высокие достижения, школьная успеваемость и др.). Анализ позволяет утверждать, что ведущая причина неудовлетворительного состояния проблемы – отсутствие в современной психологии теории способностей и одаренности, удовлетворительно решающей вопрос структуры способностей, их взаимосвязи, развития не только в разные возрастные периоды, но и в условиях разных видов и типов деятельности, взаимосвязи способностей с одаренностью. Позитивно оценивая роль предложенной более восьмидесяти лет назад Б.М. Тепловым концепции способностей, отметим, что за прошедшие десятилетия накоплено множество данных, требующих обновления и теоретических, и методологических, и конкретно прикладных основ общей теории способностей. В статье утверждается, что теория способностей и одаренности В.Д. Шадрикова позволяет преодолеть неудовлетворительное состояние этой области психологического знания, теоретически обосновать множество прикладных работ, не ограничиваясь исключительно высокими достижениями в понимании результата функционирования способностей субъекта деятельности и др. Представленные в статье данные будут полезны не только в плане теоретического и методологического изучения проблемы способностей и одаренности, но и в процессе планирования и организации эмпирических исследований способностей и одаренности.

Ключевые слова: современная психология, способности, одаренность, теория способностей, теория способностей и одаренности В.Д. Шадрикова.

Постановка проблемы

Способности и одаренность выступают ведущим условием высоких достижений во всех сферах жизни – социальной, экономической, политической и

мн.др., ключевым фактором успешности человека во всех видах и типах деятельности, механизмом развития человека — когнитивного, социального, личностного и пр.

А между тем проведенное журналом «Вопросы психологии» исследование наиболее часто употребляемых терминов по корпусу журнала за 1980–2010-е гг. издания (Частотный словарь..., 2010) показало, что в этот период наблюдалось постепенное снижение интереса психологов к исследованию проблемы способностей. При этом наиболее резкий спад начал происходить с наступлением XXI в. В отношении исследования одаренности динамика несколько иная: в 1990-е гг. наблюдалось четырехкратное повышение заинтересованности психологов в изучении этой проблемы, сменившееся достаточно значительным ее снижением (в полтора раза) в начале века.

Сорокалетняя динамика снижения заинтересованности психологов в изучении данных проблем хорошо отражает сложившуюся в отечественной психологии на протяжении более восьмидесяти лет ситуацию, связанную с низкой интенсивностью теоретических и методологических исследований проблемы способностей и одаренности. В этой связи особый интерес вызывает исследование А.Я. Анцупова, С.Л. Кандыбович, Г.Н. Тимченко (2020), посвященное анализу проблематики и частоты применения категорий, понятий, терминов в докторских психологических диссертациях, по определению направленных на разработку концептуальных, теоретических основ изучаемой проблемы. В исследовании было показано, что проблематика способностей и одаренности на протяжении 1935–2018 гг. не входила ни в число первых десяти проблем докторских диссертаций, ни в число первых двадцати понятий в темах докторских исследований. На уровне решения теоретических и методологических проблем психологии статус категорий способностей и одаренности явно не коррелирует с их высокой практической значимостью. Отсутствие значимых результатов в плане концептуализации проблемы вызвал частичную утрату интереса к ее разработке.

Таким образом, проблематика способностей и одаренности на протяжении последних восьмидесяти лет не входила в число ведущих с точки зрения понимания ее теории и методологии. В современной российской психологии интерес к ней незначителен. Последнее подтверждается тематическим анализом ведущих российских психологических журналов, входящих в международные базы цитирования Web of Science и Scopus. В таблице 1 представлены результаты анализа тематики публикаций журналов за пятилетний период с 2015 по 2019 г. Обратим внимание на ряд характерных моментов.

Во-первых, наблюдается отчетливый отрицательный тренд численности публикаций, посвященных проблемам способностей и одаренности за последние пять лет.

Во-вторых, снижение численности публикаций ведет и к уменьшению числа журналов, в которых в течение года было опубликовано не менее одной статьи по тематике способностей и одаренности. Если в первом случае речь идет о снижении заинтересованности конкретных исследователей в разработке этих проблем, то во втором — и о недостаточно активной редакционной

Таблица 1

Частота опубликования статей, в которых проблематика способностей и одаренности является предметом исследования (в %)

	2015	2016	2017	2018	2019	Итого
Сибирский психологический журнал	7*	2	2	0	4	3.2**
Psychology in Russia: State of the Art	7	0	0	4	0	2.8
Психология. Журнал Высшей школы экономики	0	4	9	0	0	2.6
Образование и саморазвитие	3	0	0	0	0	1.8
Психология и право	2	2	0	3	1	1.7
Экспериментальная психология	2	0	0	0	4	1.4
Психологическая наука и образование	3	2	1	0	0	1.3
Психологический журнал	2	0	0	2	1	1.1
Вопросы психологии	1	2	1	1	0	0.9
Культурно-историческая психология	2	0	0	0	2	0.8
Science for Education Today	0	0	0	1	2	0.7
Journal of Language and Education	0	0	0	0	2	0.5
Социальная психология и общество	2	0	0	0	0	0.4

Примечание. * – процент от общего числа статей, опубликованных в указанном году, в которых проблематика способностей и одаренности является предметом исследования;

** – процент от общего числа статей, опубликованных в течение пяти лет (2015–2019), в которых проблематика способностей и одаренности является предметом исследования.

политике журналов в привлечении исследователей к публикации статей по данной тематике.

Итак, значительных сдвигов в сторону активизации разработки рассматриваемой в статье проблематики сегодня не наблюдается. Однако это не является типичным исключительно для российской психологической науки состоянием дел, так как и в ведущих зарубежных психологических периодических изданиях исследованиям способностей и одаренности уделяется крайне малое внимание.

Анализ российских и зарубежных исследований проблемы позволяет сформулировать предположение о том, что ключевой причиной не только постоянно небольшого числа исследований способностей и одаренности, но и продолжающегося их снижения является отсутствие теории способностей и одаренности, которая смогла бы ответить на ряд ключевых вопросов. Во-первых, как объяснить все многообразие проявлений способностей человека, опираясь на единые теоретические основания? Иными словами, могут ли способности человека рассматриваться как единый теоретический конструкт, несмотря на многообразие видов и форм их проявления в поведении и деятельности человека? Во-вторых, учитывая не только многообразие проявлений способностей человека, но и их развитие в процессе онтогенеза, какие

методологические средства можно использовать для адекватного отражения психологических особенностей способностей человека на разных этапах его развития, в разных видах и типах деятельности? В-третьих, теория способностей должна открывать возможности прикладного использования своих положений для организации процессов развития и формирования способностей человека на разных этапах его развития, в разных условиях жизнедеятельности, в разных видах и типах деятельности.

Заметим, подобные вопросы рождаются не только из общего понимания теории практически любого психологического феномена, но и как средство преодоления существующих проблем в исследованиях способностей и одаренности в психологии. Именно нерешенность этих и ряда других вопросов является сегодня ведущей причиной недостатков большинства отечественных и зарубежных исследований, к анализу которых мы и перейдем далее.

Методы

В настоящем исследовании был использован метод единства логического и исторического в научном познании (Кольцова, 2008), суть которого заключается в следующем: «Изучение истории развития объекта позволяет выявить его сущностные характеристики и закономерности; воссоздание логики развивающейся системы открывает возможности для более точного и глубокого осмыслиения и описания исторического процесса. Поэтому есть основание говорить о методе единства логического и исторического в научном познании» (Там же, с. 353).

Средством реализации данного метода является анализ публикаций в двух типах журналов – ведущих российских изданиях, входящих в международные базы цитирования Web of Science и Scopus. Конечно, данный перечень не отражает всего многообразия публикаций по проблемам способностей и одаренности. Однако, учитывая высокие требования редакций журналов к качеству публикуемых статей, можно предположить, что в них находят отражение наиболее актуальные и значимые психологические исследования. Второй тип анализируемых изданий – ведущие зарубежные журналы, входящие преимущественно в первые три квартиля баз данных Web of Science и Scopus: British Journal of Psychology, British Journal of Educational Psychology, British Journal of Developmental Psychology, Canadian Psychology/Psychologie canadienne, The Spanish Journal of Psychology, Scandinavian Journal of Psychology, Educational Psychology Review, European Journal of Psychology of Education, Journal of Educational Psychology, High Ability Studies. В отношении российских журналов решалась задача анализа динамики числа публикаций по проблеме способностей и одаренности в течение последних пяти лет (2015–2019 гг.); анализ зарубежных журналов учитывал их большую численность, поэтому здесь решалась задача констатации состояния исследований способностей и одаренности на 2019–2020 гг.

Методика анализа обоих типов журналов заключалась в изучении представленных в них публикаций по названию, аннотации, ключевым словам,

описанию основных результатов исследования способностей и одаренности. Результатом стала возможность построить классификацию современных исследований проблемы по ряду оснований:

- а) по типу исследования (теоретическое, эмпирическое, комплексное; с опорой на ту или иную теорию способностей и одаренности или на обобщенное понимание способностей как возможностей);
- б) по предмету исследования:
 - вид изучаемых способностей (общие, специальные),
 - тип изучаемых способностей (когнитивные, социальные, интеллектуальные и пр.);
- в) по методу исследования (качественное, количественное, комплексное исследование);
- г) по основанию обращения к изучению способностей и одаренности (высокие достижения человека, школьная успеваемость, способности как условие развития человека, изучение опосредующего развитие способностей фактора).

Далее перейдем к описанию и обсуждению результатов проведенного анализа.

Результаты и их обсуждение

Предложенная ниже классификация исследований проблемы способностей и одаренности, безусловно, не является универсальной и единственно возможной. Так, например, популярным сегодня вариантом анализа одаренности является теоретическая позиция исследователей, сводящая ее к определенному психологическому феномену: либо к высокому уровню интеллектуального развития, обеспечивающему достижения в разных видах и типах деятельности, либо к высокому уровню развития творческих способностей, отражающих индивидуальный характер деятельности человека, либо к сочетанию этих и многих других психологических показателей (способностей, мотивации, свойств и черт личности и пр.). О достоинствах и недостатках такого подхода к классификации подробно говорить не будем, отметив лишь, что редукция сложного психологического феномена (способности и одаренность, безусловно, таковыми являются) к другим, более понятным и изученным в психологии, упрощает их понимание, но не раскрывает реального психологического содержания; феномен как бы растворяется, исчезает из поля зрения исследователя.

Тип исследований

Итак, анализ современных исследований проблемы способностей и одаренности позволяет их классифицировать прежде всего по основанию типа исследования – теоретического или эмпирического, проводимого с опорой на определенную теорию способностей и одаренности либо с опорой на понимание способностей как возможностей, т.е. ««потенциальных» способностей,

готовых к реализации в действительности» (Шадриков, Мазилов, 2015, с. 238).

Анализ российских исследований последних пяти лет показал преобладание эмпирического типа работ над теоретическими (27 публикаций с результатами эмпирических исследований и 19 теоретических). Однако и представленные 19 теоретических нельзя однозначно отнести к работам, в которых формулируется позиция авторов в отношении теории изучения способностей и одаренности, так как 15 из них носят обзорно-аналитический характер и лишь в 4 акцентировано обозначается позиция авторов по отношению к теории способностей и одаренности как основе проводимого исследования. К последнему типу статей относятся исследования математической одаренности с опорой на теорию Д.Б. Богоявленской (Богоявленская, Низовцова, 2017; подробнее см.: Богоявленская, Богоявленская, 2018), музыкальной одаренности с использованием теории одаренности Б.М. Теплова (Гетманенко, 2016), мнемических способностей на основе теории В.Д. Шадрикова (Mirafa, 2015), а также формулировка новой теории способностей и одаренности В.Д. Шадриковым (Шадриков, 2019а).

Слабо реализуются сегодня и работы комплексного характера, в которых эмпирическое исследование предваряется теоретическим анализом проблемы. Большинство исследований эмпирического характера ограничиваются формулировкой прикладной проблемы развития или формирования отдельных способностей или одаренности, тогда как незначительная их часть предваряется формулировкой собственной теоретической позиции автора и последующей ее эмпирической проверкой. К таким работам можно отнести исследования факторов развития академической одаренности (Бушковская Е.Ф., 2015), интеллектуальной одаренности (Валуева и др., 2015; Щебланова, 2017), культурных факторов развития способностей (Валуева и др., 2017), общей способности к саморегуляции (Моросанова, Бондаренко, 2016), понятийных способностей (Холодная и др., 2019).

Преобладание эмпирического, прикладного характера работ не является отличительной чертой российских исследований. В ведущих зарубежных изданиях такое соотношение теории и практики еще более акцентировано смещено в сторону решения прикладных задач. Лишь 5 из 30 выделенных в 2019–2020 гг. работ, посвященных исследованию способностей и одаренности, носят теоретический характер. Таковыми являются исследования специфики обучения одаренных студентов (Efklides, 2019; Sternberg, 2019), когнитивных, эмоциональных и социальных способностей лабораторных животных (Mogil, 2019), влияния взаимосвязи личностных особенностей и пространственных способностей на академические достижения (Wang, 2020), взаимосвязи пространственных и математических способностей (Xie et al., 2020). При этом здесь отмечается характерное и для российских исследований преобладание обзорно-аналитических работ; лишь в исследовании Р. Стернберга (Sternberg, 2019) формулируется теоретическая позиция в отношении применения теории одаренности и интеллекта (Theory of successful intelligence) в организации обучения одаренных студентов.

Доминирование прикладных исследований отражается и на минимальном числе комплексных работ, в которых решается задача формулировки авторской теоретической позиции и ее проверки в ходе эмпирического исследования. Здесь обращает на себя внимание исследование особенностей саморегуляции студентов с так называемыми высокими способностями – high ability (Kaplan et al., 2019).

Завершая описание типа анализируемых исследований, отметим, что характерными их чертами являются преобладание эмпирических, прикладных работ, минимальное число исследований, в которых описываются результаты теоретической разработки проблемы, доминирование обобщенного понимания способностей и одаренности как потенциальных возможностей, готовых к реализации в определенных условиях деятельности.

Предмет исследований

Переходя к описанию предмета исследований в работах отечественных и зарубежных психологов, отметим, что предложенная классификация (по виду и по типу изучаемых способностей) не только не является единственно возможной, но и не относится к традиционному описанию способностей по видам психических функциональных систем, по видам деятельности и т.д. (Дружинин, 2007). Перед нами стояла задача оценить вариацию конкретных исследовательских задач, решаемых психологами в ходе изучения проблем способностей и одаренности.

Прежде всего необходимо обратить внимание на значительное количественное преобладание российских исследований проблемы способностей (38 публикаций) над работами, посвященными проблематике одаренности (16 публикаций). В зарубежных публикациях разница еще значительней: 26 (способности) к 4 (одаренность). Такое соотношение предмета исследований хорошо согласуется с описанным выше возрастанием интереса отечественных психологов к исследованию одаренности на фоне его снижения к проблематике способностей. Между тем подобная динамика весьма условна и не отражает роста интенсивности разработки проблемы одаренности на уровне ее теоретического и эмпирического анализа. Более половины публикаций в отечественных изданиях носит обзорно-аналитический характер, включает обобщение зарубежного опыта работы с одаренными (Дудина, 2018; Йунус, 2015), разработку философских основ изучения одаренности (Богоявленская, 2019; Мелик-Пашаев, 2016), формулировку гипотез о влиянии разных условий жизнедеятельности на развитие одаренных детей (Абрамова, Солобутина, 2015; Бушковская Е.А., 2015; Бушковская Е.Ф., 2015; Грушецкая и др., 2019; Мерзон, 2015; Микляева и др., 2019; Фримен, 2015). Лишь в незначительном числе работ реализуются эмпирические программы изучения психологических особенностей личности и деятельности одаренных детей (Григорьев и др., 2015; Григорьев и др., 2017; Демина, Трубицына, 2016; Шумакова, Богомочева, 2015; Щебланова, 2017).

Итак, учитывая значительное число обзорно-аналитических публикаций по проблеме одаренности в российских изданиях, минимальное количество таких работ в рассматриваемых иностранных журналах, можно говорить, по сути, об отсутствии устоявшегося теоретического понимания одаренности как психологического феномена.

В отношении исследований способностей ситуация существенно иная. Прежде всего необходимо отметить, что и в российских, и в зарубежных публикациях приоритетом является изучение общих способностей, «характеризующихся, во-первых, тем, что они в случае нормального развития имеются у большинства людей данной возрастной категории; во-вторых, тем, что они “задействованы” в широком спектре деятельности» (Дружинин, 2007, с. 527). В отношении исследования специальных способностей наблюдается крайне низкий исследовательский интерес психологов. В зарубежных изданиях таких публикаций обнаружить не удалось; в отечественных было представлено лишь четыре статьи, посвященные изучению эмпатических способностей работников уголовно-исправительной системы (Борисова, Дворянчиков, 2015), музыкальным способностям (Гетманенко, 2015, 2016), а также нейропсихологическому анализу сделкоспособности как состоянию, при котором человек не понимает значения своих действий и не может ими руководить в процессе совершения сделки (Сафуанов и др., 2018). Конечно, исследование эмпатии и сделкоспособности можно отнести и к общим способностям человека.

Не только низкая заинтересованность в исследовании специальных способностей, но и выбор ведущей проблематики изучения является сходным у российских и зарубежных психологов: наиболее часто предметом исследований становятся когнитивные, интеллектуальные, пространственные, регуляторные способности.

Отечественные исследования когнитивных способностей группируются вокруг возрастного фактора: изучение их развития в дошкольном и младшем школьном возрасте (Веракса и др., 2015; Ляшенко и др., 2017; Тихомирова и др., 2015; Тихомирова и др., 2019), в подростковом (Сиповская, 2015) и пожилом возрастах (Мелехин, 2019). Важным является изучение взаимосвязи между когнитивными способностями и другими психологическими факторами деятельности: интеллектуальными и регуляторными способностями (Morosanova et al., 2015), математическими и пространственными способностями (Rodic et al., 2018), концептуальными способностями (Kholodnaya, Emelin, 2015), особенностями черт личности (Щебетенко, 2016), экономическими достижениями человека (Куливец, Ушаков, 2016), социальными и культурными факторами развития (Валуева и др., 2017). Исследованию развития когнитивных способностей в младшем и среднем возрастах посвящен ряд работ зарубежных психологов (Crosswaite, Asbury, 2019; Hilbert et al., 2019; Flensburg-Madsen, Mortensen, 2019); интересные работы посвящены разработке тестов когнитивных способностей (Nielsen et al., 2020), а также их изучению у животных (Mogil, 2019).

Интеллектуальные способности изучаются отечественными психологами в связи с одаренностью человека (Валуева и др., 2015; Григорьев и др., 2017), продуктивностью в разных видах и типах деятельности (Денисенкова, Выроцкова, 2015; Morosanova et al., 2015; Белова, Смирнова, 2015). В зарубежных исследованиях можно выделить две группы исследований интеллектуальных способностей, связанных с изучением их роли в академических достижениях (Freedberg et al., 2019; Mammadov et al., 2018; Tao, Jiannong, 2018) и развитии личности в разные возрастные периоды (Flouri et al., 2019; Käthlin, René, 2019).

Исследованию когнитивной и интеллектуальной проблематики отечественные и зарубежные психологи уделяют наибольшее внимание. Однако далее наблюдается дифференциация по заинтересованности в изучении способностей. Так, следующим наиболее часто изучаемым отечественными психологами типом являются регуляторные способности. Здесь выделяются две группы исследований, в которых проблематика регуляторных способностей изучается в контексте их развития (Козлова и др., 2018; Попова, 2017; Morosanova et al., 2015; Моросанова, Бондаренко, 2016) и решения вопросов юридически-правового характера (Горинов и др., 2019; Федонкина, 2016). В исследованиях зарубежных психологов следующим по интенсивности является изучение проблематики пространственных способностей — теории вопроса (Corradi et al., 2020; Ramon et al., 2019; Xie et al., 2020), а также их влияния на академические достижения (Lakin, Wai, 2020; Muffato et al., 2020; Wang, 2020).

С одной стороны, отечественные авторы в качестве предмета изучения выбирают традиционные виды способностей: пространственные (Аристова и др., 2018; Likhanov et al., 2018; Rodic et al., 2018), творческие (Ахметзянова, 2015; Богоявленская, Низовцова, 2017), мнемические (Murafa, 2015), математические (Богданова и др., 2019); с другой, предметом исследования становится изучение дискурсивных способностей (Воронин, 2018), понятийных (Kholodnaya, Emelin, 2015; Холодная и др., 2019), рефлексивных (Подойницина, 2017), способностей принятия решений (Федонкина, 2018) и ментализации (Холмогорова и др., 2015). Схожая ситуация характерна и для работ зарубежных психологов, в которых также осуществляется изучение традиционных видов способностей: речевых (Namaziandost et al., 2019), логических (Coppola et al., 2019), вербальных (Frick et al., 2019; Münchow et al., 2019), мнемических (Abellán-Martínez et al., 2019), математических (Lauermann et al., 2020; Xie et al., 2020; Rodic et al., 2018), обучаемости (Kaplan et al., 2019) и чтения (Auphan et al., 2019; Kearns, Al Ghanem, 2019; Oerke et al., 2019). Однако и здесь появляются исследования, в которых традиционная классификация способностей расширяется за счет изучения способностей к саморегуляции (Miller, Bernacki, 2019), совладанию (Sun et al., 2018), эмоциональных (Mérida-López et al., 2019; Mogil, 2019) и социальных (Mogil, 2019) способностей.

Обобщая представленное описание, необходимо отметить ряд важных моментов. Во-первых, в современных отечественных и зарубежных исследо-

ваниях достаточно слабо представлено теоретически и эмпирически строгое понимание феномена одаренности. Это проявляется в преобладании обзорно-аналитических работ, а также в сведении одаренности к феномену так называемых высоких способностей (high ability). Во-вторых, современные отечественные и зарубежные исследования характеризуются преобладанием изучения общих способностей, а также расширением предметного поля за счет включения в анализ новых видов и типов способностей.

Метод исследований

Характеристика метода исследований предполагает ответ на вопрос, какие средства изучения способностей и одаренности используются в современной отечественной и зарубежной психологии. Анализ публикаций позволяет свести все разнообразие используемых сегодня конкретных методов и методик к трем типам: количественный анализ, предполагающий оперирование данными, отражающими меру, уровень развития или сформированности способностей и одаренности; качественный анализ, состоящий в осуществлении обзорно-аналитических исследований, моделировании особенностей развития способностей и одаренности в определенных условиях и под определенным воздействием и т.д.; комплексный анализ, сочетающий в себе диагностические средства первого и второго типа. Классификация исследований по представленному основанию позволяет оценить состояние современных исследований следующим образом.

Прежде всего отметим, что и в отечественных, и в зарубежных исследованиях ведущим средством изучения способностей и одаренности является осуществление количественного анализа, предполагающего использование эмпирических методов. При этом комплексные исследования являются непопулярными и составляют малый процент работ российских ($\approx 20\%$) и зарубежных ($\approx 10\%$) психологов. Если в изучении способностей российскими психологами преобладает количественный подход, то в изучении одаренности – качественный. В первом случае речь идет о доминировании тестов способностей ($\approx 70\%$ публикаций), во втором – обзорно-аналитических исследований ($\approx 90\%$ публикаций). В исследованиях зарубежных психологов преобладание количественного подхода в изучении способностей еще более выражено – более 70% публикаций посвящено анализу эмпирических данных. Отличительной особенностью зарубежных исследований способностей является большая вариативность методов эмпирического исследования, среди которых, помимо использования тестов способностей ($\approx 50\%$ исследований), применяются опросники, экспертная оценка, наблюдение и самонаблюдение, биографический метод, моделирование и эксперимент. К сожалению, малый объем исследований одаренности в зарубежных публикациях не позволяет говорить о преобладании того или иного метода исследования даже на уровне тенденции.

Обобщая представленное описание, отметим ряд важных моментов. Во-первых, преобладание обзорно-аналитического метода исследования одаренности

в работах российских психологов, а также минимальное число работ, посвященных этой проблеме в зарубежных изданиях, подтверждает отсутствие строгого теоретического и эмпирического понимания феномена одаренности. Проявления последней зачастую сводятся к высокому уровню развития интеллектуальных и других способностей, обеспечивающих высокие академические, творческие, профессиональные и другие достижения. Во-вторых, ведущим диагностическим средством изучения способностей в России, и за рубежом является использование тестов способностей. В-третьих, при доминировании тестологического подхода к изучению способностей отличительной характеристикой зарубежных исследований является использование более широкого арсенала диагностических средств.

Основание исследований

В начале статьи мы акцентировали внимание на высокой значимости разработки проблем способностей и одаренности для решения достаточно широкого диапазона задач, связанных с индивидуальным развитием человека, с эффективным функционированием общества, государства и пр. Ввиду этого особый интерес представляет понимание того, как на уровне конкретных исследований обосновывается значимость обращения к данной проблематике, есть ли специфика понимания этой значимости в исследованиях отечественных и зарубежных психологов и др.

Не удивительно, что наиболее частой причиной обращения к проблематике способностей и в отечественных ($\approx 40\%$), и в зарубежных ($\approx 35\%$) публикациях является их понимание как фактора высоких достижений в самых разных областях жизнедеятельности. Безусловно, близкими высоким достижениям основаниями являются влияние способностей на академическую успеваемость ($\approx 15\%$ отечественных и 30% зарубежных публикаций) и психическое развитие человека ($\approx 15\%$ отечественных и $\approx 20\%$ зарубежных публикаций). Таким образом, ведущим основанием обращения к проблематике способностей и отечественных, и зарубежных авторов является их рассмотрение как возможной причины изменений в актуальном состоянии человека. Между тем отличительной чертой отечественных публикаций является включение в качестве весомого основания изучения способностей поиска факторов, опосредующих их развитие ($\approx 35\%$ публикаций). Вариация этих факторов достаточно велика: пол, возраст, культура, личностные характеристики, нарушения развития, генетическая предрасположенность, нейропсихологические особенности, используемые методы обучения. Объем исследований подобных факторов в анализируемых зарубежных публикациях незначителен.

Основания исследований одаренности в целом идентичны и для отечественных, и для зарубежных психологов, однако имеют некоторые отличительные черты. Так, если отечественные психологи наиболее часто исследуют одаренность в контексте рассмотрения ее как фактора улучшения актуального состояния человека ($\approx 60\%$), то для зарубежных актуален прежде всего поиск факторов, влияющих на саму одаренность. Последними выступают преимущественно

специфические методы обучения и развития одаренных школьников и студентов. Поиск наиболее эффективных методов обучения является второй по значимости причиной обращения к проблематике одаренности в отечественных публикациях.

Завершая описание представленной классификации, отметим, что она является открытой, возможны и другие основания анализа исследований. Между тем и предложенные позволяют оценить современное состояние развития психологического знания о способностях и одаренности.

Первое, на что необходимо обратить особое внимание, – преобладание и в отечественной, и в зарубежной психологической науке прикладных эмпирических исследований. Они направлены на решение конкретной, вызванной запросами практики задачи понимания условий развития и формирования способностей и одаренности, установления причин того или иного состояния объекта исследования (школьники, студенты, субъекты трудовой деятельности и др.). Однако необходимо задаться и другим вопросом: преобладание прикладных исследований является следствием решенности проблемы способностей и одаренности в психологии или же это следствие весьма популярного в психологической науке психометрического подхода, когда реальное теоретическое исследование заменяется фиксацией отличительного признака изучаемого объекта? Проведенный анализ показал, что среди отечественных исследований теоретической направленности преобладают работы обзорно-аналитического характера, обобщающие опыт исследований способностей и одаренности, но не приводящие теорию вопроса дальше формулировки существующих проблем (что, конечно, немаловажно). Выше мы показали, что число эмпирических исследований, открыто опирающихся на ту или иную теорию способностей и одаренности, незначительно: речь идет о теории Д.Б. Богоявленской (Богоявленская, Низовцова, 2017), Б.М. Теплова (Гетманенко, 2016) и В.Д. Шадрикова (Murafa, 2015). В большинстве других случаев способности понимаются преимущественно как возможности, т.е. как потенции, готовые к реализации в деятельности. Последнее и вынуждает исследователей рассматривать способности и одаренность в рамках их психометрического понимания, недостатки которого описаны (Богоявленская, Сусоколова, 2011; Мазилов, Слепко, 2013).

Важным следствием описанного выше преобладания прикладных исследований является и их выраженный аналитический характер. Это проявляется в множестве программ эмпирического изучения способностей вне их связи с другими способностями, относящимися к той же группе функциональных систем, видов и типов деятельности и пр. Являясь значимым в пределах решения конкретной прикладной задачи, такой тип планирования исследования ограничивает возможности управления развитием и формированием способностей и одаренности за счет слабого учета множества других факторов и условий их функционирования.

Немаловажным следствием психометрического подхода, преобладания аналитических исследований способностей и одаренности является ориентация

на их понимание с учетом высоких достижений в разных видах и типах деятельности. С одной стороны, они рассматриваются как причина этих достижений, что вполне естественно. Однако нельзя не обратить внимание и на закрепляющуюся тенденцию к объяснению способностей и одаренности исключительно путем их рассмотрения в качестве источников этих высоких достижений (см. раздел статьи «Основание исследований»). Характерным примером этого является активно используемое в европейской и американской психологической науке понятие «high ability». Так, например, в деятельности Indiana Association for the Gifted понятия высокие способности («high ability») и одаренность («gifted») используются как равнозначные и применяются для характеристики обучающихся с более высокими интеллектуальными способностями, академическими достижениями и потенциалом. Также в качестве примера можно привести множество публикаций в журнале High Ability Studies (официальный журнал Европейского совета по высоким способностям (ЕСНА)), в которых высокие способности и одаренность рассматриваются как источники академических достижений школьников и студентов (Efklides, 2019; Freedberg et al., 2019; Mammadov et al., 2018; и др.). Серьезным недостатком такой тенденции является смещение внимания исследователей с поиска причин появления высоких способностей и одаренности к анализу наличия их следствий.

Выводы

Подводя итоги анализа современных отечественных и зарубежных исследований проблемы способностей и одаренности в психологии, отметим ряд важных моментов.

Во-первых, установленные в исследовании ключевые характеристики степени разработанности проблемы способностей и одаренности хорошо отражают продолжающееся не первое десятилетие общее снижение интереса к теоретической разработке данной проблематики. Это проявляется в преобладании работ эмпирического, прикладного характера, обзорно-аналитических исследований. Подобная ситуация характерна и для отечественной, и для зарубежной психологической науки.

Во-вторых, вопросом, требующим более глубокого осмысления и понимания, является акцентирование внимания психологов на изучении общих способностей при сокращении числа исследований, посвященных способностям специальным. Здесь складывается специфическое противоречие: значительный объем эмпирических работ, направленных по своей сути на решение конкретных прикладных задач, должен был привести и к росту их специализации на уровне анализа специальных способностей. Однако в действительности ситуация противоположная.

В-третьих, анализ преобладающих типов исследований позволяет предположить, что одной из ведущих причин неудовлетворительного современного состояния проблемы и снижения интереса психологов к ее разработке является слабость, если не сказать отсутствие, на протяжении длительного времени

непротиворечивой теории рассматриваемого в статье вопроса. В этой связи сегодня появляются вполне обоснованные надежды на разработку современной теории способностей и одаренности в работах В.Д. Шадрикова (Шадриков, 2019а, 2019б). Несмотря на то что анализ потенциала данной теории уже был предметом нашего исследования (Мазилов, Слепко, 2019), этот вопрос требует специального анализа.

Литература

- Абрамова, Л. А., Соловтина М. М. (2015). Прогнозирование детской одаренности: психолого-педагогические аспекты проблемы. *Образование и саморазвитие*, 44(2), 112–118.
- Анцупов, А. Я., Кандыбович, С. Л., Тимченко, Г. Н. (2020). *Проблемы отечественной психологии. Указатель 1410 докторских диссертаций (1935–2019)*. М.: Проспект.
- Аристова, И. Л., Есипенко, Е. А., Шарафиева, К. Р., Масленникова, Е. П., Чипеева, Н. А., Фекличева, И. В., Солдатова, Е. Л., Фенин, А. Ю., Исматуллина, В. И., Малых, С. Б., Ковас, Ю. В. (2018). Пространственные способности: структура и этиология. *Вопросы психологии*, 1, 118–126.
- Ахметзянова, Н. В. (2015). Творческие способности и их особенности в подготовке учителя в педагогическом вузе. *Образование и саморазвитие*, 43(1), 23–28.
- Белова, С. С., Смирнова, О. М. (2015). Особенности решения социальных задач-дilemm старшими подростками с разным уровнем интеллектуальных способностей. *Психологическая наука и образование*, 2(20), 43–54. <https://doi.org/10.17759/pse.2015200205>
- Богданова, О. Е., Миклашевский, А. А., Богданова, Е. Л., Солдатенкова, О. Б. (2019). Академические достижения школьников по математике и иностранному языку: индивидуальные характеристики и гендерные стереотипы. *Сибирский психологический журнал*, 73, 159–175. <https://doi.org/10.17223/17267080/73/11>
- Богоявленская, Д. Б. (2019). Философские основы теории одаренности. *Культурно-историческая психология*, 15(2), 14–21. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150202>
- Богоявленская, Д. Б., Богоявленская, М. Е. (2018). *Одаренность: природа и диагностика* (2-е изд., перераб. и доп.). М.: Психологический институт РАО; Институт изучения детства, семьи и воспитания РАО.
- Богоявленская, Д. Б., Низовцова, А. Н. (2017). К проблеме соотнесения общих, специальных и творческих способностей (на примере математической одаренности). *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 14(2), 277–297. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2017-2-277-297>
- Богоявленская, Д. Б., Сусоколова, И. А. (2011). *Психометрическая интерпретация творчества. Научный вклад Дж. Гилфорда*. М.: МГППУ.
- Борисова, Д. П., Дворянчиков, Н. В. (2015). Эмпатические способности сотрудников УИС – возможности исследования и перспективы. *Психология и право*, 5(1), 58–69.
- Бушковская, Е. А. (2015). Проверка эффективности модели междисциплинарного обучения как фактора развития академической одаренности. *Образование и саморазвитие*, 43(1), 141–146.
- Бушковская, Е. Ф. (2015). Феномен академической одаренности в психолого-педагогических исследованиях. *Образование и саморазвитие*, 46(4), 32–35.
- Валуева, Е. А., Белова, С. С., Морозова, О. А. (2017). Культурная востребованность способностей и психометрические свойства когнитивных тестов. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 14(3), 491–500. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2017-3-491-500>

- Валуева, Е. А., Григорьев, А. А., Ушаков, Д. В. (2015). Диссинхрония когнитивного развития у интеллектуально одаренных детей: структурно-динамический подход. *Психологический журнал*, 36(5), 55–63.
- Веракса, А. Н., Якупова, В. А., Мартыненко, М. Н. (2015). Символизация в структуре способностей детей дошкольного и школьного возраста. *Культурно-историческая психология*, 11(2), 48–56. <https://doi.org/10.17759/chp.2015110205>
- Воронин, А. Н. (2018). Психология дискурсивных способностей: векторы развития. *Психологический журнал*, 39(3), 113–123. <https://doi.org/10.7868/S0205959218030108>
- Гетманенко, А. О. (2015). Развитость креативного мышления в структуре музыкальной одаренности. *Сибирский психологический журнал*, 56, 86–99. <https://doi.org/10.17223/17267080/56/7>
- Гетманенко, А. О. (2016). Модель детской музыкальной одаренности. *Сибирский психологический журнал*, 59, 34–44. <https://doi.org/10.17223/17267080/59/3>
- Горинов, В. В., Корзун, Д. Н., Шеховцова, Е. С. (2019). Мотивационная сфера личности и способность к саморегуляции обвиняемых с расстройствами личности. *Психология и право*, 9(2), 208–221. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090214>
- Григорьев, А. А., Козыяков, Р. В., Лаптева, Е. М., Смирнова, О. М. (2017). Эстетическая одаренность и интеллект. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 14(2), 377–386. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2017-2-377-386>
- Григорьев, А. А., Смирнова, О. М., Широпаев, А. А. (2015). Измерение эстетической одаренности в области литературного творчества. *Сибирский психологический журнал*, 55, 61–71. <https://doi.org/10.17223/17267080/55/3>
- Грушечская, И. Н., Захарова, Ж. А., Щербинина, О. С. (2019). Особенности социально-педагогической работы с одаренными школьниками в условиях современных образовательных организаций. *Science for Education Today*, 9(1), 27–42. <https://doi.org/10.15293/2658-6762.1901.02>
- Демина, Е. В., Трубицына, А. Н. (2016). Опыт включения интеллектуально одаренного ребенка с РАС в общеобразовательную школу: факторы риска и ресурсы развития. *Психологическая наука и образование*, 21(3), 111–119. <https://doi.org/10.17759/pse.2016210313>
- Денисенкова, Н. С., Выроцкова, В. В. (2015). Специфика взаимосвязи умственных способностей и конфликтной компетентности дошкольников в различных образовательных средах. *Социальная психология и общество*, 6(1), 60–67.
- Дружинин, В. Н. (2007). Способности. В кн. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко (ред.), *Большой психологический словарь* (с. 527–528). СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК.
- Дудина, Е. А. (2018). Реализация программ наставничества одаренных школьников в зарубежных странах. *Science for Education Today*, 8(6), 41–57. <https://doi.org/10.15293/2226-3365.1806.03>
- Йунус, О. (2015). Центры науки и искусств (Bilsem) как агенты системы обучения одаренных учащихся в Турции. *Образование и саморазвитие*, 46(4), 180–183.
- Козлова, Е. А., Баирова, Н. Б., Слободская, Е. Р. (2018). Регуляторные способности в детстве: современные представления и методы исследования. *Психологический журнал*, 39(4), 38–48. <https://doi.org/10.31857/S020595920000069-1>
- Кольцова, В. А. (2008). *История психологии: Проблемы методологии*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН».

- Куливец, С. Г., Ушаков, Д. В. (2016). Моделирование взаимоотношений между когнитивными способностями и экономическими достижениями. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 13(4), 636–648. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2016-4-636-648>
- Ляшенко, А. К., Халезов, Е. А., Арсалиду, М. (2017). Методы выявления когнитивно одаренных детей. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 14(2), 207–218. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2017-2-207-218>
- Мазилов, В. А., Слепко, Ю. Н. (2013). Психометрическая парадигма в решении проблем творчества и способностей. *Вопросы психологии*, 6, 150–153.
- Мазилов, В. А., Слепко, Ю. Н. (2019). Формирование педагогической одаренности как ключевое условие повышения эффективности современной образовательной системы. *Интеграция образования*, 23(1), 37–49. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.094.023.201901.037-049>
- Мелехин, А. И. (2019). Метакогнитивные способности в пожилом возрасте: специфика и предикторы. *Экспериментальная психология*, 12(3), 47–62. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2019120304>
- Мелик-Пашаев, А. А. (2016). Одаренность как норма и как призвание. *Вопросы психологии*, 2, 70–82.
- Мерзон, Е. Е. (2015). Проблемы трудового воспитания технически одаренных учащихся в условиях общеобразовательной школы. *Образование и саморазвитие*, 46(4), 132–137.
- Микляева, А. В., Хороших, В. В., Волкова, Е. Н. (2019). Субъективные факторы психологического благополучия одаренных подростков: теоретическая модель. *Science for Education Today*, 9(4), 36–55. <https://doi.org/10.15293/2658-6762.1904.03>
- Моросанова, В. И., Бондаренко, И. Н. (2016). Общая способность к саморегуляции: операционализация феномена и экспериментальный подход к диагностике ее развития. *Вопросы психологии*, 2, 109–123.
- Подойницина, М. А. (2017). Психолого-образовательное сопровождение актуализации и развития рефлексивных способностей молодых людей, обучающихся в вузе. *Сибирский психологический журнал*, 63, 75–88. <https://doi.org/10.17223/17267080/63/6>
- Попова, С. И. (2017). Развитие способности подростка к саморегуляции в образовательном процессе школы. *Психологическая наука и образование*, 22(6), 99–108. <https://doi.org/10.17759/pse.2017220609>
- Сафуанов, Ф. С., Переправина, Ю. О., Черненьков, А. Д. (2018). Нейропсихологическое исследование при судебно-психологической экспертной оценке сделкоспособности. *Психология и право*, 8(4), 115–127. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080411>
- Сиповская, Я. И. (2015). Метакогнитивная структура интеллектуальной компетентности в старшем подростковом возрасте. *Сибирский психологический журнал*, 58, 76–87. <https://doi.org/10.17223/17267080/58/5>
- Тихомирова, Т. Н., Модяев, А. Д., Леонова, Н. М., Малых, С. Б. (2015). Факторы успешности в обучении на начальной ступени общего образования: половые различия. *Психологический журнал*, 36(5), 43–54.
- Тихомирова, Т. Н., Хуснутдинова, Э. К., Малых, С. Б. (2019). Когнитивные характеристики младших школьников с различным уровнем успеваемости по математике. *Сибирский психологический журнал*, 73, 159–175. <https://doi.org/10.17223/17267080/73/10>
- Федонкина, А. А. (2016). Способность несовершеннолетних правонарушителей с личностной незрелостью к осознанному руководству своими действиями. *Психология и право*, 6(3), 178–192. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2016060313>

- Федонкина, А. А. (2018). Способность несовершеннолетних правонарушителей к принятию решений в рамках оценки уголовно-процессуальной дееспособности. *Психология и право*, 8(2), 165–177. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080213>
- Фримен, Д. (2015). Проблема влияния электронной среды на интеллектуальное развитие и межличностные отношения одаренных и талантливых детей. *Психологическая наука и образование*, 20(1), 102–109. <https://doi.org/10.17759/pse.2015200111>
- Холмогорова, А. Б., Москачева, М. А., Рычкова, О. В., Пуговкина, О. Д., Краснова-Гольева, В. В., Долныкова, А. А., Царенко, Д. М., Румянцева, Ю. М. (2015). Сравнение способности к ментализации у больных шизофренией и шизоаффективным психозом на основе методики «Понимание психического состояния по глазам». *Экспериментальная психология*, 8(3), 99–117. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2015080310>
- Холодная, М. А., Трифонова, А. В., Волкова, Н. Э., Сиповская, Я. И. (2019). Методики диагностики понятийных способностей. *Экспериментальная психология*, 12(3), 105–118. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2019120308>
- Частотный словарь наиболее часто употребляемых терминов по корпусу журнала «Вопросы психологии» за 1980–2010 гг. издания. (б. д.). Режим доступа: 18.07.2021. URL: <http://www.voppsy.ru/chast.htm>
- Шадриков, В. Д. (2019а). К новой психологической теории способностей и одаренности. *Психологический журнал*, 40(2), 15–26. <https://doi.org/10.31857/S020595920002981-5>
- Шадриков, В. Д. (2019б). *Способности и одаренность человека*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН».
- Шадриков, В. Д., Мазилов, В. А. (2015). *Общая психология: учебник для академического бакалавриата*. М.: Юрайт.
- Шумакова, Н. Б., Богомочева, О. А. (2015). Роль исследовательской активности в становлении образа мира у одаренных подростков. *Вопросы психологии*, 3, 30–38.
- Щебетенко, С. А. (2016). Взаимосвязь личности и кратковременной памяти: роль черт и рефлексивных адаптаций характера. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 13(3), 538–557. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2016-3-538-557>
- Щебланова, Е. И. (2017). Психологические особенности школьной адаптации интеллектуально одаренных подростков. *Вопросы психологии*, 3, 16–27.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References после англоязычного блока.

Мазилов Владимир Александрович — профессор, заведующий кафедрой, кафедра общей и социальной психологии, факультет социального управления, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, доктор психологических наук. Сфера научных интересов: история, методология и теория психологии, общая психология, социальная психология.

Контакты: v.mazilov@yspu.org

Слепко Юрий Николаевич — декан, педагогический факультет; доцент, кафедра общей и социальной психологии, факультет социального управления, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: педагогическая психология, история и методология психологии. Контакты: slepko@inbox.ru

Abilities and Giftedness in Psychology: The Current State of Domestic and Foreign Studies

V.A. Mazilov^a, Yu.N. Slepko^a

^a Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, 108/1 str. Respublikanskaya, 150000, Russian Federation

Abstract

The article analyzes and discusses the current state of the issue of abilities and giftedness in psychology. It is shown that over a long period of development of Russian psychology (1935-2018), there is a rather low interest of psychologists in it. Analysis of the content and number of publications in leading Russian and foreign journals over the past five years suggests a continuing decline in the interest of psychologists in the development of issues of abilities and giftedness. Nevertheless, the published works can be classified on a number of grounds: type of research (theoretical, empirical, complex), subject (kind and type of learned abilities), method (qualitative, quantitative, complex analysis), basis for addressing the issue (high achievements, school performance and etc.). The analysis allows us to assert that the leading reason for the unsatisfactory state of the problem is the absence in modern psychology of the theory of abilities and giftedness, which satisfactorily solves the problem of the structure of abilities, their interconnection, development not only in different age periods, but also in conditions of different kinds and types of activity, the interconnection of abilities with giftedness. Positively assessing the role of B.M. Teplov concept of abilities, we note that over the past decades, a lot of data has been accumulated that require updating both theoretical, methodological, and specifically applied foundations of the general theory of abilities. The article argues that the theory of abilities and giftedness by V.D. Shadrikov makes it possible to overcome the unsatisfactory state of this area of psychological knowledge, theoretically substantiate many applied works, not limiting itself to exceptionally high achievements in understanding the result of the functioning of the subject's abilities, etc. The results presented in the article will be useful not only in terms of theoretical and methodological study of the issue of abilities and giftedness, but also in the process of planning and organizing empirical research on abilities and giftedness.

Keywords: modern psychology, abilities, giftedness, theory of abilities, theory of abilities and giftedness by V.D. Shadrikov.

References

- Abellán-Martínez, M., Castellanos López, M. A., Delgado-Losada, M. L., Yubero, R., Paúl, N., & Maestú Unturbe, F. (2019). Executive control on memory test performance across life: Test of Memory Strategies. *The Spanish Journal of Psychology*, 22, Article e50. <https://doi.org/10.1017/sjp.2019.47>
- Abramova, L. A., & Solobutina M. M. (2015). Prognozirovanie detskoi odarennosti: psichologo-pedagogicheskie aspekty problem [Forecasting children's giftedness: psychological and pedagogical aspects of the problem]. *Obrazovanie i Samorazvitiye*, 44(2), 112–118.

- Akhmetzyanova, N. V. (2015). Tvorcheskie sposobnosti i ikh osobennosti v podgotovke uchitelya v pedagogicheskem vuze [Creative abilities and their specifics in teacher training at a pedagogical university]. *Obrazovanie i Samorazvitiye [Education and Self-Enhancement]*, 43(1), 23–28.
- Antsupov, A. Ya., Kandybovich, S. L., & Timchenko, G. N. (2020). *Problemy otechestvennoi psichologii. Uzakatel' 1410 doktorskikh dissertatsii (1935–2019)* [Issues of Russian Psychology. Index of 1410 doctoral dissertations (1935–2019)]. Moscow: Prospekt.
- Aristova, I. L., Espanko, E. A., Sharafieva, K. R., Maslennikova, E. P., Chipeeva, N. A., Feklicheva, I. V., Soldatova, E. L., Fenin, A. Yu., Ismatullina, V. I., Malykh, S. B., & Kovas Yu. V. (2018). Modern approaches in the study of spatial abilities: A structure and etiology of individual differences. *Voprosy Psichologii*, 1, 118–126. (in Russian)
- Auphan, P., Ecale, J., & Magnan, A. (2019). Computer-based assessment of reading ability and subtypes of readers with reading comprehension difficulties: a study in French children from G2 to G9. *European Journal of Psychology of Education*, 34(3), 641–663. <https://doi.org/10.1007/s10212-018-0396-7>
- Belova, S. S., & Smirnova, O. M. (2015). Features of social dilemmas solving in older adolescents with different levels of intellectual abilities. *Psichologicheskaya Nauka i Obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 2(20), 43–54. <https://doi.org/10.17759/pse.2015200205> (in Russian)
- Bogdanova, O. E., Miklashevsky, A. A., Bogdanova, E. L., & Soldatenkova, O. B. (2019). Academic achievement in math and foreign language: individual characteristics and gender stereotypes. *Sibirski Psichologicheskiy Zhurnal [Siberian Journal of Psychology]*, 73, 159–175. <https://doi.org/10.17223/17267080/73/11> (in Russian)
- Bogoyavlenskaya, D. B. (2019). Philosophical fundamentals of the theory of giftedness. *Kul'turno-Istoricheskaya Psichologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 15(2), 14–21. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150202> (in Russian)
- Bogoyavlenskaya, D. B., & Bogoyavlenskaya, M. E. (2018). *Odarenost': priroda i diagnostika* [Giftedness: nature and diagnostics] (2nd ed.). Moscow: Psychological Institute of the Russian Academy of Education; Institut Izucheniya Detstva, Sem'i i Vospitaniya RAO.
- Bogoyavlenskaya, D. B., & Nizovtsova, A. N. (2017). On a problem of relationships of general, special and creative abilities on example of mathematical giftedness. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 14(2), 277–297. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2017-2-277-297> (in Russian)
- Bogoyavlenskaya, D. B., & Susokolova, I. A. (2011). *Psikhometricheskaya interpretatsiya tvorchestva. Nauchnyi vklad Dzh. Gilforda* [Psychometric interpretation of creativity. Scientific contribution of J. Guildford]. Moscow: MGPPU.
- Borisova, D. P., & Dvoryanchikov, N. V. (2015). Empaticheskie sposobnosti sotrudnikov UIS – vozmozhnosti issledovaniya i perspektivy [Empathic abilities of officers of the penal service - research opportunities and perspectives]. *Psichologiya i Pravo [Psychology and Law]*, 5(1), 58–69.
- Bushkovskaya, E. A. (2015). Proverka effektivnosti modeli mezhdisciplinarnogo obucheniya kak faktora razvitiya akademicheskoi odarenosti [Testing the effectiveness of the interdisciplinary learning model as a factor in the development of academic giftedness]. *Obrazovanie i Samorazvitiye*, 43(1), 141–146.
- Bushkovskaya, E. F. (2015). Fenomen akademicheskoi odarenosti v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyah [The phenomenon of academic giftedness in psychological and pedagogical research]. *Obrazovanie i Samorazvitiye*, 46(4), 32–35.
- Chastotnyi slovar' naibolee chasto upotrebyaemykh terminov po korpusu zhurnala "Voprosy psichologii" za 1980–2010 gg. izdaniya [Frequency dictionary of the most frequently used terms in the corpus of the journal "Questions of Psychology" for 1980–2010 editions]. (n. d.). Retrieved July 18, 2021, from <http://www.voppsy.ru/chast.htm>

- Coppola, C., Mollo, M., & Pacelli, T. (2019). The worlds' game: collective language manipulation as a space to develop logical abilities in a primary school classroom. *European Journal of Psychology of Education*, 34(4), 783–799. <https://doi.org/10.1007/s10212-018-0401-1>
- Corradi, G., Chuquichambi, E. G., Barrada, J. R., Clemente, A., & Nadal, M. (2020). A new conception of visual aesthetic sensitivity. *British Journal of Psychology*, 111(4), 630–658. <https://doi.org/10.1111/bjop.12427>
- Crosswaite, M., & Asbury, K. (2019). Teacher beliefs about the aetiology of individual differences in cognitive ability, and the relevance of behavioural genetics to education. *British Journal of Educational Psychology*, 89(1), 95–100. <https://doi.org/10.1111/bjep.12224>
- Demina, E. V., & Trubitsyna, A. N. (2016). A case study of inclusion of an intellectually gifted adolescent with autism spectrum disorder in a general education school: Risk factors and developmental resources. *Psichologicheskaya Nauka i Obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 21(3), 111–119. <https://doi.org/10.17759/pse.2016210313> (in Russian)
- Denisenkova, N. S., & Vyrotskova, V. V. (2015). Relationship between intellectual abilities and conflict competence in preschool children in various educational environments. *Sotsial'naya Psichologiya i Obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 6(1), 60–67. (in Russian)
- Druzhinin, V. N. (2007). Sposobnosti [Abilities]. In B. G. Meshcheryakov & V. P. Zinchenko (Eds.), *Bol'shoi psichologicheskii slovar'* [Large psychological dictionary] (pp. 527–528). Saint Petersburg: Praim-EVROZNAK.
- Dudina, E. A. (2018). Implementation of mentoring programs for gifted and talented children and youth (an international perspective). *Science for Education Today*, 8(6), 41–57. <https://doi.org/10.15293/2226-3365.1806.03> (in Russian)
- Efkides A. (2019). Gifted students and self-regulated learning: The MASRL model and its implications for SRL. *High Ability Studies*, 30(1–2), 79–102. <https://doi.org/10.1080/13598139.2018.1556069>
- Fedonkina, A. A. (2016). The ability of juvenile offenders with personality immaturity to conscious leadership by their actions. *Psichologiya i Pravo [Psychology and Law]*, 6(3), 178–192. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2016060313> (in Russian)
- Fedonkina, A. A. (2018). The ability of juvenile offenders to take decisions in the context of assessing criminal procedural capacity. *Psichologiya i Pravo [Psychology and Law]*, 8(2), 165–177. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080213> (in Russian)
- Flensburg-Madsen, T., & Mortensen, E. (2019). Language development and intelligence in midlife. *British Journal of Developmental Psychology*, 37(2), 269–283. <https://doi.org/10.1111/bjdp.12271>
- Flouri, E., Moulton, V., & Ploubidis, G. B. (2019). The role of intelligence in decision making in early adolescence. *British Journal of Developmental Psychology*, 37(3), 101–111. <https://doi.org/10.1111/bjdp.12261>
- Freedberg, S., Bondie, R., Zusho, A., & Allison, C. (2019). Challenging students with high abilities in inclusive math and science classrooms. *High Ability Studies*, 30(1–2), 237–254. <https://doi.org/10.1080/13598139.2019.1568185>
- Freeman, D. (2015). Possible effects of the electronic social media on gifted and talented children's intelligence and relationships. *Psichologicheskaya Nauka i Obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 20(1), 102–109. <https://doi.org/10.17759/pse.2015200111> (in Russian)
- Frick, M., Forslund, T., & Brocki, K. (2019). Does child verbal ability mediate the relationship between maternal sensitivity and later self regulation? A longitudinal study from infancy to 4 years. *Scandinavian Journal of Psychology*, 60(2), 97–105. <https://doi.org/10.1111/sjop.12512>
- Getmanenko, A. O. (2015). Development of creative thinking in the structure of musical aptitude. *Sibirskiy Psichologicheskiy Zhurnal [Siberian Journal of Psychology]*, 56, 86–99. <https://doi.org/10.17223/17267080/56/7> (in Russian)

- Getmanenko, A. O. (2016). The model of child's musical talent. *Sibirskiy Psichologicheskiy Zhurnal [Siberian Journal of Psychology]*, 59, 34–44. <https://doi.org/10.17223/17267080/59/3> (in Russian)
- Gorinov, V. V., Korzun, D. N., & Shekhovtsova, E. S. (2019). The motivation sphere and the ability to self-regulation of the accused persons with personality disorders. *Psichologiya i Pravo [Psychology and Law]*, 9(2), 208–221. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090214> (in Russian)
- Grigoriev, A. A., Koz'yakov, R. V., Lapteva, E. M., & Smirnova, O. M. (2017). Aesthetic endowment and intelligence. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 14(2), 377–386. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2017-2-377-386> (in Russian)
- Grigoriev, A. A., Smirnova, O. M., & Shiropaev, A. A. (2015). Measuring of aesthetic endowment in the domain of literature. *Sibirskiy Psichologicheskiy Zhurnal [Siberian Journal of Psychology]*, 55, 61–71. <https://doi.org/10.17223/17267080/55/3> (in Russian)
- Grushetskaya, I. N., Zakharova, Z. A., & Shcherbinina, O. S. (2019). Characteristic features of social-pedagogical work with gifted schoolchildren in modern educational settings. *Science for Education Today*, 9(1), 27–42. <https://doi.org/10.15293/2658-6762.1901.02> (in Russian)
- Hilbert, S., Bruckmaier, G., Binder, K., Krauss, S., & Bühner, M. (2019). Prediction of elementary mathematics grades by cognitive abilities. *European Journal of Psychology of Education*, 34(3), 665–683. <https://doi.org/10.1007/s10212-018-0394-9>
- Iunus, O. (2015). Tsentry nauki i iskusstv (Bilsem) kak agenty sistemy obucheniya odarennyykh uchashchikhsya v Turtsii [Science and Arts Centers (Bilsem) as agents of the education system for gifted students in Turkey]. *Obrazovanie i Samorazvitiye*, 46(4), 180–183.
- Kaplan, A., Neuber, A., & Garner, J. K. (2019). An identity systems perspective on high ability in self-regulated learning. *High Ability Studies*, 30 (1–2), 53–78. <https://doi.org/10.1080/13598139.2019.1568830>
- Kätilin, A., & René, M. (2019). Intelligence as a predictor of social mobility in Estonia. *Scandinavian Journal of Psychology*, 60(3), 195–202. <https://doi.org/10.1111/sjop.12528>
- Kearns, D. M., & Al Ghanem, R. (2019). The role of semantic information in children's word reading: Does meaning affect readers' ability to say polysyllabic words aloud? *Journal of Educational Psychology*, 111(6), 933–956. <https://doi.org/10.1037/edu0000316>
- Kholmogorova, A. B., Moskacheva, M. A., Rychkova, O. V., Pugovkina, O. D., Krasnova-Goleva, V. V., Dolnykova, A. A., Tsarenko, D. M., & Rumyantseva, Yu. M. (2015). Comparison of the ability to mentalization in patients with schizophrenia and schizoaffective psychosis based on the methodology "Understanding the mental state of the eyes". *Eksperimental'naya Psichologiya [Experimental Psychology (Russia)]*, 8(3), 99–117. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2015080310> (in Russian)
- Kholodnaya, M. A., & Emelin, A. A. (2015). Resource function of conceptual and metacognitive abilities in adolescents with different forms of dysontogenesis. *Psychology in Russia: State of the Art*, 8(4), 101–113. <https://doi.org/10.11621/pir.2015.0409>
- Kholodnaya, M. A., Trifonova, A. V., Volkova, N. E., & Sipovskaya, Ya. I. (2019). Methods of diagnosing conceptual abilities. *Eksperimental'naya Psichologiya [Experimental Psychology (Russia)]*, 12(3), 105–118. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2019120308> (in Russian)
- Kol'tsova, V. A. (2008). *Istoriya psikhologii: Problemy metodologii* [History of psychology: Problems of methodology]. Moscow: Institute of Psychology of the RAS.
- Kozlova, E. A., Bairova, N. B., & Slobodskaya, E. R. (2018). Regulatory capacities in childhood: Current knowledge and assessment methods. *Psichologicheskiy Zhurnal*, 39(4), 38–48. <https://doi.org/10.31857/S02059592000069-1> (in Russian)

- Kulivets, S. G., & Ushakov, D. V. (2016). Modeling relationship between cognitive abilities and economic achievements. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 13(4), 636–648. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2016-4-636-648> (in Russian)
- Lakin, J. M., & Wai, J. (2020). Spatially gifted, academically inconvenienced: Spatially talented students experience less academic engagement and more behavioural issues than other talented students. *British Journal of Educational Psychology*, 90(4), 1015–1038. <https://doi.org/10.1111/bjep.12343>
- Lauermann, F., Meißner, A., & Steinmayr, R. (2020). Relative importance of intelligence and ability self-concept in predicting test performance and school grades in the math and language arts domains. *Journal of Educational Psychology*, 112(2), 364–383. <https://doi.org/10.1037/edu0000377>
- Likhonov, M. V., Ismatullina, V. I., & Fenin, A. Y. (2018). The factorial structure of spatial abilities in Russian and Chinese students. *Psychology in Russia: State of the Art*, 11(4), 96–114. <https://doi.org/10.11621/pir.2018.0407>
- Lyashenko, A. K., Khalezov, E. A., & Arsalidu, M. (2017). Methods for identifying cognitively gifted children. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 14(2), 207–218. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2017-2-207-218> (in Russian)
- Mammadov, S., Cross, T. L., & Ward, Th. (2018). The Big Five personality predictors of academic achievement in gifted students: Mediation by self-regulatory efficacy and academic motivation. *High Ability Studies*, 29(2), 111–133. <https://doi.org/10.1080/13598139.2018.1489222>
- Mazilov, V. A., & Slepko, Yu. N. (2013). The psychometric paradigm in addressing problems of creativity and ability. *Voprosy Psichologii*, 6, 150–153. (in Russian)
- Mazilov, V. A., & Slepko, Yu. N. (2019). Pedagogical giftedness as a key prerequisite for efficient modern educational system. *Integratsiya Obrazovaniya [Integration of Education]*, 23(1), 37–49. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.094.023.201901.037-049> (in Russian)
- Melehin, A. I. (2019). Metacognitive abilities in the elderly: specificity and predictors. *Eksperimental'naya Psichologiya [Experimental Psychology (Russia)]*, 12(3), 47–62. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2019120304> (in Russian)
- Melik-Pashaev, A. A. (2016). Giftedness as a norm and as a vocation. *Voprosy Psichologii*, 2, 70–82. (in Russian)
- Mérida-López, S., Extremera, N., Quintana Orts, C., & Rey, L. (2019). In pursuit of job satisfaction and happiness: Testing the interactive contribution of emotion regulation ability and workplace social support. *Scandinavian Journal of Psychology*, 60(1), 59–66. <https://doi.org/10.1111/sjop.12483>
- Merzon, E. E. (2015). Problemy trudovogo vospitaniya tekhnicheskikh odarennykh uchashchikhsya v usloviyakh obshcheobrazovatel'noi shkoly [Problems of labor education of technically gifted students in a comprehensive school]. *Obrazovanie i Samorazvitiye*, 46(4), 132–137.
- Miklyaeva, A. V., Khoroshikh, V. V., & Volkova, E. N. (2019). Subjective factors of gifted adolescents' psychological well-being: a theoretical model. *Science for Education Today*, 9(4), 36–55. <https://doi.org/10.15293/2658-6762.1904.03> (in Russian)
- Miller, Ch., & Bernacki, M. L. (2019). Training preparatory mathematics students to be high ability self-regulators: Comparative and case-study analyses of impact on learning behavior and achievement. *High Ability Studies*, 30(1–2), 167–197. <https://doi.org/10.1080/13598139.2019.1568829>
- Mogil, J. S. (2019). Mice are people too: Increasing evidence for cognitive, emotional and social capabilities in laboratory rodents. *Canadian Psychology/Psychologie canadienne*, 60(1), 14–20. <https://doi.org/10.1037/cap0000166>

- Morosanova, V. I., & Bondarenko, I. N. (2016). General capacity for self-regulation: Operationalization of the phenomenon and an experimental approach to diagnosing its development. *Voprosy Psichologii*, 2, 109–123. (in Russian)
- Morosanova, V. I., Fomina, T. G., & Bondarenko, I. N. (2015). Academic achievement: intelligence, regulatory, and cognitive predictors. *Psychology in Russia: State of the Art*, 8(3), 136–157. <https://doi.org/10.11621/pir.2015.0311>
- Muffato, V., Meneghetti, C., & De Beni, R. (2020). The role of visuo spatial abilities in environment learning from maps and navigation over the adult lifespan. *British Journal of Psychology*, 111(1), 70–91. <https://doi.org/10.1111/bjop.12384>
- Münchow, H., Richter, T., Mühlen, S., & Schmid, S. (2019). The ability to evaluate arguments in scientific texts: Measurement, cognitive processes, nomological network, and relevance for academic success at the university. *British Journal of Educational Psychology*, 89(3), 501–523. <https://doi.org/10.1111/bjep.12298>
- Murafa, S. V. (2015). Mnemonic abilities of primary school children with delayed mental development. *Psychology in Russia: State of the Art*, 8(3), 98–111. <https://doi.org/10.11621/pir.2015.0308>
- Namaziandost, E., Shatalebi, V., & Nasri, M. (2019). The impact of cooperative learning on developing speaking ability and motivation toward learning English. *Journal of Language and Education*, 5(3), 83–101. <https://doi.org/10.17323/jle.2019.9809>
- Nielsen, T., Kreiner, S., & Teasdale, T. W. (2020). Assessment of cognitive ability at conscription for the Danish army: Is a single total score sufficient? *Scandinavian Journal of Psychology*, 61(2), 161–167. <https://doi.org/10.1111/sjop.12586>
- Oerke, B., McElvany, N., Ohle-Peters, A., Horz, H., & Ullrich, M. (2019). The impact of instruction and student characteristics on the development of students' ability to read texts with instructional pictures. *European Journal of Psychology of Education*, 34(2), 375–395. <https://doi.org/10.1007/s10212-018-0375-z>
- Podojnicina, M. A. (2017). Psychological and educational support for the actualization and the development of reflective abilities among young people studying at the university level. *Sibirskiy Psichologicheskiy Zhurnal [Siberian Journal of Psychology]*, 63, 75–88. <https://doi.org/10.17223/17267080/63/6> (in Russian)
- Popova, S. I. (2017). Development of self-regulation in adolescents in the context of educational process. *Psichologicheskaya Nauka i Obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 22(6), 99–108. <https://doi.org/10.17759/pse.2017220609> (in Russian)
- Ramon, M., Bobak, A. K., & White, D. (2019). Super recognizers: From the lab to the world and back again. *British Journal of Psychology*, 110(3), 461–479. <https://doi.org/10.1111/bjop.12368>
- Rodic, M., Rimfeld, K., Gaysina, D., & Kovas, Yu. V. (2018). From rare mutations to normal variation: genetic association study of mathematical, spatial, and general cognitive abilities. *Psychology in Russia: State of the Art*, 11(4), 144–165. <https://doi.org/10.11621/pir.2018.0410>
- Safuanov, F. S., Perepravina, Yu. O., & Chernenkov, A. D. (2018). Neuropsychological assessment at forensic psychological assessment of decision-making capacity. *Psichologiya i Pravo [Psychology and Law]*, 8(4), 115–127. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080411> (in Russian)
- Shadrikov, V. D. (2019a). To new psychological theory of abilities and giftedness. *Psichologicheskii Zhurnal*, 40(2), 15–26. <https://doi.org/10.31857/S020595920002981-5> (in Russian)
- Shadrikov, V. D. (2019b). *Sposobnosti i odarennost' cheloveka* [Human abilities and giftedness]. Moscow: Institute of Psychology of the RAS.

- Shadrikov, V. D., & Mazilov, V. A. (2015). *Obshchaya psichologiya* [General psychology]. Moscow: Yurait.
- Shchebetenko, S. A. (2016). The relationship between personality and short-term memory: the role of traits and reflexive characteristic adaptations. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 13(3), 538–557. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2016-3-538-557> (in Russian)
- Shcheblanova, E. I. (2017). Psychological characteristics of school adaptation in intellectually gifted adolescents. *Voprosy Psichologii*, 3, 16–27. (in Russian)
- Shumakova, N. B., & Bogopomocheva, O. A. (2015). Role of research activity in development of the picture of the world in gifted adolescents. *Voprosy Psichologii*, 3, 30–38. (in Russian)
- Sipovckaya, Ya. I. (2015). Metacognitive structure of intellectual competence in late adolescence. *Sibirskiy Psichologicheskiy Zhurnal [Siberian Journal of Psychology]*, 58, 76–87. <https://doi.org/10.17223/17267080/58/5> (in Russian)
- Sternberg, R. (2019). Teaching and assessing gifted students in STEM disciplines through the augmented theory of successful intelligence. *High Ability Studies*, 30(1–2), 103–126. <https://doi.org/10.1080/13598139.2018.1528847>
- Sun, P., Qu, Y., Wu, J., Yu, J., Liu, W., & Zhao, H. (2018). Improving Chinese teachers' stress coping ability through group sandplay. *The Spanish Journal of Psychology*, 21, Article e65. <https://doi.org/10.1017/sjp.2018.69>
- Tao, T., & Jiannong, S. (2018). Enriched education promotes the attentional performance of intellectually gifted children. *High Ability Studies*, 29(1), 23–35. <https://doi.org/10.1080/13598139.2017.1423043>
- Tikhomirova, T. N., Khusnutdinova, E. K., & Malykh, S. B. (2019). Cognitive characteristics in primary school children with different levels of mathematical achievement. *Sibirskiy Psichologicheskiy Zhurnal [Siberian Journal of Psychology]*, 73, 159–175. <https://doi.org/10.17223/17267080/73/10> (in Russian)
- Tikhomirova, T. N., Modyaev, A. D., Leonova, N. M., & Malykh, S. B. (2015). Factors of academic achievement at primary school level: Sex differences. *Psichologicheskii Zhurnal*, 36(5), 43–54. (in Russian)
- Valueva, E. A., Belova, S. S., & Morozova, O. A. (2017). Cultural relevance of abilities and psychometric properties of cognitive tests. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 14(3), 491–500. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2017-3-491-500> (in Russian)
- Valueva, E. A., Grigor'ev, A. A., & Ushakov, D. V. (2015). Dyssynchrony of cognitive development in intellectually gifted children: Structure-dynamic approach. *Psichologicheskii Zhurnal*, 36(5), 55–63. (in Russian)
- Veraksa, A. N., Yakupova, V. A., & Martynenko, M. N. (2015). Symbolization in the structure of abilities in children of preschool and school age. *Kul'turno-Istoricheskaya Psichologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 11(2), 48–56. <https://doi.org/10.17759/chp.2015110205> (in Russian)
- Voronin, A. N. (2018). Psychology of discursive capabilities: Vectors of development. *Psichologicheskii Zhurnal*, 39(3), 113–123. <https://doi.org/10.7868/S0205959218030108> (in Russian)
- Wang, L. (2020). Mediation relationships among gender, spatial ability, math anxiety, and math achievement. *Educational Psychology Review*, 32(1), 1–15. <https://doi.org/10.1007/s10648-019-09487-z>
- Xie, F., Zhang, L., Chen, X., & Xin, Z. (2020). Is spatial ability related to mathematical ability: a meta-analysis. *Educational Psychology Review*, 32(1), 113–155. <https://doi.org/10.1007/s10648-019-09496-y>

Vladimir A. Mazilov — Professor, Head of the Department, Department of General and Social Psychology, Faculty of Social Management, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, DSc in Psychology.

Research Area: history, methodology and theory of psychology, general psychology, social psychology.

E-mail: v.mazilov@yspu.org

Yuriii N. Slepko — Dean, Faculty of Education, Associate Professor, Department of General and Social Psychology, Department of Social Management, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, PhD in Psychology.

Research Area: educational psychology, history and methodology of psychology.

E-mail: slepko@inbox.ru

НЕЙРОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ РЕШЕНИЯ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ТВОРЧЕСКИХ ЗАДАЧ: ИНСАЙТ И/ИЛИ КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ?

О.М. РАЗУМНИКОВА^а

^а Новосибирский государственный технический университет, 630073, Россия, Новосибирск, пр. К. Маркса, д. 20

Резюме

Рассмотрены разные точки зрения на процессы взаимодействия нейронных сетей мозга при селекции информации и принятия решения на основе инсайта или критического анализа идей, сгенерированных при тестировании креативности. Для изучения сочетания разных когнитивных операций в креативности предложены модели BVSR (Blind Variation and Selective Retention) и «GENELORE» (Generate and Explore). Анализ возникновения инсайта в экспериментальных исследованиях выполняется с использованием задач на эвристическое мышление, восприятие двойственных фигур, теста отдаленных ассоциаций слов (RAT) или составных отдаленных ассоциаций (CRA). Приведены сведения о наиболее устойчивом ЭЭГ-корреляте инсайта: синхронизации альфа-биопотенциалов и изменениях выраженности и регионарной специфики этого эффекта, обусловленных особенностями креативного задания. Результаты томографических исследований выявили ключевое значение специфичных паттернов «преднастройки» нейронных сетей дефолтной и исполнительной систем и динамики взаимодействия лобных и теменных областей мозга, отражающих разные показатели креативности. Показаны роль критического анализа решения проблемы, модулирующая творческий процесс, и значение тормозных функций в селекции релевантной информации. Включение в поиск решения проблемы противоположных процессов — конвергентного или дивергентного мышления, направленного или дефокусированного и интернального или экстернального внимания — сопровождается временной и структурной реорганизацией активации или торможения в нейронных системах мозга. Ведущими структурами мозга, необходимыми для переключения разных стратегий селекции информации и выбора ответа при решении экспериментальных творческих задач в зависимости от их сложности и содержания, являются префронтальная, цингулярная области коры и гиппокамп.

Ключевые слова: креативность, инсайт, критическое мышление, селекция информации, тормозные функции, нейронные сети, электроэнцефалография, томография.

Развитие технических средств регистрации активности мозга и математических методов анализа этих данных стало основой интенсивных исследований закономерностей процессов мышления, в том числе творческого мышления

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-29-001017).

(Beaty et al., 2016, 2018; Benedek et al., 2014; Khalil et al., 2019; Dandan et al., 2013). При этом выделяются два принципиально разных пути поиска новых решений: реконструкция восприятия проблемы (т.е. увидеть ее в новом свете) и концептуальная реконструкция (разные формы понимания ситуации). Изучение инсайта — спонтанного решения проблем разного характера, не только решения задач при тестировании креативности, — вызывает особый интерес как способность внезапного ясного понимания проблемы или ситуации. Согласно одной из моделей креативности, спонтанность и неосознанность формирования инсайта наряду со стратегией планирования рассматриваются как разные режимы креативного мышления (Dietrich, 2004; Dietrich, Kanso, 2010). Интерес к пониманию нейробиологии инсайта подчеркивается резко возросшим числом публикаций по этой теме: 771 за последние 5 лет, согласно базе PubMed. Однако обзор литературы, посвященный выяснению нейробиологических основ инсайта, выявил «противоречивость и гетерогенность результатов проведенных исследований» (Бакулин и др., 2020, с. 81), вследствие чего сделано заключение о необходимости дальнейшего продолжения междисциплинарных исследований инсайта.

В экспериментальных условиях выяснения закономерностей возникновения инсайта обычно применяется самоотчет об использованной стратегии решения поставленной задачи, наряду с инсайтом задействуется последовательный перебор спонтанно или целенаправленно возникающих идей и выбор наиболее подходящей. Такая аналитическая стратегия творческого мышления особенно важна для решения научных и технических проблем (Lawson, 2010; Wechsler et al., 2018). Настоящий обзор посвящен описанию нейрофизиологических процессов, связанных с принципиально разными механизмами креативности: инсайтом или аналитическим способом решения экспериментальных творческих задач и соответствующими им разными формами селекции информации.

Нейрофизиологические корреляты инсайта при решении творческой задачи

Согласно определению инсайта, данному в Психологическом словаре, это «внезапное и невыводимое из прошлого опыта понимание существенных отношений и структуры ситуации в целом, посредством которого достигается осмысленное решение проблемы» (Психологический словарь, 2007, с. 274). Таким образом, основными характеристиками инсайта являются внезапность нахождения решения проблемы и уверенность в том, что это именно то решение, которое требуется. Для анализа возникновения инсайта в экспериментальных исследованиях применяют задачи на эвристическое мышление, восприятие двойственных фигур либо тест отдаленных ассоциаций слов (RAT) или составных отдаленных ассоциаций (CRA) (Бакулин и др., 2020; Шелепин, Шелепин, 2015; Sprugnoli et al., 2017; Webb et al., 2016). RAT используется в нейрофизиологических исследованиях сравнительно чаще других и имеет разнообразные модификации. В связи с тем, что в качестве

одной из причин противоречивости в нейробиологических коррелятах инсайта отмечено разнообразие используемых методик (Бакулин и др., 2020; Dietrich, Kanso, 2010), остановимся преимущественно на тех результатах исследований инсайта, которые получены с применением RAT, так как эта методика часто используется для изучения нейрофизиологических механизмов инсайта.

RAT включает набор триад слов, к которым необходимо подобрать словоассоциацию (Mednick, 1962; Mednick, Mednick, 1971). В первоначальном варианте теста на поиск ответов для 30 триад отводилось 40 минут, и, согласно полученным результатам, наиболее оригинальные идеи возникали в конце выполнения задания вместе со снижением беглости их генерации. Потенциальное разнообразие возможных ответов позволяет отнести RAT к заданиям, выявляющим способность к дивергентному мышлению. Оригинальность ответов при этом определяется на основе сравнения с имеющейся базой слов-ассоциаций, частота встречаемости которых и определяет степень их стереотипности или новизны (Разумникова, Ларина, 2005; Razumnikova, 2007). Выделено несколько систематических стратегий поиска ассоциаций: догадки возникают либо локально в семантическом пространстве одного из трех слов, либо вследствие его реструктуризации в ходе первых неудачных попыток, либо как эвристика (Fleck, Weisberg, 2013; Smith et al., 2013). Часто RAT рассматривают как тест на конвергентные вербальные способности. Это происходит в том случае, когда конструкция триады слов предусматривает только один правильный ответ: например, при составлении сложных слов из нескольких простых (CAT – Compound Associate Test – Kizilirmak et al., 2016; Webb et al., 2016).

В нейрофизиологических исследованиях используют RAT на английском (Beeman, Bowden, 2000), китайском (Qiu et al., 2010), русском (Разумникова, Ларина, 2005; Razumnikova, 2007) и других языках с вариацией количества триад-стимулов от 20 до 192. Рассмотрим несколько ключевых, с нашей точки зрения, работ с применением RAT для исследования вербальной креативности.

Первые нейрофизиологические исследования инсайтной стратегии выполнения RAT показали доминирование правого полушария при воспроизведении необычных ассоциаций (Beeman, Bowden, 2000) и специализацию правой передней части височной извилины при использовании инсайтной стратегии по сравнению с неинсайтной (Jung-Beeman et al., 2004). ЭЭГ-коррелятами инсайта оказались альфа- и гамма-осцилляции: ответу предшествовало повышение мощности альфа-ритма с последующим ростом гамма-биопотенциалов. Сходный эффект локализации вызванной инсайтом нейронной активности в верхней части правой височной извилины был также показан при анализе ЭЭГ-коррелятов другой вербальной задачи – китайских анаграмм (Zhang et al., 2011). Позднее была установлена связь инсайтной стратегии с внутренним вниманием и «грубым» (coarse) правополушарным семантическим кодированием (Kounios, Beeman, 2014). Следует отметить, что для различения инсайтной или неинсайтной стратегий обычно используется самоотчет участников исследования, что внушает опасения в его точности. Однако

существует точка зрения, что именно такой подход оказывается наиболее приемлемым для экспериментального изучения инсайта (Laukkonen, Tangen, 2018).

Специально организованный эксперимент, в котором испытуемые не только идентифицировали инсайтную стратегию, но и отмечали ответы с генерацией нового решения или узнавания верного ответа среди предъявленных, выявил разную реактивность альфа-ритма (Rothmaler et al., 2017). Так называемому «внутреннему» инсайту предшествовало повышение мощности альфа-колебаний в правой теменной области коры, тогда как «внешнему» (узнаванию ответа) — снижение. Эти разнонаправленные реакции авторы связали с ориентацией на внутренний или внешний фокусы внимания соответственно.

Правополушарной гипотезы генерации инсайта придерживаются авторы фМРТ-исследования с использованием экспериментальной ситуации отгадывания китайских загадок, так как специфичным коррелятом инсайта оказалось усиление функциональной связности между нейронными ансамблями в нижней лобной и средней височной извилинах правого полушария, тогда как билатеральная активация этих областей мозга, а также гиппокампа была общим эффектом вне зависимости от применяемой стратегии решения загадки (Zhao et al., 2014). Вместе с этим на основе оценки энтропии фМРТ-сигнала обнаружена большая левополушарная специализация нижней лобной и средней височной извилин для эффективности дивергентного вербального мышления, что рассматривается авторами исследования как доказательство включения этих структур в регуляцию когнитивной гибкости и тормозный контроль селекции ответов (Shi et al., 2020).

С использованием фМРТ показана связь креативности и регионарной специфичности в структурной организации мозга (Li et al., 2019). Оригинальность ответов при выполнении RAT положительно коррелировала с показателем плотности серого вещества в правой передней верхней височной извилине, но отрицательно — в правой дорзальной части передней цингуллярной коры, тогда как с плотностью белого — связь в этой части цингуллярной коры была, напротив, положительна, а негативная корреляция отмечена для левой верхней фронтальной извилины. Эти результаты рассматриваются как подтверждение модели BAIS (Bilateral Activation, Integration, and Selection) (Jung-Beeman, 2004; Virtue et al., 2008), согласно которой для поиска вербального ответа требуются три семантические функции: семантическая активация, семантическая интеграция и семантическая селекция. Эти функции поддерживаются билатеральной активностью трех участков мозга, расположенных в задней средней и верхней височной извилинах, передней средней и верхней височной и нижней лобной извилинах.

Результаты другого исследования RAT выявили ключевое значение височных областей коры в интеграции активности распределенной нейронной сети, включающей теменную, веретенообразную и угловую извилины, для дискриминации отдаленных и тесно связанных ассоциаций (Shen et al., 2017). Формирование отдаленных ассоциаций сопровождалось повышением

показателя эффективности связности в узлах, расположенных в перечисленных областях с доминированием правого полушария, тогда как для стереотипных ассоциаций было характерно снижение этого показателя в средней височной извилине.

Поиск оригинального ответа-ассоциации на предложенные стимулы предполагает активацию системы семантически организованной памяти. Исследование нейрофизиологических коррелятов САТ, выполненное на основе фМРТ, выявило, что инсайтное решение сопровождалось активацией ростральной части передней цингулярной коры/медиальной префронтальной коры и левой части гиппокампа (Kizilirmak et al., 2016). Авторы полагают, что такая регионарная специфика активации коры отражает реакцию на новизну сгенерированной идеи и обнаружение новых ассоциаций элементов и новых отношений между ними. Распределенная нейронная система с включением в нее правой префронтальной, передней цингулярной коры и инсулы обнаружена при инсайтном решении анаграмм, сравниваемом с поисковой стратегией, начальный этап которой включает функции зоны Брука и правой инсулы (Aziz-Zadeh et al., 2009). Авторы этого исследования полагают, что функции правой префронтальной и передней цингулярной коры отражают процессы внимания и перебора разных вариантов решения задачи как необходимые для инсайта процессы. Другая широко распределенная система мозговых структур, включающая дефолтную, семантическую и моторную системы, обнаружена с использованием фМРТ и последующим выполнения батареи заданий для тестирования инсайта (Ogawa et al., 2018). Специфическим коррелятом инсайта оказался объем серого вещества в левой части мозжечка и правой добавочной моторной области.

Значение сетей «бодрствующего покоя»: дефолтной нейронной сети и системы исполнительного контроля на разных этапах решения творческих задач — подробно обсуждается в статье Б.М. Величковского с соавт. (Величковский и др., 2019). Взаимодействие этих систем, согласно результатам серии исследований, выполненных Р. Бити с коллегами (Beatty et al., 2014a, 2014b, 2015, 2016, 2019), связано со стадией дивергентного мышления и с индивидуальными способностями к его осуществлению за счет кооперации нейронных сетей дефолт-системы, центральным звеном которой является задняя часть цингулярной коры, и исполнительной системы с функциональным «узлом» в дорзолатеральной префронтальной коре. Такая кооперация предположительно отражает эффекты спонтанного мышления как «преднастройки» к последующей когнитивной деятельности с фокусированием интернального внимания и целенаправленным top-down контролем извлечения информации из памяти с подавлением доминантного, но неподходящего, согласно субъективной оценке, ответа.

Инсайт как способ решения проблемы, поставленной при изучении креативного мышления, представляет парадоксальные моменты психологических механизмов творчества, так как эта внезапно возникающая идея решения проблемы как озарение признается единственной верной (что является характеристикой конвергентного мышления), хотя, с другой стороны, признанной основой

творческого процесса является генерация множества идей как результат гибкого и разнообразного дивергентного мышления.

Хорошо известная четырехфазная модель творческого процесса, предложенная Г. Уоллесом, с логическим анализом постановки проблемы на его начальном этапе и критическим выбором наиболее подходящего варианта ответа в финальной фазе (см., например: Sadler-Smith, 2015) подтверждается результатами метаанализа публикаций, посвященных изучению нейрофизиологических коррелятов инсайта (Shen et al., 2018). Сделаны выводы о наличии интегрированной сети областей, активируемых инсайтом, которая включает правую медиальную лобную извилину, левую нижнюю лобную извилину, левую миндалину и правый гиппокамп, причем эти участки мозга в разной степени включались на протяжении четырех этапов решения проблемы. На стадии постановки задачи большая активация была отмечена для левой передней части поясной извилины, а период инкубации был представлен широко распределенной сетью структур в передней части мозга (BA 6, 8, 44 и 47) и средней затылочной извилины (BA 19). В процессе озарения доминировала активность правого гиппокампа и левой миндалины, а верификация ответа была связана с функциями правой нижней части лобной извилины. Согласно заключению авторов другого обзора нейрофизиологических коррелятов креативности, вариативность структур мозга, включенных в поиск решения поставленной проблемы, определяется не только его временной динамикой, но и самим типом и сложностью задания и необходимыми для решения когнитивными ресурсами (Dietrich, Kanso, 2010).

Неоднородность процессов поиска оригинальной идеи отражена в других моделях творческого мышления. Согласно структурно-уровневому подходу, инсайт возникает вследствие смены доминирующих уровней мышления и передачи найденного решения с интуитивного уровня на логический (Пономарев, 1976), что отражается в особенностях распространения активации в семантической сети (Валуева, 2015). В ходе анализа динамики репрезентации проблемы и/или пространства поиска решения показано, что исходную репрезентацию проблемы определяют закономерности процессов восприятия и ресурсы знания, а последующие изменения обусловлены результативностью деятельности, для чего требуется последовательная реструктуризация пространства концептуального знания с расширением или ограничением поля поиска идей с использованием аналитических операторов (Öllinger et al., 2014).

Таким образом, результаты нейрофизиологических исследований инсайтного решения верbalных задач указывают на вовлечение нейронных сетей преимущественно височной коры и гиппокампа, выполняющих функции семантически организованной системы памяти. Остаются, однако, неясными механизмы генерации ассоциаций идей и их «весовой» значимости, определяющей передачу информации с интуитивного уровня на логический для уверенного осознания решения. Отмеченные выше ЭЭГ- и фМРТ-корреляты инсайта, представленные в префронтальной и цингулярной коре, которые выполняют функции выбора релевантной информации и контроля принятия

решения (Aziz-Zadeh et al., 2009; Kizilirmak et al., 2016; Li et al., 2019), могут отражать финальную его фазу: признание верной возникшей в уме догадки. Критическое мышление как когнитивная стратегия, состоящая из последовательного логического рассуждения, анализа и проверки истинности возникающих идей на основе известных критериев, противопоставляется творческому вследствие внезапности и неосознанности инсайта как способа решения творческой задачи. Основными функциями критического мышления являются аргументированная селекция, оценка и контроль решения проблемы (Халперн, 2000). Вследствие обнаруженной связи функциональной активности префронтальной и цингулярной коры и с исполнительным контролем когнитивной деятельности, и с инсайтом возникает вопрос о причинах такого эффекта. Имеет смысл рассмотреть нейрофизиологические корреляты критического мышления как необходимого этапа творческой деятельности.

Нейрофизиологические корреляты критического мышления при решении творческой задачи

Предложенная Дж.П. Гилфордом модель интеллекта с выделением конвергентных и дивергентных ментальных операций, несмотря на критические замечания относительно ее психометрической ценности (Богоявленская, 2004), остается актуальной для нейрофизиологических исследований и сегодня, представляя сочетание разных уровней мышления, необходимое для постановки и/или решения новой проблемы (Разумникова, 2009б; Benedek et al., 2011, 2014; Fink, Benedek, 2014; Jauk et al., 2013; Razumnikova, 2000; Runcu, Yoruk, 2014). Дивергентное мышление отражает способность к гибкому поиску разнообразных способов решения проблемы, каждое из которых может быть признано верным. «Необычное использование обычного предмета» — проблемная ситуация, позволяющая оценить количественный показатель генерации идей, оригинальность которых определяется частотой встречаемости или мнением эксперта. При отсутствии критического отношения к спонтанно возникающим вариантам решения такой задачи требуемая новизна и оригинальность вряд ли может быть достигнута.

Сочетание разных когнитивных операций в креативности заложено в моделях BVSR (Blind Variation and Selective Retention) (Campbell, 1960; Simonton, 2011, 2013) или «GENEPLORE» (Generate and Explore) (Finke et al., 1992). Поиск решения, согласно BVSR, влечет за собой как систематические, так и стохастические комбинаторные процедуры, которые включают избыточность «слепых» вариаций разнообразных ассоциаций, расфокусированное внимание с выборочным удержанием идей и эвристический поиск с использованием индивидуальных критериев идентификации ответа, согласно компетенциям в исследуемой предметной области. Выделяют исследовательскую и отборочную формы BVSR. Согласно модели GENEPLORE, творческий процесс мышления — это активный и целенаправленный процесс с повторяющимися состояниями с фазой генерации новой идеи на основе формирования ассоциаций следов памяти и исследованием этих идей в позиций возможного

применения с учетом различного контекста. Подобный компонент — настойчивое исследование разных возможностей решения проблемы в сочетании с гибкой обработкой информации — заложен в модели креативности DPCM (Dual Pathway to Creativity model) (Nijstad et al., 2010). Таким образом, каждая из упомянутых моделей креативности наряду со спонтанным поиском идей «вширь» включает их аналитическую обработку «вглубь» и построение плана дальнейшего поиска, исходя из принимаемого решения о путях достижимости результата.

Интегральным психометрическим показателем успешности аналитического мышления и эффективности контроля ментальных операций можно считать IQ, именно поэтому достаточно много нейрофизиологических исследований посвящено изучению специфики регионарного взаимодействия между функциональными нейронными системами, включенными в контроль когнитивных операций (например: Разумникова, 2009б; Beaty et al., 2014b; Benedek et al., 2011, 2014; Santarnecchi et al., 2017). Имеются доказательства значимого вклада когнитивного контроля в показатели как интеллекта, так и креативности (Benedek et al., 2014; Chuderski, Necka, 2010; Chen et al., 2019; Chrysikou, 2019). Эти данные, а также положительные корреляции как флюидного, так и генерализованного компонентов интеллекта с показателями креативности (Beaty et al., 2014b; Cho et al., 2010; Jauk et al., 2013) при усилении этой связи после инструкции придумывать оригинальные решения, а не генерировать как можно больше разнообразных вариантов (Nusbaum, Silvia, 2011), указывают на важность когнитивного контроля в творческом мышлении.

Свидетельства в пользу общей для креативности и интеллекта функциональной системы с включением ее отдельных звеньев в зависимости от стратегии решения проблемы и ее специфики получены на основе данных о том, что связанная с флюидным интеллектом нейронная сеть объединяет заднюю систему внимания с передней системой различения значимости информации разной модальности (salience network) и левой фрonto-париетальной системой контроля (Santarnecchi et al., 2017).

Однако анализ соотношения творческих способностей и интеллекта с применением теории управления сетью данных при структурной визуализации мозга, полученных с помощью диффузионного тензорного изображения (Kenett et al., 2018), выявил специфику нейрофизиологических коррелятов этих показателей. Оказалось, что интеллект связан со способностью смещать активность мозговой системы в легко достижимые состояния с функциональным центром в правой нижней теменной доле, а креативность — со способностью формировать сложные состояния за счет активности правой дорзолатеральной префронтальной коры при высоких интеграционных способностях сенсомоторных нейронных сетей и взаимодействии дефолтной и исполнительной систем мозга (DMN и ECN). Выше уже упоминалось об особенностях взаимодействия этих систем (Величковский и др., 2019; Beaty et al., 2014a, 2016), отражающих соотношение процессов спонтанной или целенаправленной селекции информации. Отметим, что продолжение фМРТ-исследований в этом направлении с привлечением выборки из 370 человек и анализом связей

функций DMN и ECN с показателями вербальной креативности (тест Гилфорда «Необычное использование») под контролем вклада таких факторов, как пол, возраст и уровень IQ, выявило динамическую реконфигурацию этих нейронных сетей в покое, обусловленную функциональным включением в разные процессы памяти и внимания (Feng et al., 2019). Положительные корреляции с вербальной креативностью были значимы для показателей интеграции левых частей языковой и средней височной извилины в DMN и интеграции DMN и мозжечка, слуховой системы и лобно-теменной системы контроля, а также для двусторонней постцентральной извилины, принадлежащей сенсорной/соматомоторной сети. Обнаруженная регионарная специфика карт коннективности, согласно заключению авторов этого исследования, была связана с необходимостью обеспечения генерации креативных идей и выделения полезной информации.

Анализ соотношения разных функций когнитивного контроля с интеллектом и креативностью выявил положительный вклад функции обновления в уровень флюидного интеллекта и торможения совместно с обновлением — в креативность (Benedek et al., 2014). Эти функции представлены анатомически дорзолатеральной областью префронтальной коры и ассоциируются с показателем беглости, тогда как оригинальность связана с функцией переключения, представленной в ростральной части префронтальной коры (Chrysikou, 2019). Выбор оптимального решения является результатом гибкого переключения спонтанных процессов DMN и разнообразного сочетания функций исполнительного контроля селекции информации: гибкости внимания с переключением между разными альтернативами и снижения функциональной фиксированности вследствие ослабления тормозных процессов, что способствует генерации новых идей. Заключение о сочетании интернально сфокусированного внимания, целенаправленного извлечения информации из памяти и торможения доминантного, функционально фиксированного ответа как основных когнитивных процессах творческой деятельности сделано на основе анализа связанной с креативностью динамики взаимодействия нейронных сетей мозга (в том числе DMN, ECN и вентральной сети внимания) (Beatty et al., 2018).

Для поиска тех механизмов внимания, которые лежат в основе результирующего решения поставленной креативной задачи, был выполнен ряд целенаправленных исследований, на результатах которых остановимся ниже.

Особенности селекции информации при критическом мышлении или инсайте

В качестве разных форм селекции информации, связанной с креативностью, рассматриваются механизмы обработки сенсорных потоков и их исполнительный контроль («bottom-up» и «top-down» соответственно), интернального и экстернального или «дефокусированного» и направленного внимания (Benedek et al., 2011; Fink, Benedek, 2014; Martindale, Hines, 1975). Перечисленные формы селекции информации объединяет противопоставление

функций исполнительной системы когнитивного контроля и особенностей функциональной активации в сенсомоторной системе для выяснения закономерностей их взаимодействия. Так, согласно гипотезе «оппортунистической ассилияции», новая идея возникает под воздействием триггера из окружающей среды (Seifert et al., 1995). С другой стороны, в качестве основы творческой идеи предлагается целенаправленная инициация новых комбинаций отдаленных ассоциаций (слов при использовании RAT или других вербальных заданий или образов при тестировании невербальной креативности) в процессе дивергентного мышления (Finke et al., 1992; Ansburg, Hill, 2003).

Согласно результатам анализа ЭЭГ-коррелятов креативности, возникла гипотеза, что успех в генерации оригинального ответа следует связать с «дефокусированным» вниманием, т.е. распределением функциональной активации в широко представленном семантическом пространстве или распределенных нейронных сетях (Разумникова, 2009а; Martindale, Hines, 1975). Действительно, серия исследований в этом направлении показала ассоциированное с креативностью снижение активации в лобных областях коры, согласно обнаруженному повышению синхронизации альфа-ритма (Benedek et al., 2011; Fink, Benedek, 2014; Razumnikova, 2007). Эффект повышения синхронизации альфа-осцилляций интерпретируется как показатель усиления интернального внимания, которое требуется для эффективного поиска оригинальной идеи с сопряженным ограничением ресурсов обработки экстернально поступающей информации (Fink, Benedek, 2014). В пользу гипотезы дефокусированного внимания рассматриваются результаты исследования инсайта с использованием китайских логографов, однако в этом случае повышение мощности альфа-ритма при успешной инсайтной стратегии было отмечено не в лобных, а в теменно-затылочных отделах коры (Cao et al., 2015). Генерализованное повышение альфа-колебаний предположительно отражает дефокусированную селекцию информации в широко распределенных нейронных сетях, представляющих семантическое пространство поиска новых идей. Вместе с этим для обозначения активированных на высоких частотах локально организованных нейронных ансамблей, которые оптимальным образом координируются (синхронизируются) для решения проблемы на фоне удаленного взаимодействия нейронных сетей, предложено понятие «дифференциальное внимание» (Petsche, 1996; Razumnikova, 2000).

Результаты других исследований указывают, что креативность скорее характеризуется эффективным переключением с дефокусированного внимания, которое необходимо для решения неявной, двойственной проблемы, к фокусированному в условиях четко очерченной задачи (Vartanian, 2009; Zabelina, Robinson, 2010). Показаны различия в ресурсах внимания у креативных и аналитических лиц: лучшее выполнение RAT сочеталось со способностью к диффузному вниманию (использованию периферической подсказки для решения анаграмм), тогда как эффективность решения дедуктивных заданий не была связана с этой способностью (Ansburg, Hill, 2003). При сопоставлении особенностей внимания и выполнения задания на составные отдаленные ассоциации установлено, что, если оно следует за выполнением другого

задания, требующего концентрации внимания, участники исследования сообщали об использовании аналитического способа решения творческого задания, а после того, как они занимались быстрой идентификацией объекта, требующей внимания к широкому пространству и слабым ассоциациям, сообщали об использовании инсайта (Wegbreit et al., 2012). Более широкое поле селекции информации при дивергентном мышлении было показано и в другом исследовании, причем RAT в этом случае рассматривалась как задача, совмещающая дивергентный и аналитический подходы (Wronska et al., 2018).

Подобное объяснение поиска ассоциации с функциональным объединением процессов целенаправленного поддерживающего выполнение задания внимания с «дефокусированным» и «дифференцированным» было предложено для объяснения выявленного паттерна низкочастотных тета- и альфа1- и высокочастотных бета2-осцилляций при анализе ЭЭГ-коррелятов генерации удаленных ассоциаций по сравнению с простыми ассоциативными цепочками (Razumnikova, 2007). Полученные результаты показали регионарно широко представленную активацию коры на частоте бета2-диапазона вместе с повышением мощности тета-ритма в лобных областях и десинхронизацией альфа1,2-ритма в задних отделах коры. Оригинальность ответов при выполнении RAT положительно коррелировала с повышением когерентности бета2-биопотенциалов фрonto- pariетальной коры и с повышением не только когерентности, но и мощности альфа1-ритма в височных и теменных областях левого полушария.

Инструкция мысленной оценки сгенерированной идеи не только сопровождается синхронизацией высокочастного альфа-ритма в лобных областях коры, но и усиливает этот эффект при генерации идеи, что рассматривается как повышение интернального внимания к репрезентации интернальной памяти (Hao et al., 2016). Таким образом, критическое мышление может служить стимулятором творческого решения проблемы, хотя, согласно описанному ЭЭГ-корреляту, не отличается от спонтанного поиска оригинальной идеи.

Известны положительные эффекты подсказки или переноса решения по аналогии и обучения креативности, однако реализуются они не всегда и даже могут иметь негативное влияние за счет фиксации на предложенных примерах (Holyoak, Morrison, 2005; Osman, 2008). Торможение фиксационного эффекта, в свою очередь, оказывает положительное влияние на оригинальность решения креативной задачи (Agogué et al., 2014; Chrysikou et al., 2016). Исследование нейрофизиологической природы фиксации выявило регионарную специфику синхронизации альфа-биопотенциалов в лобных и височно-теменных областях коры с большим эффектом для лиц, способных находить удаленные ассоциации (как полагают авторы, за счет интернально организованных сематических ассоциаций и селективных процессов) (Camarda et al., 2018).

Положительная связь способностей к дивергентному мышлению и когнитивного торможения обнаружена также с использованием показателей выполнения задач Струпа или Навона (Edl et al., 2014; Zabelina, Robinson,

2010), в которых эффект торможения оценивается эффективностью разрешения конфликта между цветовым и семантическим значением стимула или его локальных и глобальных свойств. В этом случае речь идет об особенностях экстернального внимания, связанных с креативностью.

Анализ значения тормозного контроля в эффективности креативного мышления, выполненный с учетом фактора возраста, показал, что индивидуальная стратегия генерации креативной идеи представляет комбинацию принципиально разных когнитивных процессов с использованием ресурсов имплицитной или эксплицитной памяти и формированием фиксационного эффекта вследствие развития исполнительного контроля поведения в раннем онтогенезе или сохранности гибкого мышления даже на его поздних стадиях, позволяющего адаптироваться к новым условиям жизни (Разумникова, Николаева, 2019).

При изучении механизмов креативности особый интерес вызывают организация семантического пространства и закономерности такого извлечения информации, которые приводят к новому решению проблемы. В связи с этим задача использования предмета была рассмотрена с альтернативной оценкой «распространенное—необычное» и «пригодное—непригодное» (Rataj et al., 2018). Относительно большая активность теменно-затылочных участков коры правого полушария в высокочастотном альфа-диапазоне и передних отделов левого полушария по сравнению с правым в низкочастотном альфа-диапазоне отмечена для альтернативного использования по сравнению с обычным. Эти изменения альфа-биопотенциалов при оценке альтернативы авторы связывают с большими требованиями к семантической обработке информации с созданием концептуальных повторных представлений и соответствующим повышением ресурсов внимания, о чем свидетельствует не только низкочастотная альфа-реактивность, но и большие амплитуды поздних компонентов вызванного потенциала.

Доказательства в пользу дуальной модели креативности (Nijstad et al., 2010) получены вследствие обнаруженной U-образной динамики мощности альфа-колебаний с ее повышением как на начальном этапе поиска идей с опорой на ассоциативное мышление и ресурсы памяти, так и при финальной их разработке и оценке на основе процессов исполнительного контроля (Rominger et al., 2019).

Таким образом, описанные особенности внимания (и их соответствующие экспериментальные доказательства) отражают необходимые для креативного выполнения задания компоненты селекции информации: либо критический перебор множества идей на основе сознательно актуализированных ресурсов семантической или эпизодической памяти, либо селекция информации осуществляется, не достигая сферы сознания. Структурами мозга, необходимыми для переключения разных стратегий селекции информации и выбора ответа при решении экспериментальных творческих задач в зависимости от их сложности и содержания, в первую очередь являются префронтальная и цингулярная области коры. Временная динамика и степень доминирования каждого компонента функциональной нейронной системы определяются не толь-

ко условиями экспериментального задания, но и индивидуальной «преднастройкой» мозга для его решения. Поэтому столь значительное внимание уделяется в последнее время поиску закономерностей во взаимодействии исполнительной и дефолтной нейронных сетей мозга для объяснения механизмов творческой деятельности и стимуляции творческого потенциала (Величковский и др., 2019; Beaty et al., 2014a, 2015, 2016, 2018, 2019; de Pisapia et al., 2016; Feng et al., 2019; Ogawa et al., 2018; Shi et al., 2018; Sunavsky, Poppenk, 2020).

Можно заключить, что решение экспериментальной творческой задачи возможно на основе как инсайта, так и критического анализа идей, возникающих при поиске нестандартного ответа. ЭЭГ-коррелятом инсайта является синхронизация альфа-биопотенциалов, а регионарная специфика этого эффекта обусловлена особенностями креативного задания; например, височные и префронтальные области связываются с инсайтом при тестировании вербальной креативности. Результаты томографических исследований выявили ключевое значение паттернов «преднастройки» нейронных сетей покоя: дефолтной и исполнительной систем в лобных и теменных областях мозга, причем разные участки лобной коры связаны с разными показателями креативности. Гетерогенность творческого процесса отражается совмещением критического анализа возможных вариантов решения проблемы и инсайта. Структурами мозга, необходимыми для извлечения информации из памяти и гибкого использования разных стратегий селекции информации с целью выбора оригинального ответа при решении экспериментальных творческих задач, являются префронтальная и цингулярная области коры и гиппокамп. Включение в поиск решения проблемы противоположных когнитивных процессов — конвергентного или дивергентного мышления, направленного или дефокусированного и интернального или экстернального внимания — сопровождается временной и структурной реорганизацией активации или торможения в широко представленных нейронных системах мозга, регионарная специфика которых зависит от сложности и содержания заданий для тестирования креативности.

Литература

- Бакулин, И. С., Пойдашева, А. Г., Медынцев, А. А., Лагода, Д. Ю., Кремнева, Е. И., Легостаева, Л. А., Синицын, Д. О., Супонева, Н. А., Пирадов, М. А. (2020). Нейробиологические основы инсайта (решения задач озарением). *Успехи физиологических наук*, 51(1), 72–86.
- Богоявленская, Д. Б. (2004). Что выявляют тесты интеллекта и креативности? *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 1(2), 54–65.
- Валуева, Е. А. (2015). Сигнальная модель инсайта: основные положения и соотношение с научными взглядами Я.А. Пономарева. *Психологический журнал*, 36(6), 35–44.
- Величковский, Б. М., Князев, Г. Г., Валуева, Е. А., Ушаков, Д. В. (2019). Новые подходы в исследованиях творческого мышления: от феноменологии инсайта к объективным методам и нейросетевым моделям. *Вопросы психологии*, 3, 3–16.

- Пономарев, Я. А. (1976). *Психология творчества*. М.: Наука.
- Психологический словарь. (2007). М.: ОЛМА ПРЕСС Образование.
- Разумникова, О. М. (2009а). Особенности селекции информации при креативном мышлении. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 6(3), 134–161.
- Разумникова, О. М. (2009б). Связь частотно-пространственных параметров фоновой ЭЭГ с уровнем интеллекта и креативности. *Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова*, 59(6), 686–695.
- Разумникова, О. М., Ларина, Е. Н. (2005). Полушарные взаимодействия при поиске оригинальных вербальных ассоциаций: особенности когерентности биопотенциалов коры у креативных мужчин и женщин. *Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова*, 6, 777–787.
- Разумникова, О. М., Николаева, Е. И. (2019). Тормозные функции мозга и возрастные особенности организации когнитивной деятельности. *Успехи физиологических наук*, 1, 75–89.
- Халперн, Д. (2000). *Психология критического мышления*. СПб.: Питер.
- Шелепин, К. Ю., Шелепин, Ю. Е. (2015). Нейрофизиология «инсайта». *Петербургский психологический журнал*, 11, 19–38.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References* после англоязычного блока.

Разумникова Ольга Михайловна — профессор, кафедра психологии и педагогики, Новосибирский государственный технический университет, доктор биологических наук. Сфера научных интересов: когнитивная психология, психология креативности и интеллекта, дифференциальная психофизиология.
Контакты: razoum@mail.ru

Neurophysiological Mechanisms of Solution of Experimental Creative Problems: Insight or/and Critical Analysis?

O.M. Razumnikova^a

^aNovosibirsk State Technical University, 20 K. Marks avenue, Novosibirsk, 630073, Russian Federation

Abstract

The literature review examines different points of view on the processes of interaction of neural networks of the brain in selection of information and decision-making on the basis of insight or a critical analysis of the ideas generated during creativity testing. The BVSR (Blind Variation and Selective Retention) and “GENEPOLORE” (Generate and Explore) models have been proposed to study the combination of different cognitive operations in creativity. The analysis of the insight in experimental studies was performed using tasks on heuristic thinking, perception of dual figures, the tests of remote associations (RAT) or compound remote associations (CRA). The information on the most stable EEG correlate of insight is given, which is the synchronization of alpha biopotentials and changes in the intensity and regional specificity of this effect, due to the characteristics of the creative task. The results of tomographic studies revealed the key importance of specific patterns of “pre-setting” of neural networks at rest: default and executive systems and the dynamics of the interaction of the frontal and parietal regions of the brain,

reflecting different indicators of creativity. The role of a critical analysis in the solution of a problem and the importance of inhibitory functions in the selection of relevant information are modulating the creative process. Due to the inclusion of opposing processes in the search for an original solution to the problem - of convergent or divergent thinking, directed or defocused and internal or external attention - there is a temporary and structural reorganization of activation or inhibition in the neural systems of the brain. The brain structures required for switching between different strategies of information selection and for selecting an answer when solving experimental creative tasks depending on their complexity and content are the prefrontal and cingular cortical areas, and the hippocampus.

Keywords: creativity, insight, critical thinking, information selection, inhibitory functions, neural networks, electroencephalography, tomography.

References

- Agogué, M., Kazakci, A., & Hachuel, A. (2014). The impact of type of examples on originality: Explaining fixation and stimulation effects. *The Journal of Creative Behavior*, 48(1), 1–12. <https://doi.org/10.1002/jocb.37>
- Ansburg, P. I., & Hill, K. (2003). Creative and analytic thinkers differ in their use of attentional resources. *Personality and Individual Differences*, 34(7), 1141–1152. [https://doi.org/10.1016/S0191-8869\(02\)00104-6](https://doi.org/10.1016/S0191-8869(02)00104-6)
- Aziz-Zadeh, L., Kaplan, J. T., & Iacoboni, M. (2009). "Aha!": The neural correlates of verbal insight solutions. *Human Brain Mapping*, 30(3), 908–916. <https://doi.org/10.1002/hbm.20554>
- Bakulin, I. S., Poydasheva, A. G., Medyntsev, A. A., Lagoda, D. Yu., Kremneva, E. I., Legostaeva, L. A., Sinitsyn, D. O., Suponeva, N. A., & Piradov, M. A. (2020). Neurobiological principles of insight problem solving. *Uspekhi Fiziologicheskikh Nauk [Advances of Physiological Sciences]*, 51(1), 72–86. <https://doi.org/10.31857/S0301179820010038> (in Russian)
- Beaty, R. E., Benedek, M., Silvia, P. J., & Schacter, D. L. (2016). Creative cognition and brain network dynamics. *Trends in Cognitive Sciences*, 20(2), 87–95.
- Beaty, R. E., Benedek, M., Wilkins, R. W., Jauk, E., Fink, A., Silvia, P. J., Hodges, D. A., Koschutnig, K., & Neubauer, A. C. (2014a). Creativity and the default network: A functional connectivity analysis of the creative brain at rest. *Neuropsychologia*, 64, 92–98. <https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2014.09.019>
- Beaty, R. E., Kenett, Y. N., Christensen, A. P., Rosenberg, M. D., Benedek, M., Chen, Q., Fink, A., Qiu, J., Kwapił, T. R., Kane, M. J., & Silvia, P. J. (2018). Network neuroscience of creative cognition: mapping cognitive mechanisms and individual differences in the creative brain. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 115(5), 1087–1092. <https://doi.org/10.1073/pnas.1713532115>
- Beaty, R. E., Silvia, P. J., Nusbaum, E. C., Jauk, E., & Benedek, M. (2014b). The roles of associative and executive processes in creative cognition. *Memory & Cognition*, 42(7), 1–12.
- Beaty, R., Benedek, M., Kaufman, S. B., & Silvia, P. J. (2015). Default and executive network coupling supports creative idea production. *Scientific Reports*, 5, Article 10964. <https://doi.org/10.1038/srep10964>
- Beaty, R. E., Seli, P., & Schacter, D. L. (2019). Network neuroscience of creative cognition: mapping cognitive mechanisms and individual differences in the creative brain. *Current Opinion in Behavioral Sciences*, 27, 22–30. <https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2018.08.013>

- Beeman, M. J., & Bowden, E. M. (2000). The right hemisphere maintains solution related activation for yet-to-be-solved problems. *Memory & Cognition*, 28, 1231–1241. <https://doi.org/10.3758/BF03211823>
- Benedek, M., Bergner, S., Könen, T., Fink, A., & Neubauer, A. C. (2011). EEG alpha synchronization is related to top-down processing in convergent and divergent thinking. *Neuropsychologia*, 49, 3505–3511.
- Benedek, M., Jauk, E., Sommer, M., Arendasy, M., & Neubauer, A. C. (2014). Intelligence, creativity, and cognitive control: The common and differential involvement of executive functions in intelligence and creativity. *Intelligence*, 46, 73–83.
- Bogoyavlenskaya, D. B. (2004). What do tests of intelligence and creativity show? *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 1(2), 54–65. (in Russian)
- Camarda, A., Salvia É., Vidal, J., Weil B., Poirel, N., & Houdéa, O. (2018). Neural basis of functional fixedness during creative idea generation: an EEG study. *Neuropsychologia*, 118(Pt. A), 4–12. <https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2018.03.009>
- Campbell, D. T. (1960). Blind variation and selective retention in creative thought as in other knowledge processes. *Psychological Review*, 67, 380–400.
- Cao, Z., Li, Y., Hitchman, G., Qiu, J., & Zhang, Q. (2015). Neural correlates underlying insight problem solving: Evidence from EEG alpha oscillations. *Experimental Brain Research*, 233, 2497–2506. <https://doi.org/10.1007/s00221-015-4338-1>
- Chen, Y., Spagna, A., Wu, T., Kim, T. H., Wu, Q., Chen, C., Wu, Y., & Fan, J. (2019). Testing a cognitive control model of human intelligence. *Scientific Reports*, 9, Article 2898. <https://doi.org/10.1038/s41598-019-39685-2>
- Cho, S. H., Nijenhuis, J. T., van Vianen, A. E., Kim, H.-B., & Lee, K. H. (2010). The relationship between diverse components of intelligence and creativity. *Journal of Creative Behavior*, 44(2), 125–137. <https://doi.org/10.1002/j.2162-6057.2010.tb01329.x>
- Chrysikou, E. G. (2019). Creativity in and out of (cognitive) control. *Current Opinion in Behavioral Sciences*, 27, 94–99. <https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2018.09.014>
- Chrysikou, E. G., Motyka, K., Nigro, C., Yang, S. I., & Thompson-Schill, S. L. (2016). Functional fixedness in creative thinking tasks depends on stimulus modality. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, 10(4), 425–435. <https://doi.org/10.1037/aca0000050>
- Chuderski, A., & Necka, E. (2010). Intelligence and cognitive control. In A. Gruszka, G. Matthews, & D. Szymura (Eds.), *Handbook of individual differences in cognition: Attention, memory, and executive control* (pp. 263–282). Springer Verlag. https://doi.org/10.1007/978-1-4419-1210-7_16
- Dandan, T., Haixue, Z., Wenfu, L., Wenjing, Y., Jiang, Q., & Qinglin, Z. (2013). Brain activity in using heuristic prototype to solve insightful problems. *Behavioural Brain Research*, 253, 139–144. <https://doi.org/10.1016/j.bbr.2013.07.017>
- De Pisapia, N., Bacci, F., Parrott, D., & Melcher, D. (2016). Brain networks for visual creativity: a functional connectivity study of planning a visual artwork. *Scientific Reports*, 6, Article 39185. <https://doi.org/10.1038/srep39185>
- Dietrich, A. (2004). The cognitive neuroscience of creativity. *Psychonomic Bulletin & Review*, 11, 101–1026. <https://doi.org/10.3758/BF03196731>
- Dietrich, A., & Kanso, R. (2010). A review of EEG, ERP, and neuroimaging studies of creativity and insight. *Psychological Bulletin*, 136(5), 822–848. <https://doi.org/10.1037/a0019749>
- Edl, S., Benedek, M., Papousek, I., Weiss, E. M., & Fink, A. (2014). Creativity and the Stroop interference effect. *Personality and Individual Differences*, 69, 38–42. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2014.05.009>

- Feng, Q., He, L., Yang, W., Zhang, Y., Wum, X., & Qiu, J. (2019). Verbal creativity is correlated with the dynamic reconfiguration of brain networks in the resting state. *Frontiers in Psychology*, 10, 894. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00894>
- Fink, A., & Benedek, M. (2014). EEG alpha power and creative ideation. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 44(100), 111–123. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2012.12.002>
- Finke, R. A., Ward, T. B., & Smith, S. M. (1992). *Creative cognition: theory, research and applications*. Cambridge: The MIT Press.
- Fleck, J., & Weisberg, R. W. (2013). Insight versus analysis: Evidence for diverse methods in problem solving. *Journal of Cognitive Psychology*, 25(4), 436–463. <https://doi.org/10.1080/20445911.2013.779248>
- Hao, N., Ku, Y., Liu, M., Hu, Y., Bodner, M., Grabner, R.H., & Fink, A. (2016). Reflection enhances creativity: Beneficial effects of idea evaluation on idea generation. *Brain and Cognition*, 103, 30–37. <https://doi.org/10.1016/j.bandc.2016.01.005>
- Holyoak, K. J., & Morrison, R. G. (2005). Thinking and reasoning: A reader's guide. In K. Holyoak & B. Morrison (Eds.), *The Cambridge handbook of thinking and reasoning* (pp. 1–9). Cambridge University Press.
- Jauk, E., Benedek, M., Dunst, B., & Neubauer, A. C. (2013). The relationship between intelligence and creativity: New support for the threshold hypothesis by means of empirical breakpoint detection. *Intelligence*, 41(4), 212–221.
- Jung-Beeman, M., Bowden, E. M., Haberman, J., Frymiare, J. L., Arambel-Liu, S., Greenblatt, R., Reber, P. J., & Kounios, J. (2004). Neural activity when people solve verbal problems with insight. *PLoS Biology*, 2(4), 500–510. <https://doi.org/10.1371/journal.pbio.0020097>
- Kenett, Y. N., Medaglia, J. D., Beaty, R. E., Chen, Q., Betzel, R. F., Thompson-Schill, S. L., & Qiu, J. (2018). Driving the brain towards creativity and intelligence: A network control theory analysis. *Neuropsychologia*, 118(Pt. A), 79–90. <https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2018.01.001>
- Khalil, R., Godde, B., & Karim, A. A. (2019). The link between creativity, cognition, and creative drives and underlying neural mechanisms. *Frontiers in Neural Circuits*, 13, 18. <https://doi.org/10.3389/fncir.2019.00018>
- Khalpern, D. (2000). *Psichologiya kriticheskogo myshleniya* [The psychology of critical thinking]. Saint Petersburg: Piter. Original work published 1997.
- Kizilirmak, J. M., Thuerich, H., Folta-Schoofs, K., Schott, B. H., & Richardson-Klavehn, A. (2016). Neural correlates of learning from induced insight: A case for reward-based episodic encoding. *Frontiers in Psychology*, 7, 1693. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.01693>
- Kounios, J., & Beeman, M. (2014). The cognitive neuroscience of insight. *Annual Review of Psychology*, 65, 71–93. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010213-115154>
- Laukkonen, R. E., & Tangen, J. M. (2018). How to detect insight moments in problem solving experiments. *Frontiers in Psychology*, 9, 282. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00282>
- Lawson, A. E. (2010). Basic inferences of scientific reasoning, argumentation, and discovery. *Science Education*, 94(2), 336–364. <https://doi.org/10.1002/sce.20357>
- Li, W., Li, G., Ji, B., Zhang, Q., & Qiu, J. (2019). Neuroanatomical correlates of creativity: Evidence from voxel-based morphometry. *Frontiers in Psychology*, 10, 155. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00155>
- Martindale, C., & Hines, D. (1975). Creativity and cortical activation during creative, intellectual and EEG feedback tasks. *Biological Psychology*, 3(2), 91–94. [https://doi.org/10.1016/0301-0511\(75\)90011-3](https://doi.org/10.1016/0301-0511(75)90011-3)

- Mednick, S. A. (1962). The associative basis of the creative process. *Psychological Review*, 69(3), 220–232. <https://doi.org/10.1037/h0048850>
- Mednick, S. A., & Mednick, M. (1971). *Remote associates test: Examiner's manual*. Houghton Mifflin.
- Nijstad, B. A., De Dreu, C. K. W., Rietzschel, E., & Baas, M. (2010). The dual pathway to creativity model: Creative ideation as a function of flexibility and persistence. *European Review of Social Psychology*, 21(1), 34–77. <https://doi.org/10.1080/10463281003765323>
- Nusbaum, E. C., & Silvia, P. J. (2011). Are intelligence and creativity really so different? Fluid intelligence, executive processes, and strategy use in divergent thinking. *Intelligence*, 39(1), 36–45. <https://doi.org/10.1016/j.intell.2010.11.002>
- Ogawa, T., Aihara, T., Shimokawa, T., & Yamashita, O. (2018). Large-scale brain network associated with creative insight: combined voxel-based morphometry and resting-state functional connectivity analyses. *Scientific Reports*, 8(1), Article 6477. <https://doi.org/10.1038/s41598-018-24981-0>
- Öllinger, M., Jones, G., & Knoblich, G. (2014). The dynamics of search, impasse, and representational change provide a coherent explanation of difficulty in the Nine-Dot problem. *Psychological Research*, 78(2), 266–275. <https://doi.org/10.1007/s00426-013-0494-8>
- Osman, M. (2008). Positive transfer and negative transfer/antilearning of problem-solving skills. *Journal of Experimental Psychology: General*, 137(1), 97–115. <https://doi.org/10.1037/0096-3445.137.1.97>
- Petsche, H. (1996). Approaches to verbal, visual and musical creativity by EEG coherence analysis. *International Journal of Psychophysiology*, 24(1–2), 145–159. [https://doi.org/10.1016/s0167-8760\(96\)00050-5](https://doi.org/10.1016/s0167-8760(96)00050-5)
- Ponomarev, Ya. A. (1976). *Psikhologiya tvorchestva* [The psychology of creativity]. Moscow: Nauka.
- Psikhologicheskii slovar' [Psychological Dictionary]. (2007). Moscow: OLMA PRESS Obrazovanie.
- Qiu, J., Li, H., Jou, J., Liu, J., Luo, Y., & Feng, T. (2010). Neural correlates of the Aha experiences: evidence from an fMRI study of insight problem solving. *Cortex*, 46(3), 397–403. <https://doi.org/10.1016/j.cortex.2009.06.006>
- Rataj, K., Nazareth, D. S., & van der Velde, F. (2018). Use a spoon as a spade? Changes in the upper and lower alpha bands in evaluating alternate object use. *Frontiers in Psychology*, 9, 1941. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.01941>
- Razumnikova, O. M. (2000). Functional organization of different brain areas during convergent and divergent thinking: an EEG investigation. *Cognitive Brain Research*, 10(1–2), 11–18. [https://doi.org/10.1016/s0926-6410\(00\)00017-3](https://doi.org/10.1016/s0926-6410(00)00017-3)
- Razumnikova, O. M. (2007). Creativity related cortex activity in the remote associates task. *Brain Research Bulletin*, 73, 96–102.
- Razumnikova, O. M. (2009a). Peculiarities of information selection in the process of creative thinking. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 6(3), 134–161. (in Russian)
- Razumnikova, O. M. (2009b). The relationship between frequency-spatial parameters of the baseline EEG and levels of intelligence and creativity. *Zhurnal Vysshei Nervnoi Deyatel'nosti im. I.P. Pavlova*, 59(6), 686–695. (in Russian)
- Razumnikova, O. M., & Larina, E. N. (2005). Hemispheric interactions during a search of original verbal associations: EEG coherence in creative men and women. *Zhurnal Vysshei Nervnoi Deyatel'nosti im. I.P. Pavlova*, 6, 777–787. (in Russian)
- Razumnikova, O. M., Nikolaeva, E. I. (2019). Inhibitory brain functions and age-associated specificities in organization of cognitive activity *Uspekhi Fiziologicheskikh Nauk*, 1, 75–89. (in Russian)
- Rominger, C., Papousek, I., Perchtold, C.M., Benedek, M., Weiss, E.M., Schwerdtfeger, A., & Fink, A. (2019). Creativity is associated with a characteristic U-shaped function of alpha power changes

- accompanied by an early increase in functional coupling. *Cognitive, Affective, & Behavioral Neuroscience*, 19, 1012–1021. <https://doi.org/10.3758/s13415-019-00699-y>
- Rothmaler, K., Nigbur, R., & Ivanova, G. (2017). New insights into insight: Neurophysiological correlates of the difference between the intrinsic “aha” and the extrinsic “oh yes” moment. *Neuropsychologia*, 95, 204–214. <https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2016.12.017>
- Runco, M. A., & Yoruk, S. (2014). The neuroscience of divergent thinking. *Activitas Nervosa Superior*, 56, 1–16. <https://doi.org/10.1007/BF03379602>
- Sadler-Smith, E. (2015). Wallas' four-stage model of the creative process: More than meets the eye? *Creativity Research Journal*, 27(4), 342–352. <https://doi.org/10.1080/10400419.2015.1087277>
- Santarnecchi, E., Emmendorfera, A., & Pascual-Leonea, A. (2017). Dissecting the parieto-frontal correlates of fluid intelligence: A comprehensive ALE meta-analysis study. *Intelligence*, 63, 9–28.
- Seifert, C. M., Meyer, D. E., Davidson, N., Patalano, A. L., & Yaniv, I. (1995). Demystification of cognitive insight: Opportunistic assimilation and the prepared-mind perspective. In R. J. Sternberg & J. E. Davidson (Eds.), *The nature of insight* (pp. 65–124). Cambridge, MA: The MIT Press.
- Shelepin, K. Yu., & Shelepin, Yu. E. (2015). Neurophysiology of the insight. *Peterburgskii Psichologicheskii Zhurnal*, 11, 19–38. (in Russian)
- Shen, W., Tong, Y., Li, F., Yuan, Y., Hommel, B., Liu, C., & Luo, J. (2018). Tracking the neurodynamics of insight: A meta-analysis of neuroimaging studies. *Biological Psychology*, 138, 189–198. <https://doi.org/10.1016/j.biopsych.2018.08.018>
- Shen, W., Yuan, Y., Liu, C. & Luo, J. (2017). The roles of the temporal lobe in creative insight: An integrated review. *Thinking and Reasoning*, 23(4), 321–375. <https://doi.org/10.1080/13546783.2017.1308885>
- Shi, L., Beaty, R. E., Chen, Q., Sun, J., Wei, D., Yang, W., & Qiu, J. (2020). Brain entropy is associated with divergent thinking. *Cerebral Cortex*, 30(2), 708–717. <https://doi.org/10.1093/cercor/bhz120>
- Shi, L., Sun, J., Xia, Y., Ren, Z., Chen, Q., Wei, D., Yang, W., & Qiu, J. (2018). Large-scale brain network connectivity underlying creativity in resting-state and task fMRI: Cooperation between default network and frontal-parietal network. *Biological Psychology*, 135, 102–111. <https://doi.org/10.1016/j.biopsych.2018.03.005>
- Simonton, D. K. (2011). Creativity and discovery as blind variation: Campbell's (1960) BVSR Model after the half-century mark. *Review of General Psychology*, 15(2), 158–174. <https://doi.org/10.1037/a0022912>
- Simonton, D. K. (2013). Creative problem solving as sequential BVSR: Exploration (total ignorance) versus elimination (informed guess). *Thinking Skills and Creativity*, 8, 1–10. <https://doi.org/10.1016/j.tsc.2012.12.001>
- Smith, K. A., Huber, D. E., & Vul, E. (2013). Multiply-constrained semantic search in the Remote Associates Test. *Cognition*, 128(1), 64–75. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2013.03.001>
- Sprugnoli, G., Rossi, S., Emmendorfer, A., Rossi, A., Liew, S.-L., Tatti, E., di Lorenzo, G., Pascual-Leone, A., & Santarnecchi, E. (2017). Neural correlates of Eureka moment. *Intelligence*, 62, 99–118. <https://doi.org/10.1016/j.intell.2017.03.004>
- Sunavsky, A., & Poppenk, J. (2020). Neuroimaging predictors of creativity in healthy adults. *NeuroImage*, 206, Article 116292, <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2019.116292>
- Valueva, E. A. (2015). Insight-as-signal model: Main assumptions and relation to Ya.A. Ponomarev's conception. *Psichologicheskii Zhurnal*, 36(6), 35–44. (in Russian)
- Vartanian, O. (2009). Variable attention facilitates creative problem solving. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, 3, 57–59.

- Velichkovskii, B. M., Knyazev, G. G., Valueva, E. A., & Ushakov, D. V. (2019). New approaches in studies of creative thinking: From phenomenology of insight to objective methods and neuronetwork models. *Voprosy Psichologii*, 3, 3–16. (in Russian)
- Virtue, S., Parrish, T., & Jung-Beeman, M. (2008). Inferences during story comprehension: Cortical recruitment affected by predictability of events and working memory capacity. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 20(12), 2274–2284. <https://doi.org/10.1162/jocn.2008.20160>
- Webb, M. E., Little, D. R., & Cropper, S. J. (2016). Insight is not in the problem: Investigating insight in problem solving across task types. *Frontiers in Psychology*, 7, 1424. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.01424>
- Wechsler, S. M., Saiz, C., Rivas, S. F., Vendramini, C. M. M., Almeid, L. S., Mundim, M. C., & Franco, A. (2018). Creative and critical thinking: Independent or overlapping components? *Thinking Skills and Creativity*, 27, 114–122.
- Wegbreit, E., Suzuki, S., Grabowecky, M., Kounios, J., & Beeman, M. (2012). Visual attention modulates insight versus analytic solving of verbal problems. *Journal of Problem Solving*, 4(2), 94–115.
- Wronska, M. K., Kolańczyk, A., & Nijstad, B. A. (2018). Engaging in creativity broadens attentional scope. *Frontiers in Psychology*, 9, 1772. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.01772>
- Zabelina, D., & Robinson, M. D. (2010). Creativity as flexible cognitive control. *Psychology of Aesthetics Creativity and the Arts*, 4(3), 136–143. <https://doi.org/10.1037/a0017379>
- Zhang, M., Tian, F., Wu, X., Liao, S., & Qiu, J. (2011). The neural correlates of insight in Chinese verbal problems: An event related-potential study. *Brain Research Bulletin*, 84, 210–214. <https://doi.org/10.1016/j.brainresbull.2011.01.001>
- Zhao, Q., Zhou, Z., Xu, H., Fan, W., & Han, L. (2014). Neural pathway in the right hemisphere underlies verbal insight problem solving. *Neuroscience*, 256, 334–341. <https://doi.org/10.1016/j.neuroscience.2013.10.019>

Olga M. Razumnikova — Professor, Department of Psychology and Pedagogics, Novosibirsk State Technical University, DSc in Biology.
Research Area: cognitive psychology, psychology of creativity and intelligence, differential psychophysiology.
E-mail: razoum@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ СНИЖЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ФИКСИРОВАННОСТИ

С.Р. ЯГОЛКОВСКИЙ^а, Б.П. МЕДВЕДЕВ^а

^а Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия,
Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Резюме

В настоящей статье представлено продолжение исследования феномена функциональной фиксированности, негативно влияющего на процесс творческого мышления и ограничивающего его эффективность. Описаны и кратко проанализированы основные психологические методы снижения функциональной фиксированности. Основной акцент в них делается на обогащении и расширении ассоциативного пространства, служащего источником идей и нестандартных решений в рамках творческой деятельности субъекта. Подчеркивается связь этих методов с теоретическими моделями и разработками, представленными в научно-психологической литературе (например: теорией «забывания фиксации», гипотезой «оппортунистической асимиляции» и пр.). Некоторые из этих методов основываются на общих рекомендациях по ведению творческого процесса, другие же ориентированы на использование конкретных инструкций по его оптимизации. Описываются основные параметры инструкции, а также наиболее эффективные способы ее предъявления субъекту, осуществляющему творческую деятельность. Уделяется внимание той роли в снижении уровня функциональной фиксированности, которую выполняют процессы категоризации объектов, обращения субъекта к прошлому опыту, а также отвлечения субъекта от осуществляющей мыслительной деятельности. Кроме этого вкратце рассмотрены подходы, рассматривающие функциональную фиксированность не только как антагониста креативности, но и в некоторых случаях как фактор повышения эффективности творческого мышления. Это происходит в тех случаях, когда субъект отчетливо осознает влияние прошлого опыта на процесс решения творческой задачи и достаточно глубоко понимает ее структуру. Указывается на то, что в научных исследованиях функциональной фиксированности наметилась тенденция к выделению и анализу ее отдельных компонентов, что в ближайшем будущем может привести к появлению более таргетированных методов ее ослабления.

Ключевые слова: функциональная фиксированность, творческое мышление, установка, дивергентное мышление.

Функциональная фиксированность является негативным фактором, существенно ограничивающим продуктивность творческого мышления. В научной литературе представлен целый ряд классических (например: Adamson, 1952; Duncker, 1945; Kearsley, 1975) и современных (например: Munoz-Rubke et al., 2018) работ, которые направлены на исследование природы и сущности этого

феномена (ранее нами был сделан обзор и краткий анализ таких работ – Медведев, Яголковский, 2020). Но при этом представлено также достаточно много разработок, ориентированных на поиск способов снятия или ослабления функциональной фиксированности. Анализу таких разработок, представленных в зарубежной научно-психологической литературе, посвящена настоящая статья.

Методы снижения функциональной фиксированности в рамках решения задач могут быть разделены по степени общности рекомендаций, которые они предлагают. Так, С. Олссон (Ohlsson, 1992) советует идти по пути обогащения или переработки уже имеющейся информации, связанной с задачей, однако подробных инструкций, как это сделать, не дает.

Более эффективными для ослабления функциональной фиксированности могут оказаться конкретные рекомендации. Так, например, она может быть ослаблена в рамках групповой творческой деятельности. В процессе обмена идеями участники группы могут предоставлять друг другу новую информацию о задаче и, таким образом, осуществлять взаимную стимуляцию креативности на когнитивном уровне (Coskun et al., 2000; Voiskounsky et al., 2017).

При формировании рабочей группы, реализующей творческую деятельность, необходимо уделить особое внимание созданию благоприятной и дружественной атмосферы. Так, в исследовании П.Дж. Карневейла и Т.М. Пробст (Carnevale, Probst, 1998) изучалось влияние конфликтных ситуаций или их ожидания в рамках решения творческих задач. Было продемонстрировано, что конфликтная ситуация или ее ожидание могут в значительной степени снизить общую способность к продуцированию творческих решений в силу возрастания роли ограничивающих творческое мышление факторов, в том числе и функциональной фиксированности.

Некоторые из авторов, рассматривавших проблему стимулирования творческого процесса, основываются на собственном представлении о его элементах, как стимулирующих, так и ограничивающих его продуктивность. Так, А. Маккафри (McCaffrey, 2012) отмечает, что зачастую основным препятствием на пути решения творческой задачи является неспособность субъекта обратить внимание на некоторые скрытые и неявные особенности (*obscure features*) проблемы. Функциональная фиксированность в этой связи рассматривается как склонность субъекта упускать из внимания особенности предметов, материалов для решения задачи, вызванную прочной ассоциацией этого предмета или его частей с теми или иными конкретными функциями. В качестве «упускаемых» признаков предметов выделяются следующие: детали, материал, форма и размер. На основе этого предположения был предложен метод стимуляции творческого мышления *generic-parts technique* (GPT), в рамках которого субъекту перед началом поиска решения задачи предлагается обратить внимание на предложенные ему/ей предметы и распределить информацию о них по вышеназванным четырем признакам.

Ряд исследований выявил влияние формы инструкции, даваемой субъекту, на силу и выраженность возникающей у него/нее функциональной фиксированности (Chrysikou, Weisberg, 2005; Frank, Ramscar, 2003). Фактически опи-

сывается возможность создания «дефикссирующих» инструкций. Такие инструкции могут специально акцентироваться на нежелательности использования в решении задачи некоторых конкретных «проблемных» элементов, представленных в примерах. Однако следует отметить, что инструкция сработает только в том случае, если субъект внимательно ее прочитает, поскольку само предъявление примера повышает вероятность невнимательного прочтения инструкции (Chi et al., 1981; LeFevre, Dixon, 1986; Pirolli, Anderson, 1985).

Е. Хрисикоу и др. (Chrysikou et al., 2016) предположили, что влияние на степень проявления функциональной фиксированности может оказывать не только содержание инструкции, но и то, в каких модальностях она представлена. В основу данного предположения было положено следующее наблюдение: изображение предмета в большей степени ассоциировано с некоторым опытом реального взаимодействия с ним, действиями, которые субъект совершал с этим предметом в прошлом; термин же, обозначающий этот предмет, в большей степени ассоциирован у субъекта с абстрактно-логической информацией об этом предмете (Glaser, Glaser, 1989; Saffran et al., 2003). Таким образом, стимулы различной модальности могут быть связаны с различными областями памяти о предмете. Результаты исследования продемонстрировали, что в рамках генерации добавочных функций предмета предъявление его изображения чаще будет приводить к активации нисходящей (top-down) стратегии семантического поиска, что приведет к усилению феномена функциональной фиксированности.

С. Глюксберг и Р. Вайсберг (Glucksberg, Weisberg, 1966) в своих исследованиях продемонстрировали, что называние всех элементов предложенной задачи способно устраниить или сильно ослабить негативное воздействие функциональной фиксированности. Они предположили, что суть функциональной фиксированности заключается в потере субъектом возможности воспринимать функционально фиксированный объект как релевантный актуальной задаче. Развитие этой идеи можно найти в работе Глюксберга и Данкса (Glucksberg, Danks, 1967). В данной статье авторы рассуждают о возможной роли изучения феномена функциональной фиксированности в рамках формирования общего понимания процессов развития творческого мышления. Выход за рамки функциональной фиксированности предполагает нахождение некоторого нового способа использования предмета. А когда объект используется по-новому, он может функционально оказаться эквивалентным тому объекту, который необходим для решения творческой задачи. Глюксберг и Данкс приводят следующий пример: решение «проблемы цепи» требует, чтобы испытуемый использовал металлический инструмент в качестве замены провода для замыкания электрической цепи. Таким образом, металлический инструмент можно считать функционально эквивалентным проводу, который он и заменяет в рамках решения этой задачи. Поиску функциональной эквивалентности предметов может способствовать их сходство или близость по целому ряду параметров. Такое сходство может быть представлено не только в визуальной, но и в вербальной модальности. Хотя сами авторы и не предлагают использовать данную особенность функциональной фиксированности для

обращения с ней, эта модель, по нашему мнению, может быть использована в практике снижения функциональной фиксированности: в том случае, если необходимо найти некоторое применение «старым» инструментам, может быть полезно рассмотреть их в как можно большем количестве «измерений». Кроме этого, Глюксбергом (Glucksberg, 1962) были выделены два типа проявления функциональной фиксированности. Первый, описанный выше, заключается в неспособности воспринять фиксированный объект как релевантный данной задаче. Второй же проявляется в неспособности разделить между собой релевантные и нерелевантные функции объекта. Исходя из этого, для преодоления функциональной фиксированности он предлагает не просто вербально обозначать все элементы задачи, но и разделять в этих обозначениях их релевантные и нерелевантные (относительно текущей задачи) аспекты.

В работах П. Саугстада и К. Райхема (Saugstad, Raaheim, 1957, 1960) также высказывается предположение о том, что феномен функциональной фиксированности возникает из-за отсутствия у субъекта способности осознать релевантную задачу функцию целевого предмета. Для снижения уровня функциональной фиксированности авторы предлагают обращать внимание субъекта на те (зачастую многочисленные и, на первый взгляд, нерелевантные поставленной задаче) функции предметов, которые могут оказаться полезными для успешного решения.

Еще одним видом деятельности, способствующим снижению уровня функциональной фиксированности, может являться называние тех объектов, которые в меньшей степени способны реализовывать основную функцию целевого предмета (Yagolkovskiy, Medvedev, 2020). Так, например, если субъект перечисляет объекты, которые выполняют основную функцию фонарика (светить) хуже, чем этот фонарик, то при выполнении творческого задания с целевым объектом он/она будет в меньшей степени обращаться к этому свойству. Это способствует повышению оригинальности продуцируемых субъектом идей.

И. Мальцман и др. (Maltzman et al., 1958), исходя из представления о креативности как способности реализовывать реакции, находящиеся на низких уровнях поведенческой иерархии, предлагают несколько способов повышения оригинальности ответов, которые можно использовать и для преодоления функциональной фиксированности. Так, первый заключается в постоянном варьировании условий задачи, чтобы побудить субъекта производить необычные реакции. Второй основывается на «привокации» – предъявлении нескольких необычных вариантов ответа, которые, согласно гипотезе авторов, в дальнейшем могут существенно облегчить возникновение других нестандартных решений.

Р. Арнон и С. Крейтлер (Arnon, Kreitler, 1984) высказывают предположение о том, что феномен функциональной фиксированности возникает в первую очередь из-за того, что ключевые элементы задачи рассматриваются человеком в крайне ограниченном пространстве значений, и предлагают для его преодоления использовать метод «meaning training», который основан на рас-

ширении сферы значений целевого предмета. Авторы выделили 10 измерений значений:

- определение контекста (определение некоторой структуры или концепции, к которой принадлежит элемент задачи; например: нога – часть тела);
- функция/предназначение (например: батарейка – обеспечение энергии);
- возможные действия (то, какие действия может реализовывать элемент; например: выключатель – может переключаться);
- диапазон включения (какие части в себя включает или может включать элемент; например: нож – рукоятка и лезвие);
- сенсорные качества (например: яблоко – круглое, зеленое);
- материал (например: свечка – воск);
- размер (например: микроб – очень маленький);
- вес и объем (например: бутылка – двести миллилитров);
- пространственные характеристики (могут быть описаны как в абсолютном, так и в относительном измерении; например: батарейка – в любом электрическом приборе, море – на юге);
- область применения (указание других элементов, к которым применяется или с которыми взаимодействует целевой элемент; например: отвертка – гайки и болты, эмоции – люди и животные испытывают эмоции), сходство (например: море – похоже на небо).

В рамках «meaning training» человеку предлагается назвать хотя бы три значения по каждому из вышеперечисленных измерений, прежде чем начать выполнение задачи. Следует отметить, что в рамках исследования эффективности данной методики авторы смогли подтвердить лишь то, что она помогает решать поставленные задачи быстрее. При этом не было показано, что использование этого метода позволяет увеличить вероятность успешного решения творческой задачи.

Е. Хрисикоу (Chrysikou, 2006) уделяет особое внимание процессу категоризации объектов в процессе творческого мышления. Она выделяет два способа категоризации: таксономический (выделение стандартных родовых категорий: яблоко принадлежит к категории «фрукт», молоток – к категории «инструмент») и целеориентированный (goal-derived – выделение тех категорий объекта, которые релевантны конкретной ситуации). При этом целеориентированные категории можно разделить на устоявшиеся, которые уже были сформированы в более раннем опыте, и специальные, которые находятся в процессе формирования путем комбинирования таксономических или устоявшихся целеориентированных категорий. Автор предполагает, что именно способность формировать специальные категории является одной из наиболее значимых в условиях творческого процесса. В статье она приводит следующий пример: для того чтобы найти решение дункеровской задачи со свечой, субъекту необходимо уйти от таксономической категории коробки с кнопками – «коробка», и сформировать категорию «нечто, на что можно вертикально поставить свечу». В своем исследовании она демонстрирует, что обучение человека процессу «специальной», контекстуальной категоризации

значительно повышает его способность преодолевать функциональную фиксированность и находить решения творческих задач.

Снижению функциональной фиксированности может способствовать и полное отвлечение от реализуемой деятельности. Дж.Г. Лу с соавт. (Lu et al., 2017) анализировали роль переключения между различными задачами в творческой деятельности субъекта. Было отмечено, что, несмотря на то, что, как показано в ряде исследований, частые переключения в выполняемой субъектом деятельности могут стать причиной ряда проблем (повышение вероятности совершения ошибки, замедление темпа деятельности, падение уровня обучаемости и запоминания, повышение уровня тревожности и пр.), они могут оказывать положительное влияние на эффективность решения творческих задач. Было показано, что любая деятельность, ведущая к отвлечению от целевой задачи (будь то переключение на другую деятельность, или просто перерыв, или даже борьба с возникающими помехами), способна снижать уровень «когнитивной фиксации», одним из выражений которой является и феномен функциональной фиксированности.

Схожая идея фигурировала и в работе Р.Е. Адамсона и Д.У. Тейлора (Adamson, Taylor, 1954). В рамках этого исследования проверялась гипотеза об ослаблении связи между предметом и его конкретной функцией в случае увеличения временного интервала между первичным использованием этого предмета и началом выполнения основной задачи. Оказалось, что функциональная фиксированность снижается с увеличением промежутка времени после первоначального использования предмета. И хотя сами авторы не говорили о возможности применения указанной особенности функциональной фиксированности в контексте обращения с ней, эта идея также может быть использована в практике снижения функциональной фиксированности: в том случае, если необходимо снизить уровень фиксированности субъекта на какой-либо функции объекта, перед предъявлением этому субъекту основной задачи следует сделать некоторую паузу в обращении с этим предметом.

Однако следует отметить, что сами Адамсон и Тейлор предполагали, что данный эффект не связан со временем как таковым, а скорее объясняется ретроактивным торможением функциональной фиксированности: активность, в которую был вовлечен субъект в период между первичным использованием предмета и началом выполнения основной задачи, мешала сохранению образовавшихся ассоциаций. Это могло позитивно сказаться на эффективности его/ее творческой деятельности.

Данное предположение во многом согласуется с теорией «забывания фиксации» (forgetting fixation theory), предложенной С. Смитом (Smith, 1994). В основе этой теории лежит представление о том, что функциональная фиксированность связана с неадекватно применяемым знанием об объекте в рамках конкретной ситуации. В том же случае, если когнитивные блоки, основанные на знании о функции этого объекта, становятся менее доступными и забываются, творческое решение можно будет находить более просто. Такой позитивный эффект может быть усилен выполнением различных задач на пере-

ключение (например: переключением между категориями в задачах на генерацию идей – Smith et al., 2017).

Следует отметить, что сам факт возникновения функциональной фиксированности еще не означает, что процесс творческого мышления будет нарушен. В ряде случаев некоторый уровень фиксированности способен оказывать положительное влияние на творческий мыслительный процесс.

Так, Л. Дусинк и Л. Латур (Dusink, Latour, 1996) в своей работе предположили, что существует способ контролирования уровня функциональной фиксированности в рамках решения задач, который позволит, с одной стороны, использовать уже имеющиеся в опыте идеи, а с другой – видоизменять их и делать более универсальными. Для этого они предлагают следующие рекомендации, которые могут повысить эффективность творческой деятельности субъекта:

- оспаривание предположений: при принятии любого решения необходимо разъяснить, почему принимается именно такое решение, откуда оно берется и на что опирается;
- осознание импликаций (make implications clear): перед реализацией конкретного решения следует четко понимать, какие именно факторы влияют на его принятие;
- эксплицирование аналогий: при использовании аналогий крайне важно делать их явными, прояснить их;
- признание важности прошлого опыта: все три предыдущих принципа должны реализовываться в рамках осознания своего опыта как чрезвычайно важного ресурса для успешного решения творческой задачи.

И. Соломон (Solomon, 1994) также продемонстрировала, что в некоторых случаях использование прошлого опыта ведет не к затруднениям в решениях задач, а, наоборот, способствует продуцированию новых идей. Она заметила, что если субъект использует примеры из прошлого, опираясь на осознание их глубинной структуры, а не на поверхностные признаки, то это может привести к росту эффективности решения творческой задачи. Возможное позитивное влияние прошлого опыта решения задачи на продуцирование идей в условиях последующих попыток ее решения обсуждалось также в рамках «гипотезы оппортунистической асимиляции», предложенной Сейферт с соавт. (Seifert et al., 1995). Согласно этой модели, безуспешные попытки решения задачи оставляют след в памяти субъекта. Этот след может позволить более эффективно продолжить решение задачи при появлении новых релевантных стимулов.

Большинство перечисленных способов ослабления функциональной фиксированности имеют одно важное сходство: они опираются на представление об этом феномене как о неосознаваемом процессе, сужающем область восприятия объекта и препятствующем рассмотрению всех сторон и связей объекта. Это ограничивает проявление творческого потенциала субъекта во взаимодействии с ним. Образ объекта становится более бедным и простым, содержащим меньшее количество ассоциативных элементов, которое не может предоставить достаточного материала для высокой дивергентности мышления

при решении задач или генерировании идей, связанных с этим объектом. Роль уровня сложности воспринимаемого объекта в дивергентном мышлении отмечалась в целом ряде работ (например: Jamieson, 1974; Kharkhurin, Yagolkovskiy, 2019). Поэтому особую важность для снижения выраженности функциональной фиксированности и повышения эффективности творческого мышления приобретает «расширение поля» восприятия объекта или проблемной ситуации, позволяющее сформировать их более полный и сложный образ. Эффективным способом ослабления функциональной фиксированности может стать расширение ассоциативного базиса: привлечение к выполнению творческого задания сразу нескольких человек, уделение более пристального внимания конкретным дополнительным свойствам целевого предмета, разложение его образа на составляющие, переключение на другие задачи и пр. Все эти меры способствуют «обогащению» ассоциативного пространства и повышению эффективности мыслительного процесса через увеличение числа направлений, в которых оно может осуществляться. Это может приводить к повышению уровня дивергентности творческого мышления и выводу его за пределы «линейной» траектории, ограничивающей реализацию творческого потенциала человека (Acar, Runco, 2019).

В представленной статье были описаны и кратко проанализированы основные методы снижения и нейтрализации функциональной фиксированности. Некоторые из них основываются на общих рекомендациях к реализации творческого процесса, другие ориентированы на предъявление субъекту конкретных инструкций. Общей чертой большинства проанализированных в этой работе способов преодоления функциональной фиксированности является их акцент на обогащении и расширении различными способами ассоциативного пространства, служащего источником идей и нестандартных решений в рамках творческой деятельности субъекта.

Следует отметить, что в настоящее время в научной литературе по этой тематике проявляется тенденция к выделению и анализу отдельных компонентов и аспектов функциональной фиксированности. Это может привести к возникновению в ближайшем будущем более таргетированных и эффективных методов ее ослабления, что позволит повысить продуктивность творческой деятельности субъекта.

Литература

Медведев, Б. П., Яголковский, С. Р. (2020). Функциональная фиксированность и ее роль в снижении продуктивности творческого мышления. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 17(3), 414–427.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References* после англоязычного блока.

Яголковский Сергей Ростиславович — старший научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук, доцент. Сфера научных интересов: креативность, групповое творчество, методы стимуляции креативности.

Контакты: syagolkovsky@hse.ru

Медведев Богдан Павлович — аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Сфера научных интересов: креативность, персонология, психология сознания.

Контакты: bmedvedev@hse.ru

Psychological Methods to Loosen Functional Fixedness

S.R. Yagolkovskiy^a, B.P. Medvedev^a

^a HSE University, 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation

Abstract

This is the second part of research on functional fixedness, a phenomenon of inhibition of creative thinking. Numerous methods to loosen functional fixedness are analyzed. The core principle of these methods is the enrichment of associative space serving as a source for creative ideas and solutions. Some ways to loosen functional fixedness are based on theories and methods presented in scientific literature (e.g., forgetting fixation theory (Smith, 1994), opportunistic assimilation hypothesis (Seifert et al., 1994), etc.). Methods aimed at reducing functional fixedness differ from each other by the degree of generalization. Some of them are based on general recommendation of how to improve creative thinking, other methods are more specific providing detailed instruction what to do. Different parameters of these instructions and ways of their presentation are analyzed. We also examine the role of categorization, past experience, and switching to another activity as factors affecting functional fixedness. Additionally, other approaches are considered, which based on the assumption that this phenomenon is not an unambiguous antagonist of creative thinking, but can help to increase its effectiveness. It takes place if a subject is aware of the influence of past experience on creative thinking and deeply understands the structure of the problem to be solved. In research on functional fixedness, there is a tendency to identify and examine its specific components. This can lead to the development of new targeted methods to loosen functional fixedness.

Keywords: functional fixedness, creative thinking, problem-solving set, divergent thinking.

References

- Acar, S., & Runco, M. A. (2019). Divergent thinking: New methods, recent research, and extended theory. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, 13(2), 153–158. <https://doi.org/10.1037/aca0000231>
- Adamson, R. E. (1952). Functional fixedness as related to problem solving: a repetition of three experiments. *Journal of Experimental Psychology*, 44(4), 288–291. <https://doi.org/10.1037/h0062487>
- Adamson, R. E., & Taylor, D. W. (1954). Functional fixedness as related to elapsed time and to set. *Journal of Experimental Psychology*, 47(2), 122–126. <https://doi.org/10.1037/h0057297>
- Arnon, R., & Kreitler, S. (1984). Effects of meaning training on overcoming functional fixedness. *Current Psychology*, 3(4), 11–24. <https://doi.org/10.1007/BF02686553>
- Carnevale, P. J., & Probst, T. M. (1998). Social values and social conflict in creative problem solving and categorization. *Journal of Personality and Social Psychology*, 74(5), 1300–1309. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.74.5.1300>

- Chi, M. T. H., Feltovich, P. J., & Glaser, R. (1981). Categorization and representation of physics problems by experts and novices. *Cognitive Science*, 5(2), 121–152. https://doi.org/10.1207/s15516709cog0502_2
- Chrysikou, E. G. (2006). When shoes become hammers: Goal-derived categorization training enhances problem-solving performance. *Journal of Experimental Psychology: Learning Memory and Cognition*, 32(4), 935–942. <https://doi.org/10.1037/0278-7393.32.4.935>
- Chrysikou, E. G., Motyka, K., Nigro, C., Yang, S.-I., & Thompson-Schill, S. L. (2016). Functional fixedness in creative thinking tasks depends on stimulus modality. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, 10(4), 425–435. <https://doi.org/10.1037/aca0000050>
- Chrysikou, E. G., & Weisberg, R. W. (2005). Following the wrong footsteps: fixation effects of pictorial examples in a design problem-solving task. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 31(5), 1134–1148. <https://doi.org/10.1037/0278-7393.31.5.1134>
- Coskun, H., Paulus, P., Brown, V., & Sherwood, J. (2000). Cognitive stimulation and problem presentation in idea generation groups. *Group Dynamics: Theory, Research, and Practice*, 4(4), 307–329. <https://doi.org/10.1037/1089-2699.4.4.307>
- Duncker, K. (1945). On problem-solving. *Psychological Monographs*, 58(5), 1–113. <https://doi.org/10.1037/h0093599>
- Dusink, L., & Latour, L. (1996). Controlling functional fixedness: the essence of successful reuse. *Knowledge-Based Systems*, 9(2), 137–143. [https://doi.org/10.1016/0950-7051\(95\)01025-4](https://doi.org/10.1016/0950-7051(95)01025-4)
- Frank, M. C., & Ramscar, M. (2003). How do presentation and context influence representation for functional fixedness tasks? *Proceedings of the Annual Meeting of the Cognitive Science Society*, 25, 1345. <https://escholarship.org/uc/item/1tq4b850>
- Glaser, W. R., & Glaser, M. O. (1989). Context effects in stroop-like word and picture processing. *Journal of Experimental Psychology: General*, 118(1), 13–42. <https://doi.org/10.1037/0096-3445.118.1.13>
- Glucksberg, S. (1962). The influence of strength of drive on functional fixedness and perceptual recognition. *Journal of Experimental Psychology*, 63(1), 36–41. <https://doi.org/10.1037/h0044683>
- Glucksberg, S., & Danks, J. H. (1967). Functional fixedness: Stimulus equivalence mediated by semantic-acoustic similarity. *Journal of Experimental Psychology*, 74(3), 400–405. <https://doi.org/10.1037/h0024724>
- Glucksberg, S., & Weisberg, R. W. (1966). Verbal behavior and problem solving: Some effects of labeling in a functional fixedness problem. *Journal of Experimental Psychology*, 71(5), 659–664. <https://doi.org/10.1037/h0023118>
- Jamieson, S. E. (1974). *An examination of preference for complexity and its relation to creativity* (Doctoral dissertation, Durham University).
- Kearsley, G. P. (1975). Problem-solving set and functional fixedness: A contextual dependency hypothesis. *Canadian Psychological Review/Psychologie canadienne*, 16(4), 261–268. <https://doi.org/10.1037/h0081813>
- Kharkhurin, A. V., & Yagolkovskiy, S. R. (2019). Preference for complexity and asymmetry contributes to elaboration in divergent thinking. *Creativity Research Journal*, 31(3), 342–348. <https://doi.org/10.1080/10400419.2019.1641687>
- LeFevre, J. A., & Dixon, P. (1986). Do written instructions need examples? *Cognition and Instruction*, 3(1), 1–30. https://doi.org/10.1207/s1532690xci0301_1

- Lu, J. G., Akinola, M., & Mason, M. F. (2017). "Switching On" creativity: Task switching can increase creativity by reducing cognitive fixation. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 139, 63–75. <https://doi.org/10.1016/j.obhdp.2017.01.005>
- Maltzman, I., Brooks, L. O., Bogartz, W., & Summers, S. S. (1958). The facilitation of problem solving by prior exposure to uncommon responses. *Journal of Experimental Psychology*, 56(5), 399–406. <https://doi.org/10.1037/h0046758>
- McCaffrey, A. J. (2012). *The obscure features hypothesis for innovation: One key to improving performance in insight problems* (Doctoral dissertation, University of Massachusetts Amherst).
- Medvedev, B., & Yagolkovskiy, S. (2020). Functional fixedness and Its role in reducing productivity of creative thinking. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 17(3), 414–427. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2020-3-414-427> (in Russian)
- Munoz-Rubke, F., Olson, D., Will, R., & James, K. H. (2018). Functional fixedness in tool use: Learning modality, limitations and individual differences. *Acta Psychologica*, 190, 11–26. <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2018.06.006>
- Ohlsson, S. (1992). Information processing explanations of insight and related phenomena. In M. T. Keane & K. J. Gilhooly (Eds.), *Advances in the psychology of thinking* (pp. 1–44). London: Harvester Wheatsheaf.
- Pirolli, P. L., & Anderson, J. R. (1985). The role of practice in fact retrieval. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 11(1), 136–153. <https://doi.org/10.1037/0278-7393.11.1.136>
- Saffran, E. M., Coslett, H. B., Martin, N., & Boronat, C. (2003). Access to knowledge from pictures but not words in a patient with progressive fluent aphasia. *Language and Cognitive Processes*, 18(5–6), 725–757. <https://doi.org/10.1080/01690960344000107>
- Saugstad, P., & Raaheim, K. (1957). Problem solving and availability of functions. *Acta Psychologica*, 13(1), 263–278. [https://doi.org/10.1016/0001-6918\(57\)90026-4](https://doi.org/10.1016/0001-6918(57)90026-4)
- Saugstad, P., & Raaheim, K. (1960). Problem solving, past experience and availability of functions. *British Journal of Psychology*, 51(2), 97–104. <https://doi.org/10.1111/j.2044-8295.1960.tb00730.x>
- Seifert, C. M., Meyer, D. E., Davidson, N., Patalano, A. L., & Yaniv, I. (1995). Demystification of cognitive insight: Opportunistic assimilation and the prepared-mind perspective. In R. J. Sternberg & J. E. Davidson (Eds.), *The nature of insight* (pp. 65–124). Cambridge, MA: MIT Press.
- Smith, S. M. (1994). Getting into and out of mental ruts: a theory of fixation, incubation, and insight. In R. J. Sternberg & J. Davidson (Eds.), *The nature of insight* (pp. 229–251). Cambridge, MA: MIT Press.
- Smith, S. M., Gerkens, D. R., & Angello, G. (2017). Alternating incubation effects in the generation of category exemplars. *Journal of Creative Behavior*, 51(2), 95–106. <https://doi.org/10.1002/jocb.88>
- Solomon, I. (1994). Analogical transfer and "functional fixedness" in the science classroom. *The Journal of Educational Research*, 87(6), 371–377. <https://doi.org/10.1080/00220671.1994.9941268>
- Sternberg, R. J. (1996). *Cognitive psychology*. Orlando, FL: Harcourt-Brace.
- Voiskounsky, A. E., Yermolova, T., Yagolkovskiy, S. R., & Chromova, V. M. (2017). Creativity in online gaming: individual and dyadic performance in Minecraft. *Psychology in Russia: State of the Art*, 10(4), 144–161. <https://doi.org/10.11621/pir.2017.0413>
- Yagolkovskiy, S. R., & Medvedev, B. P. (2020). Enhancement of creativity: semantic priming through naming objects loosens functional fixedness within idea generation. *The Journal of Creative Behavior*, 54(4), 1013–1020. <https://doi.org/10.1002/jocb.422>

Sergey R. Yagolkovskiy — Senior Research Fellow, HSE University, PhD in Psychology, Associate Professor.

Research Area: creativity, group creativity, methods of stimulating creativity.
E-mail: syagolkovsky@hse.ru

Bogdan P. Medvedev — PhD student, HSE University.

Research Area: creativity, personology, psychology of consciousness.
E-mail: bmedvedev@hse.ru

Правила подачи статей и подписки можно найти на сайте журнала:
<http://psy-journal.hse.ru>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-66610 от 08 августа 2016 г. зарегистрировано Федеральной
службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР).

Адрес издателя и распространителя
Фактический: 117418, Москва, ул. Профсоюзная, 33, к. 4,
Издательский дом НИУ ВШЭ
Тел. +7(495) 772-95-90 доб. 15298
Почтовый: 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20
Тел. +7(495) 772-95-90, E-mail: id.hse@mail.ru

Формат 70x100/16. Тираж 250 экз. Печ. л. 14.5